

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2021

6

СЕНТЯБРЬ–ОКТАБРЬ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),
“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),
“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

академик РАН В.В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, член-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
А.К. АЛИКБЕРОВ, д.и.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.
Байрам БАЛДЖИ, доктор (Франция)
Н.Н. БЕКТИМИРОВА, д.и.н., проф.
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)
Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)

Н.Н. КРАДИН, член-корр. РАН
А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
Ли ЮНЦЮАНЬ, проф. (Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Ильбер ОРТАЙЛЫ, почетный
проф. (Турция)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н., проф.
А.В. СМИРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ, проф.

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. главного редактора

Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,

Т.А. АНИКЕЕВА,
отдел культурологии

Е.М. БЕРЗОН
отдел истории

Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и политологии

Н.В. БУСЫГИН
редактор

МОСКВА

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

От главного редактора

**Ранние скифы и древний Восток
(к 90-летию со дня рождения М.Н. Погребовой)**

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
Ю.Б. ПОЛИДОВИЧ	7	Костяная втулка с арамейскими буквами из могильника Сакар-Чага 3 и проблема контактов центральноазиатских кочевников с цивилизациями Передней Азии
С.Б. ВАЛЬЧАК	19	Культурно-хозяйственный тип и археологический облик киммерийцев (краткий историко-графический обзор)
В.А. ПОДОБЕД,
М.Н. ДАРАГАН	38	О «скифском» акинаке из Русахинили перед горой Эйдуру
С.В. МАХОРТЫХ,
Н.С. КОТОВА	54	«Киммеро-скифские» древности из Центральной Анатолии
В.Е. МАСЛОВ,
В.Г. ПЕТРЕНКО	78	Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II
Т.В. РЯБКОВА	90	Малоеазийские предметы в раннескифских памятниках Закубанья
В.Р. ЭРЛИХ	102	Шлем эпохи архаики из Краснодарского музея. К проблеме атрибуции

Эллинистический Восток

И.Н. КОРОВЧИНСКИЙ,
Н.А. МАККАВЕЕВ	118	Типы эллинистических военных поселений в царских письмах
В.А. ДМИТРИЕВ	131	Аравийские кампании Ардашира Папакана

Международные отношения

И.А. ЗАХАРОВ,
Р.В. ДМИТРИЕВ	143	Африканский фокус глобальной санкционной политики: исторические этапы
Т.А. КАРАСОВА	157	Приоритеты и возможная стратегия администрации Дж. Байдена в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта

Россия и Восток

Н.С. ИЩЕНКО	168	Открытие российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект
И.Р. ХАМЗИН	179	К вопросу о торговле российской текстильной продукцией в Китае во второй половине XIX – начале XX вв.
А.З. АРАБАДЖЯН,
Е.В. ДУНАЕВА,
Н.М. МАМЕДОВА	191	Советско-иранский договор 1921 года и его значение для отношений двух стран

Вопросы теории

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ	203	Современный экономический рост в развивающихся странах: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия

Культура и социум

С.Е. СИДОРОВА	213	Падение княжеского дома Бхосле:
трехчастная драма в письмах
А.В. АФОНАСЬЕВА	225	Диаспоральная политика КНР в эпоху Дэн Сяопина
(1977–1992 гг.)
А.В. КРЫЛОВ,
Н.М. СОРОКИНА	237	Эволюция движения «Бойкот, изоляция, санкции»
(ДБИС)

Культура и письменность

Д.М. ТИМОХИН	250	Обзор арабо-персидских источников домонгольского
периода по истории государства кара-китаев:
особенности структуры и содержания |
|--------------|-----|---|

Публикации

А.В. САРАБЬЕВ	262	Отрывок из «Дивана» аль-Макзуна ас-Синджари
(нач. XIII в.) |
|---------------|-----|---|

РЕЦЕНЗИИ

А.И. ЯКОВЛЕВ	272	[Рец. на:] <i>Ближний Восток: политика и идентичность</i> .
Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект-Пресс, 2020, 336 с.
ISBN 978-5-7567-1120-2 |
|--------------|-----|--|

На обложке: Железный топорик из Келермесского кургана № 1 (Прикубанье, VII в. до н.э.)
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (фото В.С. Терехина)

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

Адрес редакции:

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

E-mail: vostokauct@gmail.com; www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала
«Восток/Oriens», 2021

C O N T E N T S

Letter from the Editor-in-Chief

ARTICLES

Archil S. BALAKHVANTSEV	7	Bone Sleeve with Aramaic Letters from the Sakar-Chaga 3 Burial Ground and the Problem of Contacts of Central Asian Nomads with the Civilizations of Western Asia
Sergey B. VALCHAK	19	Cultural and Economic Type and Archaeological Appearance of the Cimmerians (a Brief Historiographical Review).
Vyacheslav A. PODOBED, Marina N. DARAGAN	38	About the “Scythian” Akinak from Rusahinili in Front of Mount Eiduru
Sergey V. MAKHORTYKH, Nadia S. KOTOVA	54	“Cimmero-Scythian” Antiquities from Central Anatolia
Vladimir E. MASLOV, Vladimira G. PETRENKO	78	Details of Headdresses and Diadems from Novozavedennoe-II Barrow Cemetery
Tatyana V. RYABKOVA	90	The Imports from Asia Minor in the Early Scythian Monuments in the Kuban Region of the North Caucasus
Vladimir R. ERLIKH	102	A Helmet of the Archaic Period from the Krasnodar Museum – Problems of Attribution
Ivan N. KOROVCHINSKIY, Nikolai A. MAKKAVEEV	118	Types of Hellenistic Military Settlements in Royal Letters
Vladimir A. DMITRIEV	131	The Arabian Campaigns of Ardashir Pabagan
Ivan A. ZAKHAROV, Ruslan V. DMITRIEV	143	African Focus of the Global Sanctions Policy: Historical Stages
Tatiana A. KARASOVA	157	Priorities and Potential Strategies of J. Biden’s Administration for Palestinian-Israeli Conflict Settlement
Nikita S. ISHCENKO	168	Opening of the Russian Consulate General in Khorasan in 1889. The Afghan Aspect
Ildar R. HAMZIN	179	On the Issue of Russian Textile Products Trade in China in the Second Half of the 19 th – 20 th Centuries
Zaven A. ARABADZHYAN, Elena V. DUNAEVA, Nina M. MAMEDOVA	191	The Soviet-Iranian Treaty of 1921: History and Modernity (to the Centenary of Conclusion)
Vitalii A. MELIANTSEV	203	Modern Economic Growth of Developing Countries: the Most Important Trends, Proportions, Factors and Social Consequences
Svetlana E. SIDOROVA	213	The Fall of the Princely House of Bhosle: a Three-part Drama in Letters
Alina V. AFONASEVA	225	Overseas Chinese Policy of the PRC in the Era of Deng Xiaoping (1977–1992)

Alexander V. KRYLOV,
Nadezda M. SOROKINA	237	Evolution of the International Movement Boycott,
Divestment and Sanctions – BDS
Dmitry M. TIMOKHIN	250	Review of the Pre-Mongol Arab-Persian Sources
on the History of the Qara Khitai State: Features
of the Structure and Content
Aleksei V. SARABIEV	262	Extract from the “Diwan” of al-Makzoun al-Sinjari
(Beginning of the 13 th Century)

BOOK REVIEWS

Alexander I. YAKOVLEV	272	[Review of:] <i>The Middle East: Politics and Identity</i> .
Ed. by I.D. Zvyagelskaya. Moscow: “Aspect-Press”, 2020.
336 p. ISBN 978-5-7567-1120-2 |
|-----------------------|-----|--|

On the cover: Iron hatchet from the Kelermes mound no. 1 (the Kuban region, 7th century BC)
© The State Hermitage Museum, St. Petersburg, (photo by V.S. Terebenin)

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:

12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation

E-mail: vostokauct@gmail.com

www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Исполнилось 80 лет нашему коллеге и товарищу, выдающемуся отечественному востоковеду, Ученому в большой буквы, руководителю Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, доктору исторических наук, профессору Вячеславу Яковлевичу Белокреницкому.

Наверное, никто из нас не сделал больше для нашей любимой науки в эти последние трудные годы реформ и испытаний, чем он. Проработав практически всю свою жизнь в Институте востоковедения, Вячеслав Яковлевич стал, в узком плане, лидером школы российских пакистановедов, а в широком – универсальным специалистом по истории стран Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии, экономике, демографии и политическим проблемам Востока.

Мне довелось близко познакомиться с В.Я. в то давнее время, когда я был еще заместителем директора Института. Оценив его огромный научный потенциал, организаторские таланты, высокие человеческие качества, надежность и принципиальность, умение работать в команде, готовность подставить плечо коллегам и друзьям, способность терпеливо «разруливать» трудные ситуации, в которых нередко оказываются те, кому приходится заниматься административной работой, я, став директором Института, понял, что лучшей кандидатуры на пост своего основного заместителя по науке мне не найти. И не было ни одной минуты, когда бы мне пришлось пожалеть об этом выборе.

И сегодня В.Я. активно участвует в работе управляющих структур Института, является членом многочисленных советов на общегосударственном уровне, где его труд всегда также вызывает глубокое уважение коллег, но – увы! – не всегда оценивается по достоинству. Наверное, мешают врожденные скромность и такт этого человека, настоящего русского интеллигента, не придающего большого значения внешним признакам успеха. Но его главная награда – непоколебимый авторитет и неизменное уважение коллег. Ими много и хорошо сказано о ценности его научных трудов. Среди нас не так много ученых, труды которых переводятся на иностранные языки и издаются в тех странах, которые они изучают. В.Я. принадлежит к их числу.

Трудно в нескольких журнальных параграфах отразить весь масштаб личности этого человека. Но я очень хотел, чтобы они хотя бы частично отразили тот вклад, который внес и продолжает вносить Вячеслав Яковлевич в нашу профессиональную жизнь, помогая делать работу коллег в нашем замечательном коллективе комфортной и приносящей удовлетворение (как минимум, моральное, но лучше, когда не только).

Желаю Вам, дорогой Вячеслав Яковлевич, от себя лично и коллектива журнала «Восток – ORIENS» доброго здоровья, счастья, новых научных свершений и всяческих благ! Наши искренние поздравления Вашим близким!

С Т А Т Ь И

РАННИЕ СКИФЫ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Н. ПОГРЕБОВОЙ)

DOI: 10.31857/S086919080017957-9

КОСТЯНАЯ ВТУЛКА С АРАМЕЙСКИМИ БУКВАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА
САКАР-ЧАГА 3 И ПРОБЛЕМА КОНТАКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
НОМАДОВ С ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2021

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^а, Ю.Б. ПОЛИДОВИЧ ^б

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^б – независимый исследователь, г. Киев, Украина
ORCID: 0000-0003-0113-6746; yurkop@ukr.net

Резюме: После раскопок выдающегося памятника ранних кочевников Тувы кургана Аржан-2, основное погребение которого датируется второй половиной VII в. до н.э., перед исследователями не мог не встать вопрос о том, какое влияние оказали на его создателей цивилизации Ближнего Востока. Для того, чтобы определить основной круг контактов Аржана-2, следует суммировать все факты, которые могут свидетельствовать о существовании подобных связей. Присутствие в кургане плодов кориандра, а также ювелирных изделий, орнаментированных зернью и эмалью, выполненной в технике настоящего клуазонне, доказывает, что связи Аржана-2 в юго-западном направлении достигали, как минимум, Западного Ирана.

Влиянию культурных традиций Передней Азии на материальный комплекс кургана Аржан-2 способствовали саки Приаралья. Находка в могильнике Сакар-чага 3 костяной втулки с изображением двух противостоящих друг другу кабанов, ближайшие аналогии которым встречаются в курганах Аржан-1 и Аржан-2, и арамейских букв *йод*, *хе* и *вав*, относящихся к последней четверти VIII–VII в. до н.э., позволяет утверждать, что саки Приаралья проникали до гор Загроса и озера Урмия, скорее всего, до Маннейского царства, в котором была в ходу арамейская письменность, а также известны ювелирные изделия, украшенные зернью и клуазонне (клад из Зивие). Однако эти походы могли совершаться только до образования Мидийской державы в конце 670-ых гг. до н.э., которая полностью перекрыла все подступы к Манне с востока. Саки Приаралья стали тем передаточным звеном, благодаря которому растения, изделия и технологии, рождённые в среде оседло-земледельческого населения Месопотамии и Западного Ирана, распространились в Центральный и Восточный Казахстан, Туву и даже Синьцзян.

Ключевые слова: ранние кочевники, Сакар-чага 3, Аржан-2, Ассирия, Манна, Мидия.

Для цитирования: Балахванцев А.С., Полидович Ю.Б. Костяная втулка с арамейскими буквами из могильника Сакар-чага 3 и проблема контактов центральноазиатских номадов с цивилизациями Передней Азии. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017957-9

BONE SLEEVE WITH ARAMAIC LETTERS FROM THE SAKAR-CHAGA 3 BURIAL GROUND AND THE PROBLEM OF CONTACTS OF CENTRAL ASIAN NOMADS WITH THE CIVILIZATIONS OF WESTERN ASIA

© 2021

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a, Yurii B. POLIDOVYCH ^b

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com
Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^b – independent researcher, Kiev, Ukraine
ORCID: 0000-0003-0113-6746; yurkop@ukr.net

Abstract: After excavations of the mound Arzhan-2, the main burial of which dates back to the second half of the 7th century BC, the scholars raised the question of the contacts of its creators with the civilizations of the Near East. In order to determine the main circle of contacts of Arzhan-2 in the Near East, it is necessary to summarize all the facts that may indicate the existence of such ties. The presence of coriander in the burial mound, as well as jewelry decorated with grain and enamel, made using the true cloisonne technique, proves that the connections of Arzhan-2 in the southwestern direction reached at least Western Iran.

The influence of the cultural traditions of Western Asia on the material complex of the Arzhan-2 mound was facilitated by the Sakas of the Aral Sea region. The discovery in the Sakar-chaga 3 burial ground bone sleeve with the image of two opposing wild boars, the closest analogies of which are found in the Arzhan-1 and Arzhan-2 mounds, and the Aramaic letters *yod*, *he* and *waw*, belonging to the last quarter of the 8th – 7th centuries BC, allows us to assert that the Sakas penetrated as far as the state of Mannea, in which the Aramaic script was used, and jewelry decorated with grain and cloisonne (a treasure from Ziwiye) are also known. Moreover, these campaigns could be made only before the formation of the Median kingdom at the end of the 670s BC.

Keywords: early nomads, Sakar-chaga 3, Arzhan-2, Assyria, Mannea, Media

For citation: Balakhvantsev A.S., Polidovych Y.B. Bone Sleeve with Aramaic Letters from the Sakar-Chaga 3 Burial Ground and the Problem of Contacts of Central Asian Nomads with the Civilizations of Western Asia. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017957-9

После раскопок выдающегося памятника ранних кочевников Тувы кургана Аржан-2, основное погребение которого датируется второй половиной VII в. до н.э. [Чугунов и др., 2017, с. 179], перед исследователями не мог не встать вопрос о контактах его создателей¹ с цивилизациями Ближнего Востока. Так, К.В. Чугунов выдвинул предположение, что на искусство Аржана-2 повлияла культура Бактрии и Маргианы эпохи бронзы, а также гене-

¹ Следует заметить, что хотя Аржан-2 принадлежит к скифской культурно-исторической общности, оставшее его население в этническом отношении не имело со скифами ничего общего [Балахванцев, 2013, с. 353].

тически связанная с ними культура архаического Хорезма [Чугунов, 2016, с. 243]. Однако при этом остаётся совершенно неясным, где на протяжении почти пятисот лет, прошедших между исчезновением Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) и формированием культуры ранних номадов, могли сохраняться традиции ювелиров и торговцев II тыс. до н.э. [Чугунов, 2016, с. 246].

Г. Парцингер считал, что сеть связей Аржана-2 идёт в юго-западном направлении до дельты Сырдарьи, отчётливо проявляясь в некоторых элементах стиля украшений, предметах декора, применении железа для парадного оружия, элементах конской сбруи, остатках привезённых издалека растений. Вместе с этим он затруднялся указать, с какими цивилизациями Передней Азии мог контактировать Аржан-2, и даже сделал парадоксальный – в свете приведённого в коллективной монографии материала – вывод об определённой изолированности памятника и отсутствии на него ощутимых влияний извне [Чугунов и др., 2017, с. 314, 316, 319–320]. Е.В. Переводчикова, напротив, предполагала наличие контактов центральноазиатских кочевников с переднеазиатской традицией, но датировала их ахеменидским временем [Переводчикова, 2020, с. 160, 163 (с предшествующей литературой)].

Для того, чтобы определить основной круг контактов Аржана-2 на Ближнем Востоке, следует суммировать все факты, которые могут свидетельствовать о существовании подобных связей. Начнём с растений. Большинство семян, косточек и клубней, обнаруженных в погребальной камере 5 кургана Аржан-2 (вишня, черемуха, сыть, морковь, просо), принадлежат растениям, распространённым на территории Казахстана и Средней Азии, но ближайшим к Туве регионом произрастания кориандра является Ближний Восток, в частности, Иран [Чугунов и др., 2017, с. 250].

Ювелирные изделия кургана Аржан-2 орнаментировались эмалью, выполненной в технике клуазонне [Чугунов и др., 2017, с. 198, рис. 162, 163, 177, 180]. Следует отметить, что в литературе проводится различие между эмалевыми вставками (*cloisonné inlay*) и настоящим клуазонне (“true” *cloisonné*) [McKeon, 1973, p. 111, not. 15]. В первом случае фрагмент уже изготовленной стеклянной пасты подгоняется под размер каста, после чего закрепляется в ячейке. Суть второго способа состоит в том, что касты заполняются истолчённым в порошок стеклом до верхнего края перегородки, а обжиг производится *in situ* [McKeon, 1973, p. 111, not. 15; Moorey, 1999, p. 214; Балахванцев, Яблонский, 2007, с. 144–145 (с предшествующей литературой)]. Если эмалевые инкрустации появились в Месопотамии ещё в III тыс. до н.э., а затем широко распространились по всему Ближнему Востоку: в Сирии, Египте, Закавказье, Эламе, Западном Иране [Maxwell-Hyslop, 1971, p. 65, 75, 84, 118; McKeon, 1973, p. 111–113; Teeter, 1981], то настоящее клуазонне возникло значительно позднее. Самые ранние примеры его использования зафиксированы на Кипре в XII–XI вв. до н.э. [Åström, 1967, p. 102; Moorey, 1999, p. 215]. Для VIII–VII вв. до н.э. о настоящем клуазонне можно говорить только применительно к изделиям из гробниц ассирийских царей в Нимруде и клада из Зивие (Манна, Северо-Западный Иран) [Moorey, 1998, p. 162; 1999, p. 215; Oates, Oates, 2001, p. 240; Collon, 2010, p. 152; ср. Hussein, 2016, p. 20, 37, 39, 72–73, 77, 83, 92, 118, 123, pl. 15e, 44c, 69a, 72a–b, 75a, 140e, 151a, c, 160e]. Поскольку эмаль Аржана-2 является подлинным клуазонне², то изготовившие её мастера должны были – прямо или опосредовано – познакомиться с ювелирным искусством Ассирии³.

² Мы благодарим за эту крайне ценную информацию наших коллег из Государственного Эрмитажа – Р.С. Минасяна и К.В. Чугунова, работавших с ювелирными изделиями из кургана «вживую».

³ Предположение Е.В. Переводчиковой о китайском происхождении аржанских эмалей [Переводчикова, 2020, с. 161] плохо согласуется с известными фактами: самый ранний пример использования стекла для инкрустации в Китае относится к началу V в. до н.э. [Gan Fuxi, 2009, p. 13, photo 1.5], а настоящее клуазонне появляется только в эпоху Хань [Singer, 1971, p. 28].

Для орнаментации ювелирных изделий из Аржана-2 их создатели активно использовали зернь [Чугунов и др., 2017, с. 197, рис. 165, 168, 177, 178, 180]. На Ближнем Востоке самый ранний пример использования грануляции происходит из гробницы царицы Пуаби в Уре (XXV в. до н.э.). Затем эта техника на протяжении II – первых веков I тыс. до н.э. из Междуречья проникает в Элам, Финикию, Закавказье, Египет, на Кипр и в Западный Иран [Maxwell-Hyslop, 1971, p. 36–37, 70, 75–78, 84, 86, 102, 104, 109, 118, 120, 131, 159, 164, 168, 171, 190, 199–200]. В VIII–VII вв. до н.э. зернь широко используется в ювелирном деле Ассирии и Манны [Maxwell-Hyslop, 1971, p. 207, 244; Hussein, 2016, p. 18–19]. Любимым приёмом ассирийских ювелиров стало украшение изделий треугольниками из зерни [Hussein, 2016, p. 7–8, 14, 15, 20–21, 34–35, 36, 37, 126, pl. 15a, 16a–b, 37b, 38, 44a–b, d, 45b, 70c, 73c, 106a, 140a–d, 144b–c, 151b–c, e]. Аналогичным образом оформлены муфты серёг и ворворка из основного погребения Аржана-2 [Чугунов и др., 2017, рис. 163, 179, 180].

Какие же выводы можно сделать из представленного материала? Несомненно, что связи Аржана-2 в юго-западном направлении достигали, как минимум, Западного Ирана. Кроме того, судя по знакомству ювелиров Тувы с подлинным клуазонне и дате сооружения основного погребения кургана, наиболее вероятно, что эти контакты следует датировать VIII–VII вв. до н.э. Но при каких обстоятельствах культурные традиции Передней Азии смогли повлиять на материальный комплекс кургана Аржан-2? Представляется, что в поисках ответа на этот вопрос нам может помочь анализ одного артефакта, обнаруженного за три тысячи километров от Тувы.

В 1983 г. в ходе раскопок кургана 4 могильника Сакар-чага 3 в Присарыкамьшской дельте Амударьи (современный Туркменистан), возле левой руки скелета 3, составлявшего вместе со скелетом 4 самое раннее парное погребение кургана, была найдена костяная втулка (рис. 1, 2)⁴ с изображением двух противостоящих друг другу кабанов. Втулка, которая, скорее всего, служила игольницей⁵, неоднократно публиковалась и в конечном счёте была – как и все могильники Сакар-чаги – датирована концом VIII–VII вв. до н.э. [Яблонский, 1985; 1986, рис. 3; 1991, с. 88, рис. 1; 2015, рис. 9, I].

К сожалению, находка долгое время была недоступна для исследователей, и об этом интереснейшем артефакте приходилось судить лишь по имеющимся прорисовкам. Только в марте 2020 года благодаря помощи хранителя материалов из Сакар-чаги с.н.с. ГМИНВ С.Б. Болелова⁶ одному из соавторов удалось приступить к работе с вещью «живую».

В верхней части втулки воспроизведены в профиль два кабана, противостоящие друг другу (рис. 3, 4). Изображения контурные, выполненные углублёнными прорезанными линиями. При этом линии контура фигуры кабана, расположенного слева, проточены канавкой шириной 1,0–1,2 мм, тогда как фигура его визави только намечена, а копыта на ногах совсем не обозначены.

Кабаны воспроизведены с низко опущенной головой, прямыми передними ногами и полусогнутыми задними (у кабана слева ноги более выпрямлены, у кабана справа более подогнуты). Голова узкая, морда неестественно удлинённая, горбоносая. Контуром выделен нос-пятячок, нижняя челюсть обозначена одной линией. Клык в виде небольшого острого отростка над носом показан только у кабана слева. Глаз – миндалевидный, торчащее небольшое ухо – овальное. Сразу за ухом начинается массивная холка, возможно, заканчивающаяся в районе плеча острым выступом, лишь намеченным коротким штрихом. У кабана

⁴ Рисунки 1, 3, 5, 6 находятся на цветной вклейке.

⁵ Автор находки считал её завершённой [Яблонский, 1985, с. 343; 1986, 47–49; 1991, с. 73; 2015, с. 109], но для этого она, по нашему мнению, слишком мала.

⁶ Пользуемся удобным случаем, чтобы выразить уважаемому Сергею Борисовичу нашу искреннюю благодарность.

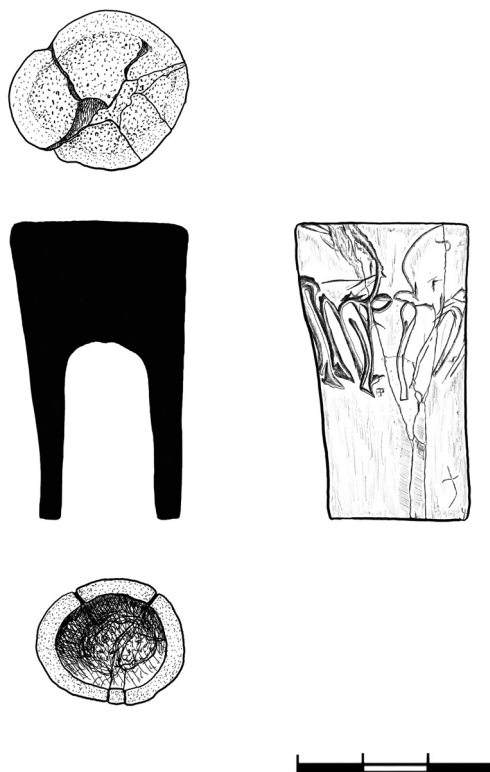

Рис. 2. Аксонометрия и профили.

Fig. 2. Axonometry and profiles.

Рис. 4. Развертка изображения (прорисовка).

Fig. 4. Scanning of the image (drawing).

слева верхняя часть туловища выходит за пределы изделия. У обоих животных изображены все четыре ноги. У кабана слева чётко проработана нижняя часть ног с выступающими суставами и острыми копытами. Верхняя часть задних ног воспроизведена с нарушением пропорций и естественных изгибов (особенно у кабана справа).

Представленная композиция с противостоящими животными типична для скифского зооморфного искусства, а вот стиль изображения по-своему уникален (прежде всего, это касается особенностей воспроизведения удлинённой головы). Наиболее близкой аналогией сакар-чагинским кабанам являются кабаны, воспроизведенные на плитах из кургана Аржан-2 в Туве: на плите № 15/02 из кромлеха животные также изображены противостоящими друг друга, а на плитах из могилы 13 и № 8/02 из кромлеха – одиночными [Чугунов и др., 2017, рис. 114,2; 116,3; 119,4; 125]. Подобные кабаны, имеющие, правда, некоторые стилистические отличия, изображены и на фрагменте оленного камня, происходящего из каменной насыпи кургана Аржан-1 в Туве [Грязнов, 1980, рис. 29,2]⁷.

Для всех упомянутых изображений кабанов характерны такие черты, как воспроизведение всех четырёх стройных ног с острыми треугольными копытами и массивная холка с подтреугольным выступом над плечом, которая, возможно, обозначает выступающий гребень щетины на холке [Канторович, 2001, с. 206–207].

Данные признаки характерны для изображенных на немногочисленных предметах различных копытных животных: в первую очередь, кабанов и оленей, а также козлов, лосей, лошадей и даже верблюдов. Это изображения на бронзовом зеркале из случайных находок в районе р. Бухтарма в Горном Алтае [Грязнов, 1947, рис. 4,11], бронзовой трубке, происходящей из Северо-Восточного Китая [Bunker, 1997, p. 165, no. 70], плитах из кургана Аржан-2 [Чугунов и др., 2017, рис. 113,4; 114; 115,3–4; 116,3; 117,3; 118,4; 119,4; 121; 124; 125], петроглифах из Ур-Марала на Тянь-Шане, Бураты на Алтае, Ортаа-Саргола в Саянах и других мест [Шер, 1980, рис. 31–32, 49; Дэвлет, 1980, рис. 3], фрагменте оленного камня из насыпи Аржана-1 [Грязнов, 1980, рис. 29,2], оленных камнях из Галуут сумын и Дурвулжин ам в Монголии [Волков, 2002, табл. 69,5; 92,1,3], а также других оленных камней типа II по Д.Г. Савинову [Савинов, 1994, с. 75–78].

Исходя из находок изображений рассматриваемого типа на двух ключевых памятниках – курганы Аржан-1 и Аржан-2 – можно сказать, что они бытовали в промежуток времени после возведения кургана Аржана-1, что фиксируется установкой на насыпи оленного камня (нижняя граница), и до сооружения кургана Аржан-2 (верхняя граница). В последнем случае плиты с изображениями животных (петроглифами) были добыты со скального выхода в 2 км к СВ от кургана на склоне невысокого хребта Кара-Орга [Чугунов, 2011(1), с. 264]. Они были положены преимущественно в основание кромлеха, а также использованы в конструкции могилы 13, почти синхронной основной гробнице. Это говорит о том, что изображения были петроглифами, нанесёнными на скалу за некоторое время до начала строительства насыпи кургана Аржан-2 [Чугунов, 2008, с. 61–62].

В тоже время в центральной могиле 5 кургана Аржан-2 найдено золотое украшение головного убора в виде фигуры оленя [Чугунов и др., 2017, табл. 1,1; 33,1], имеющее все главные стилистические признаки рассматриваемой группы: четыре стройные ноги с опущенными копытами, треугольный «горбик» над плечом, особый изгиб шеи и положение головы. К.В. Чугунов отнёс данное изображение к немногочисленной группе II изделий в «зверином стиле» из кургана Аржан-2, которые отличают как инновационные признаки (использование знака в виде запятой, в целом характерного для изделий из данного кургана, и эмали в декоре), так и преемственность с петроглифами предшествующего времени

⁷ Отметим, что на оленном камне из кургана Аржан-1 воспроизведены кабаны двух разных стилистических типов. Одни из них изображены при помощи силуэта, вторые (близкие к сакар-чагинским) – контурного рисунка.

[Чугунов, 2011(2), с. 41, 43, 56]. Не исключено, что изображение оленя в данном случае является ситуативной репликой со стилистического образа предшествующего времени, поскольку в целом комплекс изделий в «зверином стиле» из кургана Аржан-2 относится уже к последующему культурно-хронологическому пласту [Полидович, 2015, с. 222, 224–226].

В выделенном массиве изображений копытных животных сакар-чагинские кабаны занимают особое положение, поскольку их выделяют некоторые стилистические особенности: подтреугольный «горбик» здесь не акцентирован, а только намечен, а копыта не опущены вниз, как у других животных (поза животного «на пуантах»). Является ли это хронологическим или территориальным признаком, или же индивидуальной особенностью мастера, пока сказать трудно.

Кроме изображения кабанов на втулке имеется несколько знаков. Они воспроизводятся на всех опубликованных прорисовках, но лишь однажды [Яблонский, 1986, с. 49] автор находки прямо упомянул об их существовании и сравнил со знаками на знаменитой чаше из кургана Иссык. Работа с оригиналом с использованием электронного микроскопа “Dino-Lite Universal” показала, что знаки были нанесены на втулку мелкими отрывистыми касаниями очень тонким острым предметом, причём менее умелой рукой, чем та, которая исполнила композицию с кабанями. Также выяснилось, что старая прорисовка весьма неточно передавала начертания знаков, три из которых были арамейскими буквами⁸.

Обратимся к группе из двух знаков, расположенной правее и ниже задних ног правого кабана (рис. 4). Первый справа из них (рис. 5) – это буква *йод*. Она многократно встречается как в лапидарных, так и курсивных надписях IX–VII вв. до н.э. [Dupont-Sommer, 1964, p. 116, fig. 3; Naveh, 1970, fig. 1, 2, 1, 6; Herr, 1978, fig. 28; Bordreuil, 1986, № 89, 92, 95, 100, 102, 103, 111; Fitzmyer, 1995, pl. XII–XIII; Lemaire, 1998, p. 17], но в VII в. до н.э. её размеры значительно уменьшаются [Naveh, 1970, p. 10, 20; Herr, 1978, fig. 7; Fales, 1986, p. 126, pl. XIII–XIV; Bordreuil, Briquel-Chatonnet, 1996–1997, fig. 9]. К тому же с VIII в. до н.э. с *йод* начинают происходить серьёзные изменения: наряду со старой появляется новая форма в виде косой наклонной черты с отходящей от неё влево маленькой перекладиной [Naveh, 1970, p. 20, fig. 3; Fales, 1986, p. 126, pl. XIII–XIV; Herr, 1998, p. 59; Kwasman, 2000, fig. 1–3; Radner, 2002, S. 86; Attardo, 2005, p. 668].

Второй знак является буквой *хе* (рис. 5). Подобная форма появляется в последней четверти VIII в. до н.э. [Naveh, 1970, p. 11, fig. 2, 2; Herr, 1978, p. 14, fig. 25; 1998, p. 59, fig. 3] и бытует на протяжении VII–IV вв. до н.э. [Naveh, 1970, p. 19, fig. 2–12; Dupont-Sommer, 1964, p. 116, fig. 3; Fales, 1986, p. 112, pl. XIII–XIV; Lemaire 2001, 31–32, fig. 2a; Fales, Attardo, 2005, p. 663, № 54, 55; Attardo, 2005, p. 668, not. 226; Балахванцев, 2016, с. 19].

Ещё один изолированный знак находится выше рассмотренной только что группы, правее задних ног правого кабана (рис. 6). Он полностью соответствует той форме букве *вав*, которая фиксируется в надписях X–VIII вв. до н.э. [Naveh, 1970, p. 9, fig. 1; Herr, 1978, fig. 5; 1998, p. 59, fig. 3], в частности, на стелах из Сфире [Dupont-Sommer, Starcky, 1958, p. 6, pl. III; Fitzmyer, 1995, pl. XII–XIII], и встречается ещё в VII в. до н.э. [Herr, 1998, p. 59, fig. 3; Fales, 1986, p. 113; Lemaire 2001, fig. 1b, 3d; Attardo, 2005, p. 662, № 51].

Суммированные выше факты позволяют прийти к выводу, что по палеографическим основаниям буквы на втулке из Сакар-чаги 3 следует отнести к последней четверти VIII–VII вв. до н.э., что хорошо согласуется как с датировкой самого памятника, определённой

⁸ Нельзя исключить возможности того, что букв может быть больше. Так, под передними ногами правого кабана, у нижнего края втулки (рис. 2) находится знак, совпадающий по форме с арамейской буквой *тав* IX–VII вв. до н.э. [Naveh, 1970, fig. 1; Herr, 1978, fig. 15; Abou-Assaf et al., 1982, p. 89; Fales, 1986, pl. XIII–XIV] в виде крестового креста. К сожалению, мы не можем быть уверены, изобразил ли резчик именно букву *тав* или знак в виде крестового креста, хорошо известный даже неграмотному.

археологическими методами, так и с хронологическими рамками, внутри которых существовали изображения кабанов подобного типа.

В конце VIII – первой половине VII в. до н.э. восточная граница сферы использования арамейского языка и письменности находилась в Западном Иране. Из государства Манна, располагавшегося в долине реки Джагату, к юго-западу от озера Урмия, происходит большая арамейская надпись конца VIII в. до н.э., обнаруженная в районе Букана [Lemaire, 1998; Fales, 2003]. В созданных в 715 г. до н.э. после завоеваний Саргона II ассирийских провинциях на территории от современной ирано-иракской границы до линии Зенджан – Казвин – Хамадан были размещены депортированные жители Израиля и других областей «страны Хатти» [Дьяконов, 2008, с. 225, 241], являвшиеся носителями арамейской письменной традиции [Балахванцев, 2016, с. 20]. Следовательно, для того, чтобы оказаться в местах, где писали по-арамейски, сакарчагинцы должны были достигнуть, как минимум, гор Загроса и озера Урмия, района, в котором их основным контактом, скорее всего, было Маннейское царство.

Разумеется, речь может идти отнюдь не о поездке нескольких лиц с торговыми целями, а о военном походе. Ещё в 2014 г. один из авторов статьи обратил внимание на то, что в ахеменидскую эпоху в десятый мидийский податный округ входили *ортукорибантии* [Hdt. III. 92]. Этот экзотизм является калькой с древнеперсидского *tigraxaudā* и означает «острошапочные». Они не могли быть никем иными, как частью переселившихся в Мидию саков тиграхауда⁹, или массагетов, которые обитали к востоку от Каспийского моря за рекой Араксом–Узбоем [Hdt. I. 201, 204]. Логично предположить, что это переселение было следствием их походов в Северо-Западный Иран [Балахванцев, 2017, с. 117 (с предшествующей литературой)].

Что можно сказать о датировке этих походов? В VIII – первой трети VII вв. до н.э. Мидия состояла из огромного количества мельчайших раннегосударственных образований, неспособных оказать эффективное сопротивление иноземным захватчикам. Положение изменилось после того, как в результате антиассирийского восстания в конце 70-х гг. VII в. до н.э. [Дьяконов, 2008, с. 276–283; Медведская, 2018, с. 155] возникло полностью перекрывшее все подступы к Манне с востока Мидийское царство, с мощью которого была вынуждена считаться даже Ассирия [Медведская, 2018, с. 158–159]. Естественно прийти к выводу, что наиболее вероятным временем вторжения саков в Северо-Западный Иран был период мидийской раздробленности, когда номады могли в одних случаях прокладывать себе путь силой, а в других – договариваться с местными правителями, используя в своих интересах царившую среди них вражду. Проход же сакской конницы через изрезанную горными хребтами территорию Мидии, которую очень легко оборонять, после появления там сильной центральной власти выглядит крайне маловероятным [ср. Дьяконов, 2008, с. 262–263].

Но как тогда быть с утверждением Геродота [Hdt. I. 103–104, 106] о господстве скифов над Мидией? Среди исследователей существуют различные точки зрения по поводу слов «отца истории»: одни признают важную роль, сыгранную скифами в политической истории всего Ближнего Востока того времени [Дьяконов, 2008, с. 296–299], а другие практически полностью её элиминируют [Медведская, 2018, с. 186, 189, 191 (с предшествующей литературой)]. Представляется, что истина в данном случае находится где-то посередине.

⁹ Предположение о том, что ортокорибантии были пришедшими из-за Кавказа европейскими скифами [Дьяконов, 2008, с. 260–261], не кажется нам удачным. Дело ведь вовсе не в том, что европейские скифы подобно своим азиатским сородичам носили высокие островерхие шапки, а том, что персы применяли аппеллятив *tigraxaudā* только по отношению к одной из групп среднеазиатских саков. О приходе ортокорибантов не с севера, а с востока также свидетельствует проникновение в мидийский, а затем древнеперсидский язык сакского по происхождению топонима *Parθava-*, служившего для обозначения небольшой области на северо-востоке Ирана, находившейся между Мидией и землями саков [Балахванцев, 2017, с. 115, 117].

Скифы – как северокавказские, так и среднеазиатские – могли совершать и даже наверняка совершали набеги на Мидию. Возможно, что в середине – второй половине VII в. до н.э. мидийским царям приходилось откупаться от них подарками и данью, но говорить о господстве скифов над Мидией столь же неверно, как и о власти крымских татар над Московским царством при Иване Грозном.

По нашему мнению, втулка с арамейскими буквами из Сакар-чаги является еще одним доказательством того, что в конце VIII – первой трети VII в. до н.э. саки Приаралья поддерживали контакты с цивилизациями Ближнего Востока, прежде всего, с Манной, в которой не только использовали арамейскую письменность, но и изготавливали ювелирные изделия, украшенные зернью и клуазонне (клад из Зивие)¹⁰. Они стали тем передаточным звеном, благодаря которому растения, изделия и технологии, рождённые в среде оседло-земледельческого населения Месопотамии и Западного Ирана, распространились в Центральный¹¹ и Восточный Казахстан¹², Туву и даже Синьцзян¹³.

И последнее. Доходившие до Манны приаральские саки должны были неизбежно встретиться там с европейскими скифами, чьё присутствие в приурмийском районе в это время подтверждается письменными и археологическими источниками [Дьяконов, 2008, с. 260, 274; Балахванцев, 2016, с. 20–21; Медведская, 2018, с. 155]. Вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии двух родственных групп [Балахванцев, 2017, с. 117, прим. 379] ранних кочевников непременно должен быть рассмотрен в отдельном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе. *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке*. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 352–357 [Balakhvantsev A.S. On the Question of the Time and Circumstances of the Appearance of the Scyths in Southeast Europe. *The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia*. Saint-Petersburg: Nestor-Historia Publishing House, 2013. Pp. 352–357 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы. *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. Ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 15–24 [Balakhvantsev A.S. The Absolute Chronology of Archaic Scythia: Eastern Benchmarks. *Caucasus and Steppes in the Late Bronze – Early Iron Age: Proceedings of the International Conference Dedicated to the Memory of Maria Nikolaevna Pogrebova*. Eds. A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda. Moscow: IOS RAS, 2016. Pp. 15–24 (in Russian)].

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника). *Российская археология*. 2007. № 1. С. 143–149 [Balakhvantsev A.S., Yablonsky L.T. Achaemenid Enamel from Filippovka (the Problem of the Chronology of the Monument). *Russian Archaeology*. 2007. No. 1. Pp. 72–89 (in Russian)].

¹⁰ Важно отметить, что вещи из клада свидетельствуют о высоком уровне развития ювелирного искусства именно в среде маннеев [Дьяконов, 2008, с. 259–260].

¹¹ В относящихся к тасмолинской культуре Центрального Казахстана могильниках Жиланды, Карашоки, Бектауата, Бақыбулаг, Талды-2 присутствуют украшенные зернью конусовидные серьги [Бейсенов, 2018, с. 86–87, рис. 14], абсолютно аналогичные тем, что происходят из Аржана-2.

¹² Золотые изделия, орнаментированные зернью и перегородчатой эмалью, были найдены в кургане 5 могильника Чиликта [Черников, 1965, с. 41].

¹³ В могильнике Янхай (р-н Турфана) на северо-западе Китая обнаружен ламеллярный (чешуйчатый) ассирийский доспех, сделанный из кожи [Wertmann et al., 2021].

Бейсенов А. Элитные курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана. *Золото властелинов казахских степей*. Тэджон: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, 2018. С. 68–99 [Beisenov A. Elite Burial Mounds of the Tasmola Culture of Central Kazakhstan. *Gold of the Rulers of the Kazakh Steppes*. Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea, 2018. Pp. 68–99 (in Russian)].

Волков В.В. *Оленные камни Монголии*. М.: Научный мир, 2002 [Volkov V.V. *Deer Stones of Mongolia*. Moscow: Nauchniy Mir, 2002 (in Russian)].

Грязнов М.П. Памятники майэмйрского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры*. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17 [Gryaznov M.P.

Monuments of the Mayemir Stage of the Era of Early Nomads in Altai. *Brief Papers on the Reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture*. 1947. Issue 18. Pp. 9–17 (in Russian)].

Грязнов М.П. *Аржан: царский курган раннескифского времени*. Л.: Наука, 1980 [Gryaznov M.P. *Arzhan: Royal Mound of the Early Scythian Time*. Leningrad: Nauka, 1980 (in Russian)].

Дьяконов И.М. *История Мидии*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008 [Diakonoff I.M. *History of Media*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, SPbSU, 2008 (in Russian)].

Дэвлет М.А. *Петроглифы Музур-Сагзола*. М.: Наука, 1980 [Devlet M.A. *Petroglyphs of Mugur-Sargol*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Канторович А.Р. Об одном важном мотиве в искусстве скифо-сибирского звериного стиля. *МИФ*. Т.7: На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Apotheosis. София: Нов български университет, 2001. С. 191–218 [Kantorovich A.R. About One Important Motive in the Art of the Scythian-Siberian Animal Style. *MYTH*. Vol. 7: To Academician Dmitry Sergeevich Raevski. Apotheosis. Sofia: New Bulgarian University, 2001. Pp. 191–218 (in Russian)].

Медведская И.Н. История Мидийского царства: VII–VI вв. до н.э. СПб.: Евразия, 2018 [Medvedskaya I.N. History of the Median Kingdom: 7th – 6th centuries BC. Saint-Petersburg: Eurasia, 2018 (in Russian)].

Переводчикова Е. В. О дате кургана Аржан-2. *Археологические вести*. 2020. Вып. 26. С. 159–165 [Perevodchikova E.V. About the Date of the Arzhan-2 Mound. *Archaeological News*. 2020. Issue 26. Pp. 159–165 (in Russian)].

Полидович Ю.Б. Изображения горного козла в сакском искусстве архаичного периода. *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 215–232 [Polidovich Yu.B. Images of a Mountain Goat in the Saka Art of the Archaic Period. *Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying the Ethnosocial and Cultural Processes of Steppe Eurasia*. Ed. A.Z. Beisenov. Almaty: NITsIA “Begazy-Tasmola”, 2015. Pp. 215–232 (in Russian)].

Савинов Д.Г. *Оленные камни в культуре кочевников Евразии*. СПб.: СПбГУ, 1994 [Savinov D.G. *Deer Stones in the Culture of Eurasian Nomads*. Saint-Petersburg: SPbSU, 1994 (in Russian)].

Черников С.С. *Загадка Золотого кургана*. М.: Наука, 1965 [Chernikov S.S. *Mystery of the Golden Mound*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржаномайэмйрского стиля). *Тропой тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет*. Ред. Д.Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69 [Chugunov K.V. Plates with Petroglyphs in the Arzhan-2 Mound Complex (to the Chronology of the Arzhan-Mayemir Style). *The Path of Millennia. For the Anniversary of M.A. Devlet*. Ed. D.G. Savinov. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. Pp. 53–69 (in Russian)].

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. *Российский археологический ежегодник*. 2011(1). № 1. С. 262–335 [Chugunov K.V. Arzhan-2: Reconstruction of the Stages of Functioning of the Funeral-Memorial Complex and Some Questions of its Chronology. *Russian Archaeological Yearbook*. 2011(1). No. 1. Pp. 262–335 (in Russian)].

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. *Европейская Сарматия. Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Шчукину*. СПб: Нестор-История, 2011(2). С. 39–60 [Chugunov K.V. Art of Arzhan-2: Stylistics, Composition, Iconography, Ornamental Motives. *European Sarmatia. Collection Dedicated to Mark Borisovich Shchukin*. Saint-Petersburg: Nestor-Historia Publishing House, 2011(2). Pp. 39–60 (in Russian)].

Чугунов К.В. Торевтика азиатских nomadов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2. *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. Ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 242–247 [Chugunov K.V. Toreutics of Asian Nomads and the Ancient East. One of the Components of Art of Arzhan-2. *Caucasus and Steppes in the Late Bronze – Early Iron Age: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Maria Nikolaevna Pogrebova*. Eds. A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda. Moscow: IOS RAS, 2016. Pp. 242–247 (in Russian)].

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017 [Chugunov K.V., Parzinger G., Nagler A. *The Royal Mound of the Scythian Time Arzhan-2 in Tuva*. Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS, 2017 (in Russian)].

Шер Я.А. *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. М.: Наука, 1980 [Sher Ya.A. Petroglyphs of Central and Inner Asia. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Яблонский Л.Т. Уникальный образец звериного стиля из древнего кургана в Северной Туркмении. *Панорама искусств*. М.: Советский художник, 1985. Вып. 8. С. 238–244 [Yablonsky L.T. A Unique Example of Animal Style from an Ancient Burial Mound in Northern Turkmenistan. *Panorama of the Arts*. Moscow: Sovetskij Hudozhnik, 1985. Issue 8. Pp. 238–244 (in Russian)].

Яблонский Л.Т. К этногенезу населения Северной Туркмении (могильник раннесакского времени Сакар-чага 3). *Советская этнография*. 1986. № 5. С. 45–54 [Yablonsky L.T. On the Ethnogenesis of the Population of Northern Turkmenistan (Burial Ground of the Early Saka Time Sakar-chaga 3). *Soviet Ethnography*. 1986. No. 5. Pp. 45–54 (in Russian)].

Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. *Советская археология*. 1991. № 1. С. 72–89 [Yablonsky L.T. The Problem of the Formation of the Culture of the Saka in the Southern Aral Sea Region. *Soviet Archaeology*. 1991. No. 1. Pp. 72–89 (in Russian)].

Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2015. № 3. С. 101–119 [Yablonsky L.T. Animal Style of the Early Nomads of the Aral Region in the Context of Their Historical Development. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2015. No. 3. Pp. 101–119 (in Russian)].

Abou-Assaf A., Bordreuil P., Millard A.R. *La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne*. Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 1982.

Åström L. *Studies in the Arts and Crafts of the Late Cypriote Bronze Age*. Lund: the Author, 1967.

Attardo E. Paleographical Analysis of the Aramaic Inscriptions. *Tell Shiikh Fawqani: 1994–1998*. Eds. L. Bachelot, F.M. Fales. Padova: S.A.R.G.O.N. Editrice e libreria, 2005. Vol. II. Pp. 667–671.

Bordreuil P. *Catalogue des sceaux ouest-sémitiques inscrits de la Bibliothèque Nationale, du Musée du Louvre et du Musée biblique de Bible et Terre Sainte*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1986.

Bordreuil P., Briquel-Chatonnet F. Aramaic Documents from Til Barsib. *Abr-Nahrain*. 1996–1997. Vol. 34. Pp. 100–107.

Bunker E. *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler collections*. New York: The Arthur M. Sackler Foundation distributed by H.N. Abrams, 1997.

Collon D. Getting It Wrong in Assyria: Some Bracelets from Nimrud. *Iraq*. 2010. Vol. 72. Pp. 149–162.

Dupont-Sommer A. Trois inscriptions araméennes inédites des bronzes du Luristan. Collection de M. Foroughi. *Iranica Antiqua*. 1964. Vol. 4. Pp. 108–118.

Dupont-Sommer A., Starcky J. *Les inscriptions araméennes de Sfiré (stèles I et II)*. Paris: Imprimerie Nationale, 1958.

- Fales F.M. *Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period*. Roma: La Sapienza, 1986.
- Fales F.M. Evidence for West-East Contacts in the 8th Century BC: The Bukan Stele. *Continuity of Empire (?) : Assyria, Media, Persia*. Eds. G.B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger. Padova: S.A.R.G.O.N. Editrice e libreria, 2003. Pp. 131–147.
- Fales F.M., Attardo E. Tablets in Aramaic Alphabetic Script. *Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998*. Eds. L. Bachelot, F.M. Fales. Padova: S.A.R.G.O.N. Editrice e libreria, 2005. Vol. II. Pp. 650–666.
- Fitzmyer J.A. *The Aramaic Inscriptions of Sefire*. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico, 1995.
- Gan Fuxi. Origin and Evolution of Ancient Chinese Glass. *Ancient Glass Research along the Silk Road*. Ed. Gan Fuxi. New Jersey; London et al.: World Scientific Publishing, 2009. Pp. 1–40.
- Herr L.G. *The Scripts of Ancient Northwest Semitic Seals*. Missoula, Montana: Scholars Press, 1978.
- Herr L.G. The Palaeography of West Semitic Stamp Seals. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1998. № 132. Pp. 45–77.
- Hussein M.M. *Nimrud: The Queens' Tombs*. Chicago: The Oriental Institute, 2016.
- Kwasman T. Two Aramaic Legal Documents. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2000. Vol. 63. Pp. 274–283.
- Lemaire A. Une inscription araméenne du VIIIe siècle av. J.-C. trouvée à Bukân (Azerbaïdjan iranien). *Studia Iranica*. 1998. T. 27. Pp. 15–30.
- Lemaire A. *Nouvelles tablettes araméennes*. Genève: Droz, 2001.
- Maxwell-Hyslop K.R. *Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C.* London: Methuen & Co. Ltd., 1971.
- McKeon J.F.X. Achaemenian Cloisonné-Inlay Jewelry: an Important New Example. *Orient and Occident: Essays Presented to Cyrus H. Gordon on the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday*. Ed. H.A. Hoffner, Jr. Neukirchen-Vluyn: Neukirchen Verlag, 1973. Pp. 109–117.
- Moorey P.R.S. Material Aspects of Achaemenid Polychrome Decoration and Jewellery. *Iranica Antiqua*. 1998. Vol. 33. Pp. 155–171.
- Moorey P.R.S. *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1999.
- Naveh J. *The Development of the Aramaic Script*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1970.
- Oates D., Oates J. *Nimrud. An Assyrian Imperial City Revealed*. London: British School of Archaeology in Iraq, 2001.
- Radner K. *Die neuassyrischen texte aus Tall Šēh Hamad*. Berlin: Reimer Verlag, 2002.
- Singer P. *Early Chinese Gold and Silver*. New York: China House Gallery, 1971.
- Teeter E. Enameling in Ancient Egypt? *American Journal of Archaeology*. 1981. Vol. 85 (3). P. 319.
- Wertmann P., Xu D., Elkina I., Vogel R., Yibulayinmu Ma', Tarasov P.E., La Rocca D.J., Wagner M. No borders for innovations: A ca. 2700-year-old Assyrian-Style Leather Scale Armour in Northwest China. *Quaternary International*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2021.11.014>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ПОЛИДОВИЧ Юрий Богданович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Киев, Украина.

Yurii B. POLIDOVYCH, PhD (History), independent researcher, Kiev, Ukraine.

DOI: 10.31857/S086919080017794-0

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТИП И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК КИММЕРИЙЦЕВ (КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

© 2021

С.Б. ВАЛЬЧАК ^{a, b}^a – Институт археологии РАН, Москва, Россия;^b – Российский Государственный социальный университет, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-9573-5928; valchaks@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются различные мнения по «киммерийской проблеме», изложенные в русскоязычной научной литературе XX – начала XXI вв. Особое внимание уделяется историографии вопроса о культурно-хозяйственном типе киммерийцев и подходу различных исследователей к его определению. В качестве особо значимых для понимания эволюции научного знания о киммерийцах выделены точки зрения В.А. Городцова, Е.И. Крупнова, А.А. Иессена, Б.Н. Гракова, Л.А. Ельницкого и А.И. Тереножкина. Среди современных исследователей уделяется внимание гипотезам А.Ю. Алексева и А.И. Иванчика, считающих материальную культуру и время существования киммерийцев и ранних («древних») скифов очень близкими, если не полностью тождественными. Вместе с тем отмечаются гипотезы В.Р. Эрлиха и Т.М. Кузнецовой, которые принципиально отличаются от предыдущих в понимании археологического облика, культурно-хозяйственного типа и хронологии киммерийцев. Автор поддерживает гипотезу Т.М. Кузнецовой о недостаточной аргументированности утверждения о киммерийцах-кочевниках, так же как и гипотезу В.Р. Эрлиха об отождествлении с киммерийцами археологических памятников классического новочеркасского этапа предскифского периода, который отличается своеобразным и массовым комплексом конского снаряжения и вооружения воинов-всадников. В широком хронологическом диапазоне эти памятники могут быть датированы не ранее последней четверти VIII в. до н.э. и, вероятно, не позднее середины VII в. до н.э. Горизонт немногочисленных памятников «жаботинского типа» на юге Восточной Европы, который не имеет местного субстрата, считается принадлежащим ранним скифам не ранее конца первой четверти VII в. до н.э., т.е. еще до начала их походов в Закавказье и страны Передней Азии в VII в. до н.э.

Ключевые слова: Киммерийцы, предскифский период, историография, культурно-хозяйственный тип, археологические памятники, Восточная Европа, Закавказье, Передняя Азия.

Для цитирования: Вальчак С.Б. Культурно-хозяйственный тип и археологический облик киммерийцев (краткий историографический обзор). *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С... DOI: 10.31857/S086919080017794-0

CULTURAL AND ECONOMIC TYPE
AND ARCHAEOLOGICAL APPEARANCE OF THE CIMMERIANS
(A BRIEF HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)

© 2021

Sergey B. VALCHAK^{a, b}^a – Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – Russian State Social University, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0002-9573-5928; valchaks@yandex.ru

Abstract: *The article discusses various opinions related to the solution of the “Cimmerian problem”, set out in the Russian-language scientific literature in the period of the 20th – beginning of the 21st centuries. Special attention is paid to the historiography of the question of the cultural and economic type of the Cimmerians and the approach of various researchers to its definition. The author also considers the question of the material culture of the Cimmerians and the archaeological sites associated with them, their interpretations and various hypotheses proposed at different times by researchers of the archeology of the Early Iron Age, chronological concepts. The author supports the hypothesis of T.M. Kuznetsova about the insufficient argumentation of the statement about the Cimmerians-nomads and the hypothesis of V.R. Erlikh about the identification with the Cimmerians of archaeological sites of the classical Novocherkassk stage of the pre-Scythian period, which is characterized by a peculiar and massive complex of horse equipment and weapons of soldiers-riders. In a wide chronological range, these sites can be dated no earlier than the last quarter of the 8th, and probably no later than the middle of the 7th century BC. The horizon of the few monuments of the “Jabotinsky type” in the south of Eastern Europe, which does not have a local substrate, is considered to belong to the early Scythians no earlier than the end of the first quarter of the 7th century, before the beginning of their campaigns in Transcaucasia, the countries of Near Asia in the 7th century BC.*

Keywords: *Cimmerians, Pre-Scythian period, early Scythians, historiography, cultural and economic type, archaeological sites, Eastern Europe, Transcaucasia, Western Asia.*

For citation: Valchak S.B. Cultural and Economic Type and Archaeological Appearance of the Cimmerians (a Brief Historiographical Review). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. ... DOI: 10.31857/S086919080017794-0

Киммерийцы как один из первых народов, упоминаемых в сочинениях античных авторов, известны всем исследователям эпохи позднего бронзового – начала раннего железного века. Им посвящен огромный пласт исторической и археологической литературы. Тем не менее даже в настоящее время у исследователей не сложилось единого мнения по вопросам о месте изначального проживания, этническом происхождении, типе хозяйства и материальной (археологической) культуре этого народа. Стремление многих исследователей-археологов прошлых лет «привязать» какую-либо археологическую культуру или группу памятников к историческим киммерийцам привело к различным не согласующимся между собой концепциям и созданию «археологических мифов». Мифы эти часто становятся парадигмой и опосредованно влияют на интерпретацию памятников у современных археологов.

Гипотеза об изначальном проживании киммерийцев в Восточной Европе, а именно в Северном Причерноморье, более 100 лет господствует в русскоязычных археологических

статьях и монографиях. Основана эта гипотеза в первую очередь на сведениях наиболее ранних греческих авторов и Геродота.

Геродот описывал связанные с киммерийцами события не менее чем через 250 лет после их появления. Хотя его сообщения и могут отражать некогда существовавшую реальность, каких-либо точных дат в них ожидать, разумеется, не приходится. В связи с этим обстоятельством, следует упомянуть логически точное и справедливое замечание М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского о том, что «приписываемое Геродотом понятию “киммерийцы” содержание оказывается производным от современного ему содержания понятия “скифы”¹», именно это последнее оказывается точкой отсчёта при определении объёма первого» [Погребова, Раевский, 1992, с. 48, 49]. Действительно, все сведения Геродота о киммерийцах и ранних скифах в его время уже были мифологизированы, а приводимые им сведения являются ретроспекцией привычных для его же времени реалий.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ О ПРАРОДИНЕ КИММЕРИЙЦЕВ И ТИПЕ ИХ ХОЗЯЙСТВА

Перечисленные вопросы настолько переплетаются в концепциях различных исследователей, что рассматривать их удобнее не по отдельности, а ориентируясь на воззрения каждого из авторов, которые определялись имеющимися в его время археологическими материалами. При рассмотрении проблемы соотношения письменных и археологических источников о киммерийцах и скифах многие исследователи на протяжении более чем ста лет специально или же вскользь затрагивали вопрос о типе их хозяйства. Вопрос этот весьма важен, поскольку от его решения зачастую зависело отождествление материального комплекса той или иной археологической культуры, или же конкретного памятника с названными древними народами. Традиционно и повсеместно к настоящему времени в археологической литературе доминирует парадигма о киммерийцах и ранних скифах как о кочевых народах (номадах), последовательно проживавших в степной зоне юга Восточной Европы.

Вопрос о хозяйственном типе киммерийцев и его освещении, как в исторических источниках, так и в археологической литературе, подробно рассмотрен Т.М. Кузнецовой, что избавляет меня от комментирования целого ряда древних источников, концепций исследователей и излишних повторений. Исследовательница привела достаточно веских аргументов против кочевнического характера исторических киммерийцев, заметив, что, «к сожалению, не удалось получить точный ответ на вопрос о том, когда в современной историографии зарождается традиция восприятия киммерийцев как кочевников» [Кузнецова, 2007, с. 211]. Мне представляется, что аналитический обзор Т.М. Кузнецовой можно дополнить и, в частности, предложить также варианты ответа на поставленный ею вопрос, ещё раз обратившись к некоторым обобщающим работам российского дореволюционного, советского и современного периодов.

В первой половине XX в. памятники эпохи бронзы и железа, согласно предложенной В.А. Городцовым периодизации древностей (каменный, бронзовый и железный века), были ещё недостаточно исследованы количественно – это был этап накопления сведений об археологических комплексах, что существенно ограничивало возможности исследователей в вопросах культурного определения памятников и построения внутренней, более дробной, периодизации. Памятники собственно скифского времени, относящиеся к эпохе железа, напротив, отделялись от бронзовой эпохи достаточно чётко благодаря своему специфическому и уже понятному исследователям материалу (Мельгуновский курган, курганы

¹ Здесь и далее везде курсив мой. – С.В.

Келермеса и некоторые другие). Следовательно, поиски киммерийских древностей велись среди известных тогда поздних находок бронзового века (как антитеза скифским), которые были выделены В.А. Городцовым в срубную культуру. Прародину киммерийцев В.А. Городцов видел в Средней Азии, «откуда они с незапамятных времён подвинулись в русскую степь и заняли северное побережье Чёрного моря, от устья Кубани до устья Днестра или даже Дуная» [Городцов, 1910, с. 341]. Данная гипотеза появилась в тот период развития археологической науки, когда, как писал В.А. Городцов, «к крайнему сожалению, до настоящего времени, изучением киммерийских памятников серьёзно никто не занимался, и они остаются покрытыми мраком полной неизвестности» [Городцов, 1910, с. 343]. В более позднем исследовании он также считал киммерийцев пришельцами, владевшими «областью между Западной Европой и Кавказом» и, что «главной основой их быта служило скотоводство» [Городцов, 1928, с. 49–53], но не кочевничество, которое не является тождественным ему понятием [Вайнштейн, 1989]. В.А. Городцов считал киммерийскими и некоторые формы различных категорий находок эпохи поздней бронзы, в том числе и бронзовые серпы – безусловный показатель культур оседлого, земледельческого хозяйственного уклада [Городцов, 1928, с. 49–53].

Что касается «киммерийских древностей», то раскопанное Городцовым в 1901 г. погребение с бронзовым уздечным набором в кургане у д. Черногоровки Изюмского уезда Харьковской губернии (ныне г. Северск Бахмутского района Донецкой области, Украина), ставшее затем эпонимным для степной предскифской культуры, сам автор раскопок ни в одной из своих работ никогда не отождествлял с «киммерийскими памятниками». В первой публикации исследователь посчитал, что найденные им удила были «скифского типа» [Городцов, 1905(2), с. 242]. Тем не менее он тут же отчётливо обозначил свои сомнения: «Весь набор является вполне характерным для скифской культуры железной эпохи и нами эти вещи, равно как и другие, добытые в том же кургане были сначала отнесены к названной эпохе, но, по более серьёзному обсуждению, их пришлось присоединить к общей группе погребений в насыпях и на горизонте бронзовой эпохи, в уверенности, что в будущем, при развитии знакомства с культурой описываемых погребений, их все придётся перенести к железной эпохе, но в настоящее время для этого не получено вполне достаточных оснований» [Городцов, 1905(1), с. 207].

М.И. Ростовцев, абсолютно не сомневаясь в кочевническом характере скифского хозяйства, опять же, основываясь на сведениях Геродота, ничего подобного не говорит о киммерийцах, отводя им, «пришельцам», побережье Азовского моря. Он не связывает их с какими-либо археологическими памятниками, но замечает, что «ровно ни на чём не основано отождествление с киммерийцами погребений со скорченными и окрашенными костяками, обычное среди археологов, занимающихся прошлым юга России», определённо имея в виду работу Д.Я. Самоквасова «Могины Русской земли» 1908 г. [Ростовцев, 1918, с. 26–39; 1925, с. 304–309].

Оригинальной, но не жизнеспособной оказалась гипотеза М.И. Артамонова, отождествлявшего киммерийцев со степной, кочевой катакомбной культурой эпохи средней бронзы [Артамонов, 1950, с. 46, 47; 1974, с. 23–64], с чем были согласны и некоторые другие ученые [Смирнов, 1966, с. 34–41].

Соглашаясь с предыдущими исследователями, Б.Н. Граков в середине XX в. не сомневался в обитании киммерийцев в «черноморских» «украинских степях», связывая с ними и некоторые степные поселения эпохи поздней бронзы (конца 2-го тыс. до н.э.), но не отрицая при этом наличия у части киммерийцев кочевого скотоводства [Граков, 1947, с. 14–18]. Исследователь считал невозможным «изъять киммерийцев, вопреки Геродоту и другим источникам, из приазовских и крымских степей», возражая одновременно против отождествления с ними кобанской культуры Кавказа [Граков, 1977, с. 106–109].

Дело здесь в том, что, анализируя раскопанные в 1948 г. погребения кобанской культуры Северного Кавказа на могильнике Каменноостровский в Кабарде, Е.И. Крупнов, пожалуй, впервые в советской археологической литературе определённо, хоть и очень осторожно, предложил синхронизацию некоторых археологических комплексов этой культуры с историческими киммерийцами. Он считал, что в некоторых памятниках «наблюдается скрещение более древних культурных черт кобанской (горной) и киммерийской (степной) культурных черт в их вырождающихся формах, осложнённых уже взаимосвязями со скифской, древнетааврской, меотской и другими культурами нашего Юго-Востока, в том числе и с Закавказьем урартского времени». Исследователь датировал эти памятники рубежом VIII–VII вв. до н.э. [Крупнов, 1950, с. 259, 263, 268, 272, 273]. Кобанская культура справедливо рассматривалась им как оседлая с комплексным типом хозяйства, вероятно, практикующим и отгонное (яйловое) скотоводство, *но не номадизм*. Степная же киммерийская культура, судя по всему, в понимании Е.И. Крупнова олицетворялась впускными погребениями в степные курганы эпохи бронзы Черногоровки, Малой Цимбалки и Камышевахы, содержавшие детали конского снаряжения и вооружения, считавшиеся принадлежащими кочевникам [Крупнов, 1950, с. 265]. Важно в выводах исследователя то, что эта неустойчивая и довольно эклектичная идея впервые позволила объединить культуры, различные территориально и по типу хозяйства, в определённый пласт (горизонт) памятников самого начала раннего железного века.

Неустойчивость гипотезы Е.И. Крупнова выразилась в том, что несколько позже он поддержал мнение многих исследователей, в том числе и В.А. Городцова, о принадлежности киммерийцам памятников срубной культуры эпохи поздней бронзы и посчитал, что «походы киммерийцев, и не только на юг, но и на запад, совершались и позднее, вплоть до VII в. до н.э., непосредственно уже смыкаясь с походами скифов», что киммерийцы «безусловно являлись доскифским населением нашего *степного юга* и что исходной областью их походов в Переднюю Азию всегда являлось северо-восточное Причерноморье, точнее – побережье Меотиды» [Крупнов, 1958, с. 177, 179]. Но, уже учитывая результаты работы А.А. Иессена (см. ниже), Е.И. Крупнов подтвердил свой более ранний тезис о принадлежности киммерийцам и целого ряда категорий вещей, характерных для кобанской культуры, особенно деталей конской узда. «С ещё большим удовлетворением мы отмечаем, – писал этот исследователь, – хотя и выраженную с присущей автору (А.А. Иессену. – С.В.) излишней осторожностью, склонность *все* рассмотренные им ... памятники связывать с киммерийцами» [Крупнов, 1958, с. 180–190], чего, как будет показано ниже, А.А. Иессен и не делал. Е.И. Крупнов был уверен, что «в рассматриваемое нами время (начальные столетия I-го тыс. до н.э. – X–VIII вв. до н.э.) южнорусские степи населяли творчески богатые и *очень подвижные племена*, создавшие своеобразную культуру, названную киммерийской» [Крупнов, 1958, с. 190].

Примерно в это же время Л.А. Ельницкий, рассмотрев известный тогда корпус греческих и ассирийских источников и отметив, что «восточные источники предполагают совместное существование обеих (киммерийской и скифской. – С.В.) культур в VII в. до н.э. и их мирные или враждебные взаимоотношения», высказал сомнение: «не является ли вообще локализация киммерийцев греческими писателями в причерноморских степях, на территории, занятой скифскими и фракийскими племенами, результатом воздействия на них мифической географии ионийского эпоса» [Ельницкий, 1949, с. 15, 22]. Исследователь заключил, «что племена эти, судя по их положению и по отношению к урартийцам и медам (мидянам. – С.В.), должны были занимать северные области Кавказа, а может быть, также и примыкавшие к нему непосредственно степные пространства», связав их с памятниками кобанской археологической культуры [Ельницкий, 1949, с. 23], имеющей, как мы знаем, вовсе не кочевнический характер.

Взгляды Л.А. Ельницкого эволюционировали с течением времени. Намного позднее он пришел к выводу, что рассмотренные им «обстоятельства позволяют видеть в киммерийцах, так же как и в скифах, появившихся в Передней Азии в VIII–VII вв. до н.э., восточно-ранские племена, проникавшие в Северо-Западный Иран и Прикавказье из закаспийских степей», определённо считая их «*конными кочевниками*» [Ельницкий, 1977, с. 27, 45, 47, 57, 58]. Замечу, что о степях Восточной Европы в этой работе исследователь речи не ведёт. При этом, опять же учитывая мнение А.А. Иссена и других археологов 1950–1970-х гг., исследователь высказал соображение, что «ни ассирийские, ни даже греческие источники *не дают почувствовать культурной и этнической разницы* между киммерийцами и скифами: и те и другие – *всадники*, вооруженные луками, копьями, мечами» [Ельницкий, 1977, с. 26, 36]. Явно здесь то, что между терминами «конные кочевники» и «вооруженные всадники» исследователь, к сожалению, различия не видел.

Абсолютно не сомневался в принадлежности степных предскифских памятников кочевникам-киммерийцам А.И. Тереножкин, разделивший их на две хронологические ступени – черноморовскую и новочеркасскую [Тереножкин, 1976, с. 7–23].

Достаточно сложна для обобщённых комментариев концепция Н.Л. Членовой, которая выделяла карасукско-киммерийскую общность как составную часть памятников Евразии начала раннего железного века. Территорию проживания киммерийцев исследовательница связывала с различными географическими регионами юга Восточной Европы (что подразумевает и различные культурно-хозяйственные типы), считая, что собственно киммерийцам принадлежали памятники выделенной ею каменноостской культуры Северного Кавказа [Членова, 1984, с. 3–5, 74–81]. Необходимо отметить, что практически все памятники этой культуры ранее были отнесены к оседлым протогеотской и кобанской культурам, которые тем не менее на протяжении нескольких столетий (с IX в. до н.э.) имели в своём составе высокоразвитый воинско-всаднический комплекс, а следовательно, и соответствующую ему социальную группу населения.

На сегодняшний день локализацию исторических киммерийцев на просторах юга Восточной Европы поддерживает достаточно большое количество исследователей. Киммерийцев периода походов в Закавказье и Переднюю Азию отождествляют с воинскими погребальными комплексами классического (позднего) этапа новочеркасского периода, преимущественно распространёнными в различных ландшафтных зонах Северного Кавказа, лесостепи Украины и юга России, в меньшей степени – в степной зоне. При этом практически все исследователи отмечают факты длительных и разнообразных по характеру и интенсивности контактов кочевого степного населения (черноморовской культуры) с оседлыми культурами лесостепи (чернолесской) и Северного Кавказа (протогеотской и кобанской) при производственной доминанте последних [см. напр.: Эрлих, 1994(1), с. 168–175; 1994(2), с. 83–123; 2007, с. 174–187; Дударев, 1999, с. 143–179; Скорый, 1999, с. 66–79; Вальчак, 2009(1), с. 92–97; 2018, с. 141–144].

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Рассмотренное выше предположение Л.А. Ельницкого [1977] и некоторых других исследователей, вероятно, восходит к констатации В.А. Городцовым ещё в 1910 г. того факта, что «ассирийцы и персы *смешивали* киммерийцев со скифами и саками (среднеазиатскими скифами); от скифов часто не отличали киммерийцев и греки». «Древние греки, – писал далее В.А. Городцов, – ассирийцы и персы, близко знавшие киммерийцев, или не разли-

чали их, или смешивали их с ними. Так как этот факт указывает на отсутствие резкой разницы и в бытовой обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, *если только они имеются* в наших собраниях, *скрываются в одной массе со скифскими*» [Городцов, 1910, с. 342, 344]. При этом, ссылаясь на греческих авторов и отводя киммерийской культуре период от начала XI до VII в. до н.э., В.А. Городцов стремился выделить элементы материальной культуры собственно киммерийцев: в частности, он отнёс к киммерийской культуре лепную керамику с белой инкрустацией из курганов и зольников на лесостепных поселениях, т.е. сосуды с рельефным орнаментом, в котором использовалась некая минеральная составляющая белого цвета. Анализируя имевшийся тогда материал Бельского городища в лесостепной зоне Украины, В.А. Городцов заметил, что «в зольниках, содержащих в более значительных количествах обломки инкрустированной керамики, греческие сосуды и их фрагменты совершенно отсутствуют, что может указывать на время, *предшествующее появлению в южной России греческих колоний*, а вместе с тем и *скифов, вторжение которых в южно-русские степи совершилось не ранее первых*» [Городцов, 1910, с. 342, 345]. Это, во многом интуитивное, но базовое и ключевое понимание В.А. Городцовым последовательности культурного соотношения древностей Северного Причерноморья и всего юга Восточной Европы в начале раннего железного века, фактически осталось незамеченным специалистами по раннескифской археологии во второй половине XX в.

Анализу взглядов исследователя была посвящена специальная работа И.В. Яценко, отметившей, что данная гипотеза В.А. Городцова была попыткой «отделить от архаических скифских древностей предскифские». И.В. Яценко справедливо посчитала такую попытку выделения «малого набора» предскифских вещей, не привлекавшую внимания более поздних исследователей, «преждевременной», поскольку «во время появления этого набора (в поле зрения археологов. – С.В.) архаический период скифской культуры только начал изучаться» [Яценко, 1996, с. 60–66].

Из представленного обзора нетрудно заметить, что со второй половины XX в. в историографии вопроса о киммерийцах и их материальной культуре многие исследователи учитывали результаты исследований А.А. Иессена. Следует подробнее остановиться на работах этого учёного, не утративших своего значения и сегодня.

Отождествление киммерийцев с кочевниками; наряду со скифами было декларировано А.А. Иессеном в статье, посвящённой изучению металлических деталей конской сбруи Восточной Европы и в опубликованном чуть позднее докладе на конференции ИИМК 1952 г. [Иессен, 1953; 1954]. Здесь исследователь поддержал уже сложившееся мнение предшественников, но впервые наполнил его содержанием добротным анализом археологических находок, отличающихся от традиционно понимаемых как «скифские», в первую очередь – деталей конской узда. Известно, что А.А. Иессен изучал коллекции музеев юга европейской части СССР ещё в 1930-х гг., о чём не могли не знать его современники – Б.Н. Граков, Е.И. Крупнов, Л.А. Ельницкий и другие исследователи, очевидно, знакомые с его соображениями, выступлениями и публикациями. А.А. Иессен писал: «При подходе к датировке древнейших металлических удили Северного Кавказа и Причерноморья следует помнить, что в странах Передней Азии *орды северных племён*, частично, несомненно, связанных с территорией, занимающей нас в настоящей работе, появляются *как конные воины, как кочевники*, в полной мере освоившие коня как средство передвижения. Нет никаких сомнений, что *как киммерийцы*, отмечаемые в ассирийских источниках ещё в VIII в., *так и скифы*, впервые упоминаемые в начале VII в., ещё у себя на родине, до начала своих южных походов на страны Древнего Востока, владели конём» [Иессен, 1953, с. 102, 103]. Исследователь был справедливо уверен, «что освоение коня в качестве верхового живот-

ного и следующий за ним, или параллельно с ним совершающийся, крупнейший сдвиг в хозяйственном развитии многих *степных племён* в сторону перехода от оседлости к *кочевому* или полукочевому скотоводческому хозяйству произошли лишь в начале последнего тысячелетия до н.э., с чем вполне согласуется и вещественный археологический материал» [Иессен, 1953, с. 103]. В цитируемых строках хорошо заметно восприятие А.А. Иессеном киммерийцев и скифов как представителей именно степных «орд северных племён», упомянутых в переднеазиатских документах и изначально проживавших на юге Восточной Европы, а употребляемые в их отношении понятия «конные воины» и «кочевники» рассматриваются как равнозначные. И уж совсем определённо звучит вывод в другой статье: «Я не думаю, чтобы правы были те исследователи, которые присваивают киммерийцам собственно кобанскую горную культуру. *Киммерийцы* не вышли из гор, это *степняки и кочевники, насколько мы знаем их по письменным историческим источникам*» [Иессен, 1954, с. 131]. Более чем очевидно, что этот тезис А.А. Иессена – часть дискуссии о ранних концепциях Л.А. Ельницкого и Е.И. Крупнова. То, что сейчас эти известные всем «письменные исторические источники» не дают ни малейшего основания для подобного заключения, убедительно показало исследование Т.М. Кузнецовой [Кузнецова, 2007, с. 209–234].

Высказанное А.А. Иессеном предположение подробнее раскрывается, когда он пишет, что, «таким образом, несколько уточняются наши представления о хронологии памятников раннескифского времени, обычно в археологическом отношении именуемого нами негативно “доскифским” или “предскифским”». До некоторой степени заполняется тот пробел в наших знаниях, который зияет в отношении памятников VIII–VII вв., когда юг нашей страны *бесспорно* был обитаем *киммерийскими* и скифскими племенами – племенами, вполне освоившими коня, стоявшими уже на начальных этапах ступени военной демократии и совершавшими в это именно время свои походы в Переднюю Азию, способствовавшие падению древних государственных образований Урарту и Ассирии». Далее исследователь уточняет: «Несомненно, что киммерийцы, упоминаемые в письменных источниках, так же как и скифы, находились примерно на одной и той же ступени развития. И киммерийские, и скифские племена существовали на нашем юге, причём, вероятно, *руководимое киммерийцами крупное объединение различных племён* сменилось объединением под главенством скифов» [Иессен, 1953, с. 109]. Тем самым исследователь постулирует тождество хозяйственного (кочевого) и социально-культурного развития киммерийцев и ранних скифов, а также комментирует и известную по письменным источникам хронологическую последовательность древностей, соответствующих этим народам на юге Восточной Европы.

Но А.А. Иессену именно вопрос о хронологической последовательности не позволил решить полностью количественное состояние и уровень (качество) исследованности известных тогда артефактов, большая часть которых были случайными находками или происходила из крайне посредственно раскопанных в конце XIX – начале XX в. археологических комплексов. Исследователь предлагает, хоть и очень осторожно, серию довольно непоследовательных умозаключений: «Мы хотели на узком круге источников показать, что эта культура (скифская. – *С.В.*) закономерно выросла из культуры предшествующих столетий, по меньшей мере двух – VIII и VII вв. до н.э., что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений “скифских” племенных вождей», после чего следует абсолютно противоречивый вывод: «следовательно, период VIII–VII вв. мы вполне можем считать начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина. Такое понимание, однако, ни в какой мере не предreshает вопроса о принадлежности той или иной группы упомянутых нами памятников собственно скифам или киммерийцам или каким-либо иным племенам» [Иессен, 1953, с. 109].

Не подлежит сомнению, что при написании статьи вдумчивый и опытный исследователь-аналитик, каким являлся А.А. Иессен, ставил перед собой задачу разделения известных ему археологических памятников и артефактов хронологически, как и отождествления их с теми или иными упомянутыми народами древности. Как уже было сказано, состояние материала сделать этого не позволяло, но попытка А.А. Иессена была тогда одной из первых в отечественной археологии. Отсюда и обтекаемые финальные выводы цитируемой статьи, которые также следует привести полностью: «Можно думать, что и скифские, и собственно киммерийские племена в VIII–VII вв. *обладали чрезвычайно близкой культурой*, так же как и в VI–III вв. так называемая скифская культура была достоянием не одних только скифов, но и ряда нескифских племён. Выделить среди памятников VIII–VII вв. и более раннего времени собственно киммерийские памятники можно будет только тогда, когда станет ясной карта распространения этнокультурных групп древнего населения всего нашего юга для этого времени. Сейчас, пока мы склонны все памятники X–VII вв. относить к киммерийцам, мы должны помнить, что в составе искусственно конструируемой таким путём единой “киммерийской” культуры неизбежно будет включена и культура собственно скифских племён на ранних её этапах» [Иессен, 1953, с. 110]. Нетрудно заметить, что данный вывод принципиально противоположен сведениям древнегреческих письменных источников о пришлое характере ранних скифов на территории Восточной Европы.

Как считал А.А. Иессен, близость форм удил и псалиев «свидетельствует о тесных культурных взаимосвязях Северного Кавказа с Подунавьем на рубеже бронзового и железного веков. Связи эти вовсе не обязательно должны мыслиться как результат *киммерийского нашествия с Кавказа* на Северное Причерноморье и Венгрию в конце IX в. до н.э.» [Иессен, 1953, с. 75], – нашествия, которое вполне справедливо, на мой взгляд, и предполагали некоторые средневропейские исследователи в 1-й пол. – сер. XX в.

Именно обозначенные выше аспекты концепции А.А. Иессена [Иессен, 1953, с. 103–110; 1954, с. 129–131], которые при недостаточно критическом отношении к их содержанию в дальнейшем стали восприниматься как постулаты и парадигма предскифской и ранне-скифской археологии, породили целый ряд «археологических мифов» и «штампов». Одним из таких мифов или штампов стала глубоко укоренившаяся точка зрения о кочевом типе хозяйства киммерийцев и ранних скифов. Как уже говорилось, только в сочинении Геродота упоминаются «скифы-кочевники» – применительно к ранним скифам. Это факт, но его принятие или неприятие зависели и зависят только от допущений, которые постулируют в своих концепциях различные современные исследователи.

Исследователи-этнографы определяют *кочевничество* (номадизм) как «формы хозяйства и быта, в основе которых лежит экстенсивное скотоводство с сезонным перемещением населения и стад скота» [Вайнштейн, 1989, с. 72], что и определяет его хозяйственный тип [Марков, 1976, с. 9].

Исходя из проанализированных Т.М. Кузнецовой древнегреческих и древневосточных текстов [Кузнецова, 2007, с. 223–232], нет никаких оснований рассматривать киммерийцев первой волны (714 г. – начало VII в. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 28, 29]) в Закавказье и Передней Азии как кочевников. Они выступают только как достаточно подвижное войско (не факт, что постоянно единое, а не отдельные его группы) с неизвестной нам стратегией и тактикой, но не имеющее никакого собственного хозяйства ни кочевого, ни оседлого. Это относится и к первой волне киммерийской экспансии, и к ранним скифам. Главный способ их материального самообеспечения – присвоение чужой собственности. Для обозначения таких неизвестных нам по количеству и этническому составу групп вооруженных воинов-всадников лучше всего подходят несколько модернистские термины: *орда* [Иессен, 1953, с. 102], *дружина* [Махортых, 1987, с. 166] или *банда* [Вальчак, 2009(1), с. 94]. Только

со времени правления Ашшурбанапала (Ашшубанипала) – 668 – около 631 гг. до н.э. – у некоторых «переднеазиатских киммерийцев», может быть, и появилась тенденция к оседанию на поселениях в контролируемых ими и других областях, в качестве инкорпорированных в местную среду союзников или пленников [Кузнецова, 2007, с. 212, 228–232].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИММЕРИЙЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

В прошедшие три десятилетия в историографии киммерийской проблемы вновь получила распространение ещё одна (далеко не новая, как было показано выше) гипотеза, суть которой заключается в полном тождестве материальной культуры киммерийцев и ранних скифов, а следовательно, и их полной синхронизации во времени [Алексеев, 1992, с. 75–91; Алексеев и др., 1993, с. 81–86; Иванчик, 2001, с. 281–283]. На мой взгляд, данная гипотеза связана с идеей А.А. Иессена о «чрезвычайно близкой» культуре киммерийцев и скифов (см. выше). Базис этой гипотезы – практически полное отсутствие находок характерных для предскифских черноморовских и новочеркасских памятников Восточной Европы в Закавказье и Передней Азии, которые обычно считаются киммерийскими [Тереножкин, 1976].

В отличие от А.Ю. Алексеева, А.И. Иванчика и некоторых других исследователей, мы не считаем решающим аргументом отсутствие в Закавказье и Передней Азии археологических свидетельств пребывания предскифских (киммерийских) воинских коллективов (комплексов с соответствующими восточноевропейским памятникам находками). Логично предположить, что на таких кратковременно завоеванных территориях захватчики постарались бы замаскировать могилы своих соратников, чтобы их не осквернили враждебно настроенные местные жители. Примером тому может служить случайное обнаружение гробницы (кенотафа?) с конскими захоронениями в культурном слое при раскопках акрополя более раннего поселения в Норшун-Тепе [Hauptmann, 1983, S. 253, Abb. 1, Taf. 54; 55].

Основываясь на сведениях письменных источников, современные исследователи не рассматривают военные действия первой волны киммерийцев как завоевание какого-либо региона; в источниках также нет сведений о штурмах укрепленных населенных пунктов, поэтому действия киммерийцев трактуются как набеги с целью грабежа [Кузнецова, 2007, с. 212]. Именно об этом, весьма существенном обстоятельстве в тезисной форме некогда высказалась И.Н. Медведская. Не разделяя полностью хронологическую концепцию и исторические реконструкции И.Н. Медведской, но, абсолютно соглашаясь с ней в конкретном вопросе, считаю возможным процитировать полностью абзац из её работы: «Немецкие исследователи продолжают считать главными виновниками гибели урартских крепостей киммерийцев и скифов. Однако сохранившиеся в источниках этого времени сведения о номадах (здесь мы видим вновь полное и ошибочное отождествление конных воинских отрядов и кочевников. – С.В.) делают маловероятным штурм ими этих крепостей. Они *не могли их взять и не нуждались в этом*: завоевание и разрушение крепостей необходимо тем, кто ведёт тотальное завоевание территории. Эти крепости не могли служить преградойномадам, ибо к этому времени они распространились далеко за пределы этого региона. К тому же при Русе II урарты не только не враждовали с киммерийцами, но и действовали совместно с ними» [Медведская, 1998, с. 62]. В связи с этим стоит вспомнить и уцелевший при штурме около 664 г. до н.э. акрополь Сард в Лидии (Hdt. I. 15).

Мне представляется, что на огромной и разноразнообразной территории Закавказья и Передней Азии следы боевых («полевых») столкновений первой волны киммерийцев

(конца VIII – 1-й четверти VII в. до н.э.) с армиями Урарту и Ассирии найти будет крайне сложно. Ни один источник не указывает нам места подобных столкновений. Впрочем, есть хоть и косвенные, но все же важные свидетельства проникновения элементов материальной культуры предскифского времени Восточной Европы в закавказско-переднеазиатские регионы и обратно, хронологически согласующиеся с периодом киммерийских походов конца VIII – начала VII вв. до н.э. [Членова, 1984, с. 81, 82; Эрлих, 1994(1), с. 173; Махортых, 1994, с. 21, 22; 2000, с. 187–190, рис. 1].

Во всем переднеазиатском регионе мы уже несколько десятилетий оперируем только тремя погребальными «комплексами» (Норшун-Тепе, Имирлер, Амасья) разной степени достоверности: только один из них надёжно документирован [Hauptmann, 1983, S. 251–270, Taf. 54–56], но априори все объявлены кочевническими. Они содержат вещи, сходные или аналогичные с намного более многочисленными артефактами (и не только степными) юга Восточной Европы [Алексеев и др., 1993, с. 75–86; Иванчик, 2001, с. 21–57], традиционно считавшимися раннескифскими. Следует отметить, что некоторые черты погребального обряда и категорий инвентаря в Норшун-Тепе находят аналогии в предскифских комплексах юга Восточной Европы [Эрлих, 1991, с. 37–42; Вальчак, 2009(2), с. 28–41, табл. 1–2]. В Норшун-Тепе есть вообще не свойственные памятникам Восточной Европы находки (бронзовые витые удила, железные наконечники копий и боевой нож с цельной рукоятью), характерные для закавказско-переднеазиатских памятников [Иванчик, 2001, с. 24–34]. Это может быть свидетельством того, что некоторые категории вооружения и экипировки пришедшего воинского контингента из-за порчи или утраты в ходе военных действий могли быть заменены в Закавказье и Передней Азии местными функциональными аналогами (трофеями). Это отчасти объясняет наличие несомненных импортных категорий находок воинского и конского снаряжения или их реплик в позднейших предскифских памятниках Восточной Европы [Эрлих, 1991, с. 37–42; 1994(1), с. 169–175; Вальчак, 1993, с. 23–29; 2016(1), с. 28–41; 2016(2), с. 128–144; Вальчак и др., 2016, с. 61, 62, рис. 67; 68, 1].

Будь упомянутые выше переднеазиатские памятники киммерийскими или скифскими, что не так уж важно для рассматриваемой здесь темы, то о каких глобальных культурно-хозяйственных, этнокультурных и хронологических выводах можно говорить при такой мизерной выборке?

В жизни предскифских обществ Восточной Европы, по всей видимости в конце VIII в. до н.э., произошли существенные и достаточно стремительные изменения, которые вызвали массовое появление унифицированного конского снаряжения классического новочеркасского типа, а также новых форм мечей, кинжалов и наконечников стрел [Вальчак, 2005; 2009(1)]. В это же время наблюдается заметное увеличение использования железа для изготовления оружия и деталей конского снаряжения, связываемое с закавказским влиянием [Эрлих, 1999, с. 157–159]. Этот материальный комплекс (классический новочеркасский) стал доминирующим на всей территории Восточной Европы и практически полностью вытеснил из употребления более ранние формы вооружения и конского снаряжения. В количественном отношении предметы классического новочеркасского типа значительно превышают более ранние, что позволяет предполагать изменение социальной стратификации и существенное увеличение воинско-всаднического сословия на этом этапе.

Финальный период существования предскифских памятников на юге Восточной Европы маркируется появлением абсолютно новых форм вооружения и конского снаряжения, свойственных, как считается, скифскому времени. Известны несколько ярких комплексов, в которых присутствуют как жаботинские, так и классические новочеркасские формы и их синкретические воплощения. Количество таких смешанных комплексов постоянно увеличивается. Учитывая, что памятники «келермесского круга» отражают уже

«послепоходную» материальную культуру скифов [Галанина, 1983, с. 44, 53; Петренко, 1983, с. 43, 44; Алексеев, 1992, с. 83], то считаются «допоходными» могут только привнесённые в Восточную Европу, совершенно чуждые местной классической новочеркасской традиции, жаботинские комплексы вооружения и конского снаряжения (здесь нельзя путать и полностью синхронизировать с ними характерный для лесостепи керамический комплекс «жаботинского типа»). Появление наиболее ранних жаботинских воинских памятников фиксируется в основном только в тех районах Восточной Европы, где отмечается и наибольшее сосредоточение памятников с классическими новочеркасскими формами вооружения и конского снаряжения. Это Северо-Западный Кавказ, Центральное Предкавказье (Кабардино-Пятигорье) и лесостепное Среднее Поднепровье.

Поскольку известно, что скифам в Восточной Европе непосредственно предшествовали киммерийцы, то собственно «киммерийскими» можно считать только памятники классического новочеркасского хронологического пласта в том случае если жаботинские воинско-всаднические комплексы мы будем считать принадлежащими «допоходным» скифам.

Киммерийцы, скорее всего, являлись объединением довольно значительного числа различных народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Выступавшие под именем киммерийцев и скифов племена воспринимались народами Закавказья и Передней Азии как отличающиеся по каким-то признакам от местного населения и друг от друга. Видимо, по уровню вооруженности и тактике военных действий отряды воинов-всадников киммерийцев и скифов были в каком-то отношении близки, поэтому и рассматривались как одинаково опасные противники. Народам Закавказья и Передней Азии киммерийцы стали известны раньше, чем скифы. На начальном этапе появления скифов в этом регионе их определённо отличали и никогда не путали с киммерийцами [Иванчик, 1996 с. 90–97; 2001, с. 18–20].

Чем же они могли различаться? Во-первых, можно предположить существенные визуальные антропологические или определявшие на слух лингвистические особенности речи двух народов, чему у нас нет подтверждений, да и вряд ли когда-либо будут. Во-вторых, оба эти народа населением Передней Азии визуально воспринимались различно, видимо, первоначально обладая отличиями в деталях костюма воинов-всадников, вооружения и конского снаряжения, которое в последующем постепенно унифицировалось и пополнялось некоторыми новациями, характерными для культуры регионов их военных действий.

Нет никаких оснований, как это представляют себе некоторые исследователи, безоговорочно именовать кочевниками всех носителей предскифской материальной культуры классического новочеркасского типа [Иванчик, 2001, с. 14, 20]. Памятники этого типа были найдены и в тех географических зонах, где кочевой тип хозяйства просто невозможен.

Единственным в Восточной Европе количественно и качественно сравнимым с раннескифским (келермесским) горизонтом памятников является классический новочеркасский комплекс вооружения и конского снаряжения, который непосредственно предшествует жаботинскому и келермесскому, обычно считающимся раннескифскими. Позднейшее предскифское время, а это период существования третьей группы уздечных комплектов (классического новочеркасского типа), новочеркасских наконечников стрел, некоторых типов биметаллического и железного клинкового оружия, определяется в рамках конца VIII – первой половины VII в. до н.э.). В воинско-всадническом наборе классического новочеркасского комплекса отчётливо видны реплики некоторых закавказско-переднеазиатских категорий снаряжения (шлемы, панцири, цельнолитые удила). Жаботинский материальный комплекс очевидно связан с восточными регионами Евразии (типы наконечников стрел, удила, псалиев, клевцы, зооморфные украшения), но имеет и закавказско-переднеазиатские заимствования (кинжалы, панцири). Классический новочеркасский культурный комплекс

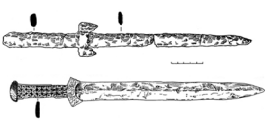
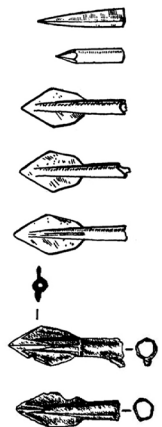
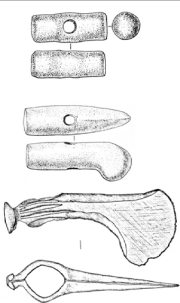
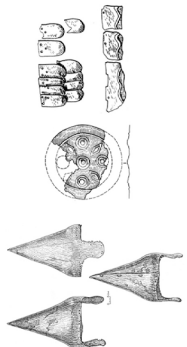
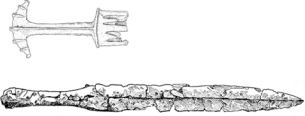
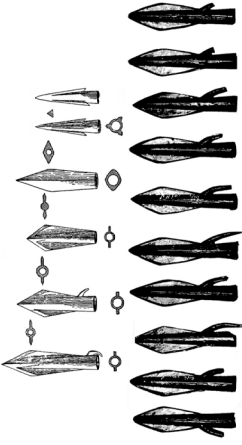
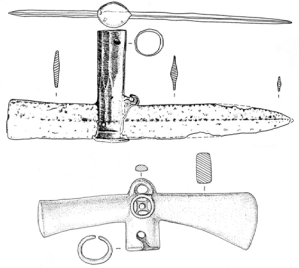
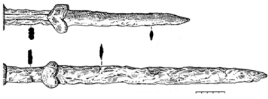
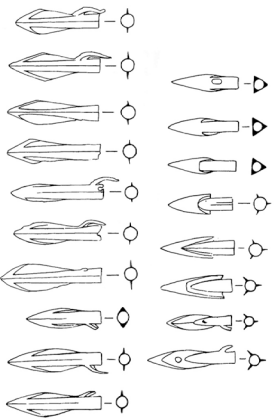
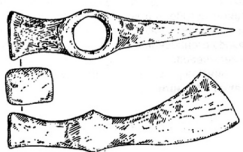
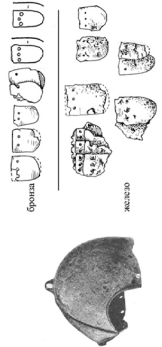
этап	клинковое	металлическое	ударно-рубящее	защитное
новочеркасский классический				
жаботинский				
келермесский				

Рис. 1. Характерные типы вооружения на различных этапах начала раннего железного века в Восточной Европе.

Fig. 1. Characteristic types of weapons at various stages of the Early Iron Age in Eastern Europe.

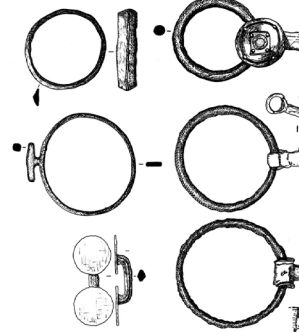
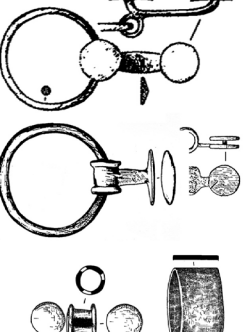
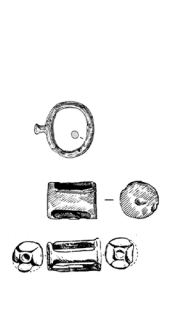
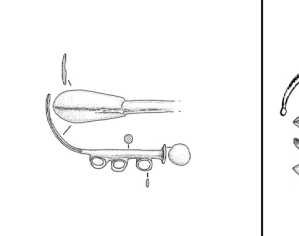
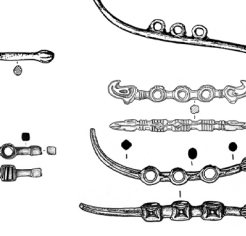
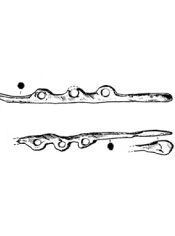
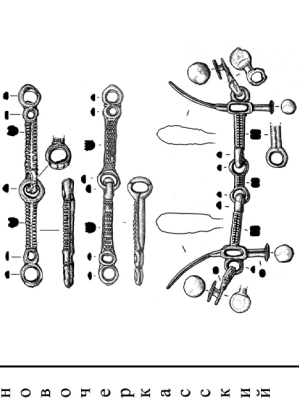
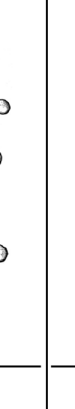
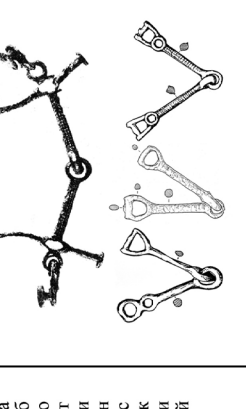
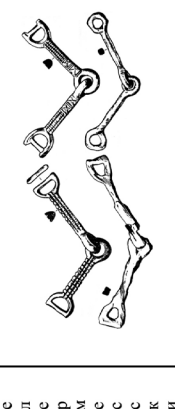
этап	удила	псалии	тягловая упряжь	украшения упряжи
к л а в о ч е р к а с с к и й				
ж а б о т и н с к и й				
к с л е р м с с с к и й				

Рис. 2. Характерные типы узды, тягловой упряжи и их украшений на различных этапах начала раннего железного века в Восточной Европе.

Fig. 2. Characteristic types of bridles, draft harnesses and their decorations at various stages of the Early Iron Age in Eastern Europe.

вооружения и конского снаряжения на своей заключительной стадии определённо сосуществует с жаботинским, видимо, в рамках первой четверти VII в. до н.э. (680–676 гг. до н.э.). Жаботинские комплексы в чистом виде (Жаботин, курган 524), без классической новочеркасской «примеси», на юге Восточной Европы практически не встречаются (рис. 1; 2). Соответственно, носители классического новочеркасского и жаботинского воинско-всаднического материального комплекса могли бы быть отождествлены с историческими киммерийцами на разных временных отрезках.

Некоторое крайне непродолжительное время, вероятно, эти (уже смешанные) памятники могли сосуществовать и с памятниками келермесского типа, в которых имеются их многочисленные рудименты (наконечники стрел, удила, псалии), причём в одних и тех же регионах юга Восточной Европы, но надёжных археологических доказательств этому пока нет. «Келермесский комплекс» отделён от «классического новочеркасского» отчетливо заметными различиями в типах упряжи, метательного и колюще-режущего оружия (рис. 1; 2). Исходя из этого, время существования классических новочеркасских (киммерийских) памятников может быть определено неполными 40 годами: несколько ранее 714 г. до н.э. – времени первого упоминания киммерийцев и до появления имени скифов в переднеазиатских источниках (около 676–674 гг. до н.э.). Если принять предшествующее этой дате несколько более раннее и относительно недолгое появление скифов в Восточной Европе, т.е. около конца первой четверти VII в. до н.э. [Эрлих, 1994(2); Дударев, 1999, с. 169; Вальчак, 2000; 2016(1), с. 38, 39; 2016(2), с. 141], то эта гипотеза представляется мне наиболее вероятной. И если рассматривать в качестве «допоходного раннескифского» именно жаботинский комплекс вооружения и упряжи, довольно скромный количественно в сравнении с классическим новочеркасским и келермесским, то его датировка только в рамках 1-й четверти VII в. до н.э. выглядит весьма правдоподобной.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук

RANION – Russian Association of Scientific Institutes of Social Sciences

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. *Скифская хроника (Скифы в VII–VI вв. до н.э.: историко-археологический очерк)*. СПб.: Петербургкомстат, 1992 [Alekseev A.Yu. *The Scythian Chronicle (the Scythians in the 7th – 4th centuries BC: the Historical and Archaeological Sketch)*. St. Petersburg: Peterburgkomstat, 1992 (in Russian)].

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. СПб.: ИИИ «Ермаков», 1993 [Alekseev A.Yu., Kachalova N.K., Tokhtasyev S.R. *The Cimmerians: Ethnocultural Affiliation*. St. Petersburg: I.I.I. “Yermakov”, 1993 (in Russian)].

Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов. *Вестник древней истории*. 1950. № 2. С. 37–47 [Artamonov M.I. On the Question of the Origin of the Scythians. *Journal of Ancient History*. 1950. No. 2. Pp. 37–47 (in Russian)].

Артамонов М.И. *Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.)*. Л.: Издательство ЛГУ, 1974 [Artamonov M.I. *Cimmerians and Scythians (From Their Appearance on the Historical Arena to the End of the 4th Century BC)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1974 (in Russian)].

Вайнштейн С.И. Кочевничество. *Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов*. Вып. 3. Под ред. С.А. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 72–76 [Weinstein S.I. Nomadism. *Material Culture. A Set of Ethnographic Concepts and Terms*. Iss. 3. Ed. by S.A. Arutyunov. M.: Nauka, 1989. Pp. 72–76 (in Russian)].

Вальчак С.Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии*. Отв. ред. Ю.Л. Шапова, И.В. Яценко. М.: Издательство Московского университета, 1993. С. 23–29 [Valchak S.B. On Some Solid Bridle Sets of the Pre-Scythian Time in the South of Eastern Europe. *Grakov's Readings at the Department of Archeology of Moscow State University 1989–1990. Materials of the Seminar on Scythian-Sarmatian Archeology*. Ed. Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko. Moscow: MSU, 1993. Pp. 23–29 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 138–144 [Valchak S.B. The Main Motifs of the Ornamentation of Bridle Accessories in the South of Eastern Europe at the Beginning of the Early Iron Age. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoeconomy, Anthropology and Archeology*. Eds. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 138–144 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода. *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья*. Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 138–160 [Valchak S.B. Classification, questions of origin, development and chronology of some daggers and swords of the pre-Scythian period. *The Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages*. Ed. V.I. Gulyaev. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 2005. Pp. 138–160 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009(1) [Valchak S.B. *Horse Gear in the First Third-Part of the 1st Millennium BC in the South of Eastern Europe*. Moscow: Taus, 2009(1) (in Russian)].

Вальчак С.Б. Предскифские колесницы Восточной Европы: назначение деталей упряжи, виды запряжек, вооружение. *Историко-археологический альманах*. Вып. 9. Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; Москва: ИА РАН, 2009(2). С. 28–41 [Valchak S.B. Pre-Scythian Chariots of Eastern Europe: Assignment of Parts of the Harness, the Types of Harness, Weapons. *Historical and Archaeological Almanac*. Vol. 9. Ed. R.M. Munchaev. Armavir – Krasnodar – Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2009(2). Pp. 28–41 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья. *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой*. Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН, 2016(1). С. 28–41 [Valchak S.B. Pre-Scythian Archaeology of Eastern Europe and Some Archaeological Sites of Transcaucasia. *The Caucasus and the Steppes in the Late Bronze Age – Early Iron Age: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of M.N. Pogrebova*. Eds. A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, 2016(1). Pp. 28–41 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе. *Revista Archeologică*. Serie nouă. Vol. XII. No. 1–2. Chişinău, 2016(2). С. 128–144 [Valchak S.B. Bronze Forged Helmets of the Pre-Scythian Period in the Caucasus. *Revista Archeologică*. New Series. Vol. 12. No. 1–2. Chişinău, 2016(2). Pp. 128–144 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Новочеркасский клад 1939 г. – эпонимный памятник предскифского периода. *Древности, исследования, проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинёв; Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 2018. С. 137–146 [Valchak S.B. Novocherkassk Hoard of 1939 – an Eponymous Archaeological Site of the Pre-Scythian Period. *Antiquities, Research, Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Tel'nov*. Eds. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich. Chisinau; Tiraspol: Pridnestrovian State University, 2018. Pp. 137–146 (in Russian)].

Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. *Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 года*. М.: Краснодарский государственный музей; Институт археологии РАН;

Государственный музей Востока, 2016 [Valchak S.B., Pyankov A.V., Khachaturova E.A., Ehrlich V.R. *Kuban Burial Ground. Materials of the Excavations of N.V. Anfimov in 1965*. Moscow: Krasnodar State Museum; Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences; State Orient Museum, 2016 (in Russian)].

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1983. Вып. 24. С. 32–55 [Galanina L.K. Early Scythian Bridle (Based on the Materials of the Kelermess Barrows). *Archaeological Collection of the State Hermitage Museum*. 1983. Iss. 24. Pp. 32–55 (in Russian)].

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.* Т. I. М., 1905(1). С. 198–210 [Gorodtsov V.A. The Results of Archaeological Research in the Izyum District. *Proceedings of the XIIth Archeological Congress in Kharkov, 1902*. Vol. I. Moscow, 1905(1). Pp. 198–250 (in Russian)].

Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.* Т. I. М., 1905(2). С. 220–250 [Gorodtsov V.A. Materials of Archaeological Research on the Banks of the Donets River, Izyum District, Kharkov Region. *Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov, 1902*. Vol. I. Moscow, 1905(2). Pp. 220–250 (in Russian)].

Городцов В.А. *Бытовая археология. Курс лекций*. М.: Издание Московского Археологического института, 1910 [Gorodtsov V.A. *Household archaeology. Course of lectures*. Moscow: Moscow Archaeological Institute, 1910 (in Russian)].

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре. *Труды секции археологии РАНИОН*. Т. II. М., 1928. С. 46–60 [Gorodtsov V.A. On the Question of the Cimmerian Culture. *Proceedings of the Section of Archeology of the RANION*. Vol. II. Moscow, 1928. Pp. 46–60 (in Russian)].

Граков Б.М. *Скифы*. Київ: АН УРСР, 1947 [Grakov B.M. *Scythians*. Kyiv: AN URSR, 1947 (in Ukrainian)].

Граков Б.Н. *Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы)*. М.: Изд-во Московского университета, 1977 [Grakov B.N. *The Early Iron Age (Cultures of Western and South-Eastern Europe)*. Moscow: Moscow University Publ., 1977 (in Russian)].

Дударев С.Л. *Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.)*. Армавир: Международная академия информатизации, 1999 [Dudarev S.L. *The Relationship of the Tribes of the North Caucasus With the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Era (9th – the First Half of the 7th Century BC)*. Armavir: International Informatization academy, 1999 (in Russian)].

Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура. *Вестник древней истории*. 1949. № 3. С. 14–26 [Yelnitsky L.A. Cimmerians and Cimmerian Culture. *Journal of Ancient History*. 1949. No. 3. Pp. 14–26 (in Russian)].

Ельницкий Л.А. *Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк*. Новосибирск: Наука, 1977 [Yelnitsky L.A. *Scythia of the Eurasian Steppes. Historical and Archaeological Essay*. Novosibirsk: Nauka, 1977 (in Russian)].

Иванчик А.И. *Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э.* М.: Институт всеобщей истории, 1996 [Ivanchik A.I. *Cimmerians. Ancient Eastern Civilizations and Steppe Nomads in the 8th–7th Centuries BC*. Moscow: Institut vseobschey istorii, 1996 (in Russian)].

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. *Степные народы Евразии*. Т. II. Под. ред. А.И. Иванчика, Г. Парцингера. М.: Палеограф, 2001 [Ivanchik A.I. Cimmerians and Scythians. Cultural-Historical and Chronological Problems of Archeology of the Eastern European Steppes and the Caucasus of the Pre- and Early Scythian Time. *Steppe Peoples of Eurasia*. Vol. II. Eds.: A.I. Ivanchik, H. Parzinger. Moscow: Paleograf, 2001 (in Russian)].

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1930 г.). *Советская археология*. 1953. Т. XVIII. С. 40–110 [Iessen A.A. On the

Question of Sites of the 8th–7th Centuries BC in the South of the European Part of the USSR (Novocherkassk Hoard of 1939). *Soviet Archaeology*. 1953. Vol. 18. Pp. 49–110 (in Russian)].

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)*. М.: АН СССР, 1954. С. 112–131 [Iessen A.A. Some Sites of the 8th–7th Centuries BC in the North Caucasus. *Questions of Scythian-Sarmatian Archeology (On the Materials of the Conference of the IIMK of the USSR Academy of Sciences in 1952)*. Moscow: AN SSSR, 1954. Pp. 112–131 (in Russian)].

Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. *Учёные записки Кабардинского НИИ*. Т. V. Нальчик, 1950. С. 195–273 [Krupnov E.I. Archaeological Research in the Kabardian ASSR in 1948. *Scientific Notes of the Kabardian Research Institute*. Vol. V. Nalchik, 1950. Pp. 195–273 (in Russian)].

Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим данным). Древние племена и народности Кавказа. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1958. № 68. С. 176–195 [Krupnov E.I. Cimmerians in the North Caucasus (According to Archaeological Data). Ancient Tribes and Nationalities of the Caucasus. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. 1958. No. 68. Pp. 176–195 (in Russian)].

Кузнецова Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. *Сборник памяти М.П. Абрамовой. Материалы и исследования по археологии России*. 2007. № 8. Отв. ред.: В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: Таус, 2007. С. 209–234 [Kuznetsova T.M. Were the Cimmerians Nomads? *The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age. Collection of the Memory of M.P. Abramova. Materials and Research on the Archeology of Russia*. 2007. No. 8. Eds.: V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev. Moscow: Taus, 2007. Pp. 209–234 (in Russian)].

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Издательство МГУ, 1976 [Markov G.E. *Nomads of Asia. The Structure of the Economy and Public Organization*. Moscow: MSU, 1976 (in Russian)].

Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа новочеркасского клада. *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов и сообщений*. Омск, 1987. С. 163–166 [Makhortykh S.V. On the Cultural and Chronological Interpretation of Sites Such as the Novocherkassk Hoard. *Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov. Abstracts of Reports*. Omsk, 1987. Pp. 163–166 (in Russian)].

Махортых С.В. *Киммерийцы на Северном Кавказе*. Киев: Шлях, 1994 [Makhortykh S.V. *Cimmerians in the North Caucasus*. Kyiv: Shliakh, 1994 (in Russian)].

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 186–193 [Makhortykh S.V. On Topical Issues of Early Scythian Archeology. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Eds.: V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky, M.: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 186–193 (in Russian)].

Медведская И.Н. Конец Урарту: новые факты и гипотезы. *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (к 90-летию со дня рождения). Тезисы докладов*. СПб., 1998. С. 61–63 [Medvedskaya I.N. The End of Urartu: New Facts and Hypotheses. *Hermitage Readings in Memory of B.B. Piotrovsky (to the 90th Anniversary of His Birth). Abstracts of Reports*. St. Petersburg, 1998. Pp. 61–63 (in Russian)].

Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1983. Вып. 23. С. 43–48 [Petrenko V.G. Scythian Culture in the North Caucasus. *Archaeological Collection of the State Hermitage Museum*. 1983. Iss. 23. Pp. 43–48 (in Russian)].

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: к истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992 [Pogrebova M.N., Rayevsky D.S. *The Early Scythians and the Ancient East: Towards the History of the Formation of the Scythian Culture*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].

Ростовцев М.И. *Эллинизм и иранство на юге России*. Петроград: Ogni, 1918 [Rostovtsev M.I. *Hellenism and Iranism in the South of Russia*. Petrograd: Ogni Publ., 1918 (in Russian)].

Ростовцев М.И. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Л.: Российская академия истории материальной культуры, 1925 [Rostovtsev M.I. *Scythia and Bosphorus. Critical Review of Literary and Archaeological Sites*. Leningrad: RAIMK, 1925 (in Russian)].

Скорый С.А. *Киммерийцы в Украинской лесостепи*. Киев – Полтава: Издательский центр «Археология», 1999 [Skory S.A. *Kimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe District*. Kyiv – Poltava: Publishing Center “Archaeology”, 1999 (in Russian)].

Смирнов А.П. *Скифы*. М.: Наука, 1966 [Smirnov A.P. *Scythians*. M.: Nauka, 1966 (in Russian)].

Тереножкин А.И. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка, 1976 [Terenzhkin A.I. *The Cimmerians*. Kyiv: Naukova dumka, 1976 (in Russian)].

Членова Н.Л. *Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа)*. Новосибирск: Наука, 1984 [Chlenova N.L. *Deer Stones as a Historical Source (on the Example of Deer Stones of the North Caucasus)*. Novosibirsk: Nauka, 1984 (in Russian)].

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Ред. А.П. Абрамов и др. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1991. С. 31–48 [Ehrlich V.R. Bronze Bridle Sets and the Problem of Chronology of the Pre-Scythian and Early Scythian Time of Zakuban. *Antiquities of the North Caucasus and the Black Sea Region*. Eds.: A.P. Abramov et al. Moscow: State Museum of Art of the Peoples of the East, 1991. Pp. 31–48 (in Russian)].

Эрлих В.Р. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. *Вестник древней истории*. 1994(1). № 3. С. 168–176 [Ehrlich V.R. In Defense of the Tradition of the Black Sea Origin of the Cimmerians. *Journal of Ancient History*. 1994(1). No. 3. Pp. 168–176 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *У истоков раннескифского комплекса*. М.: Государственный музей Востока, 1994(2) [Ehrlich V.R. *At the Origins of the Early Scythian Complex*. Moscow: State Orient Museum, 1994(2) (in Russian)].

Эрлих В.Р. Переход к железному веку на Северо-Западном Кавказе. *60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов*. М.: Московский государственный университет, 1999. С. 157–159 [Ehrlich V.R. Transition to the Iron Age in the North-Western Caucasus. *60 years of the Department of Archaeology of the Lomonosov Moscow State University. Abstracts*. Moscow: MSU, 1999. Pp. 157–159 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. М.: Наука, 2007 [Ehrlich V.R. *The North-Western Caucasus at the Beginning of the Iron Age: the Proto-Meothic Group of Sites*. Moscow: Nauka, 2007 (in Russian)].

Яценко И.В. Набор вещей позднего предскифского периода в киммерийском комплексе В.А. Городцова. *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Издательский центр «Археология», 1996. С. 60–66 [Yatsenko I.V. A Set of Things of the Late Pre-Scythian Period in the Cimmerian Complex of V.A. Gorodtsov. *Belsk Fortress in the Context of Studying the Monuments of the Early Iron Age of Europe*. Ed. O.B. Suprunenko. Poltava: Publishing Center “Archaeology”, 1996. Pp. 60–66 (in Russian)].

Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1983. S. 251–270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАЛЬЧАК Сергей Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН; доцент Российского Государственного социального университета, Москва, Россия.

Sergey B. VALCHAK, PhD (History), Research Fellow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Russian State Social University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017793-9

О «СКИФСКОМ» АКИНАКЕ ИЗ РУСАХИНИЛИ ПЕРЕД ГОРОЙ ЭЙДУРУ¹

© 2021

В.А. ПОДОБЕД^a, М.Н. ДАРАГАН^b

^a – ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», г. Донецк, Украина
ORCID: 0000-0002-8765-1644; achaeon@ukr.net

^b – Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина
ORCID: 0000-0003-1019-9407; darmar@ukr.net

Резюме. Построение относительной и абсолютной хронологии памятников скифской археологии все еще остается наиболее актуальной проблемой изучения скифской культуры. Археологические свидетельства присутствия евразийских кочевников на территории государства Урарту и царства Маннеев дают возможность датировать находки «раннескифского» облика, представленные в надежных археологических и хронологических контекстах, и предложить для них вполне достоверные абсолютные даты. В связи с этим в работе рассматриваются железный меч и роговая бутероль, найденные в одной из урартских твердынь эпохи Русы II – Русахинили перед горой Эйдуру (Аянис). Меч является образцом клинкового оружия кочевников эпохи переднеазиатской эпохи – акинаком раннескифского облика келермесского типа. По археологическому контексту меч датируется не позднее 50-х гг. VII в. до н.э. Предполагается, что он связан с западными военными кампаниями Русы II и может рассматриваться в качестве дружеского дара от одного из киммерийских «вождей» царю Биайнили. Судя же по характеру выполнения и технике нанесения узора на стержне из Аяниса и мечах из Келермеса и Мельгунова, можно предположить, что все эти изделия были выполнены в одной из урартских царских мастерских. Мечи из Келермеса и Литой могилы являются дипломатическими дарами царя Биайнили возглавлявшим кочевников вождям, либо уже находившимся в союзнических отношениях с Урарту, либо же в знак намечающегося альянса. Урартские торецты нанесли на обкладки мечей кочевников династический герб урартских царей (по И.М. Дьяконову), и это может свидетельствовать о том, что их будущие владельцы в глазах урартского дарителя воспринимались почти как равные по статусу хозяину трона в Тушпе. Впрочем, не исключено, что обкладки могли быть изготовлены еще в царствование Аргишти II.

Ключевые слова: Урарту, скифы, киммерийцы, меч, бутероль, вооружение, Халди.

Для цитирования: Подобед В.А., Дараган М.Н. О «скифском» акинаке из Русахинили перед горой Эйдуру. Восток (Oriens). 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017793-9

¹ Авторы благодарны ныне покойному руководителю работ на Аянисе А. Чилингироглу за консультации о находке меча в Аянисе (переписка с М.Н. Дараган, октябрь – ноябрь 2012 г.). Основной текст исследования был закончен к концу 2014 г., но авторы приняли решение приостановить работу, по независящим от них обстоятельствам.

ABOUT THE “SCYTHIAN” AKINAK FROM RUSAHINILI
IN FRONT OF MOUNT EIDURU

© 2021

Vyacheslav A. PODOBED ^a, Marina N. DARAGAN ^b^a – Donetsk Regional Museum of Local History, Donetsk, Ukraine,
ORCID: 0000-0002-8765-1644; achaeon@ukr.net^b – Institute of archaeology NASU, Kyiv, Ukraine
ORCID: 0000-0003-1019-9407; darmar@ukr.net

Abstract: *The paper examines an iron sword and a bouterol made of horn found in one of the Urartian sites of Rusa son of Argishti – Rusahinili period in front of Mount Eiduru (Ayanis). The sword is a specimen of a blade weapon of nomads of the period of Near Eastern campaigns – an akinax of the Early Scythian Kelermes type. The archaeological context allows us to date the sword no later than 650 BC. It is assumed that the sword from Ayanis was acquired during the western military campaigns of Rusa II and can be regarded as a gift of one of the Cimmerian “chiefs” to King Biannini.*

Based on the workmanship and technique of the “staff” of Queen Qaqli from Ayanis, as well as the swords found at Kelermes and Melgunov, it can be assumed that all these objects were made in an Urartian royal workshop. The swords from Kelermes and Melgunov are diplomatic gifts of Tsar Biannini to the Scythian chiefs who led the nomads in an alliance with Urartu, or a token of the imminent conclusion of an alliance. The fact that Urartian toreutic craftsmen inscribed the dynastic emblem of Urartian kings (I.M. Diakonoff) on the sword scabbards of nomads rather indicates that in the eyes of Urartian donors their future owners were considered almost equal in rank to the owner of the Tushpin throne. This does not exclude the possibility that the covers could have been made during the reign of Argishti II.

Keywords: Urartu, Scythians, Cimmerians, sword, bouterolle, weapons, Haldi.

For citation: Podobed V.A., Daragan M.N. About the “Scythian” Akinak from Rusahinili in Front of Mount Eiduru. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017793-9

ВВЕДЕНИЕ

Построение относительной и абсолютной хронологии памятников скифской архαιки все еще остается наиболее актуальной проблемой изучения скифской культуры. Археологические свидетельства присутствия евразийских кочевников на территории государства Урарту и царства Маннеев позволяют датировать находки «раннескифского» облика, представленные в надежных археологических и хронологических контекстах, и предложить для них вполне достоверные абсолютные даты [Иванчик, 2006; Балахванцев, 2016]. В связи с этим в работе рассматриваются железный меч и роговая бутероль, найденные в одной из урартских твердынь эпохи Русы II сына Аргишти – Русахинили перед горой Эйдуру (Аянис).

О РУСАХИНИЛИ ПЕРЕД ГОРОЙ ЭЙДУРУ (АЯНИС)

Крепость Русахинили перед горой Эйдуру расположена на восточном берегу озера Ван к северу от Тушпы. Архитектурный ансамбль состоит из окруженного фортифика-

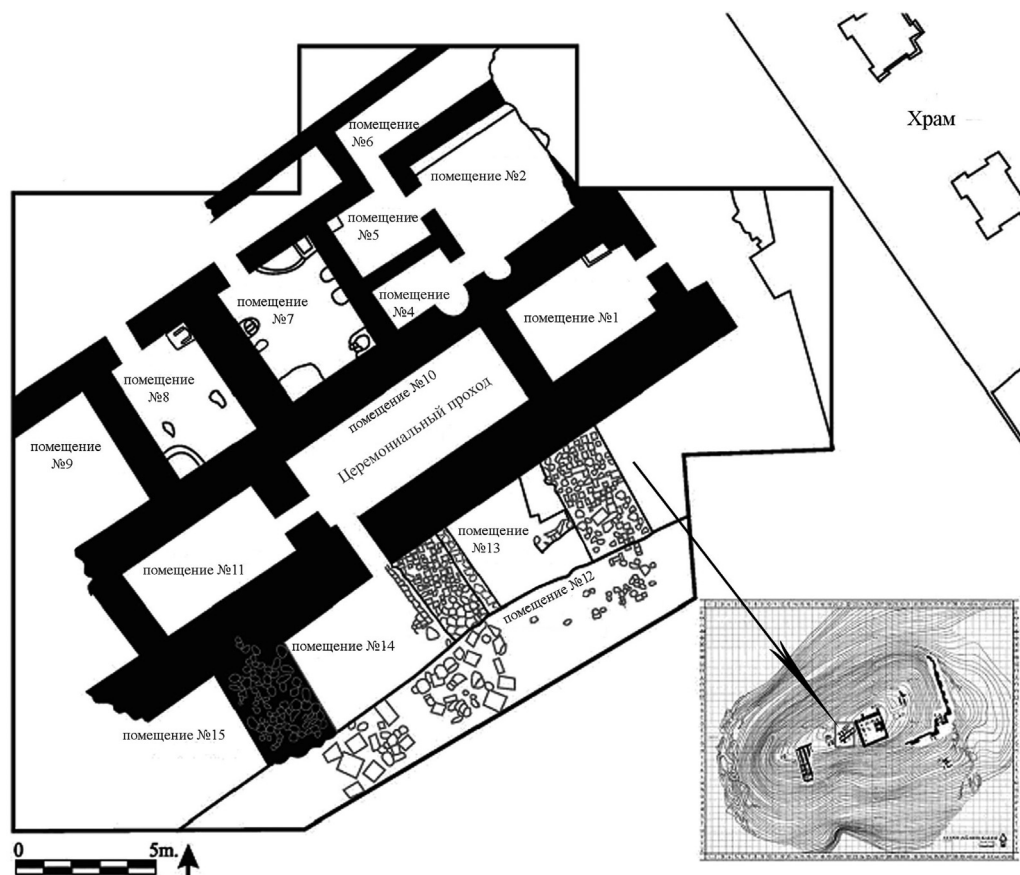

Рис. 1. Помещения зоны XI Верхнего города Аяниса [Erdem, Çilingiroğlu, 2010; Batmaz, 2013].

Fig. 1. The rooms in Area XI of the Upper city of Ayanis [Erdem, Çilingiroğlu, 2010; Batmaz, 2013].

ционными сооружениями Верхнего города, возведенного на холме, и Нижнего, раскинувшегося у его подножья. По замыслу строителей центральное место в Верхнем городе отведено монументальному храмовому комплексу. Покровителю правящей династии богу Халди посвящен храм «Суси». К западу от храмового комплекса расположен и частично исследован блок жилых помещений зоны XI. Судя по доступным публикациям, назначение комнат заметно различалось: это могли быть кладовые, жилые комнаты, а помещения 10 и 11 использовались для религиозных церемоний (рис. 1) [Çilingiroğlu, Salvini, 2001; Çilingiroğlu, Erdem, 2007, s. 123–130; Erdem, Çilingiroğlu, 2010, p. 151–157; Çilingiroğlu, 2011(1), s. 296–313; 2012, p. 305; 2018(1); Batmaz, 2013; 2014, p. 123, 127]. Вероятно, в этих помещениях могла пребывать царская чета при посещении города и храмового комплекса.

В комнате 2 многокамерного помещения, непосредственно примыкающего к храмовым строениям, найден образец клинкового оружия кочевников эпохи переднеазиатской эпопеи – акинак раннескифского облика (рис. 2)² [Çilingiroğlu, Erdem, 2007, s. 127, res. 9; Erdem, Çilingiroğlu, 2010, p. 154, fig. 5b; Çilingiroğlu, 2007, res. 7; 2011(2), res. 2, 3, 6–9; Çilingiroğlu, Işıklı, 2014, res.13].

² Рисунки 2–4, 6–8 находятся на цветной вклейке

О МЕЧЕ ИЗ РУСАХИНИЛИ

Меч был обнаружен в деревянных ножнах, от которых сохранился обгоревший тлен и, видимо, роговая бутероль. Длина меча составляет 44 см (рис. 2, 4). Меч снабжен массивным брусковидным навершием, под которым ясно различим «приваренный» (?) к центральному валику рукояти стержень для крепления темляка. Рукоять меча длиной 12 см имеет характерное трехчастное строение; лезвие сужается. Перекрестие разрушено, но судя по фото, в его абрисе легко угадывается келермесский тип (по Е.В. Черненко). Сторона, обращенная к рукояти, имеет центральный приостренный выступ или, если прибегнуть к формулировке А.Ю. Алексеева, «выступает углом с вогнутыми (втянутыми) образующими» [Алексеев, 1991, с. 273], а боковые грани перекрестия если не прямые, то по крайней мере не сильно закругленные. Нет ни малейшего сомнения в том, что аянисский меч относится к акинакам келермесского типа.

Мечи, включенные в этот типологический ряд, обладают достаточно устойчивым набором морфологических признаков, свидетельствующим к тому же об их несомненной хронологической близости: *брусковидное навершие обычно овальной в плане формы* (рис. 5, 3–4); *наличие у большинства образцов под навершием горизонтально расположенной петли, предназначенной, предположительно, для крепления темляка* (рис. 5, 2; *как правило, это отдельно изготовленная муфта, снабженная горизонтальной петлей; иногда петлю приваривали к центральному валику*); *трехчастное строение рукояти* (рис. 5); *перекрестие келермесского типа (бабочковидное или сердцевидное)* [Подобед, 1993, с. 47; Дараган, Подобед, 2011(1), с. 579; Ворошилов, 2011]³.

Меч из Аяниса – далеко не единственный образец клинкового оружия евразийских кочевников, найденный на территории Урарту. Не менее четырех экземпляров представлено в помещениях Тейшебаини. К интересующему нас типу следует отнести длинный меч из помещения Х (рис. 4, 1) [Пиотровский, 1970, рис. 53; Рябова, 2010(1), с. 96] и акинак из помещения XXIII⁴ [Пиотровский, 1963; Рябова, 2010(2), с. 179]. Еще один меч найден в погребении урартского вельможи в Геховите (рис. 3, 9) [Есаян, Погребова, 1985, табл. 1, 3; Пилопосян, Хачатрян, 1995, рис. 1, 2]. К этому перечню необходимо добавить погребальный комплекс номада из Имирлер, в состав которого входил меч подобный кармирблурскому (рис. 4, 2) [Ünal, 1982, Abb. 1, 1]. К этому перечню следует отнести и недавно опубликованный акинак из Каркемиша, найденный в одном из помещений дворцового комплекса в слое разрушения новоассирийского периода (рис. 5, 7) [Marchetti, 2014, p. 237, fig. 12]⁵.

Представительная выборка мечей келермесского типа найдена в некрополях Закавказья, которые находились в территориальной близости к северной периферии Урартской державы. Это образцы из п. 68, п. 128, п. 216 и п. 164 Глийского могильника [Вознесенская, 1975, с. 89–90, рис. 1; 5; Техов, 1985, с. 25, рис. 142, 2, 6] (рис. 3, 4–6), п. 27 и п. 212 Самтаврского могильника [Mehnert, 2008, Taf. 35, 19; 43, 11] (рис. 3, 7–8)⁶, п. 102 у с. Базалети (рис. 3, 3),

³ Особый интерес вызывает трехчастное строение рукояти, достаточно сложный и трудоемкий процесс изготовления которой детально реконструирован Г.А. Вознесенской, применительно к глийским образцам [Вознесенская, 1975, с. 90]. В это же время использовались и другие акинаки, с двутавровой рукоятью (рукоять с боковыми валиками и желобком посредине), изготовленные совершенно иным способом, технически значительно более упрощенным по сравнению с «трехчастной» конструкцией. Они выковывались с использованием специального молотка и подставки.

⁴ Б.Б. Пиотровский ознакомил В.А. Подобеду с рисунком этого меча в 1991 г. Схематический рисунок, вероятно, этого же меча был опубликован Б.Б. Пиотровским [1989, рис. 2; ср.: Есаян, Погребова, 1985, табл. 1, № 2 (?)].

⁵ Это, безусловно, не «классический» меч келермесского типа, по своим морфологическим характеристикам он больше соответствует мечу из п. 2 Репяховатой могилы.

⁶ Искренне признательны М. Абрамишвили (Государственный музей Грузии им. Джанашиа) за предоставленные фотографии самтаврских мечей

п. 110 у с. Варсимаанткари (рис. 4, 3) [Mehnert, 2008, Taf. 53, 13; 85, 7; Georgien, 2001, p. 419, No. 382, 383] и п. 2 у с. Двани [Макалатия, 1949, с. 236] (рис. 5, 1).

В Предкавказье и Закубанье к этому типу относится меч из кургана 1/Ш (Шульца) Келермесского могильника и мечи из погребений 28, 82 и 135 Владимирского могильника [Шишлов и др., 2007]⁷ (рис. 5, 3–4). Вероятно, повторяя железную основу рукояти, мастер-торевт разделил золотую обкладку ручки келермесского меча продольными полосами (рис. 5, 2) [Подобед, 1993, с. 47; Галанина, 1997, с. 88, 90, 92]. И

В Северном Причерноморье к этой серии следует отнести меч из Мельгуновского кургана, рукоять которого не сохранилась, но техника изготовления и декорирования золотой обкладки аналогична келермесской (рис. 6, 1) [Черненко, 1980, с. 18–19, 22], а также меч из кургана 2 в урочище Дарьевка (рис. 5, 5) [Ильинская, 1975, с. 53, табл. XXXIV, 18]. Классический образец меча келермесского типа представляет собой акинак из погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (рис. 3, 2) [Ковпаненко и др., 1994, с. 54–55, рис. 6, 1].

Время бытования мечей келермесского типа следует ограничить последними десятилетиями VIII–VII вв. до н.э. [Подобед, 1993, с. 47; Дараган, Подобед, 2011(1), с. 578–582; ср.: Ворошилов, 2009, с. 40; 2011, с. 157; Топал, 2018, с. 8–9]. Наиболее поздними образцами могут быть признаны меч из п. 2 Репяховатой могилы, обнаруженный вместе с милетской амфорой конца VII в. до н.э. [Ильинская и др., 1980, с. 41, рис. 11, 5–6; 12; Дараган, 2010] (рис. 5, 6), и меч из Каркемиша (рис. 5, 7), видимо, синхронный находкам из дома D [Woolley, 1921]; эти разрушения связывают с гибелью города, захваченного в 605 г. до н.э. армией вавилонского царя Навуходоносора II [Медведская, 2010, с. 169].

Мечу соответствует роговая бутероль округлой формы диаметром 3,9 см (рис. 2, 3) [Erdem, Çilingiroğlu, 2010, p. 154, fig. 5b; Çilingiroğlu, 2011(2), res. 6]. Навершие корпуса завершается узким прямоугольным устьем – «карнизом» (если использовать терминологию Б.А. Литвинского). Лицевая (парадная) плоскость бутероли украшена: на нее нанесено изображение свернувшегося хищника. Тыльная сторона изделия гладкая и лишена какого-либо декора. Неясно, каким образом сама бутероль крепилась к деревянным ножнам. Фасадная часть устья повреждена. Изображение хищника выполнено в технике выпуклого рельефа. Мастер-косторез создал образ, в котором причудливо совмещены характерные черты разных животных, воплотив в аянинской бутероли некий обобщенный образ хищника. У зверя непропорционально массивная по сравнению с туловищем голова и длинная волчья или псовая пасть, оконтуренная с внешней стороны рельефным валиком, с отчетливо различимым верхним рядом зубов⁸. В то же время кольцевидная трактовка глаза, ноздри, стоп и окончания хвоста наиболее характерны для изображения кошачьих хищников – барсов, пантер. Эти части тела переданы идеально круглыми с углублением в центре и наружной циркулярной обводкой. Оригинальна форма уха: оно не округлое и не сердцевидное, а скорее полукруглой формы и напоминает копытообразный знак. Весьма показательна схема взаиморасположения лап: передняя лапа прижата к шее, а ее стопа находится под мордой, точнее – у скулы животного, задняя же согнута так, что ее стопа упирается в локоть передней лапы. Длинный «кошачий» хвост, заканчивающийся кольчатым окончанием, находится непосредственно под пастью животного.

Это вторая после образца из Тейшебаини (Кармир-Блур) бутероль, декорированная в скифском зверином стиле и найденная в достоверном урартском комплексе (рис. 8, 4). Предмет из Кармир-Блура уникален, а иконографическая схема кошачьего хищника не на-

⁷ Наиболее поздним мечом с трехчастным строением рукояти в этом регионе является короткий меч из п. 8 к. 11 могильника Лебеди V. Но это меч не келермесского типа, у него иная форма перекрестия – почковидная [Пьянков и др., 2019, с. 211, 214, рис. 7, 1].

⁸ См. аналогичную трактовку пасти на изображениях свернувшихся в кольцо хищников (рис. 8, 3, 5–6) [Галанина, 1997, с. 94–95, каталог 3, рис. 25; Шульга, 2010, рис. 13, 31–32].

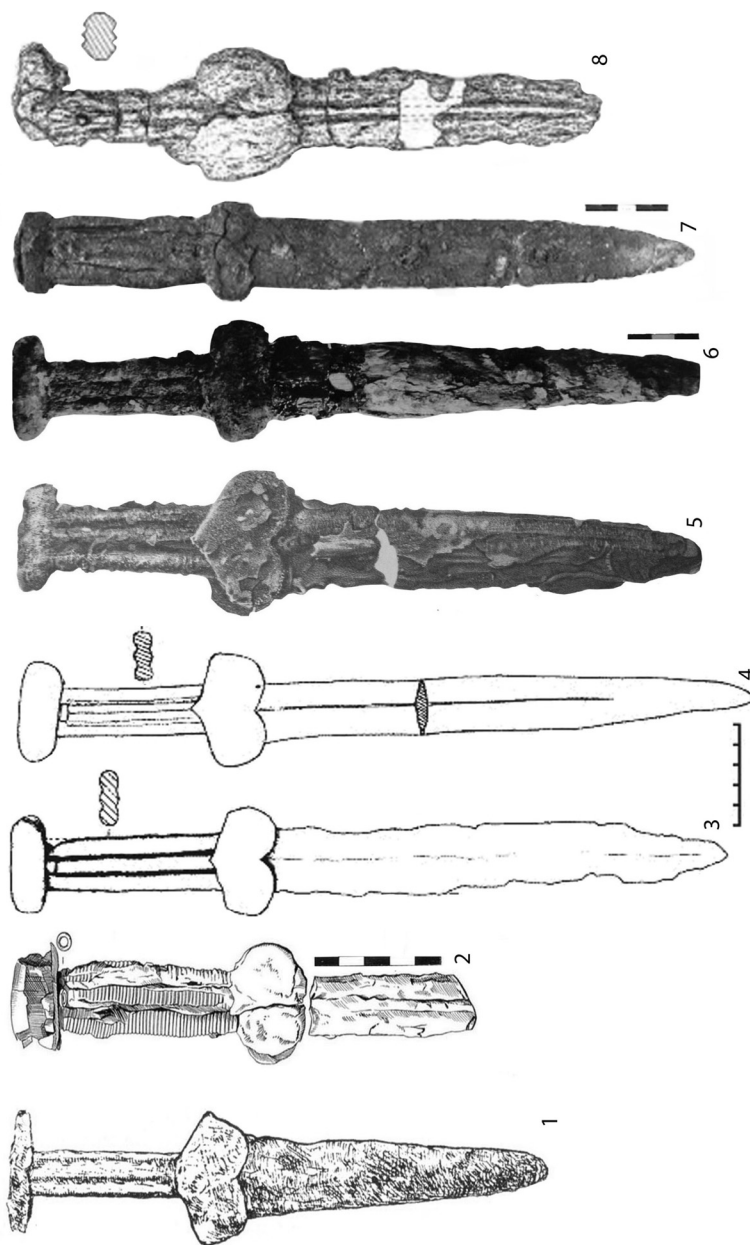

Рис. 5. Раннескифские мечи с трехчастным строением рукояти. 1 – Двани; 2 – Келермес к. 1/Ш; 3–4 – Владимировский могильник п. 135 и п. 28; 5 – Дарьевка к. 2; 6 – Репяховатая могила п. 2; 7 – Каркемиш; 8 – Лебеди [Макалатия, 1949; Галанина, 1997; Шишлов и др., 2007; Ильинская, 1975; Ильинская и др., 1980; Marchetti, 2014; Пьянков и др., 2019].

Fig. 5. Early Scythian swords with a three-part hilt structure. 1 – Dvani; 2 – Kelermes k. 1/Sh; 3–4 – Vladimirovskiy b. 135 and b. 28; 5 – Daryevka k. 2; 6 – Repyakhovataya mogyla p. 2; 7 – Karkemish; 8 – Lebedi [Makalatia, 1949; Galanina, 1997; Shishlov et al., 2007; Ilyinskaya, 1975; Ilyinskaya et al., 1980; Marchetti, 2014; Pyankov et al., 2019].

ходит прямых аналогий. Бутероли из Аяниса мы предполагаем посвятить отдельную работу, поэтому ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. Аянисская бутероль не объемная фигурка, в отличие от известных роговых и бронзовых образцов: здесь изображение нанесено лишь на одну из сторон. По своему абрису и форме устья бутероль из Аяниса совпадает с окончаниями обкладок ножен келермесского и мельгуновского мечей. Представляется, что «урартские» бутероли передают позу зверя несколько отличную от легко узнаваемого образа свернувшегося в кольцо хищника. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, зверь «как бы согнут в соответствии с формой бутероли» [1992, с. 107]. На бутероли нанесено изображение пронзенного острием меча хищника.

Другой не менее интересной находкой, имеющей непосредственное отношение к переднеазиатской эпопее киммерийцев и скифов, является «жезл» царицы Квакули (Qaqli), супруги Русы II сына Аргишти, найденный в помещении 11 зоны XI [Çilingiroğlu, 2011(1), s. 311; 2018(3); Çilingiroğlu, Salvini, 2012, p. 99–112; Batmaz, 2013, p. 67–72, res. 6]. Поверхность золотой обкладки «жезла» покрыта сплошной чередой повторяющихся изображений древа жизни, представленных той же иконографической схемой, что и «деревья», покрывающие боковые стороны золотых обкладок рукоятей парадных мечей из Келермеса и Мельгунова⁹. Очень близкие по стилю изображения древа жизни с фланкирующими его крылатыми гениями – керубами представлены на золотых обкладках перекрестья меча из Келермеса и на устьях ножен келермесского и мельгуновского мечей [Черненко, 1980]. Подобные композиции – древо жизни с фигурами фланкирующих его «гениев» – восходят к распространенному в урартском искусстве сюжету, связанному с Халди, верховным божеством урартского пантеона, главным «государственным» богом и покровителем правящей династии Биайнили [Calmeyer, 1979; Batmaz, 2013, p. 81–83]. Укажем на замечательное изображение древа жизни в составе орнаментальной композиции, украшавшей платформу целлы храма Халди в Аянисе. Интересно, что И.М. Дьяконов даже склонен был считать именно подобный тип урартского изображения древа жизни (Тип А по Калмееру) «династическим гербом урартских царей», специально оговаривая при этом, что подобные изображения известны по оттискам официальных печатей, сохранившихся на письмах и иных документах [Дьяконов, 1983]. Перечисленные изображения различаются в деталях (хотя их несомненное сходство все же впечатляет). И едва ли следует ожидать полного тождества всех структурных элементов рассматриваемой иконографической схемы на сопоставляемых предметах, учитывая как разницу в материалах (бронза, золото, камень), на которые наносились изображения, так и различные технические приемы, которые использовались мастерами-торевцами, покрывавшими готовые изделия (в данном случае железные мечи) ажурными золотыми обкладками, литейщиками, отливавшими бронзовые пояса, ремесленниками, изготавливавшими печати для царских канцелярий и, наконец, каменотесами, украшавшими храм Аяниса. Не последнюю роль, видимо, играли уровень квалификации и личные вкусы каждого конкретного мастера, его представления о гармоничности, о мере и достаточности. Так, на ветвях дерева, изображенного на золотой обкладке «жезла», принадлежавшего супруге Русы II, отсутствуют «плоды», спускающиеся с ветвей дерева: в «ковровом» заполнении обкладки для этой детали просто нет места. В то же время на изображениях деревьев, покрывающих боковые обкладки келермесского и мельгуновского мечей, плоды смотрятся органично, поскольку деревья стремятся ввысь по вертикальной оси ствола рукоятей мечей. Заметим, что это вполне соответствует представлениям о семантике изображений, нанесенных на золотые об-

⁹ Вся орнаментика меча и ножен отчеканена и выгравирована на самой золотой обкладке, а не оттиснута на нее с основы [Подобед, 1993, с. 47; Галанина, 1997, с. 92–98].

кладки парадных мечей, и роли акинака в идеологических и религиозных воззрениях скифского воинства и особенно его нобилитета. Интересно, что здесь совпадают даже мельчайшие детали иконографической схемы [Calmeuer, 1979].

Судя же по характеру выполнения и технике нанесения узора на «жезле» из Аяниса и мечах из Келермеса и Мельгунова, можно предположить, что все эти изделия были выполнены в одной из урартских царских мастерских (см.: [Королюкова, 2003]). Парадные мечи из Келермеса и Мельгунова датируются временем не позднее правления Русы II [Metdepenninghen, 1997, p. 131]. По нашему мнению, мечи из Келермеса и Литой могилы являются дипломатическими дарами царя Биайнили вождям кочевников, либо уже находившимся в союзнических отношениях с Урарту, либо же в знак намечающегося альянса. Урартские торевты нанесли «царские лилии» Биайнили на обкладки мечей номадов, и это свидетельствует о том, что их будущие владельцы в глазах урартского дарителя воспринимались почти как равные по статусу хозяину трона в Тушпе. Впрочем, не исключено, что обкладки могли быть изготовлены еще в царствование Аргишти II.

Помимо интересующего нас меча в Аянисе были найдены и другие предметы раннескифского облика: железный петельчатый псалий и обломок костяного зооморфного псалия [Özdemir, Işıklı, 2017; Işıklı et al., 2016, s. 591, res. 6], а также представительная коллекция двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел. Последние были выявлены при исследовании оборонительной стены крепости: судя по приведенному Дерином и Мускареллой плану, они были обнаружены в Верхнем городе, непосредственно в храме Халди [Derin, Muscarella, 2001, p. 189–192, fig. 1–7; Çilingiroğlu, 2005, p. 63–64; Muscarella, 2006, p. 154–159, fig. 1–4].

ДАТИРОВКА МЕЧА И ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ ЕГО ПОЯВЛЕНИЯ В РУСАХИНИЛИ ПЕРЕД ГОРОЙ ЭЙДУРУ

Предполагается, что город Русахинили перед горой Эйдуру был построен в годы правления Русы II и не пережил своего основателя. Обстоятельства гибели крепости, как, впрочем, и хронология этих событий, остаются предметом дискуссии. Обнаруженные надписи (на буллах, на votивных изделиях и на предмете из личного обихода царя – бронзовой чаше из помещения 14 зоны XI) связаны с именем Русы II [Çilingiroğlu, Salvini, 2001, p. 151–278; 2012, p. 106–108; Çilingiroğlu, Batmaz, 2013, s. 184; Batmaz, 2015, p. 134–137]¹⁰, и это служит основанием для выводов о том, что крепость погибла в годы его правления.

Принято считать, что Руса II взошел на престол Биайнили в 685 г. до н.э. Но эта конвенциональная дата восходит еще к хронологическим штудиям К.Ф. Леманн-Хаупта [Меликишвили, 1960, с. 418–419; Kroll, 1984, p. 152–154]. По мнению исследователей, военные компании Русы, о которых повествуют размещенные в целле храма «анналы», должны были предшествовать возведению культового центра в Аянисе. Именно военные успехи Русы в 670-е гг. позволили осуществить грандиозную строительную деятельность, результатом которой стало сооружение городов-крепостей Тейшебаини (Кармир-Блур), Малый город Русы (Бастам), Русахинили перед горой Килбани (Топраккале), Город бога Халди (Адилджеваз) и, наконец, Русахинили перед горой Эйдуру (Аянис) [Çilingiroğlu, Salvini, 2001; Erdem, Batmaz, 2008, p. 72; Çilingiroğlu, 2008, p. 21–22; 2011(1), s. 298–299; Медведская, 2010, с. 144–145].

Начало строительства «теменоса» Аяниса относят к 673/2 г. на основании дендрохронологических определений, полученных по образцам сгоревшей древесины, взятой из разных объектов крепости. В абсолютных датах они соответствуют 673+4/-7 гг. до н.э. [Kuniholm

¹⁰ О единственном исключении – бронзовом шлеме Аргишти II см.: [Çilingiroğlu, 2018(1), p. 25].

et al., 2005, p. 44; Newton, Kuniholm, 2007, p. 195, 197] или же периоду между 677 и 673 гг. до н.э., когда, как предполагается, и была построена крепость [Çilingiroğlu, 2011(1), p. 299; Salvini, 2007].

К этому же времени относится запрос ассирийского царя Асархаддона к оракулу бога Шамаша, в котором, по мнению А.И. Иванчика, «выражается беспокойство в связи с возможностью нападения со стороны урартского царя Русы II и киммерийцев на область Шубрию, находившуюся к юго-западу от озера Ван, в горах Западного Тавра» [Иванчик, 1996, с. 77–79]. На этом основании исследователи пришли к выводу о возможном военном и политическом альянсе упомянутых сторон [см., например: Тохтасев, 1993; Дьяконов, 1994; Иванчик, 1996; 2001; Медведская, 2010].

С присутствием и военной активностью группы «западных» киммерийцев в 670-е гг. на приевфратских землях у западных границ ассирийской державы и Урарту связывают погребальный комплекс из Имирлер, упомянутый нами ранее¹¹. Ко времени совместного похода киммерийцев и Русы II на мушков, т.е. на Фригию [Медведская, 2010, с. 191], вероятно, следует относить и роговое изделие с изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, найденное на полу помещения R181 поселения Бюкюкале (рис. 8, 2) [Matsumura, 2019, s. 37, res. 10, b]. О других находках раннескифского облика с этой территории см. Иванчик, 2001, с. 21–57; Дараган, Подобед 2011(1), с. 576–577, рис. V, 39–40].

Можно предположить, что именно в период военного союза «гиммири» и Биайнили, в годы походов Русы II за Евфрат, акинак в качестве дружеского дара от одного из киммерийских вождей был доставлен в Аянис и оказался в одном из помещений резиденции вместе с двумя железными мечами в бронзовых ножнах урартского производства [Çilingiroğlu, 2018(1), p. 23; 2018(2), p. 121].

В перечне вражеских стран, завоеванных Русой и упомянутых в его «анналах», числится страна Этиуни, локализуемая к югу от оз. Севан. Именно на рубежах с этим враждебным Урарту миром закавказских вожеств и племенных союзов была открыта гробница урартского вельможи в Геховите, где обнаружен меч келермесского типа. Урартская часть погребального инвентаря и особенно уздечные принадлежности; позволяют сопоставить геховитское погребение с гробницей № 3 в Алтын-тепе [Özgüç, 1989; Ivantchik, 2001] и датировать его, соответственно, временем правления Аргишти II.

К этому следует добавить, что в упомянутых выше самтаврском и тлийском некрополях наряду с раннескифскими вещами представлены и предметы урартского производства, а в погребении 102 Базелети¹² [Mehnert, 2008, Taf. 53, 6] мечу келермесского типа сопутствует урартская фибула, типологически близкая образцу из помещения 2 зоны XI Аяниса (рис. 2, 2) и фибулам, найденным в построенных Русой II городах (рис. 7, 13–20) [Köroğlu, Kopyay, 2008]. Не подлежит сомнению, что на момент гибели крепости акинак находился в помещении 2.

Правление Русы II заканчивается в 653–650 гг. до н.э. Основанием для выведения этой даты служит известный синхронизм, связанный с приемом урартских послов царя Русы по случаю победы Ашшурбанипала над Эламом в битве при Улае 13 июля 653 г. до н.э. Принято считать, что здесь речь идет уже о Русе, сыне Эримены [Kroll, 1984, p. 151–169; 2012, p. 183; Иванчик, 2006, с. 152–157; Çilingiroğlu, 2008, p. 23–24; Erdem, Batmaz, 2008, p. 78; Çilingiroğlu, 2011(1), s. 298; Seidl, 2012; Hellwag, 2012; Fuchs, 2012].

¹¹ Применительно к имирлерскому комплексу вполне допустимы более низкие даты [Иванчик, 1999, с. 94, прим. 37].

¹² В погребении 102 Базелети найдена еще одна чрезвычайно интересная находка – железный топор-секира, обладающий такой характерной чертой, как вытянутый ромбовидный в сечении обух (рис. 7, 8) [Mehnert, 2008, Tafel. 53, 12]. Ближайшие аналогии этому изделию происходят из эталонных погребальных комплексов скифского времени Западно-Подольской Лесостепи: Ленковцы, курган 1, Перебыковцы, курган 2, Круглык, курган 1 (рис. 7, 22–24).

Исследователи выдвигают два возможных объяснения гибели города: либо он был захвачен и разрушен после штурма, при этом в роли нападающей стороны выступили евразийские номады [Çilingiroğlu, Salvini, 2001, p. 24] или мидийцы [Медведская, 2019, с. 173]¹³, либо же Верхний город пострадал от землетрясения, и его строения более не восстанавливались [Çilingiroğlu, 2005, p. 65].

По нашему мнению, не стоит отрицать саму попытку штурма, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел у ворот и крепостной стены. Эти наконечники принадлежали как защитникам Верхнего города, так и штурмующим [Derin, Muscarella, 2001, fig. 1–7]. Но мы позволим себе усомниться в успехе нападающей стороны, во всяком случае, до появления детальных публикаций на уровне «локусов» (локализация стрел в храме, соотношение втульчатых бронзовых стрел и железных черешковых у крепостной стены)¹⁴. Явных последствий штурма, будь он удачным, не засвидетельствовано [Çilingiroğlu, 2005, p. 65]. Впрочем, четких критериев того, что должно ожидать исследователей памятника в подобном случае, видимо, не существует: действительность всегда богаче... Наиболее показательный и впечатляющий пример засвидетельствованной археологически драмы – гибель города Хасанлу IVB. И совершенно иную археологическую картину дают слои разрушений в Малом городе Русы и в Тейшебаини: Кармир-Блур гибнет в страшном пожаре в результате внезапного штурма, а Бастам, видимо, был оставлен участвовавшим в «гражданской усобице» гарнизоном, который предал город огню, предварительно уничтожив во время эвакуации запасы продовольствия. Эпизод с псами, погибшими в складском помещении, весьма красноречив: животные, похоже, не боялись поджигателей (см.: [Kroll, 1984, S. 157]). Вероятно, Аянис, пережив штурм Верхнего города, погибает в результате тектонической катастрофы – землетрясения [Çilingiroğlu, 2005, p. 65; 2011(1), s. 296–298; 2018(1); Çilingiroğlu, Batmaz, 2021].

Резюмируя всё сказанное выше, можно предположить, что в отличие от меча из Геховита, оказавшегося в погребении урартского вельможи, возможно, еще во времена Аргишти II, и мечей из Тейшебаини, служивших воинам «скифского гарнизона» при последних царях Урарту, появление этого меча в Аянисе, судя по всему, связано с западными военными компаниями Русы II. При этом мы пока вынужденно разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что в эпоху присутствия киммерийцев и скифов в Передней Азии их материальные культуры едва различимы. Строго говоря, мы наблюдаем лишь фрагменты воинской субкультуры евразийских номадов. Детали общей картины для нас пока остаются неизвестными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках. *Археологическая типология*. Под ред.ю Л.С. Клейна. Ленинград: Академия наук СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское научно-исследовательское ар-

¹³ З. Дерин и О. Мускарелла полагают, что наконечники стрел «скифских» типов были приняты на вооружение многими армиями Передней Азии и поэтому не могут служить надежным этническим маркером [Derin, Muscarella, 2001, p. 198]. Отмечается также, что такими же наконечниками могли пользоваться и сами урарты [Derin, Muscarella, 2001, p. 200–201; Иванчик, 2006, с. 150; Erdem, Batmaz, 2008, p. 69].

¹⁴ Отметим только, что в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье не было обнаружено ни одного колчана, с которым можно было бы напрямую соотнести весь набор аянисских наконечников; определенные соответствия отдельным наконечникам имеются во многих колчанах, но этот факт не может быть основанием для их синхронизации. Судя по динамике изменения колчанных наборов, в случае совпадения ритмов развития и смены наконечников в Передней Азии, на территориях к северу от Урарту и в Северном Причерноморье (что пока не доказано) аянисский набор должен следовать за колчаном из кургана 524 Жаботина [Дараган, Подобед, 2011(2), с. 114].

хеологическое объединение, 1991. С. 271–280 [Alekseev A.Y. An Etude on Akinaks. *Archaeological Typology*. Ed. L.S. Klein. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, LF CENDISI, Leningrad Research Archaeological Association, 1991. Pp. 271–280 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы. *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой*. Под ред. А.С. Балахванцева, С.В. Кулланды. М.: ИВ РАН, 2016. С. 15–24 [Balakhvantsev A.S. The Absolute Chronology of Archaic Scythia: Eastern Benchmarks. *Caucasus and Steppes in the Late Bronze – Early Iron Age: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Maria Nikolaevna Pogrebova*. Eds.: A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda. Moscow: IOS RAS, 2016. Pp. 15–24 (in Russian)].

Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника. *Очерки технологии древнейших производств*. Под ред. Б.А. Колчина. М.: Наука, 1975. С. 76–116 [Voznesenskaya G.A. Technology of Production of Iron Objects of the Tlii Cemetery. *Essays on the Technology of Ancient Industries*. Ed. B.A. Kolchin. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 76–116 (in Russian)].

Ворошилов А.Н. О серии акинаков келермесского типа. *Древность: историческое знание и специфика источника*. Вып. IV. Под ред. А.С. Балахванцева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 40–42 [Voroshilov A.N. On a Series of Akinakes of the Kelermes type. *Antiquity: Historical Knowledge and Source Specificity*. Vol. IV. Ed. A.S. Balakhvantsev. Moscow: IOS RAS, 2009. Pp. 40–42 (in Russian)].

Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи. *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Под ред. В.Д. Березуцкого и др. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2011. С. 156–168 [Voroshilov A.N. Akinakes of the Kelermes Type in the Don Forest-steppe. *East European Antiquities of the Scythian Era*. Eds.: V.D. Berezutskiy et al. Voronezh: Publishing and Printing Centre “Nauchnaia Kniga”, 2011. Pp. 156–168 (in Russian)].

Галанина Л.К. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. Kelermes Barrows. *Royal Burials of the Early Scythian Era*. Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian)].

Дараган М.Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы. *Античный мир и археология*. Вып. 14. Саратов, 2010. С. 175–203 [Daragan M.N. On the Dating of an Amphora from Burial No. 2 of the Repyakhovata Mogila. *Antiquity and Archaeology*. Vol. 14. Saratov, 2010. Pp. 175–203 (in Russian)].

Дараган М.Н., Подобед В.А. Финал горизонта Жаботин II. Хронология горизонта Жаботин III. *Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ, 2011(1). С. 563–589 [Daragan M.N., Podobed V.A. Final Horizon of Zhabotina II. Chronology of the Horizon Zhabotina III. *Daragan M.N. The Early Iron Age in the Dnieper's Right Bank Forest-steppe Region*. Kyiv: KNT, 2011(1). Pp. 563–589 (in Russian)].

Дараган М.Н., Подобед В.А. Горизонт Жаботина Северного Причерноморья и хронология наконечников стрел жаботинского типа. *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этнокультурных процессов степной Евразии*. Под ред. А.З. Бейсенова. Караганды, 2011(2). С. 107–116 [Daragan M.N., Podobed V.A. Zhabotin Horizon of Northern Black Sea Region and Chronology of Arrowheads of Zhabotin Type. *Sak Culture of Saryarka in the Context of Studying Ethno Cultural Processes of Steppe Eurasia*. Ed. A.Z. Beisenov. Karagandy, 2011(2). Pp. 107–116 (in Russian)].

Дьяконов И.М. К вопросу о символе Халди. *Древний Восток*. Вып. 4. Ереван, 1983. С. 190–194 [Diakonoff I.M. On the Question of the Khaldi Symbol. *The Ancient East*. Vol. 4. Yerevan, 1983. Pp. 190–194 (in Russian)].

Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке. *Российская археология*. 1994. № 1. С. 108–116 [Diakonoff I.M. The Cimmerians and the Scythians in the Ancient Near East. *Russian Archaeology*. 1994. No. 1. Pp. 108–116 (in Russian)].

Есаян С.А., Погребова М.Н. *Скифские памятники Закавказья*. М.: Наука, 1985 [Esayan S.A., Pogrebova M.N. *Scythian Monuments of Transcaucasia*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Иванчик А.И. *Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э.* М.: ПМЛ Института Африки, 1996 [Ivantchik A.I. *Cimmerians. The Pre-Eastern Civilizations and the Steppe Nomads in the 8th – 7th centuries B.C.* Moscow: PML Instituta Afriki, 1996 (in Russian)].

Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии. *Вестник древней истории*. 1999. № 2. С. 77–97 [Ivantchik A.I. Modern State of the Cimmerian Problem. Results of Discussion. *Journal of Ancient History*. 1999. No. 2. Pp. 77–97 (in Russian)].

Иванчик А.И. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени.* М.: Палеограф, 2001 [Ivantchik A.I. *The Cimmerians and the Scythians. Cultural-historical and Chronological Problems of East European Steppes and Caucasus Archeology of Pre – and Early Scythian Time.* Moscow: Paleograph, 2001 (in Russian)].

Иванчик А.И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных. *Этнокультурное взаимодействие в Евразии*. Т. 1. Под ред. А.П. Деревянко и др. Москва: Наука, 2006. С. 146–161 [Ivantchik A.I. The Early-Scythian Chronology in the Light of Ancient Eastern Data. *Ethnocultural Interaction in Eurasia*. Vol. 1. Eds.: A.P. Derevyanko et al. Moscow: Nauka, 2006. Pp. 146–161 (in Russian)].

Ильинская В.А. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.* Киев: Наукова думка, 1975 [Ilyinskaya V.A. *Early-Scythian Burial Mounds of the Tyasmin River Basin.* Kyiv: Naukova Dumka, 1975 (in Russian)].

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. *Скифия и Кавказ*. Под ред. А.И. Тереножкина. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63 [Ilyinskaya V.A., Mozolevsky B.N., Terenozhkin A.I. Barrows from the 6th century BC near Matusov Village. *Scythia and the Caucasus*. Ed. A.I. Terenozhkin. Kyiv: Naukova Dumka, 1980. Pp. 31–63 (in Russian)].

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые курганы раннего железного века в Поросье. Под ред. Е.В. Черненко. *Древности скифов*. Киев: Институт археологии НАНУ, 1994. С. 41–62 [Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryi S.A. New Kurgans of the Early Iron Age in Porosie. *Antiquities of the Scythians*. Ed. E.V. Chernenko. Kyiv: Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine, 1994. Pp. 41–62 (in Russian)].

Королькова Е.Ф. Древневосточные чудовища и скифский звериный стиль. *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.02.1908–15.10.1990)*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 38–44 [Korolkova E.F. Ancient Eastern Monsters and Scythian Animal Style. *Hermitage Readings in the Memory of B.B. Piotrovsky (14.02.1908–15.10.1990)*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum Publishing, 2003. Pp. 38–44 (in Russian)].

Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника. *Советская археология*. 1949. № 11. С. 225–240 [Makalatia S.I. Excavations of the Dvan Burial Ground. *Soviet Archeology*. 1949. No. 11. Pp. 225–240 (in Russian)].

Медведская И.Н. *Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н.э.). История Мидийского царства.* СПб.: Петерб. Востоковедение, 2010 [Medvedskaya I.N. *Ancient Iran on the Eve of Empires (9th–6th centuries B.C.). The History of the Midian Kingdom.* St. Petersburg: St. Petersburgskoe Vostokovedenie, 2010 (in Russian)].

Медведская И.Н. *Иран в начале железного века.* СПб.: Наука, 2019. [Medvedskaya I.N. *Iran at the beginning of the Iron Age.* St. Petersburg: Nauka, 2019. (in Russian)].

Меликишвили Г.А. *Урартские клинообразные надписи.* Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960 [Melikishvili G.A. *Urartian Cuneiform Inscriptions.* Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing, 1960 (in Russian)].

Пилопосян А.С., Хачатрян Л.Е. Вантоспское пещерное захоронение Геховита. *Археологические памятники Армении*. 1995. № 16. С. 80–97 (на армянском языке). [Piloposyan A.S., Khachatryan L.E. Vantosp Cave Burial Site of Geghovit. *Archaeological Monuments of Armenia*. 1995. No. 16. Pp. 80–97 (in Armenian)].

Пиотровский Б.Б. Урартские надписи из раскопок Кармир-Блур (Вместо предисловия). В кн.: Дьяконов И.М. *Урартские письма и документы*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–14 [Piotrovsky B.B. Urartian Inscriptions from Karmir-Bloor Excavations (Instead of the Preface). In: Diakonoff I.M. *Urartian Letters and Documents*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1963. Pp. 3–14 (in Russian)].

Пиотровский Б.Б. *Кармир-Блур*. Л.: Аврора, 1970 [Piotrovsky B.B. *Karmir Bloor*. Leningrad: Aurora, 1970 (in Russian)].

Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту. *Вестник древней истории*. 1989. № 4. С. 3–10 [Piotrovsky B.B. Scythians and Urartu. *Journal of Ancient History*. 1989. No. 4. Pp. 3–10 (in Russian)].

Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры*. Москва: ГРВЛ, 1992 [Pogrebova M.N., Raevsky D.S. *Early Scythians and the Ancient East*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1992 (in Russian)].

Подобед В.А. Меч. *Археологический альманах*. № 1. Донецк: Донецчина, 1993. С. 46–47 [Podobed V.A. Sword. *Archaeological Almanac*. No. 1. Donetsk: Donechchyna, 1993. Pp. 46–47 (in Russian)].

Пьянков А.В., Рябкова Т.В., Зеленский Ю.В. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье. *Археологические вести*. 2019. № 25. С. 206–228 [Pyankov A.V., Ryabkova T.V., Zelenski Y.V. Complex of the Early Scythian Time Burial Mound No. 11 of the Lebedi V Cemetery in the Kuban. *Archaeological News*. 2019. No. 25. Pp. 206–228 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени. *Археологический сборник. Вып. 38. Материалы и исследования по археологии Евразии. Посвящается памяти Я.В. Доманского*. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010(1). С. 87–106 [Ryabkova T.V. Scaled Armours from the Early Scythian Time. *Archaeological Collection. Vol. 38. Materials and Studies on the Eurasian Archaeology. Dedicated to the memory of J.V. Domansky*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum Publishing House: 2010(1). Pp. 87–106 (in Russian)]

Рябкова Т.В. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини. *Археологический альманах*. 2010(2). № 21. С. 178–188 [Ryabkova T.V. On the Question of “Scythian” Beads in Teishebaini. *Archaeological Almanac*. 2010(2). No. 21. Pp. 178–188 (in Russian)].

Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *Российская археология*. 1993. № 2. С. 101–118 [Smirnova G.I. Monuments of the Middle Dniester Region in the Chronological Scheme of the Early Scythian Culture. *Russian Archaeology*. 1993. No. 2. Pp. 101–118 (in Russian)].

Техов Б.В. *Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII–VI вв. До н.э.)*. Тбилиси: Мецниереба, 1985 [Tekhov B.V. *Tlii Cemetery III (Complexes of the Second Half of 7th – 6th centuries B.C.)*. Tbilisi: Metsniereba, 1985 (in Russian)].

Топал Д.А. Акинаки келермесского типа с территории Республики Молдова. *Археология ранних кочевников Евразии*. Под ред. В.Н. Мышкина. Самара: ООО «Книжное издательство», 2018. С. 7–21 [Topal D.A. Akinakes of the Kelermes Type from the Territory of the Republic of Moldova. *Archaeology of the Early Nomads of Eurasia*. Ed. V.N. Myshkin. Samara: ООО Knizhnoe izdatel'stvo, 2018. Pp. 7–21 (in Russian)].

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). *Скифия и Кавказ*. Под ред. А.И. Тереножкина. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–30 [Chernenko E.V. Ancient Scythian Ceremonial Swords (Melgunov and Kelermes). *Scythia and the Caucasus*. Ed. A.I. Terenozhkin. Kyiv: Naukova Dumka, 1980. Pp. 7–30 (in Russian)].

Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Материальная культура Владимировского могильника. *Исторические записки (исследования и материалы)*. Вып. 5. Новороссийск, 2007. С. 4–19 [Shishlov A.V., Fedorenko N.V., Kolpakova A.V., Kononenko A.P. Material Culture of the Vladimirovka Cemetery. *Historical notes (Research and Materials)*. Vol. 5. Novorossiysk, 2007. Pp. 4–19 (in Russian)].

Шульга П.И. *Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация)*. Барнаул: Издательство АлтГТУ, 2010 [Shulga P.I. *Xinjiang in the 8th–3rd centuries B.C. (Burial Complexes. Chronology and Periodization)*. Barnaul: Altai State Technical University Press, 2010 (in Russian)].

Batmaz A. A New Ceremonial Practice at Ayanis Fortress: The Urartian Sacred Tree Ritual on the Eastern Shore of Lake Van. *Journal Of Near Eastern Studies*. 2013. Vol. 72. No. 1. Pp. 65–83.

Batmaz A. Recent Archaeological Research at Ayanis Fortress (Van, Turkey). *B.B. Piotrovsky and Archaeology: Collected Articles Dedicated to the Memory of the Outstanding Urartologist and Orientologist B. Piotrovsky*. Ed. A. Piliposyan. Erivan: Ministry of Culture of Republic of Armenia, 2014. Pp. 122–144.

Batmaz A. Votive Objects and their Storage Areas in Urartian Fortresses. *Ancient Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 52. Pp. 127–205.

Calmeyer P. Das Symbol des Haldi. *Bastam. 1, Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972–1975. Teheraner Forschungen*, 4. Ed. W. Kleiss Berlin: Mann, 1979. S. 185–188.

Çilingiroğlu A. Bronze Arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): Indicate Ethnic Identity? *Metal III. Der Anschnitt Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau* 18. Ed. Ü. Yalçın Beiheft. Bochum: Dt. Bergbau Museum, 2005. Pp. 63–66.

Çilingiroğlu A. Ayanis Kalesi'ndeki Evsel Mekânlar. *Doğudan Yükselen Işık-Arkeoloji Yazıları, Atatürk Üniversitesi 50. Yıl Kuruluş Yıldönümü Arkeoloji Armağanı*, (hzr. B. Can-M. Işıklı). Erzurum, 2007. S. 37–43.

Çilingiroğlu A. Rusa Son of Argishti: Rusa II or Rusa III? *Ancient Near Eastern Studies*. 2008. Vol. 45. Pp. 21–29.

Çilingiroğlu A. Ayanis Kalesi (Ayanis Fortress). *Urartu – Biainili: Doğu'da Değişim*. 2011(1). S. 296–315.

Çilingiroğlu A. Ayanis Kalesi'nde Bulunan Demir Bir Kılıç. *Karadeniz'den Fırat'a Bilgi Üretimleri. Önder Bilgi'ye Armağan Yazılar [Knowledge Production from the Black Sea to the Euphrates. Studies Presented in Honour of Önder Bilgi]*. Eds.: A. Öztan, Ş. Dönmez. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2011(2). S. 1–13.

Çilingiroğlu A. Urartian Temples. *Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007*. Ed. S. Kroll et al. Leuven: Peeters, 2012. Pp. 295–307.

Çilingiroğlu A. Ayanis Fortress: the Day after the Disaster. *Urartians: a Civilization in the Eastern Anatolia. Symposium I. The Proceedings of the 1st International Symposium held at İstanbul in 13–15 October, 2014*. Eds.: A. Çilingiroğlu, Z. Culha. İstanbul: Rezan Has Müzesi. 2018(1). Pp. 14–26.

Çilingiroğlu A. Ayanis Fortress: Only a Military Fortress or More. *Over the Mountains and Far Away: Studies in Near Eastern History and Archaeology Presented to Mirjo Salvini on the Occasion of his 80th Birthday*. Eds.: P.S. Avetisyan et al. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2018(2). Pp. 120–133.

Çilingiroğlu A. Artifacts Belonging to Queen Qaqli and Mr. Tigursagga from an Elaborately Decorated Quarter of the Ayanis Fortress. *The Adventure of the Illustrious Scholar: Papers Presented to Oscar White Muscarella*. Ed. E. Simpson. Boston; Leiden: Brill, 2018(3). Pp. 215–224.

Çilingiroğlu A., Batmaz A. Ayanis Kalesi 2009–2012 Kazıları. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2013. 35/1. S. 175–198 [Çilingiroğlu A., Batmaz A. Excavations of Ayanis Fortress 2009–2012. *Excavation Results Meeting* 2013. 35/1. Pp. 175–198 (in Turkish)].

Çilingiroğlu A., Batmaz A. Depremler Urartulu mimarlara neler öğretti? *Arkeo Duvar*. 2021. Vol. 6. S. 16–25 [Çilingiroğlu A., Batmaz A. What Have Earthquakes Taught Urartu Architects? *Arkeo Duvar*. 2021. Vol. 6. Pp. 16–25 (in Turkish)].

Çilingiroğlu A., Erdem A.U. Ayanis Kalesi Kazıları, 2005. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2007. 28/1. S. 123–136 [Çilingiroğlu A. Erdem A.U. Excavations of Ayanis Fortress 2005. *Excavation Results Meeting* 2007. 28/1. Pp. 123–136 (in Turkish)].

Çilingiroğlu A., Işıklı M. 25. Yılında Ayanis Kalesi Kazıları – Dün, Bugün ve Gelecek. *Anadolu'nun Zirvesinde Türk Arkeolojisinin 40. Yılı*. Eds.: H. Kasapoğlu, M.A. Yılmaz. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2014. S. 309–324 [Çilingiroğlu A., Işıklı M. 25 Years of Excavations of Ayanis Fortress –

Yesterday, Now and in Future. *40th Anniversary of Turkish Archeology at the Height of Anatolia*. Eds.: H. Kasapoğlu, M.A. Yılmaz. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2014. S. 309–324 Pp. 309–324 (in Turkish)].

Çilingiroğlu A., Salvini M. *Ayanis I: Ten Years' Excavations at Rusalinili Eiduru-kai, 1989–1998*. Documenta Asiana V. Rome: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001.

Çilingiroğlu A., Salvini M. New Contributions to Urartian Archaeology from the Fortress at Ayanis. *Anatolian Iron Ages 7. The Proceedings of the Seventh Anatolian Iron Ages Colloquium Held at Edirne, 19–24 April 2010*. Eds.: A. Çilingiroğlu, A. Sagona. Leuven: Peeters, 2012. Pp. 99–105.

Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows. *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusalinili Eiduru-kai 1989–1998*. Documenta Asiana VI. Eds.: A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici CNR, 2001. Pp. 189–217.

Erdem A.Ü., Batmaz A. Contributions of the Ayanis Fortress to Iron Age Chronology. *Ancient Near Eastern Studies*. 2008. Vol. 45. Pp. 69–90.

Erdem A.Ü., Çilingiroğlu A. Domestic Architecture in the Urartian Fortress at Ayanis. *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East May, 5th – 10th 2008*. Eds.: P. Matthiae et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. Pp. 151–163.

Georgien: *Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies; Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002*. Ed. I. Gambaschidze. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2001.

Hellwag U. Der Niedergang Urartus. *Bianili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 Tagungsbericht des Münchner Symposiums 12.–14. Oktober 2007*. Ed. S. Kroll et al. Leuven: Peeters, 2012. S. 227–241.

Işıklı M., Öztürk G., Parlüt U. 2014 Yılı Ayanis Kalesi Koruma, Onarım ve Kazı Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2016. 38/2. S. 587–598 [Işıklı M., Öztürk G., Parlüt U. Ayanis Castle Conservation, Repair and Excavation Works in 2014. *The Excavation Results Meeting*. 2016. 38/2. Pp. 587–598 (in Turkish)].

Ivantchik A. Das Zaumzeug aus Altintepe (Osttürkei) und die Chronologie der frühskythischen Kultur. *Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag*. Hrsg. von R.M. Boehmer und J. Maran. Rahden/Westf., 2001, S. 217–220.

Fuchs A. Urartu in der Zeit. *Bianili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 Tagungsbericht des Münchner Symposiums 12.–14. Oktober 2007*. Ed. S. Kroll et al. Leuven: Peeters, 2012. S. 135–161.

Kroll S. Urartus Untergang in anderer Sicht. *Istanbuler Mitteilungen*. 1984. No. 34. S. 151–170.

Kroll S. Rusa Erimena in archäologischem Kontext. *Bianili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12.–14. Oktober 2007 Tagungsbericht des Münchner Symposiums 12.–14. Oktober 2007*. Ed. S. Kroll et al. Leuven: Peeters, 2012. S. 183–186.

Köroğlu K., Konyar E. Comments on the Early/Middle Iron Age Chronology of Lake Van Basin. *Ancient Near Eastern Studies*. 2008. Vol. 45. Pp. 123–146.

Kuniholm P.I., Newton M.W., Griggs C.B., Sullivan P.J. Dendrochronological Dating in Anatolia: The Second Millenium B.C. *Metal III. Der Anschnitt Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau 18*. Ed. Ü. Yalşın Beiheft. Bochum: Dt. Bergbau Museum 2005. Pp. 41–47.

Marchetti N. The 2012 Joint Turco-Italian Excavations at Karkemish. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2014. 35/3. Pp. 233–248.

Matsumura K. Büklükale Kazisi 2018. *Kazı Sonuçları Toplantısı*. 2019. 41/3. S. 35–48 [Matsumura K. The Excavations in Büklükale in 2018. *The Excavation Results Meeting*. 2019. 41/3. Pp. 35–48 (in Turkish)].

Mehnert G. *Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im arhaologischen Fundkontext*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008.

Metdepenninghen C. La relation entre l'art Urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgunov. *Iranica Antiqua*. 1997. No. 32. Pp. 109–136.

Muscarella O.W. Bronze Socketed Arrowheads and Ethnic Attribution. *The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. Eds.: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino. New York: Metropolitan Museum of Art, 2006. Pp. 154–159.

Newton M.W., Kuniholm P.I. A Revised Dendrochronological Date for the Fortress of Rusa II at Ayanis: Rusaiinili Eiduru-Kai. *Anatolian Iron Ages 6: The Proceedings of the Sixth Anatolian Iron Ages Colloquium Held at Eskisehir, 16–20 August 2004*. Leuven: Peeters, 2007. Pp. 195–206.

Özdemir M.A., Işıklı M. Van Ayanis Kalesinden Ele Geçen Ok Uçları Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu E-Dergisi*. Cilt 8 Sayı 10–11, 2014. 2017. S. 46–62 [Özdemir M.A., Işıklı M. A General Assessment of the Arrowheads Recovered from the Van Ayanis Fortress. *E-Journal of the Joint Platform of Architects, Archaeologists, Art Historians, Restorers*. Cilt 8 Sayı 10–11, 2014. 2017. S. 46–62 (in Turkish)].

Özgüç T. Horsebits from Altintepe. *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Van Den Berghe*. Eds.: L. de Meyer, E. Haerinck. Gent, 1989. Pp. 409–419.

Salvini M. Argišti, Rusa, Erimena, Rusa und die Löwenschwänze: Eine urartäische Palastgeschichte des VII. Jh. v. Chr. *Aramazd: Armenian Near Eastern Studies*. 2007. 2. S. 146–162.

Seidl U. Rusa son of Erimena, Rusa Son of Argisti and Rusahinili/Toprakkale. *Biainili-Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 Tagungsbericht des Münchner Symposiums 12.–14. Oktober 2007*. Ed. S. Kroll et al. Leuven: Peeters, 2012. Pp. 177–181.

Ünal V. Zwei Graber eurasischer Reiternomaden im nordlichen Zentralanatolien. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. 1982. Bd. 4. S. 65–81.

Woolley C.L. *Carchemish: Report on the Excavations at Jerablus on behalf of the British Museum. Part II: The Town Defenses*. London: British Museum, 1921.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПОДОБЕД Вячеслав Анатольевич – старший научный сотрудник ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей», Донецк, Украина.

Vyacheslav A. PODOBED, Research Fellow, Donetsk Regional Museum of Local History, Donetsk, Ukraine.

ДАРАГАН Марина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, Киев, Украина.

Marina N. DARAGAN, PhD (History), Research Fellow, Institute of Archaeology NASU, Kyiv, Ukraine.

DOI: 10.31857/S086919080017592-8

«КИММЕРО-СКИФСКИЕ» ДРЕВНОСТИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АНАТОЛИИ¹

© 2021

С.В. МАХОРТЫХ^a, Н.С. КОТОВА^b^{a, b} – Институт археологии НАНУ, Киев, Украина^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; makhortykh@yahoo.com^b – ORCID: 0000-0002-8197-7782; nadja.kotova@hotmail.com

Резюме: Центральная Анатолия – одна из областей Передней Азии, где фиксируется наиболее значительная концентрация археологических материалов, связанных с пребыванием евразийских кочевников раннескифского времени. Равнины Центральной Анатолии имели хорошие пастбища и издревле были удобны для коммуникаций. В VII в. до н.э. эта область занимала промежуточное положение между Западной Анатолией с Лидией и восточногреческими центрами и Восточной Анатолией, входившей в зону интересов Урарту и Ассирии. Здесь локализовались небольшие «княжества», вероятно, подконтрольные хорошо вооруженным и мобильным кочевникам, использовавшим эту территорию как базу для набегов на соседние и более отдаленные регионы. Важная и самая многочисленная категория кочевнического инвентарного комплекса – бронзовые втульчатые наконечники стрел, найденные в погребениях Амасьи, Имрлера, Гордиона, а также на поселениях (Богазкёй, Каман-Калехёюк, Керкенес-Даг). В статье предложена их типология и приведены аналогии в евразийских памятниках VII–VI вв. до н.э. Изучение раннекочевнических комплексов из Анатолии показывает, что они имеют синкретический характер, включая изделия киммерийского, скифского, центрально-азиатского облика, а также местные древневосточные артефакты. Эти комплексы свидетельствуют о неоднородном этническом составе локализовавшихся здесь кочевнических группировок VII–VI вв. до н.э., что не позволяет приписывать все выявленные здесь материалы какому-то одному из этих народов, например, киммерийцам.

Ключевые слова: Центральная Анатолия, киммерийцы, скифы, VII–VI вв. до н.э., втульчатые наконечники стрел.

Для цитирования: Махортых С.В., Котова Н.С. «Киммеро-скифские» древности из Центральной Анатолии. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017592-8

“CIMMERO-SCYTHIAN” ANTIQUITIES FROM CENTRAL ANATOLIA

© 2021

Sergey V. MAKHORTYKH^a, Nadezhda S. KOTOVA^b^{a, b} – Institute of Archaeology Ukrainian Academy of Sciences, Kiev, Ukraine^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; makhortykh@yahoo.com^b – ORCID: 0000-0002-8197-7782; nadja.kotova@hotmail.com

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта, выполненного в Корнельском университете (штат Нью-Йорк) при поддержке программы Фулбрайта (США) в Украине. Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность А. Смит, Л. Хатчадорян и Н. Рассел за помощь и содействие в реализации этого проекта. Отдельную благодарность хотелось также выразить К. Юкишима, С. Такахама и С. Адали за консультации и присланные публикации материалов поселений Каман-Калехёюк (Kaman-Kalehöyük) и Бюклюкале (Büklükale).

Abstract: *Central Anatolia is one of the regions of Western Asia, where the most significant concentration of archaeological materials connected with the Eurasian nomads of the early Scythian time is recorded. The flat plains of Central Anatolia had good pastures and served as a space where different cultures communicated with each other since ancient times. In the 7th–6th centuries BC this territory was located between Western Anatolia with Lydia and the eastern Greek centers and Eastern Anatolia, which was the zone of interest of Urartu and Assyria. Small local “principalities” were localized here. These principalities were probably controlled by well-armed and mobile nomads, who used this territory as a base for raids on neighboring as well as more distant regions. An important and most numerous category of nomad inventory coming from the region is constituted by bronze socketed arrowheads found in burials in the province of Amasya, İmirlir, Gordion and on the local settlements (Boğazköy, Kaman-Kalehöyük, Kerkenes Dağ). The article introduces their typology and provides analogies coming from the Eurasian monuments of the 7th–6th centuries BC. The study of early nomadic complexes from Anatolia shows their syncretic nature, which is influenced by artifacts of Cimmerian, Scythian, and Central Asian origin as well as the local Near Eastern items. It highlights the complex ethnic composition of the nomadic groups located here in the 7th–6th centuries BC that does not allow attributing all these materials to a single group, for example, the Cimmerians.*

Keywords: Central Anatolia, the Cimmerians, the Scythians, 7th–6th centuries BC., bronze socketed arrowheads.

For citation: Makhortykh S.V., Kotova N.S. “Cimmero-Scythian” Antiquities from Central Anatolia. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017592-8

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Анатолия – одна из областей Передней Азии, где фиксируется наиболее значительная концентрация археологических материалов, связанных с пребыванием евразийских кочевников раннескифского времени. Она располагается прямо посередине современной Турции и характеризуется равнинным ландшафтом, где высятся наподобие островов отдельные изолированные низкогорные кряжи. С севера Анатолийское плато окружено Понтийскими горами, а с юга – Таврскими. Оно находится, преимущественно, в зоне сухих степей и полупустынь с зарослями колючих кустарников. Плато прорезают немногочисленные реки, впадающие в Чёрное море. Большую петлю вокруг самого ядра Анатолийского плоскогорья образует река Кызылырмак, в древности называвшаяся Галис. По западной части плато протекает Сакарья, в древности Сангарий. В прошлом эти реки служили естественными разделительными линиями между локализующими здесь культурными образованиями.

Равнины Центральной Анатолии имели хорошие пастбища и издревле были удобны для коммуникаций. Именно через них прокладывались сухопутные пути с востока на запад. Исследуемая территория располагалась между Западной и Восточной Анатолией – регионами, которые были заняты двумя крупными культурными массивами. Один из них представлен Лидией и восточногреческими центрами, а другой – Урарту и Ассирией. В Центральной Анатолии локализовались небольшие, предположительно фригийские и/или позднешеттские княжества, которые не представляли для кочевников серьезной угрозы. Мобильные и хорошо вооруженные отряды кочевников, вероятно, контролировали местное население и использовали эту территорию в качестве своеобразной базы для набегов на соседние и более отдаленные регионы или же укрывались здесь от врагов в случае опасности.

Материалы ранних кочевников представлены в Центральной Анатолии различными категориями инвентаря: предметами вооружения и конского снаряжения, а также изделиями, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле. Эти находки происходят как из собственно кочевнических погребальных памятников, так и из местных поселений. Ниже дается описание мест обнаружения и/или комплексов, включающих предметы кочевнического облика.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

(1) Разрушенное погребение к северу от г. Амасья (Amasya). Обнаружено между населенными пунктами Ташова и Ладик (рис. 1, 2)². Погребение содержало 250 бронзовых наконечников стрел и принадлежало воину-кочевнику [Ünal, 1982, Abb. 3–7]. Это самый многочисленный из всех наборов наконечников кочевнических типов VII в. до н.э., выявленных в Передней Азии. Он состоял из пяти бронзовых пулевидных и 245 втульчатых наконечников: 231 с шипами и 14 без шипов.

Двухлопастные наконечники представлены не менее чем четырьмя различными типами, среди которых преобладают экземпляры с головкой овальной и ромбической формы (рис. 2, 1–14; 22–33). Они различаются шириной лопастей, размерами втулки, наличием или отсутствием шипа. Длина и наибольшая ширина наконечников в большинстве случаев варьируется от 4,2×1,1 до 4,8×1,5 см.

Наконечники с ромбической и овальной формами головки в целом относятся к числу так называемых сквозных типов, бытующих в Передней Азии и Закавказье на протяжении практически всего VII в. до н.э, а отчасти и VI в. до н.э. (Кармир-Блур, Аянис, Чавуш-Тепе, Ашшур, Богазкёй, Керкенес-Даг, Сарды и др.).

Единственным экземпляром представлен наконечник с ромбической головкой и длинной втулкой (размеры – 5,1×1,4 см), сближающийся с предскифскими новочеркасскими экземплярами VIII–VII вв. до н.э. Восточной Европы³ (рис. 2, 33). Похожие наконечники встречаются также и в раннескифском контексте, например, курган 1 у хут. Красное Знамя в Центральном Предкавказье [Петренко, 2006, с. 62, табл. 55, 13].

В рассматриваемом стрелковом наборе присутствуют также двухлопастные экземпляры с головкой подромбической формы, имеющей сглаженные очертания. Их иногда называют наконечниками «с овально-ромбической головкой» (рис. 2, 34–42). Они известны по скифским памятникам Восточной Европы, которые датируются серединой – второй половиной VII в. до н.э. [Петренко, 1990, рис. 1 Д, 5, 7, 8; Галанина, 1995, рис. 2, 1; 3, 25].

Своеобразную группу образуют «синкретические» наконечники, у которых одна из лопастей имеет овальные, а другая – ромбические очертания (рис. 2, 15–21). С нашей точки зрения, название наконечники «с овально-ромбической головкой» подходит именно для них. Такие стрелы найдены на Северном Кавказе: Красное Знамя, курган 1; Железнодорожный-II, курган 2, погребение 8, Новозаведенное-II, курган 2 [Петренко, 1990, рис. 2 3, 4; 2006, табл. 55, 14; Лимберис, Марченко, 2014, рис. 2, 2]. Лишь один подобный экземпляр происходит из лесостепного Поднепровья – Жаботин, курган 524 [Рябкова, 2014, рис. 1. 3, 1]. Эти памятники датируются в рамках второй и/или третьей четверти VII в. до н.э. [Махортых, 2014].

В Центральной Анатолии наконечники «с овально-ромбической головкой» обнаружены также в Богазкёе и Каман-Калехёюке (рис. 6, 20; 8, 13) [Boehmer, 1972, Taf. XXXI, 910; Yüklü, 1992, fig. 1, 8]. В восточных областях Евразии подобные наконечники неизвестны.

² Рисунки 1, 8 находятся на цветной вклейке

³ О находках наконечников стрел «киммерийских» типов на Древнем Востоке см.: [Махортых, 2000, с. 190, рис. 1].

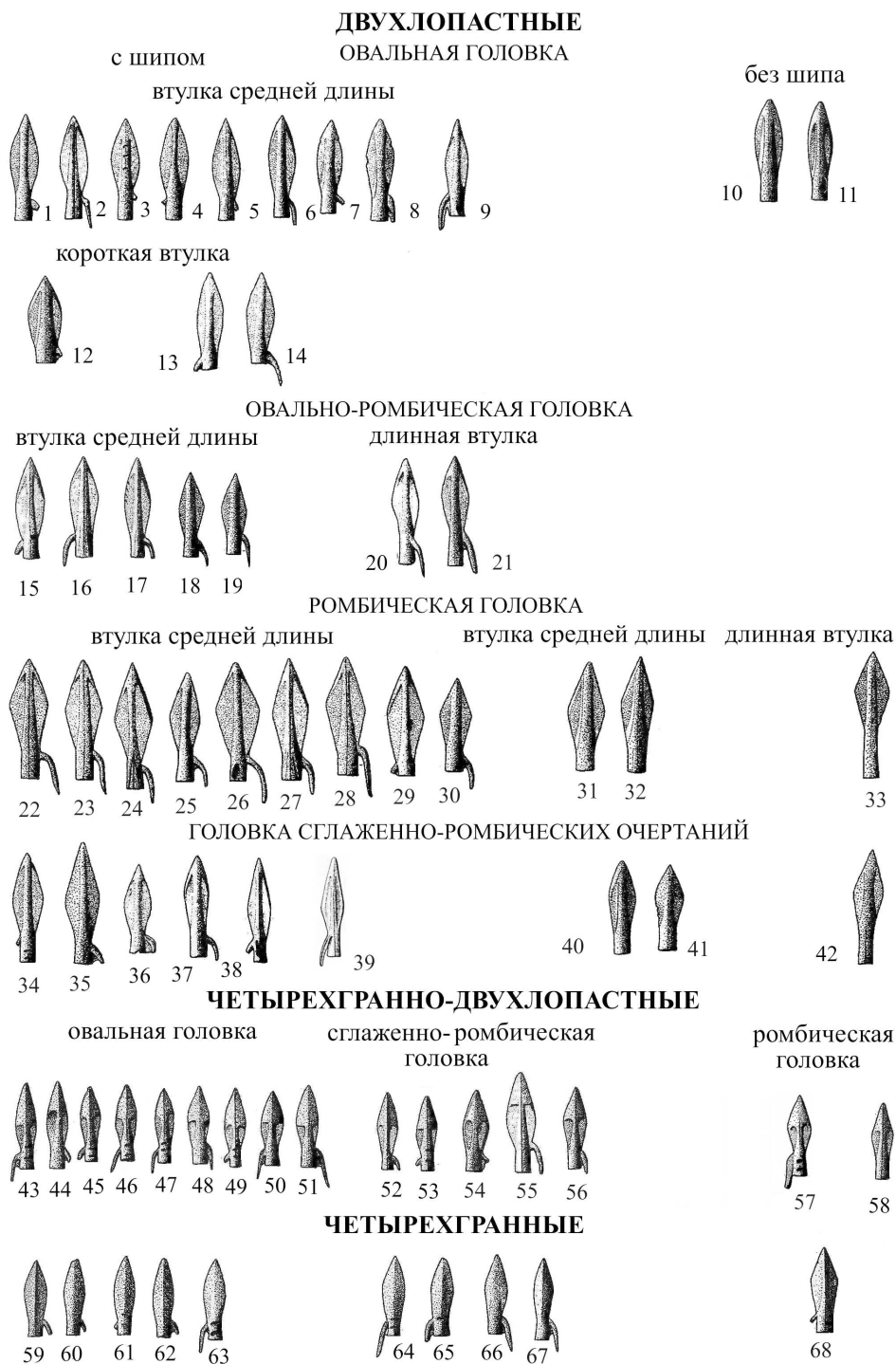

Рис. 2. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из погребения близ г. Амасья
[Ünal, 1982, Abb. 3–7].

Fig. 2. Bronze socketed arrowheads from a burial near Amasya [Ünal, 1982, Abb. 3–7].

Следует отметить также наличие в рассматриваемом колчанном наборе представительной серии (более 50 экз.) шипастых двухлопастных наконечников с «утяжелённой» головкой, которые характеризуются сочетанием четырёхгранного ромбического в сечении бойка (в большинстве случаев составляющего около половины длины головки) и боковых выемок, создающих лопасти в нижней части пера. Они имеют преимущественно овальную и, реже, ромбовидную или сглаженно-ромбическую форму головки, а также выступающую втулку с шипом (рис. 2, 43–58). Размеры большинства экземпляров варьируются от 3,5×1 до 4,6×1,3 см. Основной областью распространения двухлопастных наконечников с «утяжелённой» головкой в Передней Азии является Центральная Анатолия, где они, претерпев определенные изменения, бытовали на протяжении большей части VII в. до н.э. Материалы Керкенес-Дага позволяют предполагать, что они изготавливались также и в VI в. до н.э. (рис. 9, 12, 14) [Summers, 2017, fig. 33.5, 1, 2].

В небольшом количестве двухлопастные наконечники с «утяжелённой» головкой различных модификаций известны на юге Восточной Европы, где они бытовали в VII–VI вв. до н.э. (Великоалександровка, курган 7 погребение 8, Осянги, курган 1, Жаботин, курган 524 и др.) [Коренько, Лукьяшко, 1982, рис. 10, 10–14; Шрамко, 1987, рис. 71, 3; Рябкова, 2014, табл. 2, 23]. Заслуживает внимания предположение о формировании этого типа в Центральном Казахстане и Приаралье [Рябкова, 2014]. Заметим, что они известны и в более восточных районах Евразии, например в Туве [Чугунов, 2019]. Таким образом, конкретная археологическая культура, с которой следует связывать происхождение этого типа наконечников (тасмолинская, албы-бельская и пр.), а также хронологическая динамика их распространения в этом обширном регионе остаются пока не ясными.

В рассматриваемом колчанном наборе представлены наконечники и иных разновидностей, например, с плавными асимметрично-ромбическими очертаниями пера. Отдельную группу образуют шипастые наконечники с выступающей втулкой и четырёхгранной в сечении головкой овальных (рис. 2, 59–63), ромбовидных и сглаженно-ромбических очертаний (рис. 2, 64–68) [Ünal, 1982, Abb. 3, 20–28]. Их размеры варьируются от 3,6×0,9 до 4,5×1 см. Близкие изделия в небольшом количестве обнаружены и на других памятниках Малой Азии (Керкенес-Даг, Каман-Калехёк) (рис. 8, 30, 31; 9, 15). Наконечники с четырёхгранной в сечении головкой можно считать локальной особенностью колчаных наборов Центральной Анатолии VII в. до н.э.

В. Юнал датировал стрелковый набор, обнаруженный близ г. Амасья, VII – началом VI в. до н.э. [Ünal, 1982, S. 81]. А.И. Иванчик и А.Ю. Алексеев сужают его датировку до первой половины – середины VII в. до н.э. [Иванчик, 2001, с. 49; Алексеев, 2003, с. 149]. При этом они опираются на предполагаемую хронологическую близость трех наконечников с ромбической головкой и рельефным орнаментом в виде «следа птичьей лапы» у Амасьи с одним наконечником из Богазкёя (рис. 2, 24, 27; 6, 4). Заметим, однако, что экземпляр из Богазкёя найден в слое Бююккале (Büyükkale) Па/Іb середины VII в. до н.э. [Boehmer, 1972], что не позволяет говорить о датировке его и близких ему аналогов первой половиной VII в. до н.э. Необходимо указать, что наличие рельефного декора характерно для предскифских наконечников VIII–VII вв. до н.э. юга Восточной Европы, например, Высокая Могила, Малая Цимбалка и пр. Наличие такого декора на ромбических наконечниках из Амасьи и Богазкёя, возможно, указывает на их киммерийское происхождение, что может быть справедливым по отношению и к наконечникам новочеркасского типа из Гумаровского кургана в Южном Приуралье⁴ [Исмагилов, 1988, рис. 6, 36, 40, 54].

⁴ Следует отметить точку зрения М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского о том, что комплекс Гумаровского кургана фиксирует не продвижение скифов с их прародин, обозначенной древностями Аржана и Чиликты на запад, а, скорее, одно из направлений расселения кавказско-переднеазиатских носителей раннескифского комплекса после завершения периода переднеазиатских походов [Погребова, Раевский 1993, с. 240, прим. 34].

Стрелковый набор, обнаруженный близ Амасьи, довольно представительен. При определении его датировки следует опираться не на единичные экземпляры, а на ведущие серии наконечников внутри колчана. В нём присутствует значительное количество шипастых наконечников с овальной головкой, а также ряд синкретических овально-ромбических экземпляров и наконечников с головкой, имеющей сглаженно-ромбическую форму. Эти три разновидности стрел не характерны для наиболее архаичных колчанных наборов европейской Скифии и восточных регионов Евразии, датирующихся началом – первой половиной VII в. до н.э., а также для колчанных наборов конца VII в. до н.э. Перечисленные факты, а также аналогии с наконечниками из рассматриваемого комплекса в материалах слоя середины VII в. до н.э. на поселении Богазкёй, определяют его возраст в пределах второй – третьей четверти VII в. до н.э. Еще более сузить датировку комплекса позволяют двухлопастные экземпляры со сглаженно-ромбической головкой, датирующиеся серединой – второй половиной VII в. до н.э., и наконечники с синкретической овально-ромбической головкой, относящиеся ко второй – третьей четверти VII в. до н.э. Все эти аналогии относятся к середине – третьей четверти VII в. до н.э. Вероятно, это и было временем формирования комплекса у Амасьи, который является одним из наиболее архаичных кочевнических памятников Центральной Анатолии.

К числу особенностей анализируемого колчанного набора следует отнести сочетание типов, имеющих различное происхождение. Четырёхгранно-двухлопастные втульчатые наконечники близки древностям из восточных областей скифского мира, в то время как шипастые наконечники с овальной и «синкретической» овально-ромбической головкой более характерны для западных территорий.

(2) Колчаный набор из иля Сивас (Sivas) был обнаружен между населенными пунктами Доганшар и Коюльхисар; вероятно, он происходит из разрушенного погребения (рис. 1, 1) [Ökse, 1994]. В этом наборе сохранился 21 бронзовый наконечник. Все они двухлопастные и, за исключением одного экземпляра, снабжены шипами. Среди них выделяются два наконечника длиной 4,1–4,5 см с широкой ромбовидной головкой (1,4–1,5 см) и короткой втулкой, которые находят соответствия в колчане у Амасьи (рис. 3, 1, 2). Вместе с ними выявлен также ромбический наконечник, отличающийся маленькой головкой и длинной втулкой (рис. 3, 3).

Большая часть наконечников из упомянутого набора имеет узкую лавролистную головку со слабо выступающими лопастями и массивной гранёной или овальной в сечении втулкой (рис. 3, 4–10). Найдены также наконечники с более широкой овальной головкой (рис. 3, 11–16). Длина наконечников составляет от 3,2 до 4,7 см при ширине пера 0,9–1,3 см. Небольшую группу образуют наконечники с головкой сглаженно-ромбических очертаний, один из которых не имеет шипа (рис. 3, 17–21).

На Древнем Востоке близкие соответствия двухлопастным наконечникам с узкой овальной головкой известны в Богазкёе, Керкенес-Даге, Каман-Калехёюке, Кархемыше и Кармир-Блуре [Boehmer, 1972, Taf. XXXI, 901, 913, 918, 924; Yukishima, 1992, fig. 1, 1, 2; Рябкова, 2009, рис. 3, 7, 25; Szudy, 2015, pl. 31; Summers, 2017, fig. 33.2, 11–13]. По контексту обнаружения они в основном занимают позднюю хронологическую позицию в рамках VII в. до н.э.

На юге Восточной Европы колчаные наборы, в которых сочетаются шипастые двухлопастные наконечники стрел с ромбической и овальной головкой различной ширины, известны на Северном Кавказе: Ставропольский курган 1953, могильники Холмский-1, курган 4 погребение 1, Новозаведенное-II, курган 2, Келермес, курган 24 и др. [Петренко, 1990, рис. 1, Е; Василенко и др., 1993, рис. 5–7; Галанина, 1995, рис. 3, 4–9]. Эти комплексы датируются преимущественно не ранее середины – второй половины VII в. до н.э. Заметим,

что шипастые двухлопастные наконечники с узкой овальной головкой чрезвычайно редки на востоке Евразии в раннескифское время.

Таким образом, древневосточные и кавказские параллели определяют возраст колчана из иля Сивас в рамках середины – второй половины VII в. до н.э.

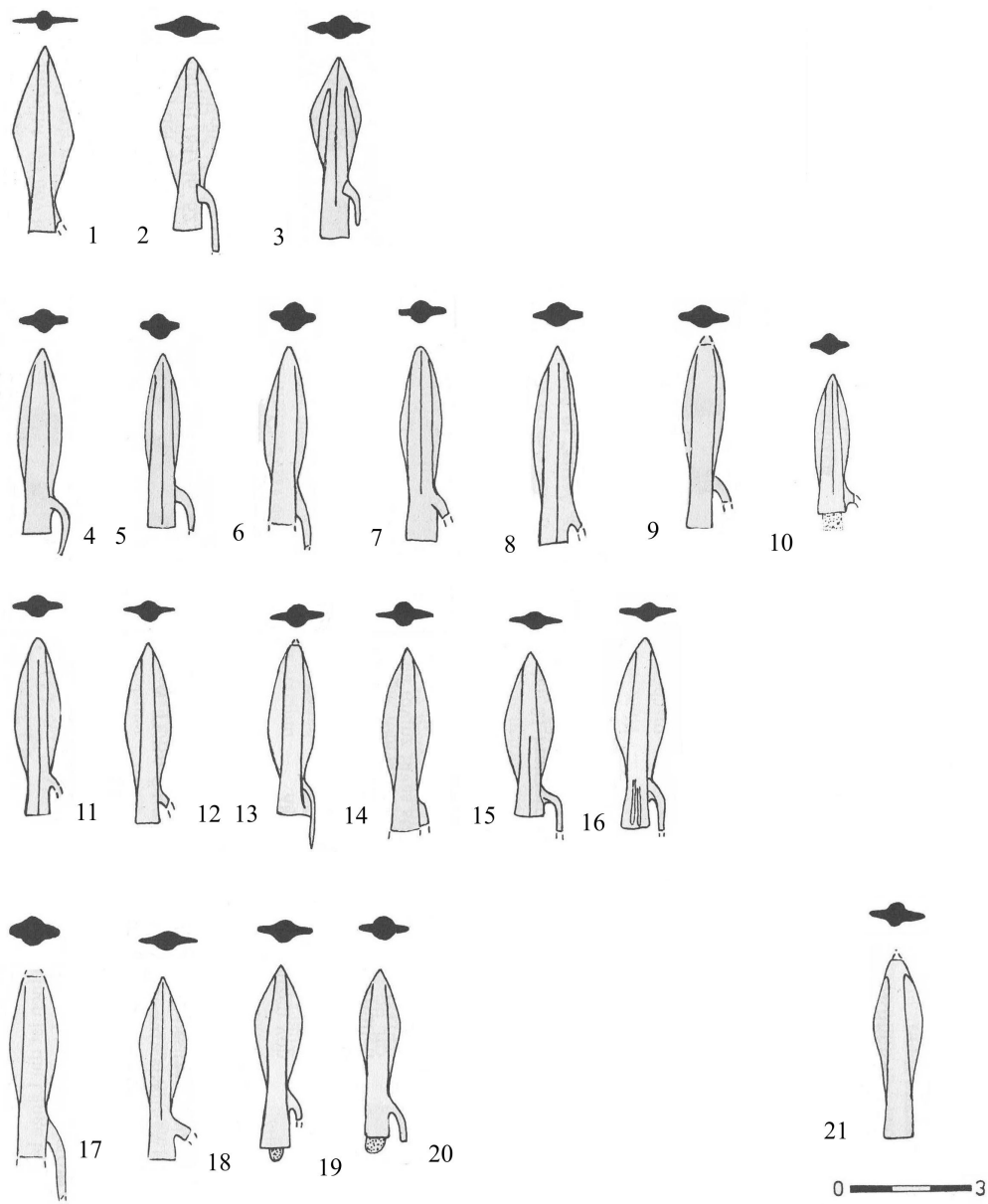

Рис. 3. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из иля Сивас [Ökse, 1994, Abb. 5].

Fig. 3. Bronze biblade arrowheads from the Sivas Il [Ökse, 1994, Abb. 5].

(3) Погребение у деревни Имирлер (İmirler) из иля Амасья (рис. 1, 3). Здесь выявлен один из наиболее информативных кочевнических комплексов Центральной Анатолии. В квадратной погребальной камере со стенами, обложенными камнем, были обнаружены бронзовые стремчовидные удила, длинный железный меч, биметаллический клевец или чекан (по терминологии разных авторов) и связываемая с ним бронзовая рифленая рукоятка. Комплекс содержал 28 бронзовых наконечников стрел, из которых остался неопубликованным 21 экз., так же как и золотой браслет, хранящиеся в частной коллекции [Ünal, 1982, S. 65, Abb. 1; Hauptmann, 1983; Kossack, 1987; Derin, Muscarella, 2001, p. 194; Иванчик, 2001, с. 42].

Колчан из Имирлера включает двухлопастные наконечники с овальной головкой и длинной втулкой без шипа (рис. 4, 5–7), экземпляры с близкой головкой и более короткой втулкой, имеющей шип (рис. 4, 8), шипастые наконечники с ромбической головкой (рис. 4, 9, 10) и экземпляр с «утяжелённой» головкой (рис. 4, 11). Их размеры варьируются от 3,8 × 1,1 до 4,9 × 1,25 см.

Некоторые исследователи датируют погребение близ Имирлера около середины VII в. до н.э. [Дударев, 1998, с. 89; Алексеев, 2003, с. 50, 149]. А.И. Иванчик считает его более древним, относя к раннему этапу келермесского периода, видимо, несколько раньше Келермесских курганов В.И. Веселовского [Иванчик, 2001, с. 48]. При датировке комплекса исследователь ориентируется на наконечники стрел, которые, по его мнению, имеют форму «келермесского» типа и находят ближайшие аналогии в Келермесских курганах.

Во-первых, следует заметить, что предположение о существовании раннего этапа келермесского периода, предшествующего курганам В.И. Веселовского, не подкреплено какими-либо археологическими данными, связанными с Келермесским могильником. Согласно авторитетному заключению Л.К. Галаниной, именно курганы В.И. Веселовского маркируют древнейший этап келермесского периода на Кубани, которому предшествует докелермесский этап, выделенный еще А.А. Иессеном [Галанина, 1997].

Во-вторых, наконечники стрел из Имирлера представлены несколькими типами, среди которых присутствуют экземпляры с ромбической, овальной и «утяжелённой» головкой, поэтому объединять их в один «келермесский тип» (как это делает А.И. Иванчик) некорректно. Более того, стрелы из Келермесских курганов в основном *депаспортизованные* [Галанина, 1995]. Они не связаны с определенными комплексами, что делает неясной их хронологическую позицию.

В-третьих, в Келермесских курганах отсутствуют четырёхгранно-двухлопастные наконечники с «утяжелённой» головкой, а также двухлопастные наконечники с овальной головкой без шипа и длинной втулкой, которые образуют в Имирлере наиболее многочисленную группу (рис. 4, 5–7). В связи с этим, келермесские стрелы не могут служить аргументом для датировки Имирлера. Более того, наконечники с овальной головкой и длинной втулкой, составляющей около половины длины наконечника, известны в памятниках начала – первой половины VI в. до н.э. Восточной и Центральной Европы: могильник Лебеди V, курган 11 погребение 8 (Прикубанье), курган у с. Китайгород (Среднее Приорелье); Бобрица, курган 35 (лесостепное Поднепровье), городище Смоленице-Мольпир (группа IA, Словакия) (рис. 4, 12–17) [Ковпаненко, 1981, рис. 10, 17, 18; Hellmuth, 2006, Taf. 1, 1, 2; Мелюкова, 2006, с. 28; Ромашко и др., 2014, рис. 3, 23–29; Пьянков и др., 2019, рис. 4, 1, 2].

Другой важный хроноиндикатор захоронения из Имирлера – биметаллический клевец (рис. 4, 3). Такие предметы вооружения известны на территории Кавказа в могильниках Перкальский, Цайши и Эргета II (погребальная яма 11), датирующихся не ранее конца VII – начала VI в. до н.э. [Козенкова, 2014; Папуашвили, Балахванцев, 2016]⁵. Судя по опубли-

⁵ Более подробно об истоках, культурной принадлежности и распространении биметаллических клевцов на территории Евразии см.: [Кузьминых, 1983; Müller-Karpe, 1995; Алексеев, 2003; Балахванцев, 2014].

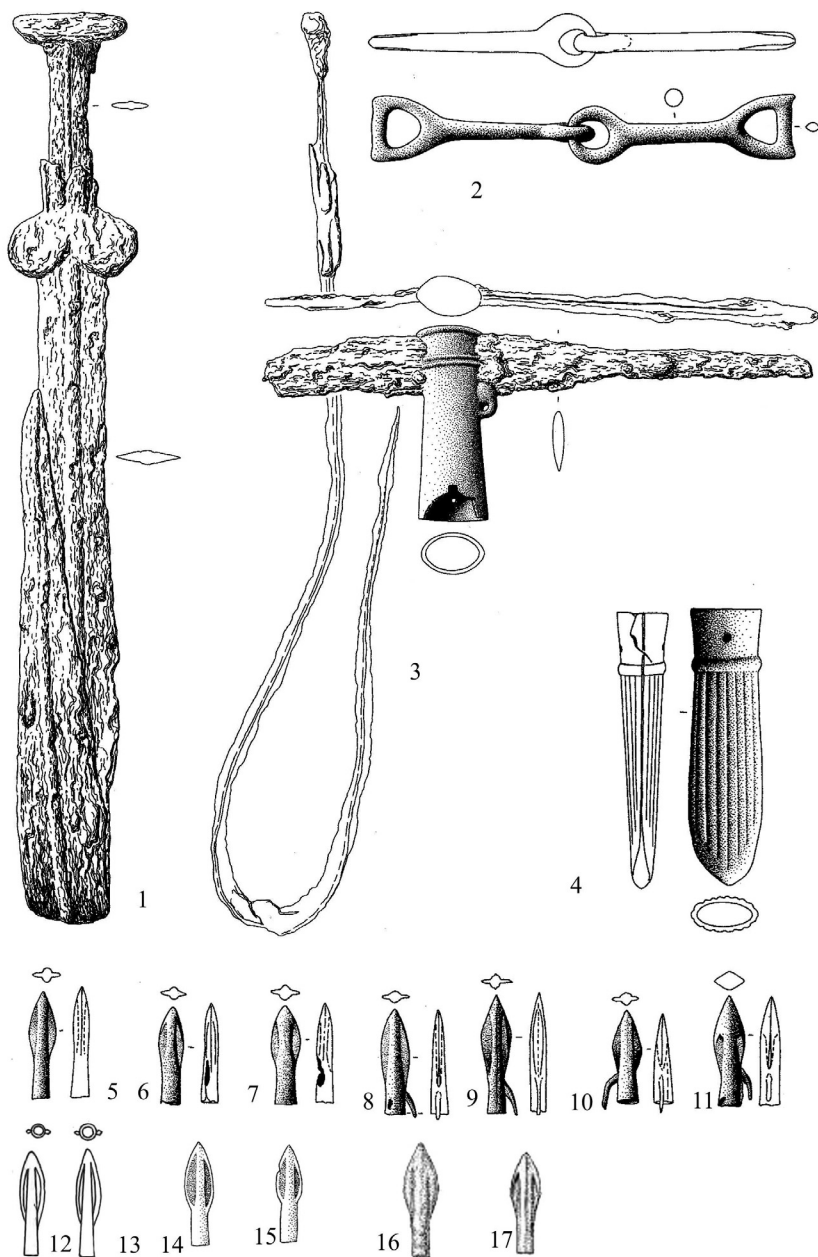

Рис. 4. Инвентарь погребения близ Имирлер и аналогии найденным там бронзовым наконечникам стрел: 1–11 – Имирлер [Ünal, 1982, Abb. 1]; 12, 13 – Китайгород [Ромашко и др., 2014, рис. 3]; 14, 15 – Смоленице-Мольпир [Hellmuth, 2006, Taf. 1]; 16, 17 – Лебеди V, курган 11 погребение 8 [Пьянков и др., 2019, рис. 4].

Fig. 4. Grave goods from the burial near İmirler and analogies to the bronze arrowheads found there: 1–11 – İmirler [Ünal, 1982, Abb. 1]; 12, 13 – Kitaygorod [Romashko et al., 2014, рис. 3]; 14, 15 – Smolenice-Molpír [Hellmuth, 2006, Taf. 1]; 16, 17 – Lebedi V, kurgan 11, burial 8 [Pyankov et al., 2019, рис. 4].

кованному рисунку клевета из Имирлера, нельзя исключать, что изображенная в верхней части втулки головка хищной птицы (?) подверглась сильной схематизации и превратилась в простую петлю, что также может свидетельствовать о поздней датировке этого предмета.

Предполагаемый возраст подтверждают и другие находки комплекса, в частности, длинный железный меч с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестьем [по Иванчик, 2001, с. 42] или с классическим почковидным перекрестьем [по Алексеев, 2003, с. 149]. По форме навершия и пропорциям он сближается со скифскими образцами оружия VII–VI вв. до н.э., известными на Кавказе (Кармир-Блур), и в лесостепном Поднепровье (Старшая Могила) [Пиотровский, 1959, рис. 6; Ильинская, 1968, табл. 1, 1]. Все перечисленные факты заставляют относить захоронение из Имирлера к концу VII в. до н.э., а возможно и к началу VI в. до н.э.

Особенностью этого комплекса является наличие в его составе предметов, принадлежащих к различным культурным традициям: восточноевропейской (железный меч, бронзовые наконечники стрел с овальной головкой и длинной втулкой), волго-уральской (биметаллический клевет), центральноазиатской (наконечники стрел четырёхгранно-двухлопастного типа). Такой же культурный синкретизм присутствует и в комплексе из Норшун-Тепе – другом наиболее информативном памятнике кочевнического типа в Передней Азии. Более 60 % в нем составляют урартские, иранские и закавказские изделия (удила с витыми стержнями, палочка-застежка, топор). Имеются там и собственно киммерийские (бронзовое кольцо с обломанной подвижной муфтой), и скифские предметы (бронзовые зооморфные пронизи в виде головок грифо-барана). Сочетание этих предметов в одном комплексе не говорит о тождественности культур киммерийцев и скифов, а предполагает их контакты на Древнем Востоке в рамках совместных действий, надежно засвидетельствованных письменными источниками [Махортых, 1998].

(4) В окрестностях столицы Фригии – Гордионе, располагающемся северо-западнее г. Полатлы, в с. Яссыхюк (Yassihüyük) локализуется могильник (рис. 1, 7). Некоторые погребения этого некрополя связываются с евразийскими кочевниками. В первую очередь, следует упомянуть о тумулусе J, где неограбленное захоронение было устроено в деревянной гробнице, сооруженной в грунтовой яме, заполненной камнем [Kohler, 1995]. Плохо сохранившийся скелет мужчины был ориентирован головой на восток и, вероятно, лежал вытянуто на спине с располагающимися вдоль туловища руками. В захоронении обнаружен многочисленный погребальный инвентарь, который помимо «местных» категорий инвентаря (бронзовые кувшины, небольшие котлы с ручками, чаша, различные рельефные аппликации и пр.), включал предметы кочевнического облика: бронзовые наконечники стрел, железные топор и наконечник копья, каменный оселок, культовые парные ножи, а также, предположительно, фрагменты бронзовых и железных удил (рис. 5) [Kohler, 1995, fig. 25–27].

Подобное сочетание вещей в одной могиле является исключительным для некрополя Гордиона и в других его захоронениях не встречается. Это послужило основанием для вывода, что погребенный в тумулусе J был не фригийцем, а скифским воином-наемником [Kohler, 1995, p. 188, 213, 234]. Примечательно, что в погребении была обнаружена и импортная глиняная посуда, в частности восточно-греческая чаша, которая, вместе с другими предметами, позволяет датировать его временем близким к концу VII в. до н.э. [Kohler, 1995, p. 59; DeVries, 2005]. Эта дата хорошо согласуется с предметами кочевнического облика и, в частности, с бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел⁶ [Kohler, 1995, fig. 25 c; pl. 35 g, h–l].

⁶ Следует также упомянуть два бронзовых втульчатых наконечника стрел из насыпи тумулуса B, который локализуется рядом с тумулусом J и близок ему по времени [Kohler, 1995, pl. 11, f, g]. Выявленный там лидийский лекиф датирует этот курган VI в. до н.э. [DeVries, 2005, p. 54].

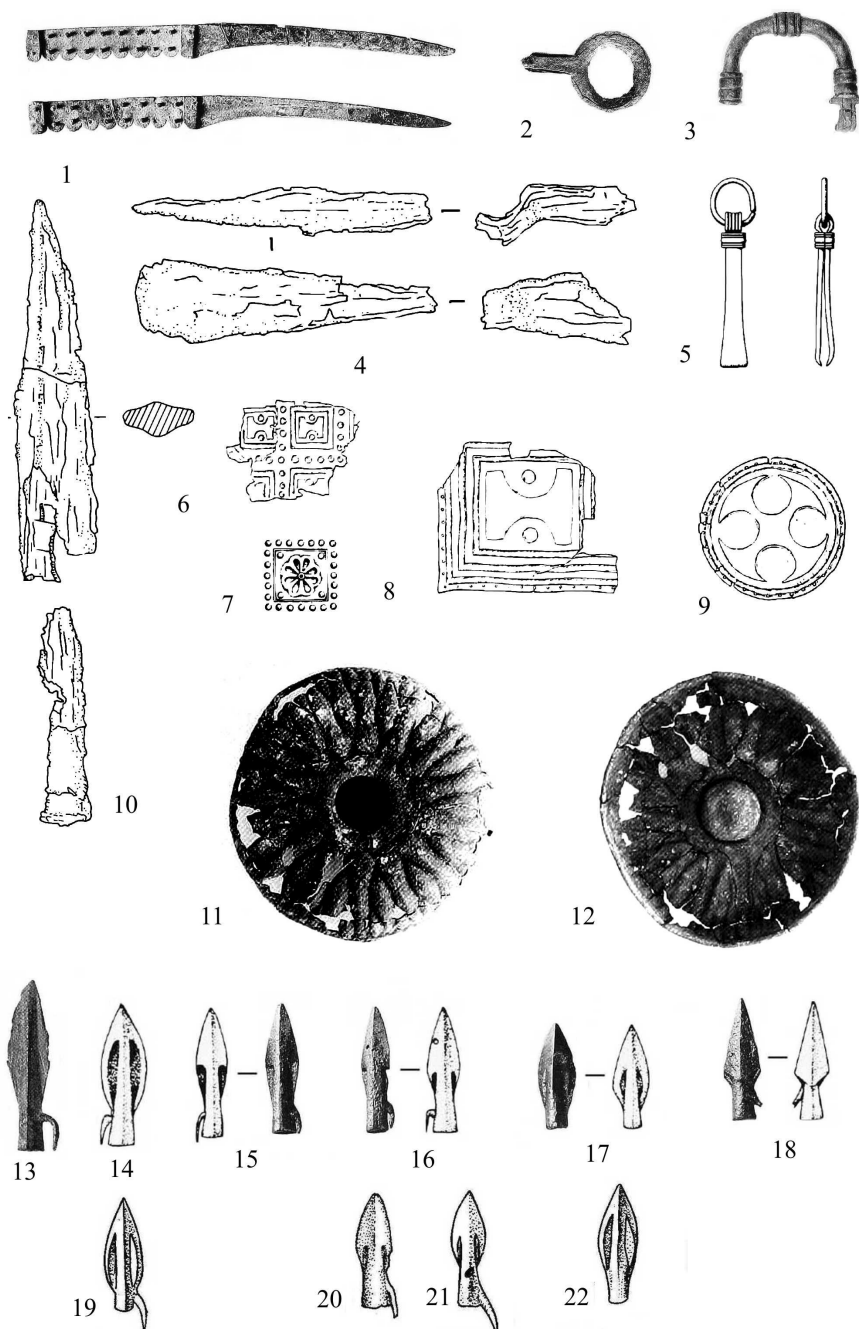

Рис. 5. Инвентарь погребения в тумулусе J Гордиона и аналогии найденным там бронзовым наконечникам стрел: 1–18 – тумулус J [Kohler, 1995, Pl. 35–38]; 19, 21, 22 – Старшая Могила [Ильинская, 1968, табл. II]; 20 – погребение 2 у хут. Ленина [Лимберис, Марченко 2014, рис. 110].
 Fig. 5. Grave goods from a Tumulus J at the Gordion and analogies to the bronze arrowheads found there: 1–18 – Tumulus J [Kohler, 1995, Pl. 35–38]; 19, 21, 22 – Starshaya Mohyla [Ilinskaya, 1968, Tab. II]; 20 – burial 2 at the Lenin khutor [Limberis, Marchenko, 2014, fig. 110].

Всего в тумулусе J найдено шесть втульчатых наконечников стрел, пять из которых имеют шипы (рис. 5, 13–18). Их размеры варьируются от 2,85×1 см до 4,6×1,1 см, хотя у большинства высота не превышает 4 см и составляет от 3×1,05 см до 3,8×1,2 см. Эти наконечники находят ближайšie соответствия в раннескифских колчаных наборах Западного Предкавказья (рис. 5, 20; погребение 2 у хут. Ленина) и лесостепного левобережного Поднепровья (рис. 5, 19, 21, 22; Старшая Могила) [Ильинская, 1968, табл. 2, 30, 34, 35, 39; Лимберис, Марченко, 2012, рис. 110, 66]. Эти захоронения по инвентарю следует датировать в рамках начала – первой четверти VI в. до н.э. [Махортых, 2016; 2017].

ПОСЕЛЕНИЯ

(1) Богазкёй (Boğazköy), ил Чорум (Çorum) (рис. 1, 4). Памятник расположен около современной деревни Богазкале к востоку от реки Кызылырмак. На его территории найдено более 50 бронзовых втульчатых наконечников стрел, представленных главным образом двухлопастными экземплярами [Boehmer, 1972, Taf. XXX; XXXI; Derin, Muscarella, 2001, p. 194; Baykal-Seeher et al., 2006, Abb. 25, 13–17].

С древнейшим слоем Бююккале (Büyükkale) II, датированным Р. Бёмером второй четвертью VII в. до н.э., связана находка трёхгранного наконечника с выступающей втулкой и остролистной головкой, имеющей углубления овальной формы в основании граней (рис. 6, 1) [Boehmer, 1972, S. 111, Taf. XXXI, 933]. Его размеры – 3,9×0,65 см. Аналогии этому наконечнику обнаруживаются в памятниках юга Восточной Европы, где они датируются в рамках середины – третьей четверти VII – начала VI в. до н.э. (Красное Знамя, курган 1, южная гробница; Нартан, курган 16; Аксютинцы, курган 469 и др. [Галанина, 1977, табл. 19, 13; Махортых, 1991, рис. 15, 20; Петренко, 2006, табл. 54, 73б].

Учитывая приведенные аналогии, единичный характер находки, а также отмеченную Р. Бёмером вероятность перемещения материалов между слоями, нельзя исключать, что этот трехгранный наконечник связан с более молодым слоем Бююккале (Büyükkale) IIa/Ib, относящимся к середине VII в. до н.э. К слою Бююккале (Büyükkale) IIa/Ib относятся также девять двухлопастных наконечников, которые все снабжены шипами [Boehmer, 1972, S. 110–114, Taf. XXXI, 901–909]. Среди них имеются наконечники с ромбовидными головками (рис. 6, 2–4), со сглаженно-ромбическим пером (рис. 6, 6), с овальной (рис. 6, 10) и овально-ромбической головкой (рис. 6, 7, 9). Их размеры варьируются от 3,7×1,2 до 5,25×1,4 см.

Выделяются два редких экземпляра: шипастый с маленькой овально-ромбической головкой и длинной втулкой, составляющей больше половины его длины (рис. 6, 7; 4,5×1,1 см), а также наконечник с узкой подромбической головкой, имеющей максимальное расширение в нижней части пера (рис. 6, 5; 4,65×1,05 см).

С более молодым слоем Бююккале (Büyükkale) I, который широко датируется в рамках VII–VI вв. до н.э. с возможным заходом в V в. до н.э., связаны 19 бронзовых наконечников (№ 886–893; 910–918; 934–935)⁷ [Boehmer, 1972, S. 109].

Среди них присутствуют шесть экземпляров с головкой ромбических очертаний с шипом или без шипа, имеющие размеры от 3,4×0,9 см до 4,8×1,25 см (рис. 6, 15, 17–19), и два наконечника со сглаженно-ромбическим пером без шипа (рис. 6, 21, 22).

Кроме того, в коллекции присутствуют три наконечника с овальной головкой и шипом на выступающей втулке. Их размеры – 3,85×1,2 см на 4,75×1,15 см (рис. 6, 11–13).

⁷ Утверждение А.И. Иванчика о том, что большинство стрел «скифского» типа было найдено в слое I Богазкёя, который якобы датируется второй четвертью – серединой VII в. до н.э., ошибочное [Иванчик, 2001, с. 68].

Обнаружен также наконечник с комбинированной головкой, когда одна лопасть имеет овальную форму, а другая – ромбическую (размеры – 4,2×1,3 см) (рис. 6, 20).

Помимо этого, известны единичные шипастые экземпляры с ассиметрично-ромбической (4×1,2 см) и четырёхгранной в сечении головкой (3,9×0,95 см) (рис. 6, 14, 16).

Два наконечника имеют четырёхгранно-двухлопастную головку и выступающую втулку без шипов⁸ (рис. 6, 25, 26). Их размеры – 3,95×1,15 см и 4×1,1 см.

Два двухлопастных наконечника чрезвычайно редкие и, в отличие от упомянутых выше, не находят аналогий в Центральной Анатолии. Один из них имеет сводчатую головку и скрытую втулку (рис. 6, 24; размеры – 3,55×1,1 см), а другой – узкую вытянутую головку и слабо выступающую втулку (рис. 6, 23; размеры – 4,3×0,9 см).

Со слоем Бююккале (Büyükkale) I связаны и два трёхлопастных наконечника. Один из них имеет узкую вытянутую листовидную головку и выступающую втулку без шипа (рис. 6, 27; размеры – 4×0,85 см), а другой – тоже без шипа, но с узкой, сводчатой головкой (рис. 6, 28; размеры – 3,9×0,85 см).

Большая часть бронзовых двухлопастных наконечников, выявленных в Богазкёе, не связана со слоями (22 экз.: № 885, 894–900, 919–932; рис. 7, 1–23). Они в основном повторяют рассмотренные выше типы с ромбовидной и овальной формой головок [Boehmer, 1972].

Помимо наконечников стрел, среди материалов Богазкёя выделяются два раннескифских железных трехпестельчатых псаля Г-образной и дуговидной формы с утолщениями на концах (рис. 7, 24, 25) [Boehmer, 1972, S. 162, Taf. LVIII, 1695, 1697]. По своему происхождению они связаны с Северным Кавказом и указывают на этот вектор контактов населения Центральной Анатолии в VII–VI вв. до н.э. [Эрлих, 2013], поскольку в восточных районах Евразии эти предметы конского снаряжения не известны.

(2) Поселение Каман-Калехёюк (Kaman-Kalehöyük) располагается в 3 км к востоку от г. Каман в иле Кыршехир (Kırşehir) (рис. 1, 6). На этом памятнике найдено около 100 бронзовых наконечников стрел «скифских» типов, которые в основном связаны с поздними фригийскими слоями (горизонт Па) [Yukishima, 1992; 1998].

Наконечники представлены преимущественно бронзовыми двухлопастными экземплярами (не менее 80 находок). Среди наиболее хорошо сохранившихся предметов выделяется несколько типов. Преобладают наконечники с овальными и ромбовидными очертаниями головки, а также выступающей втулкой с шипом и без него (рис. 8, 1–11; 20–28). Размеры варьируются от 3,85×0,95 см до 5,15×1,45 см.

Встречено также несколько экземпляров с «синкретической» овально-ромбической головкой, подобные которым выявлены в Богазкёе и Амасье (рис. 8, 12–14, 19). Кроме того, в памятниках Центральной Анатолии (Богазкёй, Керкенес-Даг и др.) находят аналогии шипастые наконечники с четырёхгранно-двухлопастной головкой, а также экземпляры с четырёхгранной головкой и выступающей втулкой (рис. 8, 29–30).

Вместе с тем в Камане обнаружены наконечники довольно редкой формы, аналогии которым в Передней Азии неизвестны. Это шипастые экземпляры со скрытой втулкой и головкой четырёхгранных очертаний (рис. 8, 32, 33). Их размеры – 4×1 см и 4,4×1,25 см. Они, вероятно, являются оригинальной местной модификацией бронзовых наконечников с четырёхгранной головкой и скрытой втулкой, хорошо известных в восточных областях Евразии в раннескифское время. Анатолийской инновацией стало появление шипа и сглаживание граней пера.

Следует упомянуть и довольно редкий для Передней Азии наконечник с короткой выступающей втулкой и башневидной головкой (рис. 8, 34; 3,65×1,37 см) [Yukishima, 1998, p. 185, fig. 4, 1; 8, 1]. Он сближается с подобными находками из киммерийских захороне-

⁸ Еще один наконечник это типа обнаружен вне слоя. Его размеры 3,5×0,95 см (рис. 7, 22).

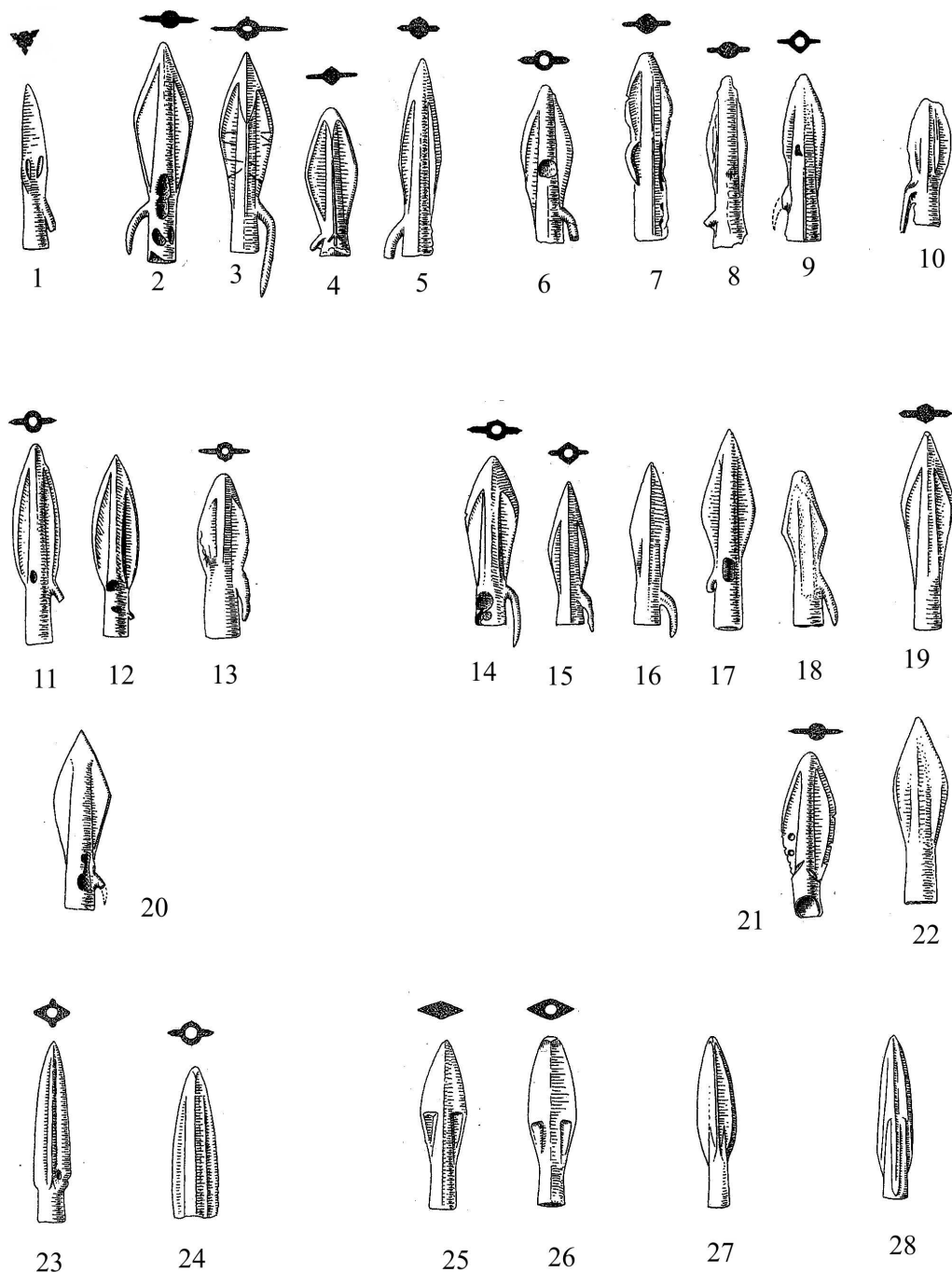

Рис. 6. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из Богазкёя: 1 – слой Бююккале (Büyükkale) II; 2–10 – слой Бююккале (Büyükkale) IIa/Ib; 11–28 – слой Бююккале (Büyükkale) I [Boehmer, 1972, Taf. 30–31].

Fig. 6. Bronze socketed arrowheads from Boğazköy: 1 – Büyükkale II layer; 2–10 – Büyükkale IIa/Ib layer; 11–28 – Büyükkale I layer [Boehmer, 1972, Taf. 31].

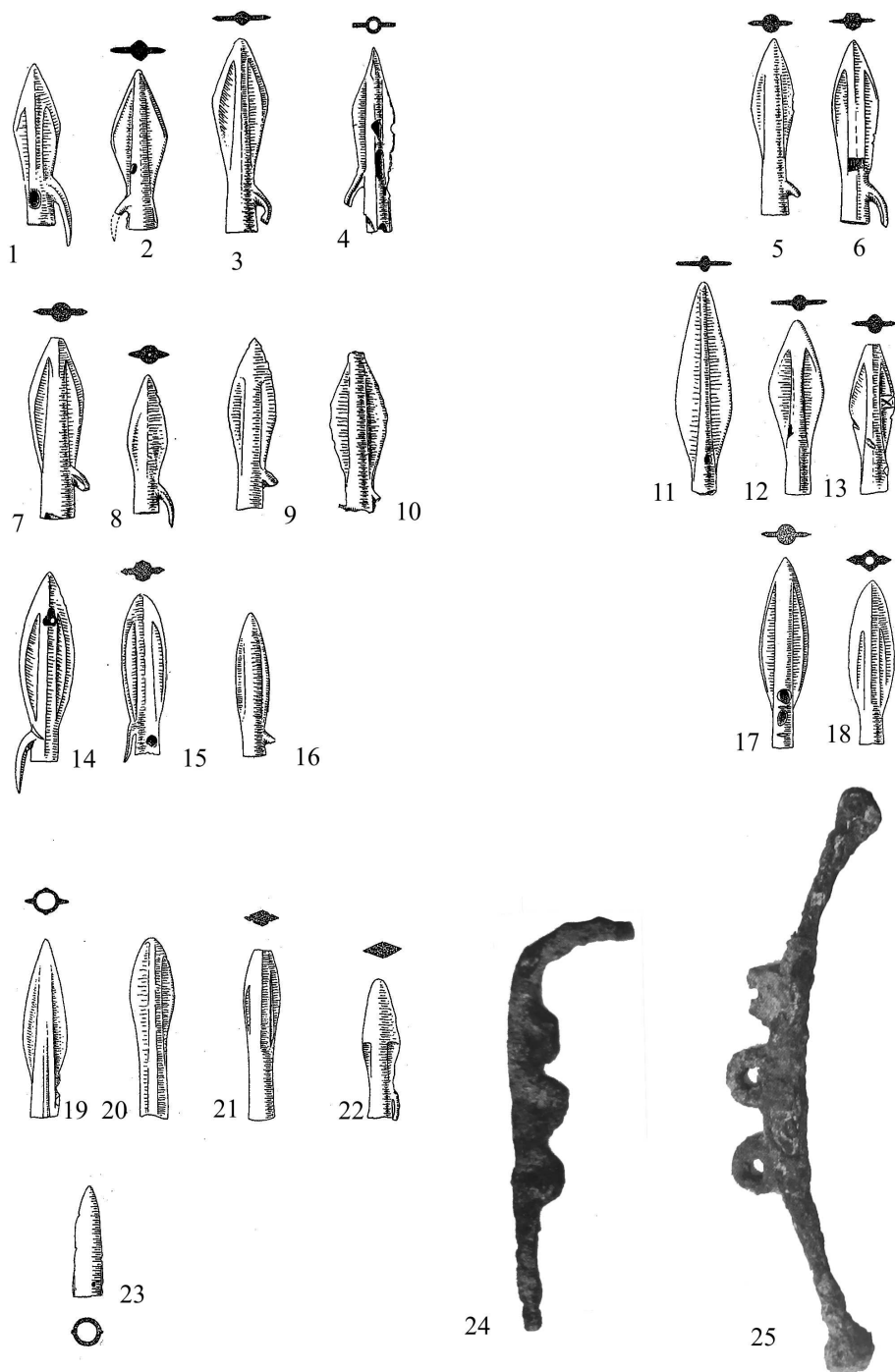

Рис. 7. Бронзовые втульчатые наконечники стрел (1–23) и железные трехпетельчатые псалии (24–25) из Богазкёя [Boehmer, 1972, Taf. 30; 58].

Fig. 7. Bronze socketed arrowheads (1–23) and iron three-looped cheekpieces (24–25) from Boğazköy: [Boehmer, 1972, Taf. 30; 58].

ний предскифского времени Северного Причерноморья [Yukishima, 1998; Махортых, 2000, с. 190]. Единичные наконечники близкой формы найдены в Приаралье и Южной Сибири [Яблонский, 1996, рис. 17, 60], где их, вероятно, следует рассматривать как результат контактов с западными кочевническими группировками. Существование таких контактов подтверждают и находки в Гумарово (Южное Приуралье) новочеркасских наконечников стрел, а в Приаралье (Уйгарак) – уздечных принадлежностей восточноевропейских типов [Махортых, 2005, с. 94–95].

На поселении Каман-Калехёюк выделяется группа оригинальных шипастых двухлопастных наконечников с подромбической формой головки, наибольшее расширение которой приходится на ее нижнюю часть (рис. 8, 3, 10, 15). Их размеры варьируются от 3,4×1,1 см до 4×1 см. Наконечники близкой формы известны в Богазкёе, Керкенес-Даге (рис. 6, 15; 9, 11), а также на юге Восточной Европы, например, погребение 1 курган 25 у хут. Хапры [Ильюков, Пашиный, 1999]. По своим материалам, эти памятники датируются преимущественно в рамках первой половины VI в. до н.э., что позволяет определять возраст наконечников этой группы из Каман-Калехёюка близким временем.

Особо следует отметить находки двух незаконченных двухлопастных наконечников с овальной головкой и остатками литников, что свидетельствует об их изготовлении на месте кочевниками или для кочевников (рис. 8, 24) [Yukishima, 1998, fig. 5, 2; 9, 10, 11].

Среди рассматриваемых наконечников стрел довольно многочисленны и трёхлопастные экземпляры различных модификаций (18 экз.). Их размеры варьируются от 3,4×0,8 см до 5×1 см. Некоторые из них имеют длинную и узкую подовальную головку, а также выступающую втулку без шипа (рис. 8, 35). Аналогии им известны из слоя Бююккале (Büyükkale) I в Богазкёе (рис. 6, 28), который имеет широкую датировку второй половиной VII–VI в. до н.э., а также в Иране (*Нуш-и Джан*) и Ираке (Грди-Тле), а также в Краснодарском крае – погребение 2 у хут. Ленина [Dezsö, 2017, fig. 1, 1]. Возраст последнего захоронения определяется в рамках конца VII – первой четверти VI в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 84, рис. 110, 2жс].

Близкую дату имеет и другой трёхлопастный наконечник из Каман-Калехёюка, с листовидной головкой и втулкой без шипа (рис. 8, 37). Аналогичные наконечники найдены в Кархемыше и Сардах, где они связываются со слоями разрушений этих памятников в конце VII в. до н.э. и VI в. до н.э. соответственно [Waldbaum, 1983, pl. 3, 43; Szudy, 2015, pl. 38, 19 *Carchemish*].

Большая часть остальных трёхлопастных наконечников из Камана, в том числе и с ромбовидной головкой (рис. 8, 38–40), связывается с ахеменидскими типами стрел (слой 1), датирующихся VI–IV вв. до н.э. [Yukishima, 1992, p. 93, fig. 2, 9, 10].

Помимо втульчатых наконечников стрел, в Каман-Калехёюке были найдены бронзовые уздечные пронизи, оформленные в виде изогнутого клюва или схематической птичьей головки [Махортых, 2018, с. 39, рис. 6, 10], а также костяная пуговица, декорированная в скифском зверином стиле⁹ (рис. 8, 41, 42) [Takahama, 1999, p. 178, fig. 1, 1a, 3a]. Сходство упомянутой выше пуговицы с близкой находкой из Сард, связываемой с евразийскими номадами [Dusinbere, 2010, fig. 2], позволяет предполагать кочевническое происхождение и для упомянутых выше предметов из Каман-Калехёюка.

(3) Поселение Керкенес-Даг (Kerkenez Dağ) в иле Йозгат (Yozgat) относится к числу наиболее монументальных памятников раннего железного века в Центральной Анатолии

⁹ Следует упомянуть и о недавней находке еще одной костяной пронизи, украшенной изображением свернувшегося в кольцо хищника, выявленной на поселении Бююккале, располагающемся недалеко от Каман-Калехёюка (рис. 8, 43) [Matsumura, 2020, fig. 10]. Ближайшие параллели ей обнаруживаются среди зооморфных изображений, представленных в кургане 2/В Келермеса на Кубани (рис. 8, 44, 45) [Махортых, 2017, рис. 11, 5, 6].

(рис. 1, 5). Оно было основано фригийцами и существовало с конца VII до начала третьей четверти VI в. до н.э. Керкенес-Даг отождествляется с древним городом Птериа, упоминаемым Геродотом [Summers, 2018].

Выявленные на территории этого памятника кочевнические материалы представлены главным образом бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел. Найдено 28 экземпляров [Schmidt, 1929, fig. 69; Summers, 2017].

Среди наконечников преобладают двухлопастные (19 экз. – 68 %), 11 из которых с шипами. Найдены также девять трёхлопастных наконечников, три из которых имеют шип. Длина наконечников варьируется от 2,5 до 4,9 см, хотя у большинства она составляет 3,4–4 см [Summers, 2017, fig. 33.1–33.5].

Двухлопастные наконечники представлены несколькими типами. Наиболее многочисленны среди них наконечники с широкой и узкой овальной головкой (8 экз.) (рис. 9, 1–7), большинство из которых имеет слабо выступающую втулку с шипом, а их длина составляет от 3,7–3,9 до 4–4,3 см.

Бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники с овальной головкой хорошо известны на таких уратских памятниках, как Аянис, Бастам, Кармир-Блур. В Малой Азии они представлены в слое Бююккале (Büyükkale) I (Богазкёй), а также среди находок из иля Сивас и Амасья (рис. 2, 1–11; 3, 4–16). Близкие соответствия наконечникам с овальной головкой и шипом из Керкенес-Дага обнаруживаются и на юге Восточной Европы, например, в погребении 2 Репяховатой Могилы, датированном в рамках первой половины VI в. до н.э. [Ильинская и др., 1980, рис. 14, 16].

Среди двухлопастных наконечников в Керкенес-Даге присутствуют также четыре экземпляра с ромбической головкой. Все они снабжены шипами, их длина варьируется от 3,2 до 4,3 см (рис. 9, 8–11).

Упомянутые выше двухлопастные наконечники с головкой овальных и ромбовидных очертаний в большинстве случаев следует относить к так называемым сквозным типам, бытующим на территории Передней Азии на протяжении большей части VII в. до н.э., а отчасти и в VI в. до н.э., что подтверждается материалами Керкенес-Дага.

Среди рассматриваемых наконечников Керкенес-Дага имеются три экземпляра с выступающей втулкой и четырёхгранной в сечении головкой, имеющей овальные очертания (рис. 9, 15–17). Их размеры варьируются от 3,2 до 3,7 см. Подобные наконечники встречаются, главным образом, в Центральной Анатолии (рис. 2, 59–68; 8, 30) (Амасья, Каман-Калехёюк и др.), тогда как в других регионах Древнего Востока они практически неизвестны, что позволяет рассматривать их в качестве локальной особенности центрально-анатолийских колчанных наборов VII–VI вв. до н.э.

Сказанное выше справедливо и в отношении двух оригинальных двухлопастных наконечников без шипов, имеющих «утяжёленную» четырёхгранную головку подовальной или ромбовидной формы (рис. 9, 12, 14). Их длина 2,9–3,4 см. Вероятно, они представляют одну из наиболее поздних хронологических разновидностей наконечников этого типа, которые бытовали на протяжении VII–VI вв. до н.э. преимущественно в Центральной Анатолии (Амасья, Богазкёй, Каман-Калехёюк и др.). Заметим, что в более восточных регионах Передней Азии, а также в Закавказье они не получили распространения.

Трёхлопастные наконечники из Керкенес-Дага довольно разнообразны и представлены несколькими типами. Среди них имеются наконечники длиной 2,5–4,2 см с лавролистной головкой, короткой втулкой без шипа, а также экземпляр с шипом и длинной втулкой, составляющей около половины длины всего наконечника (длина – 4,9 см) (рис. 9, 18–20). Последний наконечник находит ближайшие соответствия в восточноевропейских памятниках первой половины VI в. до н.э.: Лебеди V, курган 11 погребение 8; Хапры, курган 25

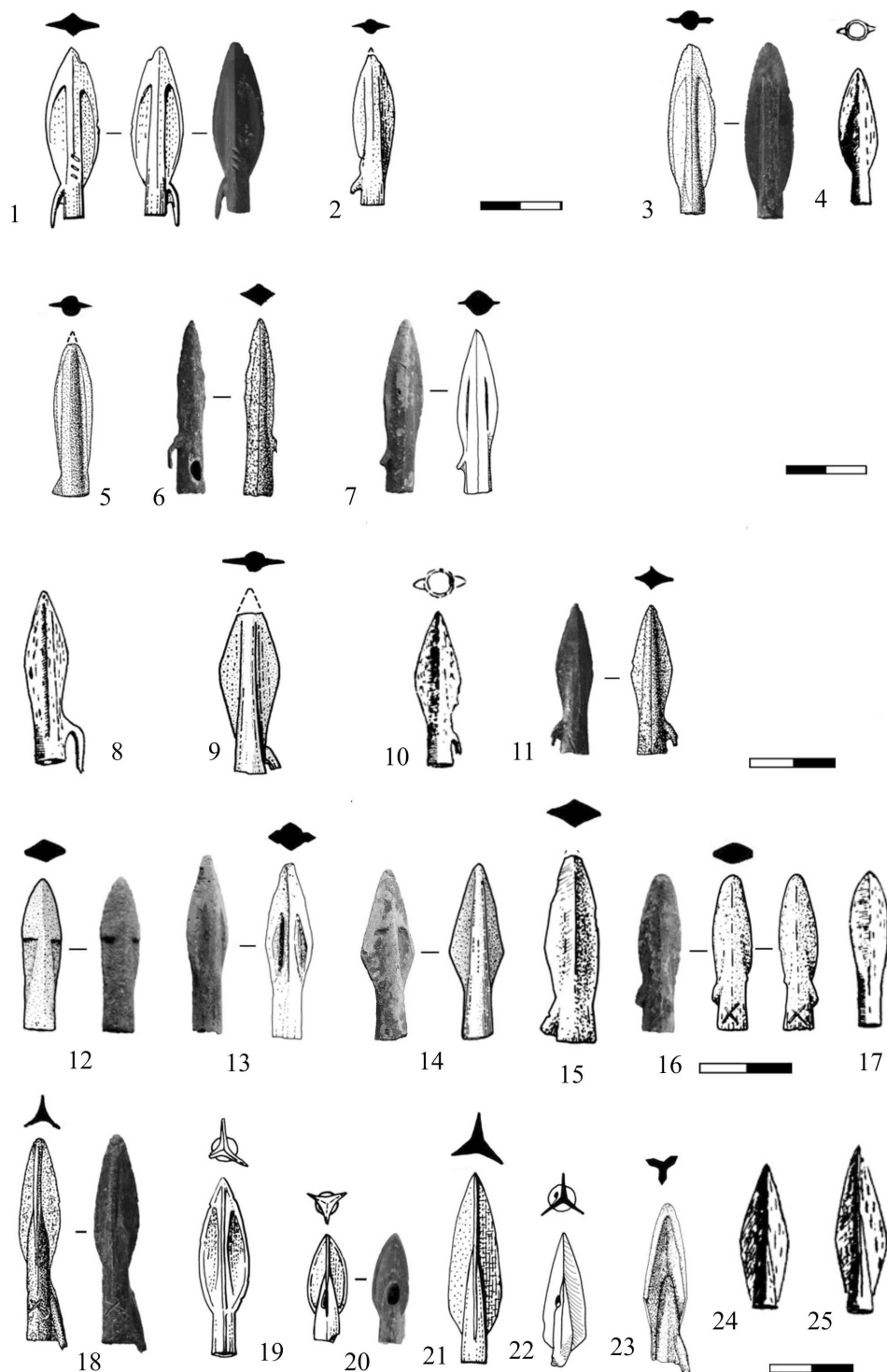

Рис. 9. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из Керкенес-Дара [Summers, 2017, Pp. 659–664].

Fig. 9. Bronze socketed arrowheads from Kerkenes Dağ [Summers, 2017, Pp. 659–664].

погребение 1; Бушуйка, курган 2 погребение 10 [Беспалый, Парусимов, 1991, рис. 6, 14; Пьянков и др., 2019, рис. 4, 13–15]. Данный факт свидетельствует о существовании контактов восточноевропейских номадов с населением Малой Азии, не только в VII, но и в VI в. до н.э.

В Керкенес-Даге также найдены трёхлопастные наконечники с короткой втулкой с шипом и без него, имеющие головку ромбовидных и лавролистных очертаний с максимальным расширением пера в нижней части (рис. 9, 23–24) [Summers, 2017]. Их высота варьируется от 3,2 до 4,6 см. Они имеют аналогии на юге Восточной Европы в памятниках позднего VII – первой половины VI в. до н.э. (Келермес, курганы 1 и 4/III, Репяховатая Могила, погребение 1, Лебеде V, курган 11 и др. [Галанина, 1995, рис. 3, 36; Дараган, 2015, рис. 13, 11; Пьянков и др., 2019, рис. 4, 20, 21]).

Также в Керкенес-Даге есть наконечники, которые можно связывать с ахеменидскими стрелами, получившими широкое распространение на Древнем Востоке и за его пределами в VI–IV вв. до н.э. (рис. 9, 24, 25). Эти трёхлопастные наконечники имеют скрытую или слабо выступающую втулку и подромбическую форму пера. Подобные экземпляры обнаружены и в Каман-Калехёюке (рис. 8, 38, 39).

Узкие хронологические рамки существования Керкенес-Дага (конец VII – первая половина VI в. до н.э.) позволяют получить представление о бытующих в это время наконечниках стрел «скифских» типов, что делает их важным хронологическим и культурным индикатором.

ВЫВОДЫ

Центральная Анатолия относится к числу областей Передней Азии, где на довольно компактной территории фиксируется значительная концентрация археологических памятников VII, а отчасти и VI в. до н.э., связанных с пребыванием в этом районе евразийских кочевников. Они представлены как погребениями (Амасыя, Имирлер, курган J Гордиона и др.), так и предметами, обнаруженными на поселениях. Последние, в отличие от памятников Урарту, как правило, не связаны со слоями разрушений. Находки кочевнического облика из Центральной Анатолии включают предметы вооружения (бронзовые втульчатые наконечники стрел различных типов, железный меч, топор, биметаллические клевцы) и конского снаряжения (стремечковидные удила, трехпестельчатые псалии, уздечные пронози), а также изделия, выполненные в скифском зверином стиле.

Раннекочевнические комплексы из Анатолии зачастую имеют синкретический характер, включая в том или ином соотношении изделия киммерийского, скифского, центральноазиатского (сакского?) облика, а также местные переднеазиатские предметы. Будучи связанными с различными культурными традициями, как восточноевропейскими, так и центральноазиатскими, они свидетельствуют о неоднородном этническом составе кочевнических группировок, действовавших здесь в VII–VI вв. до н.э., и не позволяют приписывать все выявленные здесь материалы какому-то одному из этих народов, например, киммерийцам, в реальности существования которых в настоящее время уже никто не сомневается.

Если рассматривать культуру как целостное явление, охватывающее широкий спектр погребальной обрядности и материального комплекса, то вопрос о содержании и тождественности культур киммерийцев и скифов не может в настоящее время решаться на материалах Древнего Востока, во-первых, из-за отсутствия там полноценных и представительных археологических источников; во-вторых, из-за локализации основных центров кочевнических объединений VII–VI вв. до н.э. в на территориях, располагающихся к северу от Главного Кавказского хребта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. *Хронография Европейской Скифии*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003 [Alekseev A.Yu. *The Chronography of European Scythia*. St. Petersburg: The State Hermitage Publishing House, 2003 (in Russian)].

Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры. *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Под ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 39–48 [Balakhvantsev A.S. Bimetallic Axehead from Buguruslan and the Problem of the Formation of the Early Scythian Culture. *War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World*. Ed. S.I. Lukiashko. Rostov-na-Donu: SSC RAS Publishing House, 2014. Pp. 39–48 (in Russian)].

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону. *Советская археология*. 1991. № 3. С. 179–195 [Bespaly E.I., Parusimov I.N. The Assemblages of the Pre-Scythian and Early Scythian Periods at the Lower Don. *Soviet Archaeology*. 1991. No. 3. Pp. 179–195 (in Russian)].

Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из западного Закубанья. *Понтийско-кавказские исследования*. Под ред. Б.А. Раева. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 21–38 [Vasilinenko D.E., Kondrashev A.B., Pyankov A.B. Archaeological Materials of the Pre-Scythian and Early Scythian Periods from the Western Trans-Kuban Region. *Pontic-Caucasian Studies*. Ed. B.A. Raev. Krasnodar: Skifskaia galereia, 1993. Pp. 21–38 (in Russian)].

Галанина Л.К. *Скифские древности Поднепровья*. М.: Наука, 1977 [Galanina L.K. *Scythian Antiquities of the Dnieper Region*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Галанина Л.К. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1995. № 32. С. 41–52 [Galanina L.K. Early Scythian Shooting Sets from Kelermes Barrows. *State Hermitage Museum Archeological Papers*. 1995. No. 32. Pp. 41–52 (in Russian)].

Галанина Л.К. *Келермесские курганы*. М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. *The Kelermes Barrows*. Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian)].

Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. *Труды Государственного Эрмитажа*. 2015. № 77. С. 127–170 [Daragan M.N. Pre-Scythian and Early Scythian Arrowheads: Manufacturing, Metrology and Markings. *Transactions of the State Hermitage Museum*. 2015. No. 77. Pp. 127–170 (in Russian)].

Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии. *Вестник древней истории*. 1998. № 4. С. 77–93 [Dudarev S.L. Toward the Place of “Cimmerian” Complexes from Western Asia in the System of Chronological and Cultural Ties Between the Black Sea Region, the Caucasus and Eastern Eurasia. *Journal of Ancient History*. 1998. No. 4. Pp. 77–93 (in Russian)].

Иванчик А.И. *Киммерийцы и скифы*. М.: Палеограф, 2001 [Ivanchik A.I. *Cimmerians and Scythians*. Moscow: Paleograph, 2001 (in Russian)].

Ильинская В.А. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка, 1968 [Ilinskaya V.A. *Scythians of the Dnieper Left-Bank Forest-Steppe*. Kyiv: Naukova dumka, 1968 (in Russian)].

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. *Скифия и Кавказ*. Под ред. А.И. Тереножкина. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63 [Ilinskaya V.A., Mozolevskiy A.I., Terenozhkin A.I. Kurgans of the 6th century BC at Matusov. *Scythia and Caucasus*. Ed. A.I. Terenozhkin. Kyiv: Naukova dumka, 1980. Pp. 31–63 (in Russian)].

Ильюков Л., Пашиный К. *На краю Меотиды*. Ростов-на-Дону: Рим–V, 1999 [Ilyukov L., Pashinyan K. *On the Edge of Meotida*. Rostov-na-Donu: Rim–V, 1999 (in Russian)].

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1988.

№ 29. С. 29–47 [Ismagilov R.B. Burial of the Great Gumarovo Barrow in the Southern Urals and the Problem of the Scythian Culture Origin. *State Hermitage Museum Archeological Papers*. 1988. No. 29. Pp. 29–47 (in Russian)].

Ковпаненко Г.Т. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка, 1981 [Kovpanenko G.T. *Barrows of the Early Scythian Time in the Basin of the Ros River*. Kyiv: Naukova dumka, 1981 (in Russian)].

Козенкова В.И. Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье. «XXVIII Крупновские чтения». Под ред. Д.С. Коробова. М.: ИА РАН, 2014. С. 160–162 [Kozenkova V.I. Chronology of the Perkalsk Cemetery in the Context of New Scythian Material in the Ciscaucasia. “XXVIII Krupnovskie Readings”. Ed. D.S. Korobov. Moscow: IA RAS, 2014. Pp. 160–162 (in Russian)].

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона. *Советская археология*. 1982. № 3. С. 149–164 [Korenyako V.A., Lukiashko S.I. New Materials on Early Scythian Habitat on the Left Bank of the Lower Don. *Soviet Archaeology*. 1982. No. 3. Pp. 149–164 (in Russian)].

Кузьминых С.В. *Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке*. М.: Наука, 1983 [Kuzminykh S.V. *Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Лимберис Н.Ю., Марченко И. И. *Меотские древности VI–V вв. до н.э.* Краснодар: Кубанский университет, 2012 [Limberis N.Yu., Marchenko I.I. *Meotian Antiquities of the 6th–5th Centuries BC*. Krasnodar: Kuban University Press, 2012 (in Russian)].

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новые протомеотские комплексы Закубанья. *Археологические вестн.* 2014. № 20. С. 165–182 [Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Newly Discovered Proto-Meotian Burials in the Trans-Kuban Region. *Archaeological News*. 2014. No. 20. Pp. 165–182 (in Russian)].

Махортых С.В. *Скифы на Северном Кавказе*. Киев: Наукова думка, 1991 [Makhortykh S.V. *Scythians in the North Caucasus*. Kyiv: Naukova dumka, 1991 (in Russian)].

Махортых С.В. Киммерийцы и Древний Восток. *Вестник древней истории*. 1998. № 2. С. 95–104 [Makhortykh S.V. Cimmerians and the Ancient Near East. *Journal of Ancient History*. 1998. No. 2. Pp. 95–104 (in Russian)].

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.* Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М.: Старый сад, 2000. С. 186–194 [Makhortykh S.V. About the Actual Questions of the Early Scythian Archaeology. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC*. Ed. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovskiy. Moscow: Staryi sad, 2000. Pp. 186–194 (in Russian)].

Махортых С.В. Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период. *Снаряжение кочевников Евразии*. Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Алтайский университет, 2005. С. 92–95 [Makhortykh S.V. Horse Harness of the Southeastern Europe in the Pre-Scythian Period. *Equipment of the Nomads of Eurasia*. Ed. A.A. Tishkin. Barnaul: Altay University, 2005. Pp. 92–95 (in Russian)].

Махортых С.В. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья. *Revista arheologica*. 2014. Vol. 10. No. 1–2. С. 69–78 [Makhortykh S.V. On Early Scythian Group of Monuments from Dnieper Right-Bank Forest-Steppe. *Revista arheologica*. 2014. Vol. 10. No. 1–2. Pp. 69–78 (in Russian)].

Махортых С.В. Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье. *Актуальные проблемы археологии Евразии*. Под ред. Б.А. Байтанаева. Алматы: Институт археологии, 2016. С. 297–323 [Makhortykh S.V. Archaic Scythian Mirrors in the North Caucasus and Ukrainian Forest-Steppe. *Actual Problems of the Archaeology of Eurasia*. Ed. B.A. Bajtanaev. Almaty: Institute of archaeology, 2016. Pp. 297–323 (in Russian)].

Махортых С.В. Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н.э. *Археологія і давня історія України*. 2017. № 2. С. 166–184 [Makhortykh S.V. Harness

Fittings in the South of Eastern Europe in the 7th–6th centuries BC. *Archaeology and Early History of Ukraine*. 2017. No. 2. Pp. 166–184 (in Russian)].

Махортых С.В. Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии. *Археологія і давня історія України*. 2018. № 2. С. 35–50 [Makhortykh S.V. Harness Fittings of the 7th–6th centuries BC in the Transcaucasia and the Near East. *Archaeology and Early History of Ukraine*. 2018. No. 2. Pp. 35–50 (in Russian)].

Мелюкова А.И. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы. *Древности скифской эпохи*. Под ред. В.Г. Петренко. М.: ИА РАН, 2006. С. 25–40 [Meliukova A.I. About the Scythian Campaigns to the Territory of Central Europe. *Antiquities of the Scythian Epoch*. Ed. V.G. Petrenko. Moscow: IA RAS, 2006. Pp. 25–40 (in Russian)].

Папуашвили Р.И., Балахванцев А.С. Биметаллические клевцы из могильников Колхиды (Эргета П, Цаиши). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Под ред. А.С. Балахванцева, С.В. Куланды. М.: ИВ РАН, 2016. С. 199–206 [Papuashvili R.I., Balakhvantsev A.S. Bimetallic Pickaxes from Colchidian Necropolis. *The Caucasus and the Steppes in the Late Bronze –Early Iron Age*. Eds.: A.S. Balakhvantsev, S.V. Kulanda. Moscow: IOS RAS, 2016. Pp. 199–206 (in Russian)].

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Под ред. А.И. Мелюковой. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 60–81 [Petrenko V.G. On the Question of the Chronology of the Early Scythian Kurgans in the Central Ciscaucasia. *Problems of Scythian-Sarmatian archaeology*. Ed. A.I. Meliukova. Moscow: IAN SSSR, 1990. Pp. 60–81 (in Russian)].

Петренко В.Г. *Краснознаменский могильник*. М.: Палеограф, 2006 [Petrenko V.G. *The Krasnoe Znamya Cemetery*. Moscow: Paleograph, 2006 (in Russian)].

Пиотровский Б.Б. Город бога Тейшебы. *Советская археология*. 1959. № 2. С. 169–186 [Piotrovsky B.B. The City of the God Teisheba. *Soviet Archaeology*. 1959. No. 2. Pp. 169–186 (in Russian)].

Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Ранние скифы и древний Восток*. М.: Наука, 1993 [Pogrebova M.N., Raevskiy D.S. *Early Scythians and the Ancient Near East*. Moscow: Nauka, 1993 (in Russian)].

Пьянков А.В., Рябкова Т.В., Зеленский Ю.В. Комплекс раннескифского времени кургана 11 могильника Лебеди V в Прикубанье. *Археологические вести*. 2019. № 25. С. 206–228 [Pyankov A.V., Ryabkova T.V., Zelenskiy Yu.V. A Complex of the Early Scythian Period in the Burial Mound 11 at the Cemetery of Lebedi V in the Kuban River Region. *Archaeological News*. 2019. No. 25. Pp. 206–228 (in Russian)].

Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у с. Китайгород в Приорелье. *Российская археология*. 2014. № 4. С. 107–117 [Romashko V.A., Skorii S.A., Filimonov D.G. Early Scythian Burial in the Burial Mound near the Village Kitaigorod in the Oryol Region. *Russian Archaeology*. 2014. No. 4. Pp. 107–117 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини. *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский университет, 2009. С. 328–334 [Ryabkova T.V. Arrowheads of the Scythian Type from Teishebaini. *Fifth Kuban Archaeological Conference*. Ed. I.I. Marchenko. Krasnodar: Kuban university, 2009. Pp. 328–334 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Российский археологический ежегодник*. 2014. № 4. С. 236–296 [Ryabkova T.V. Barrow 524 near the Village of Zhabotin and its Place among the Sites of the Scythian Archaic Period. *Russian Archaeological Yearbook*. 2014. No. 4. Pp. 236–296 (in Russian)].

Чугунов К.В. Классификация стрел К.Ф. Смирнова и колчаные наборы раннескифского времени восточной зоны как хронологический индикатор. *Scythia et Sarmatia*. Под ред. А.А. Малышева. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 31–46 [Chugunov K.V. Classification of Arrows by K.F. Smirnov and Quiver Sets of the Early Scythian Time of the Eastern Zone as a Chronological Indicator. *Scythia et Sarmatia*. Ed. A.A. Malyshev. Moscow: MAKS Press, 1990, Pp. 31–46 (in Russian)].

Шрамко Б.А. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка, 1987 [Shramko B.A. *Belsk Hillfort of the Scythian Epoch (Gelon City)*. Kyiv: Naukova dumka, 1987 (in Russian)].

Эрлих В.Р. Об одном трехпетельчатом псалии из Богазкёя. *Причерноморье в античное и ранне-средневековое время*. Под ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮИЦ РАН, 2013. С. 46–49 [Erlikh V.R. About One Three-Looped Cheekpiece from Boğazköy. *Black Sea Region in Antiquity and Early Middle-Ages*. Ed. A.N. Kovalenko. Rostov-na-Donu: SSC RAS, 2013, Pp. 46–49 (in Russian)].

Яблонский Л.Т. *Саки Южного Приаралья*. М.: ИА РАН, 1996 [Yablonski L.T. *Saky of the South Aral Steppes*. Moscow: IA RAS, 1996 (in Russian)].

Baykal-Seeher A., Genz G., Herbordt S., Seeher J. *Ergebnisse der Grabungen an den Ostteichen und am mittleren Büyükkale-Nordwesthang*. Mainz: Philipp von Zabern, 2006.

Boehmer R. M. *Die Kleinfunde von Boğazköy aus den Grabungskampagnen 1931–1939 und 1952–1969*. Berlin: Mann, 1972.

Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows. *Ayanis I: Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998*. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Rome: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici, 2001. Pp. 189–217.

DeVries K. Greek Pottery and Gordion Chronology. *The Archaeology of Midas and the Phrygians*. Ed. L. Kealhofer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. Pp. 36–55.

Dezső T. The Arrowheads from Grd-i Tle. *Dissertationes Archaeologicae*. 2017. Ser. 3. No. 5. Pp. 97–112.

Dusinbere E. Ivories from Lydia. *The Lydians and Their World*. Ed. N. Cahill. İstanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat, 2010. Pp. 191–200.

Hauptmann H. *Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien: Festschrift für Kurt Bittel*. Ed. R.M. Boehmer, H. Hauptmann. Mainz: Philipp von Zabern, 1983. S. 251–270.

Hellmuth A. *Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolnice-Molpir*. Bonn: R. Habelt, 2006.

Köhler E. *The Gordion Excavations (1950–1973). The Lesser Phrygian tumuli: the inhumations*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995.

Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. *Skythika*. Ed. H. Franke. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. S. 24–86.

Matsumura K. Büklükale kazisi 2018. *Kazı Sonuçları Toplantıları*. 2020. Vol. 41. No. 3. Pp. 35–48.

Müller-Karpe V. Atlı Göçebelilerden Kalma Anadolu'daki Kovanlı Savaş Kazmaları. *Memoriam İ. Metin Akyurt Bahattin Devam Anı Kitabı. Eski Yakın Doğu Kültürü Üzerine İncelemeler*. Eds. A. Erkanal, H. Erkanal. İstanbul: Kanaat Matbaası, 1995. Pp. 227–232.

Ökse T. Bronzerne Pfeilspitzen Skythischen Typus aus Sivas. *Arkeoloji ve Sanat*. 1994. No. 64/65. S. 28–32.

Schmidt E.F. Test excavations in the city on Kerkenes Dag. *American Journal of Semitic Languages and Literatures*. 1929. No. 45. Pp. 221–274.

Summers G. Iron Age Arrowheads from Kerkenes. Overturning Certainties in Near Eastern Archaeology. *A festschrift in honor of K. Aslihan Yener*. Eds. Ç. Maner, M. Horowitz, A. Gilbert. Leiden: Brill, 2017. Pp. 645–664.

Summers G. Phrygians East of the Red River: Phrygianisation, Migration and Desertion. *Anatolian Studies*. 2018. No. 68. Pp. 1–20.

Szudy M.J. *Archery Equipment in the Neo-Assyrian Period*. Vienna: Vienna university, 2015.

Takahama S. Bone Ornaments with Bird Head Design Excavated from Kaman-Kalehöyük. *Anatolian Archaeological Studies*. 1999. No. 8. Pp. 175–178.

Ünal V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien. *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. 1982. Bd. 4. S. 65–82.

Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis: The Finds through 1974*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

Yukishima K. Scythian Type Bronze Arrowheads from Kaman-Kalehöyük. *Anatolian Archaeological Studies*. 1992. No. 1. Pp. 89–100.

Yukishima K. Metal Arrowheads at Kaman-Kalehöyük. *Anatolian Archaeological Studies*. 1998. No. 7. Pp. 183–204.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ИА НАНУ – Институт археологии национальной академии наук Украины [IA NUAS – Institute of Archaeology of the National Ukrainian Academy of Sciences]

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук [IA RAS – Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences].

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук [IOS RAS – Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences].

ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук [SSC RAS – *Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences*].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАХОПТЫХ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ, Киев, Украина.

Sergey V. MAKHORYKH, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine.

КОТОВА Надежда Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ, Киев, Украина.

Nadia S. KOTOVA, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine.

DOI: 10.31857/S086919080017649-0

ДЕТАЛИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ И ДИАДЕМ
ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-II¹

© 2021

В.Е. МАСЛОВ^a, В.Г. ПЕТРЕНКО^b^{a, b} – Институт археологии РАН, Москва, Россия;^a – ORCID: 0000-0002-4910-8317; maslovlad@mail.ru;^b – ORCID: 0000-0003-1031-3185; vladimira_petren@mail.ru

Резюме: В статье публикуются наборы золотых украшений, найденные в трех курганах раннескифского могильника Новозаведенное-II (Ставропольский край). Выдвинуто предположение, что эти наборы являются частью головных украшений. Могильник Новозаведенное-II, очевидно, принадлежал клановой группе племенных лидеров, возглавлявших одно из военизированных племенных объединений, которое обосновалось в предкавказских степях в период завершения переднеазиатских кампаний. Относительная хронология памятника охватывает промежуток между третьей четвертью VII в. до н.э. и второй четвертью VI в. до н.э.

В кургане № 1 были обнаружены золотые нашивные бляшки в виде розеток и подвески двух типов, которые могли являться украшениями парадного головного убора, выполненного в традициях передневносточной дворцовой моды.

В курганах № 3 и 16 были найдены наборы нашивных блях на ленточные диадемы в виде фигур лежащих кошачьих хищников. Набор из украшений в кургане № 3, выполненный с использованием пайки и зерни, вероятно, был изготовлен в Передней Азии. Набор нашивных украшений из кургана № 16 выполнен в технике тиснения; он мог быть изготовлен пленным ювелиром в полевой ставке скифского вождя. Особенно важна находка в кургане № 16 золотой бусины-распределителя, имеющей аналогии в гробнице I в Нимруде. Очевидно, золотые женские украшения, связанные с Ассирией, попадают в скифские гробницы в конце VII в. до н.э. после разгрома Ассирийской державы. Непосредственное участие скифов во взятии и разграблении ассирийских столиц в историографии отрицается. Однако допустимо предположение, что часть скифов могла входить в состав мидийского войска и что среди вождов, похороненных в курганах могильника Новозаведенное-II и Келермесском могильнике, а также в Литом кургане были участники разграбления царских сокровищниц и гробниц.

Ключевые слова: Ранние скифы, ювелирные украшения, диадемы, Ассирия.

Для цитирования: Маслов В.Е., Петренко В.Г. Детали головных уборов и диадемы из могильника Новозаведенное-II. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017649-0

DETAILS OF HEADRESSES AND DIADEMS
FROM THE NOVOZAVEDENNOYE-II BARROW CEMETERY

© 2021

Vladimir E. MASLOV^a, Vladimira G. PETRENKO^b

¹ Статья написана в рамках темы Государственного задания: № НИОКТР АААА-А18-118011790093-2 «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния».

^{a, b} – Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^a – ORCID: 0000-0002-4910-8317; maslovlad@mail.ru;

^b – ORCID: 0000-0003-1031-3185; vladimira_petren@mail.ru

Abstract: *The authors publish in the article the gold jewelry from the Early Scythian barrow cemetery Novozavedennoe-II in the Central Ciscaucasia (Stavropol Region). It has been suggested that these finds were the parts of head's jewelry. In Novozavedennoe-II, obviously, were buried group of clan leaders who headed one of the militarized tribal alliance, which settled in the Ciscaucasia steppes after Near East campaigns. The relative chronology of the site covers the interval between the third quarter of the 7th century BC and the second quarter of the 6th century BC.*

In the barrow No. 1 the gold sewn-on plaques in the form of rosettes and two types of pendants, which could be adornments of a ceremonial headdress made in the traditions of the Near East palace fashion, were found. The ribbon diadems decorated of sewn-on plaques in the form of stylized lying feline predators obviously were in the barrows No. 3 and 16.

The decorations from the mound No. 3 were made with using soldering and granulation, obviously in Western Asia. A set of sewn-on decorations from mound No. 16 was made using the stamp technique, probably by a captive jeweler at the field headquarters of a Scythian chief. Especially important is the find in barrow No. 16 of a gold bead distributor, which has analogies in the tomb I in Nimrud. Obviously, gold female jewelry connected with Assyrian royal court get to the Scythian tombs at the end of the 7th century BC in time of the downfall of the Assyrian empire.

Keywords: Early Scythians, jewelry, diadem, Assyria.

For citation: Maslov V.E., Petrenko V.G. Details of Headdresses and Diadems from Novozavedennoe-II Barrow Cemetery. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017649-0

В ходе исследования могильника Новозаведенное-II в Центральном Предкавказье в 80–90-е годы минувшего века в курганах № 1, 3 и 16 были найдены золотые предметы, которые с высокой степенью вероятности могут являться деталями диадем и/или парадных головных уборов. Могильник Новозаведенное-II, очевидно, принадлежал клановой группе племенных лидеров, возглавлявших одно из военизированных племенных объединений, которое обосновалось в предкавказских степях в период постепенного завершения переднеазиатских компаний. Относительная хронология памятника охватывает промежуток между третьей четвертью VII в. до н.э. и второй четвертью VI в. до н.э. В реальности этот интервал едва ли превышал 70–80 лет. Большинство же насыпей могильника было возведено на протяжении ещё более короткого хронологического отрезка: в конце третьей – последней четверти VII в. до н.э.

Представим ниже описание, контекст и интерпретацию интересующих нас находок.

В кургане № 1 в придонном заполнении могильной камеры при расчистке смещённых человеческих костей черепа и рук были обнаружены золотые нашивные бляшки в виде розеток и золотые подвески двух типов.

Нашивные бляшки из золотой фольги с тисненым изображением шестилепестковой розетки с выделенным округлым валиком центром (8 экз.) подвески с плоским 1, 1, 1a)². Размеры: диаметр – 2 см, толщина листа менее 1 мм. По краям бляшек изнутри довольно грубо пробиты радиально расположенные парные отверстия для нашивки.

² Рисунки находятся на цветной вклейке.

Полые конусовидные подвески, состоящие из свернутого спаянного листочка фольги с припаянной округлой крышечкой с проволочной петелькой (2 экз.). Общая длина – 1–1,4 см, толщина листа менее 1 мм (рис. 1, 2, 2a).

Полые треугольные подвески со скругленными краями, спаянные из трех деталей (2 экз.). На плоское основание напаяна передняя выпуклая пластина, покрытая тисненными поперечными горизонтальными полосками с полусферическим завершением снизу. Сверху припаяна проволочная петелька. Общая длина – 1,4 см (рис. 1, 3, 3a).

Розетты как знак-символ появляются в Месопотамии в конце урукского периода [Black, Green, 1992, p. 156, 157, ill. 128; Reade, 1993, ill. 29] и уже в раннединастическом некрополе Ура присутствуют в составе наборов золотых украшений диадем [Reade, 1993, ill. 55; 60].

В новоассирийский период изображения розетт получают самое широкое распространение. На ассирийских дворцовых рельефах они представлены на конской сбруе, кузовах колесниц, металлической посуде, парадных одеяниях, колчанах, браслетах и жезлах, бронзовых шлемах, в составе орнаментальных композиций [Reade, 1994, fig. 24; 30; 32, 41; 42; 44; 87; Born, Seidl, 1995, Abb. 100; 101; Рябкова, 2019, рис. 8]. Такая символика присутствует в иконографии царей, их слуг, божеств и духов. Существует предположение, что в этот период розетка сменяет звезду в качестве символа богини Иштар [Black, Green, 1992, p. 156, 157].

Ленты-диадемы, декорированные наборами бляшек с розетками, иногда надетые поверх конусовидных тиар, также хорошо известны по изображениям царей, божеств и духов в этот период [Reade, 1994, fig. 19; 41; 42] (рис. 3, 2). К наиболее поздним и хорошо известным следует отнести изображение самого Ашшурбанапала, убивающего мечом раненого льва, в цикле рельефов из Ниневии, посвященных царской охоте [Reade, 1994, fig. 87] (рис. 3, 1). Бляшки с розетками украшают даже концы лент диадемы, надетой на распущенные волосы, и в изобилии представлены на парадном одеянии царя. Мелкими розетками расшит головной убор оруженосца, напоминающий кипу. В других сценах из этого цикла ленты с розетками разного размера надеты поверх тиар [Reade, 1994, fig. 82]. Следует отметить, что розетты на этих диадемах-лентах неодинаковы по размерам: они плавно увеличиваются к центральной налобной бляхе (рис. 3, 1, 4).

Из бронзового гроба 2 в гробнице III в Нимруде, с захоронением царицы Хамы, жены Салманасара IV, происходит золотая корона, по основанию декорированная двумя рядами цветочных розеток, чередующихся с тремя рядами бутонов мака, дополненные закрепленной на битуме инкрустацией из каменных вставок [Hussein et al., 2016, p. 32–34, pl. 129–132].

Однако гораздо ближе к новозаведенским накладные розетты на широком золотом обруче диадемы/короны из гробницы II в Нимруде с захоронениями нескольких ассирийских цариц второй половины VIII в. до н.э. На ней три горизонтальных ряда одинаковых розетт – 96 экз. закреплены с внутренней стороны заклепками [Hussein et al., 2016, p. 11–14, pl. 37, a].

В ассирийской и сиро-хеттской иконографии известны и другие варианты украшения розетками различных головных уборов:

Крупными розетками украшена калафообразная тиара богини из Кархемиша [Akurgal, 2001, fig. 106].

На базе колонны в виде женского сфинкса из Ниневии калафообразный головной убор в верхней части украшает пояс из мелких бляшек-розеток [Reade, 1994, fig. 55] (рис. 3, 2).

В сцене трапезы царицы на базальтовом рельефе из Зинджирли лента-диадема с крупными розетками повязана поверх полусферической шапочки с хорошо заметными швами, напоминающей сванку. На основании шапочки в налобной части закреплена лента из мелких бляшек-розетт [Akurgal, 2001, fig. 139].

На надгробной стеле из Мараша поверх женского усечено-конического головного убора, похожего на феску, надета ленточная диадема или налобная лента с чередующимися крупными розетками и дисками. Края головного убора расшиты коническими подвесками, образующими бахрому [Akurgal, 2001, p. 260, 261, fig. 177, 178].

Розетты были популярны и в урартском искусстве [Born, Seidl, 1995, Abb. 55; 77; Seidl, 2004, Taf. 19; 50, с.]. Голову стоящего на быке божества (Тейшеба или Халди) в царском одеянии, изображенного на рельефах из Адильдживаза близ озера Ван, венчает рогатая тиара с четырьмя рядами розетт [Пиотровский, 1962, с. 96, 98, рис. 61; Akurgal, 2001, fig. 194] (рис. 3, 5). Многочисленные розетты нескольких типов украшают также одежду божества.

В памятниках скифской архаической культуры найдена достаточно многочисленная серия и разнообразная серия предметов, декорированных розетками, большинство из которых имеют переднеазиатское происхождение. Они изображены на перекрестиях келермесского и мельгуновского мечей [Черненко, 1980, рис. 5], деталях парадной мебели из Келермесского кургана 3/Ш [Алексеев, 2012, с. 98] и Литого кургана [Кисель, 2003, с. 130, кат. 28, 29], на детали браслета (?) из Келермесского кургана 3/Ш [Рябкова, 2019, с. 329, рис. 7, 5], на бронзовой ассирийской посуде из кургана могильника Новозаведенное-I [Кисель, 2003, с. 132, кат. 38] и кургана № 2 Караванской группы Люботинского могильника [Бандуровский и др., 1998, с. 148, рис. 4, 2], Келермесского кургана 1/Ш [Алексеев, 2012, с. 89], зеркалах из Келермесского кургана 4/Ш [Алексеев, 2012, с. 108] и Центральной группы Люботинского могильников [Бандуровский и др., 1998, с. 153, рис. 6, 6].

В южной гробнице царского кургана № 1 Краснознаменского могильника найдена литая нашивная золотая бляшка в форме розетты [Петренко, 2006, с. 130, кат. 90, табл. 56, 101]. Из дореволюционных раскопок в Лесостепном Поднепровье происходят бронзовые бляхи с розетками, возможно, служившие украшением конской упряжи [Махортых, Колесник, 2000, с. 197, рис. 1].

Из курганов 1/Ш и 3/Ш Келермесского могильника происходят сразу три золотые диадемы-обруча [Галанина, 1997, с. 132–134, табл. 28–30; Кисель, 2003, с. 127, 128, кат. 15–17], декорированные как розетками, так и близкими к ним изображениями цветочных бутонов. По деталям они не напоминают новозаведенские розетки. Диадема из кургана 3/Ш, украшенная протомой грифона, дополнена снизу полыми каплевидными подвесками на петлях [Алексеев, 2012, с. 105].

Особое место среди этих находок занимает диадема из Литого кургана – высококлассное ювелирное изделие, вероятно, первоначально носившиеся поверх головного убора [Кисель, 2003, с. 50–52, 128, кат. 18]. Девятилепестковые розетки диадемы украшены шариками зерни и центральными вставками из сардоникса и закреплены на плетеных золотых шнурах [Алексеев, 2012, с. 105] (рис. 2, 1). После находок в царских гробницах Нимруда многочисленных и разнообразных предметов, декорированных сходными вставками, а также изделий, составленными из плетеных цепочек, ассирийское происхождение данной диадемы представляется более чем вероятным [Hussein et al., 2016, pl. 75; 126, a]. Сходные диадемы, надетые на калафообразные головные уборы, изображены на обнаженной женской фигурке из Топрах-Кале, близкой к фигурке финикийского стиля из Нимруда [Пиотровский, 2011, рис. 208; *Assyria to Iberia*, 2014, p. 91, 92, cat. 35, b, fig. 3. 27] (рис. 3, 3). Диадема с розетками в передней части надета на похожий головной убор урартского крылатого бронзового «сфинкса» [Пиотровский, 1962, ил. II; III; Кисель, 2003, с. 52]. На женской головке из Нимруда широкая ленточная диадема с розетками надета непосредственно на распущенные волосы девушки [Кисель, 2003, рис. 93]. Однако все перечисленные изображения не могут рассматриваться как аналогии для новозаведенских находок, поскольку розетки в составе этих диадем крупные и, очевидно, не пластинчатые,

скрепленные с жгутами основы. Гораздо более близкая параллель –серийные нашивные бляшки тиар.

Таким образом, версия о парадном головном уборе в кургане № 1 могильника Новозаведенное-II остается гипотезой. Это могла быть и наголовная лента, и головной убор, на который в один или несколько рядов были нашиты розетты.

В пользу присутствия в новозаведенском захоронении парадного женского головного убора свидетельствуют подвески двух типов. Первый тип – конусовидные подвески на цепочках имеются на золотой плетеной налобной ленте из гробницы III в Нимруде [Hussein et al., 2016, p. 107, pl. 103, b]. Однако сходные конусы встречаются и на серьгах из гробниц в Нимруде: к одной серьге крепятся гроздь конусов [Hussein et al., 2016, pl. 16 a, b]. На рельефах разных циклов, изображающих Ашшурбанапала, в ушах ассирийского царя хорошо различимы серьги с миндалевидными (возможно, коническими) подвесками [Reade, 1994, fig. 80; 102] (рис. 3, 1). Подвески могли украшать завязки, дополнительные детали и т.д.³

Второй тип – подвески с плоским основанием пока не имеет аналогий и вполне мог украшать парадный головной убор, расшитый розеттами.

Хотя ясности с головным убором нет, нельзя отрицать того, что человек, погребенный в далеком степном кургане, был одет согласно канонам передневносточной дворцовой моды. С высокой степенью вероятности все золотые аксессуары одеяния изготовлены в Передней Азии. Были ли это использованные вторично трофейные вещи, или для скифских вождей работали группы ювелиров, в данном случае не ясно.

Следует коснуться вопроса о поле и возрасте захороненного в кургане индивида. М.Б. Медникова, определила его как мужчину 30–34 лет, страдавшего от одонтогенного остеомиелита [Медникова, 2000, с. 52, 53, табл. 1], однако по первичному заключению Г.П. Романовой, осмотревшей сохранившиеся кости вскоре после окончания раскопок, это была женщина с хорошо развитой мускулатурой.⁴ Состав золотых украшений свидетельствует скорее в пользу последнего заключения. Косвенно на это указывает достаточно большой набор сердоликовых, янтарных, золотых и гагатовых бус, найденных в данном погребении. Из этого комплекса происходят также обломки железного меча, керамическое пряслице и большая плита-тёрочник со следами красной краски, керамическая и фрагменты бронзовой посуды.

В кургане № 3 в придонном заполнении южной части могилы в области изголовья разрушенного погребального ложа были найдены разбросанные мелкие тисненые золотые нашивные бляшки, заполненные внутри неким белым веществом, а также золотое нашивное украшение, судя по декору, входившее в один комплект с бляшками. В области погребального ложа были зафиксированы пятна красной краски.

Зооморфные тисненые нашивные бляшки из золотой фольги (54 экз.). Размеры: 1×0,3 см, диаметр отверстий около 0,1 см. Бляшки в форме предельно стилизованной фигуры кошачьего хищника, представленной в плане, в виде сверху. Морда треугольная, с намеченным выступом носа и округлыми выступами глаз с выделенными рельефно округлыми зрачками (их диаметр менее 1 мм); шея, плечи и круп выделены полукруглыми выступами. Между ними помещены парные прямоугольные выступы ног. В скругленных латеральных поверхностях под ногами снаружи пробиты парные отверстия для нашивки: по две пары на каждой бляшке (рис. 1, 4; 2, 3, 3а).⁵

³ Аналогичные золотые конусовидные подвески вместе с трубчатыми пронизками входят в состав погребального инвентаря женского захоронения кургана № 8 могильника Новозаведенное-II. Вероятно, и там мог быть парадный головной убор, но крупных нашивных блях найдено не было.

⁴ Сообщение В.Г. Петренко.

⁵ У одной из бляшек имеется три пары отверстий.

Фигурное сложносоставное золотое нашивное украшение. Размеры: 2,4×1 см, диаметры отверстий – 0,1 см⁶. Его корпус состоит из двух вырезанных из листового металла и спаянных между собою пластин с пятью разнонаправленными треугольными выступами в верхней части, придающей ей звездообразную форму, и слегка расширяющимся трапециевидным основанием. Обратная сторона украшения плоская. На основание наружной пластины были напаяны вертикально в ряд три тисненные зооморфные бляшки аналогичные вышеописанным. Бляшки направлены мордами вверх. В каждой из трех бляшек имеется по две пары пробитых боковых отверстий для протягивания тонких нитей (рис. 1, 5; 2, 2).

В верхней части пластины находится каплевидное гнездо для вставки, из напаянной согнутой проволоки, окаймленной по периметру шариками зерни, которые имеют в нижней части разъем у голов фигур крайних животных. В центре между тремя зооморфными фигурками помещено по одному шарiku зерни. На голову центральной фигуры проволоочная рамка; напаяна сверху; сразу за ушами. Внутри гнезда вставки первоначально имелись следы клея; или разложившегося заполнения.

В пластине между фигурами животных также имеются две пары отверстий для крепления украшения к основе. Отверстия в пластинах были пробиты сверху. Пространство внутри треугольных выступов заполнено шариками зерни по схеме 3–2–1.

Характер изображений позволяет реконструировать предмет, на который были нашиты бляшки, как узкую, около 2–3-х см ленту-диадему. Судя по композиции на центральной; крупной бляхе, животные располагались мордами вверх.

Данный образ не имеет аналогий ни в переднеазиатском искусстве, ни в скифском «зверином стиле». Очевидно, в его основе было переработанное почти до неузнаваемости профильное изображение лежащего кошачьего хищника с поджатыми лапами. Конечности зверя, обозначенные прямоугольниками, стилистически схожи с деталями изображения изображения на каменной ножке жертвенника (?) из кургана № 13 могильника Новозаведенное-II [Петренко и др., 2000, рис. 2, Б].

В раннескифском «зверином стиле» почти нет полнофигурных скульптурных изображений, где был бы представлен вид сверху. Можно сослаться лишь на фигуру хищника на костяном навершии из погр. 24 кургана 1 могильника Донской, очевидно, близкого по времени с комплексом из Темир-Горы [Ильюков, Лукьяшко, 1994, с. 59–65, рис. 20, 4]. На данном изображении сверху рельефными выступами выделены уши и глаза (?)⁷, плечи и круп зверя, хвост же не выделен. Другая важная параллель – резное изображение кошачьего хищника на навершии из кургана 7 могильника Новозаведенное-II (особенно его вид снизу!) [Петренко, Маслов, Канторович, 2004, рис. 9, 12].

Миниатюрные декорированные зернью скульптурные фигурки различных животных, птиц и фантастических существ, размещенные рядами или цепочками и развернутые спинами к зрителю, встречаются на золотых фибулах и застежках ориентализирующего периода из Этрурии, где они появляются, очевидно, под левантийским влиянием [*Assyria to Iberia*, 2014, p. 319, 320, fig. 4. 26, cat. 189]. Однако в данном случае можно предполагать лишь некие стадийные параллели. К тому же этрусские находки несколько древнее новозаведенских.

Центральная нашивка имеет пять разнонаправленных остроугольных выступов, придающих ей звездообразную форму. Лучи звезды, очевидно, выступали над лентой диадемы. Звезда в передневосточной традиции обычно изображалась восьмилучевой, и можно допустить, что это редуцированный астральный символ богини Иштар, которую нередко

⁶ Выражаем искреннюю признательность за необходимую помощь заведующей Отделом археологии Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве – С.Л. Кравцовой.

⁷ Возможно, это выступ челюсти.

изображали в окружении звезд и которая ассоциировалась с планетой Венерой [Black, Green, 1992, p. 108, 109, fig. 187]. Другим символом этой богини был лев, которого богиня иногда попирает ногами [Hussein et al., 2016, pl. 133, b].

Х-образные выступающие над фигурой крылья имеются на многочисленных изображениях духов и богов разного статуса. Так, целый ряд из фигурок крылатых женских демонов представлен на короне царицы Хамы из упомянутой выше гробницы III в Нимруде [Hussein et al., 2016, p. 33, pl. 131]. Возможно, что четыре разнонаправленных выступа на нашей нашивке обозначают крылья, а верхний заменяет голову.

Следует подчеркнуть, что в кургане № 3 был обнаружен ряд вещей, вероятно, имевших культовый подтекст: чернолощеный кубок с изображениями змей в традициях гравировок на центральнокобанских бронзовых предметах, корчага с орнаментальным календарным (?) фризом, в центре которого располагается изображение лежащего скифского оленя, стилизованного в кобанской традиции, а также серия подковообразных подвесок из морских моллюсков. Сама погребенная, судя по пятнам краски, сохранившимся в районе погребального ложа, была одета в ярко-красное одеяние. Красным веществом были покрыты по крайней мере две корчаги, установленные в могильной камере. В этом контексте изображения львов на диадеме, возможно, соответствовали образу Иштар-Астарты как царицы животного мира.

Очевидно, бляшки для предполагаемой диадемы были изготовлены в ближневосточной ювелирной мастерской специально для скифов в период их продолжительного обитания в этом регионе, о чём свидетельствует использование пайки и техники зерни. В маннейской (?) мастерской была изготовлена для скифского вождя царского ранга хранящаяся в Метрополитен-музее золотая диадема из Зивие, с профильными геральдическими изображениями разнонаправленных пантер, между которыми помещены округлые касты [Луконин, 1977, с. 27, 28]. Здесь мы сталкиваемся с непосредственным воспроизведением образов скифского «звериного стиля», формирующих композицию на инсигниях власти. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях ленту/обруч диадем украшал образ кошачьего хищника.

Обращает на себя внимание сходство в оформлении лепестков розетт диадемы из Литого кургана и оформления каста на новозаведенской бляшке. И в том, и в другом случае использована сходная техника – были припаяны согнутые провололочные жгуты, дополненные шариками зерни (рис. 2, 1, 2). Также нужно отметить сходство акцентированных округлых выпуклых значков зверей на новозаведенских бляшках с глазами на ряде малоазийских изображений птиц второй половины – конца VII в. до н.э. [Das Artemision von Ephesos, 2008, S. 130, 131, Kat. 9–12; Махортых, 2018, рис. 10] (рис. 3, 7–9). Согласно определению М.Б. Медниковой, эта диадема принадлежала молодой женщине 20–24 лет [Медникова, 2000, с. 52, табл. 1].

В кургане № 16 в затёчном придонном заполнении в юго-западной части могилы находилось основное скопление перемещенных находок. В этой части могильной камеры грабители разбирали свою добычу перед тем как вынести её на поверхность через лаз траншеи. В числе разнообразных предметов здесь были обнаружены мелкие фигурные бляшки из золотой фольги в виде стилизованного лежащего хищника, фигурная нашивная бляха, включающая изображения трех подобных хищников, а также звено ожерелья, которое тоже, очевидно, связано с парадным одеянием покойного.

Зооморфные тисненые нашивные бляшки (11 экз.) имеют размеры 0,85×0,2 см. Бляшки в форме предельно стилизованной фигуры кошачьего хищника (?), представленной в плане, в виде сверху. Морда треугольная, с намеченным носом и округлыми

выступами глаз, плечи и круп выделены полукруглыми выступами. Между крупом и плечами в скругленных латеральных поверхностях изнутри пробиты парные отверстия для пришивания (рис. 1, 6; 2, 4, 5).

Фигурная нашивная тисненая бляшка из золотой фольги имеет размеры 2,3×1,5 см. Её верхнюю часть занимает имитация сканных кастов: центрального каплевидного, окруженного семью округлыми. Под ними оттиснуты вертикально в ряд мордами вверх три стилизованные зооморфные фигурки лежащих хищников аналогичные вышеописанным. В каждой из фигурок изнутри пробиты парные отверстия для нашивки (рис. 1, 7; 2, 4а, 5а).

Украшения для ленточной диадемы из кургана № 16 явно имеют вторичный характер по сравнению с украшениями диадемы из кургана № 3. Они мельче и крепились к узкой основе всего одной нитью. Предельно лаконичный образ ещё более схематизирован и лишен значков и ног. Центральная бляха, хотя и повторяет общую композиционную схему, утратила многолучевое завершение и целиком выполнена в технике тиснения без использования зерни и пайки. Касты являются имитацией, и, весьма вероятно, ничем не были заполнены. Можно допустить, что весь набор изготовлен специально для похорон. Остается открытым вопрос: где же он изготовлен? Можно предполагать, присутствие в степных ставках скифских вождей отдельных пленных ювелиров, приведенных из Передней Азии, которые могли делать наборы предметов из золотой фольги и, возможно, саму фольгу. Основу для таких предположений дает бронзовая матрица с Западного укрепления Бельского городища с изображением лошади, имеющая аналогии в кургане 4/III Келермесского могильника [Зимовец и др., 2018].

В кургане № 16 был похоронен выдающийся персонаж – жрец и военный вождь в одном лице, глава племенного объединения, что находит подтверждение в погребальном инвентаре, в состав которого наряду с доспехами, конской упряжью и разнообразными предметами вооружения входил большой набор бронзовых и железных жертвенных ножей, уложенных в деревянный пенал, вместе с костяными ложечками [Петренко и др., 2009, с. 226, 227, рис. 3]. В числе находок из этого комплекса были фрагменты южноионийской расписной керамики – тарелки на ножке, вероятно, милетского производства, и ойнохои [Маслов, 2010]⁸. Следует учитывать, что находки самых ранних, доколониционных образцов греческой керамики определенно тяготеют к раннескифским центрам власти, удаленным от морского побережья: Немировскому и Бельскому городищам в украинской лесостепи, а также поселению Тарасова Балка на Кубани [Задников, Шрамко, 2009, с. 473–476, рис. 1; Рябкова, 2015, с. 368–370, ил. 7; 2017, с. 125, ил. 3, 8–10; Смирнова и др., 2018, с. 193–222]. Очевидно, они не были предметами торговли, а скорее являлись подарками для вождей воинственных племен в залог обеспечения безопасности. Возможно, с некоторыми скифскими вождями, обосновавшимися на Северном Кавказе, ионийские греки познакомились ещё в Лидии.

По заключению М.Б. Медниковой, погребенный – мужчина 25–29 лет [Медникова, 2000, с. 52, табл. 1]. При этом у него практически полностью были утрачены зубы на нижней челюсти, а её край облитерирован [Медникова, 2000, с. 54], что вызывает некоторое недоверие к предложенному определению возраста данного индивида. Соответствие украшений и типа диадем в мужском и женском захоронении позволяет предположить, что в кургане, где был погребен вождь, диадема являлась символом, обозначавшим жену умершего, вероятно, также наделенную сакральными prerogative.

⁸ По предварительному заключению др. У. Шлотцауера (Евразийский отдел Германского археологического института, Берлин), которому мы выражаем признательность, данная керамика была изготовлена между 620 и 600 гг. до н.э.

Необходимо также остановиться на звене ожерелья из бусин-распределителей из кургана № 16, которое дает ответ о происхождении по крайней мере части ювелирных украшений из Новозаведенского могильника. Золотое звено длиной 3,3 см состоит из шести спаянных между собой вытянуто-биконических двухсоставных полых бусин. Под устьем отверстий напаяны проволочные ободки, снаружи дополненные окантовкой из зерни. По четыре шарика зерни напаяны на бусины в месте наибольшего расширения. С оборотной стороны бусины гладкие. Размер бусин: высота – 1,6–1,7 см, наибольший диаметр – 0,55 см, диаметр отверстий – 0,3 см (рис. 1, 8; 2, 6).

Эту находку также можно было бы интерпретировать как звено составной диадемы, однако она имеет прямую аналогию с бусинами-распределителями из гробницы I в Нимруде, которая, возможно, являлась захоронением евнуха или женщины 50–55 лет, обладавшей важными административными функциями, или даже царицы [Hussein et al., 2016, p. 8, 9, 59, pl. 19, a; Spurrier, 2017, p. 173, fig. 14]. Двадцать восемь звеньев нимрудского ожерелья, обнаруженные в саркофаге в области плеча, спаяны из девяти бусин. Данная находка наряду с диадемой из Литого кургана и деталями ожерелья из кургана I/В Келермесского могильника, имеющими аналогии среди находок в гробнице II в Нимруде [Рябкова, 2019, с. 326, 327, рис. 5, 2], очевидно, входит в группу общих по происхождению ассирийских ювелирных украшений. Взгляды скифологов в поисках культурно-хронологических параллелей для раннескифской культуры были традиционно обращены на Урарту и, в первую очередь, на материалы из Кармир-Блур [Петренко и др. 2000, с. 246, 247]. После открытия царских гробниц в Нимруде появилась новая возможность для уточнения хронологии скифских памятников. И хотя все нимрудские предметы изготовлены не позднее второй половины VIII в. до н.э., попасть на Северный Кавказ и далее в степи Северного Причерноморья они должны были не в результате «торгового или дипломатического обмена», как это полагает Т.В. Рябкова [2019, с. 327], а в результате военно-политических событий в Передней Азии, завершившихся катастрофическим крушением Ассирийской державы.

О контактах скифов с ассирийским царским домом свидетельствует изображение богини Иштар на дышле колесницы в южной гробнице кургана № 1 Краснознаменского могильника, которое соотносится с эпохой правления Ашшурбанапала [Петренко, 2006, с. 106–107, рис. 4].

Судя по предметам с новочеркасской солярной символикой, курган I/В Келермесского могильника, где было найдено звено ожерелья круга нимрудских находок, входит в один горизонт с южной гробницей кургана I Краснознаменского могильника. Отдельные образы «звериного стиля» из кургана I/В и курганов № 14 и 16 могильника Новозаведенное-II практически идентичны, что показывает, что между данными комплексами, очевидно, нет значительного культурно-хронологического разрыва [Петренко и др., 2000, с. 245, 246, рис. 6, 5–7].

Диадема нимрудского круга из Литого кургана, пронизь ожерелья из кургана № 16 Новозаведенского могильника – аксессуар парадного облачения цариц и их ближайшего окружения – найдены в скифских курганах в мужских погребениях. Вероятно, они использовались уже в новом контексте. Сюда же можно отнести и детали дворцовой мебели из Литого и Келермесского кургана 3/III [Кисель, 2003, с. 130] – это определенно не дипломатические дары.

Примечательно, что Э.А. Грантовский прямо связывал знаменитое келермесское зеркало с приходом скифов из Азии в конце 20-х – начале 10-х гг. VII в. до н.э. после короткого периода политической гегемонии с середины 30-х гг. этого столетия [Грантовский, 1994, с. 43].

Непосредственное участие скифов во взятии и разграблении ассирийских столиц в настоящее время отрицается [Грантовский, 1994, с. 26, 27], однако вполне допустимо

предположение, что часть скифов могла быть включена в состав мидийского войска и что в числе вождей, похороненных в могильнике Новозаведенное-II, Келермесском могильнике и Литом кургане, могли быть и те, кто присутствовал при штурме Ашшура и Ниневии и принял непосредственное участие в разграблении царских сокровищниц и гробниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. СПб.: Издательство ГЭ, 2012 [Alekseev A.Yu. *Gold of the Scythian Kings in the Collection of the Hermitage Museum*. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2012 (in Russian)].

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. *Люботинское городище*. Под ред. Ю.В. Буйнова. Харьков: Регион-информ, 1998. С. 143–182 [Bandurovsky A.V., Buinov Yu.V., Degtyar A.K. New Investigations of the Mounds of the Scythian Time in the Vicinity of the Town of Lyubotin. *Lyubotinskoe Settlement*. Ed. Yu. V. Buinov. Kharkov: Region-inform, 1998. Pp. 143–182 (in Russian)].

Галанина Л.К. *Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии*. Т. I. М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. *Kelermesskie Kurgans: Royal Burials of the Early Scythian Epoch. Steppe Peoples of Eurasia*. Vol. I. Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian and German)].

Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии. *Российская археология*. 1994. № 4. С. 23–48 [Grantovsky E.A. On the Chronology of the Stay of the Cimmerians and Scythians in Asia Minor. *Russian Archaeology*. 1994. No. 4. Pp. 23–48 (in Russian)].

Задников С.А., Шрамко И.Б. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром. *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы научной конференции*. Под ред. В.Ю. Зуева. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 473–477 [Zadnikov S.A., Shramko I.B. On the Question of the First Contacts of the Population of the Belsk Settlement with the Ancient World. *Bosporan Phenomenon. Art on the Periphery of the Ancient World: proceedings of a Scientific Conference*. Ed. V.Yu. Zuev. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009. Pp. 473–477 (in Russian)].

Зимовец Р., Скорый С., Окатенко В. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле. *Tyragetia*. 2018. Seria nova. Vol. XII [XXVII]. № 1. С. 219–236 [Zimovets R., Skory S., Okatenko V. Bronze Matrix from the Belsk Settlement: on the Question of Central Asian Motives in the Early Scythian Animal Style. *Tyragetia*. 2018. Seria nova. Vol. 12 [27] No. 1. Pp. 219–236 (in Russian)].

Илюков Л.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону. *Донские древности*. Вып. 2. Под ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 57–79 [Ilyukov L.S., Lukiashko S.I. New Monuments of the Scythian Time in the Lower Don. *Don Antiquities*. Iss. 2. Ed. V.Ya. Kiyashko. Azov: Azov Museum of Regional, 1994. Pp. 57–79 (in Russian)].

Кисель В.А. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 [Kisel V.A. *Masterpieces of Jewelers of the Ancient East from Scythian Burial Mounds*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003 (in Russian)].

Луконин В.Г. *Искусство древнего Ирана*. М.: Искусство, 1977 [Lukonin V.G. *The Art of Ancient Iran*. Moscow: Iskusstvo, 1977 (in Russian)].

Маслов В.Е. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное-II. *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России*. № 13. Под ред. М.М. Герасимовой, В.Ю. Малашева, М.Г. Мошковой. М.: ТАУС, 2010. С. 51–62 [Maslov V.E. Fragments of Ionian Vessels from Mound No 16 of the Novozavedennoye-II Burial Ground. *Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories. Materials and Studies in the Russian Archaeology*. No. 13. Eds. M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova. Moscow: TAUS, 2010. Pp. 51–62 (in Russian)].

Махортых С.В. Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии. *Археологія і давня історія України*. 2018. Вип. 2(27). С. 35–50 [Makhortykh S.V. Harness Fittings of the 7th – 6th centuries BC in Transcaucasia and Western Asia. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. 2018. Iss. 27 (2). Pp. 35–50 (in Russian)].

Махортых С.В., Колесник О.О. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области (Украина). *Археологія, палеоєкологія і палеодемографія Євразії*. Под ред. В.С. Ольховского. М.: ГЕОС, 2000. С. 197–202 [Makhortykh S.V., Kolesnik O.O. Ancient Eastern Rosette Plaques from the Cherkasy Region (Ukraine). *Archeology, Paleoecology and Paleodemography of Eurasia*. Ed. V.S. Olkhovsky. Moscow: GEOS, 2000. Pp. 197–202 (in Russian)].

Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведённое II. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2000. С. 51–58 [Mednikova M.B. The Life of the Early Scythians: Reconstruction Based on Anthropological Materials from the Novozavedennoye II Burial Ground. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd BC. Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Eds. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: IA RAS, 2000. Pp. 51–58 (in Russian)].

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Т. III. Москва – Берлин – Бордо: Палеограф, 2006 [Petrenko V.G. Krasnoznamen'sky Burial Ground. Elite Burial Mounds of the Early Scythian Period in the North Caucasus. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Vol. III. Moscow – Berlin – Bordeaux: Palaeograf, 2006 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильников Новозаведённое-II. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2000. С. 238–248 [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Chronology of the Central Group of Novozavedennoye-II Burial Grounds. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd BC. Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Ed. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: IA RAS, 2000. Pp. 238–248 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведённое-II (предварительная публикация). Археологические памятники раннего железного века Юга России. *Материалы и исследования по археологии России*. № 6. Под ред. Л.Т. Яблонского. М.: ИА РАН. С. 179–210. [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Burial of a Noble Scythian woman from the Novozavedennoye-II Burial Ground (preliminary publication). *Archaeological Sites of the Early Iron Age in the South of Russia. Materials and Studies in the Russian Archaeology*. No 6. Ed. L.T. Yablonsky. Moscow: IA RAS, 2004. Pp. 179–210 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведённое-II в 1991–2003 гг. *Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия*. Под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 225–234 [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Some Results of the Study of the Early Scythian Burial Ground Novozavedennoye-II in 1991–2003. *Archaeological Discoveries. 1991–2004. European Russia*. Ed. N.A. Makarov. Moscow: IA RAS, 2009. Pp. 225–234 (in Russian)].

Пiotровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л.: Издательство ГЭ, 1962 [Piotrovsky B.B. *Art of Urartu 8th–6th BC*. Leningrad: State Hermitage Publishing House, 1962 (in Russian)].

Пiotровский Б.Б. *История и культура Урарту*. СПб.: Филфак СПбГУ, 2011 [Piotrovsky B.B. *History and Culture of Urartu*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2011 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация). *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды ГЭ*. 2015. Т. 77. Под ред. Е.Ф. Корольковой. С. 359–374 [Ryabkova T.V. The Early Iron Age Settlement Tarasova Balka in Trans-Kuban Region (preliminary Publication). *Archeology without Borders:*

Collections, Problems, Research, Hypotheses. Transactions of the State Hermitage Museum. 2015. Vol. 77. Ed. E.F. Korolkova. Pp. 359–374 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Работы Южно-Кубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Краснодарском крае и Адыгее. *Археологический сборник ГЭ*. Вып. 41. 2017. С. 121–125 [Ryabkova T.V. Excavations by the Southern Kuban Expedition of the State Hermitage Museum in Krasnodar Region and Adygea. *The State Hermitage Museum Archaeological Papers*. 2017. Iss. 41. Pp. 121–125 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье. *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 319–338 [Ryabkova T.V. Formation of the Early Scythian Cultural Complex of the Kelermes Burial Ground in Trans-Kuban Region. *Stratum plus*. 2019. No. 3. Pp. 319–338 (in Russian)].

Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т., Старкова Е.Г. *Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН*. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; Нева, 2018 [Smirnova G.I., Vakhtina M.Ju., Kashuba M.T., Starkova E.G. *Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the Excavation Materials of the 20th Century from Collections of the State Hermitage Museum and Documents kept in IHMC RAS*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Publ., 2018 (in Russian)].

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). *Скифия и Кавказ*. Под ред. А.И. Тереножкина. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–29 [Chernenko E.V. The Earliest Scythian Ceremonial Swords (Melgunov and Kelermes). *Scythia and the Caucasus*. Ed. A.I. Terenozhkin. Kiev: Naukova Dumka, 1980. Pp. 7–29 (in Russian)].

Akurgal E. *The Hattian and Hittite Civilizations*. Ankara: Republic of Turkey Ministry of Culture, 2001.

Das Artemision von Ephesos: Heiliger Platz einer Gotti. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien. Archäologisches Museum Istanbul 22. Mai bis 22. September 2008. Hrsg. von W. Seipel. Wien: Phoibos Verlag, 2008.

Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age. Eds. J. Aruz, Y. Rakic, S. Graff. New York: Metropolitan Museum of Art, 2014.

Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary*. London: British Museum Press, 1992.

Born H., Seidl U. *Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung von Hermann Born*. Bd. 4. Mainz am Rhein: Verlag Sammlung Guttman; Verlag Phillip von Zabern, 1995.

Hussein M., Altaweel M., Gibson McG. *Nimrud. The Queens' Tombs*. Baghdad; Chicago: Iraqi State Board of Antiquities and Heritage; The Oriental Institute of the University of Chicago, 2016.

Reade J. *Mesopotamia*. London: British Museum Press, 1993.

Reade J. *Assyrian Sculpture*. London: British Museum Press, 1994.

Seidl U. *Bronzekunst Urartus. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern*, 2004.

Spurrier T.L. Finding Hama: On the Identification of a Forgotten Queen Buried in the Nimrud Tombs. *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 76. No. 1. 2017. Pp. 149–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАСЛОВ Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Москва, Россия.

Vladimir E. MASLOV, PhD (History), Researcher, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ПЕТРЕНКО Владимира Гавриловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (1956–1991 гг.), Москва, Россия.

Vladimira G. PETRENKO PhD (History), Senior Researcher (1956–1991), Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017755-7

МАЛОАЗИЙСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ЗАКУБАНИЯ (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

© 2021

Т.В. РЯБКОВА ^a^a – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-7441-2372; ryabkova-tatyana@mail.ru

Резюме: Предметы древневосточного и малоазийского производства в раннескифских памятниках – основа для разработок по хронологии скифской культуры периода архаики. Трудности в определении времени и места производства импортных вещей обусловлены их эклектичностью, связанной с формированием в VIII в. до н.э. особого художественного стиля, вобравшего в себя достижения искусства Малой Азии, Северной Сирии, Финикии, Ирана и Урарту. В Северном Причерноморье произведения этого эклектичного стиля появились в 660–640 гг. до н.э., причем большая их часть сосредоточена в памятниках Закубания (Келермес, Костромской курган, Семиколенный могильник).

В статье публикуются два связанных с Малой Азией предмета из собрания Государственного Эрмитажа. Один из них – венчик сосуда с вдавлением под крышку, происходящий из раскопанного Н.И. Веселовским Келермесского кургана I. Сосудов с подобной профилировкой в материалах памятников к северу от Кавказского хребта практически нет, однако они массово представлены в Гордионе и памятниках бассейна реки Кызылырмак в Восточной Фригии, что позволяет соотнести сосуд из Келермеса с малоазийским регионом.

Предмет из двух частей (шаровидный сосуд и подставка) с декором из фризов с изображениями сфинксов и петухов куплен в Майкопе в 1908 г. В 1909 г. при первоначальной публикации изображения сфинксов были определены как финикийский или малоазийский орнамент. Следы на дне сосуда и композиционное единство оформления доказывают, что обе части составляют одно целое и длительно использовались вместе. Судя по небольшим техническим отличиям и разнице в «почерке» торецтов, они изготовлены в одной мастерской, но разными мастерами. Изучение техники и привлечение широкого круга аналогий позволило связать предмет с ионийскими или лидийскими мастерскими и предположить, что он является моделью котла.

Ключевые слова: Малая Азия, Келермес, Майкоп, скифские памятники, сосуд с вдавлением под крышку, Иония, Лидия, торецтика, фризы, модель котла.

Для цитирования: Рябкова Т.В. Малоазийские предметы в раннескифских памятниках Закубания. Восток (Orient). 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017755-7

THE IMPORTS FROM ASIA MINOR IN THE EARLY SCYTHIAN
MONUMENTS IN THE KUBAN REGION OF THE NORTH CAUCASUS

© 2021

Tatyana V. RYABKOVA ^a^a – The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-7441-2372; ryabkova-tatyana@mail.ru

Abstract: *Artefacts from the Early Scythian mounds whose origins are linked with Near East are the most significant part of the finds because of dating and due to possibilities to synchronize Early Scythian culture with the Near Eastern civilizations.*

Difficulties in determining the time and place of production of imported items are due to their eclecticism. Significant policy changes connected with Assyrian practice of mass deportation in the 8th century B.C. led to the emergence multicultural workshops. New artistic style incorporated the achievements of the art of Asia Minor, Northern Syria, Phoenicia, Iran and Urartu.

The article is devoted to publication of the two items from Scythians monuments in the Kuban region. One of them – the part of the vessel's rim – is from the First Kelermes mound, excavated by N.I. Veselovsky. Its distinctive feature is the hatched rim for placing lid. Such vessels are unique in the North Caucasus's monuments, but wide spread in the Phrygia's tumulus and settlements. It means that Kelermes's fragment could be connected with Asia Minor.

The next one is the silver vessel on a stand decorated by the bands with sphinxes and cocks. It was bought in Maykop in 1908. Despite the slightly different style of decoration of the upper and lower parts they were used together and were made in the same workshop by two craftsmen.

The study of technology and a wide range of analogies allows to determine it as a model of cauldron which could have made in the Ionian or Lydian workshops.

Keywords: Asia Minor, Kelermes, Maykop, the Scythian mounds, hatched rim for placing lid, Ionia, Lydia, toreutics, bands of images, a model of cauldron.

For citation Ryabkova T.V. The Imports from Asia Minor in the Early Scythian Monuments in the Kuban Region of the North Caucasus. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017755-7

Предметы импортного производства – одна из важнейших категорий археологических находок, позволяющих синхронизировать археологические комплексы с различных территорий и соотносить их с историей мировых цивилизаций. Кочевническое население Северного Причерноморья оставило о себе память в основном благодаря Геродоту (V в. до н.э.). Для более ранних периодов используются данные ассирийских источников, касавшихся в основном политического взаимодействия кочевников с государствами Древнего Востока. События на далекой северной родине «гимири» и «ишкуза» по понятным причинам в этих источниках не отражались и могут быть реконструированы исключительно благодаря анализу археологических комплексов и импортных предметов в них. Именно вещи древневосточного производства из раннескифских памятников служат основой для разработок по хронологии скифской культуры периода архаики.

Изучение драгоценных предметов древневосточного производства из скифских памятников началось еще в XIX в. с началом систематических археологических исследований на юге России и продолжается до сих пор. Подробный анализ истории изучения предметов импортной торетики приведен в работе В.А. Киселя «Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов» –самом полном на сегодняшний день исследовании драгоценных вещей периода скифской архаики [Кисель, 2003]. Исследование показало, что все импортные предметы можно разделить на 3 группы: 1) предметы ближневосточного производства, используемые кочевниками по их прямому назначению; 2) вещи нехарактерные для кочевников, но переделанные и приспособленные ими к своим запросам; 3) вещи, специально изготовленные ближневосточными мастерами для кочевников. И если в первых двух группах большую часть составляют изделия Ассирии и Урарту, то предметы, ориентированные на вкусы скифов, вышли из рук урартских, иранских и малоазийских

мастеров. Анализ стилистики вещей, изготовленных для кочевников, позволил автору прийти к выводу о заимствованиях большей их части из урартского, ассирийского и иранского искусства. Наименьшая часть может быть связана с сиро-финикийской и малоазийской (хеттской, ионийской) художественными школами. Само производство этих предметов представляется как совместная работа собранных «в скифскую мастерскую (мастерские?)» торецов из Урарту, Ассирии, Ирана, а также какого-то малоазийского государства (Фригии? Лидии?)» [Кисель, 2003, с. 101–102]. Вероятно, ярко выраженная эклектичность этих вещей и сложность определения центра их производства могут быть объяснены не только работой многонациональной мастерской при скифской ставке, но скорее значительными культурными трансформациями, произошедшими из-за изменения политической ситуации в Малой Азии. Во второй половине VIII в. до н.э. ассирийская имперская политика массовой депортации, следовавшей за покорением новых территорий, приводила к перемещениям целых народов, включая ремесленников и мастеров, на огромные расстояния. В итоге разрушались и исчезали мастерские и производственные центры, которые прежде базировались на покоренных землях. Умения мастеров и художников из разных регионов находили применение при воплощении масштабных строительных проектов ассирийских владык и создании предметов роскоши для формирующейся поликультурной имперской элиты [Gunter, 2014, p. 251]. Так складывался эклектичный художественный стиль, вобравший в себя достижения искусства Малой Азии, Северной Сирии и Финикии, Ирана и Урарту.¹ Благодаря торговле, военным походам и дипломатическому обмену предметы этого стиля из царских центров Ассирии распространялись в разных направлениях, достигая Эгейского мира на западе и даже территорий за границами Ассирии на востоке.

ПРЕДМЕТЫ МАЛОАЗИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В Северном Причерноморье произведения такого эклектичного стиля появились, судя по всему, в 660–640 гг. до н.э.², причем большая их часть сосредоточена в памятниках Закубанья: Келермесском могильнике [Галанина, 1997], Костромском кургане [Кисель, 2003, с. 50], курганах Семиколенного могильника [Рябова, 2020]. К предметам из золота и серебра, связанным, по В.А. Киселю, с ремесленными центрами Малой Азии и, возможно Сирии, относятся диадемы из Мельгуновского и Келермесских курганов 1/Ш и 3/Ш, ритоны и зеркало с бортиком из Келермесского кургана 3/Ш³, бляха в виде оленя из Костромского кургана [Кисель, 2003, с. 50, 51, 55, 58, 66, 80, 93] (рис. 1). Наиболее значительная их группа обнаружена в 3-м кургане Келермеса, раскопанном Д.Г. Шульцем. Важно отметить, что серия прорезных шумящих наверший из этого же кургана тоже имеет признаки влияния малоазийской художественной традиции и отражает её взаимодействия со скифской культурой [Галанина, 1997, с. 162; Рябова, 2019, с. 333]. Кроме предметов малоазийского культурного круга, в кургане представлены и вещи, относящиеся к кругу ассирийским художественным изделиям. Сам курган из-за обилия вещей царского статуса демонстрирует необычайно высокое социальное положение погребенного [Рябова, 2019, с. 329–333].

¹ О формировании ирано-урартского изобразительного «койне» и его влиянии на искусство Ионии и скифского мира см.: [Ghirshman, 1964, p. 295–343].

² Весьма вероятно, что сооружение 3-го кургана Келермеса, раскопанного Д.Г. Шульцем, приходится на время оттока части или всех скифов на территории к северу от Кавказа, после того как упоминания о скифах – «иш-кузайя» исчезли из ассирийских источников [Алексеев, 2003, с. 282] (у Алексеева ошибочно – «шкуда»).

³ О проблеме соотношения зеркала из электра с курганами 3 или 4/Ш см.: [Галанина, 1997, с. 34–36].

Помимо этого хорошо известного факта, существуют и другие, которые позволяют предположить, что жители Закубанья и Малой Азии взаимодействовали друг с другом не только во время создания Келермесского кургана 3/Ш, но и ранее. Предметы из скифских памятников, относящиеся к кругу культур Древнего Востока, по мере накопления новых и переосмысления старых фактов могут быть со временем совершенно определенно соотнесены с какой-либо территорией, культурным кругом и политическими событиями, приведшими в итоге к попаданию предметов в эти памятники. Для анализа ситуации продуктивен подход, использованный М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским при анализе «скифского комплекса Зивие». Для него важна не столько «дата выпадения одного отдельного комплекса», сколько «общие хронологические рамки существования на определенной территории определенного культурно-исторического явления» [Погребова, Раевский, 1992, с. 83]. В таком случае можно использовать единичные факты и отдельные предметы, даже лишенные археологического контекста, для характеристики культурно-исторической ситуации в Закубанье, *предшествовавшей* появлению в Причерноморье греческих колоний и массовому притоку греческого импорта.

СОСУД ИЗ КЕЛЕРМЕССКОГО КУРГАНА 1/В И МАЛОАЗИЙСКАЯ КЕРАМИКА

В погребальной камере 1-го Келермесского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским, у северной стенки были найдены обломки 4-х глиняных сосудов, один из которых имел блестящую черную поверхность и орнамент в виде геометрических узоров; поверхность другого была матовая, также с орнаментом, два остальных были грубой работы. Возражая Б.А. Фармаковскому, определившему эти сосуды как родосский и самосский из-за неясности описания, А.А. Иессен установил принадлежность фрагментов к местной чернолощеной керамике, украшенной резным орнаментом. Отметив невозможность восстановления формы сосуда, он предположил, что это могла быть корчага высотой около 50 см с небольшим по диаметру венчиком (12,8 см) [Иессен, Пиотровский, 1940, с. 37–38]. Л.К. Галанина подчеркнула, что «келермесская корчага отличается профилировкой венчика и необычным расположением врезного декора, покрывающего не только часть тулова, но и поверхность вокруг устья», и предположила, что кроме обломков корчаги, декорированной заштрихованными зигзагообразными поясами, есть еще фрагменты миски [Галанина, 1997, с. 144]. Анализ керамики из кургана 1/В, проведенный В.Е. Масловым, позволил установить, что в каталоге Л.К. Галаниной приведены фрагменты двух различных сосудов. Часть фрагментов относится к крупной чернолощеной корчаге с выпуклым плечиком и геометрическим врезным орнаментом в виде трех лент-зигзагов, заполненных штриховкой. С точки зрения исследователя, орнамент и включения ракушки в керамическое тесто сближают эту корчагу со связанной с керамическими традициями племен западного варианта кобанской культуры керамикой могильника Красное Знамя и памятников Ставропольской возвышенности, следовательно, можно считать, что эта корчага относится к числу импортов. Аналогий другому сосуду открытой формы, представленному краем с валиком, смоделированным для крышки и выполненным с использованием поворотного устройства, неизвестно [Маслов, 2012, с. 350–352].

Сложный вопрос о количестве и культурной принадлежности сосудов из Келермесского кургана 1/В, безусловно, требует отдельного исследования. Предварительно можно отметить, что многочисленные (более 150 шт.) черепки сосудов эрмитажной коллекции № 2737 условно разделяются на две группы: с врезным орнаментом в виде треугольников и заштрихованных зигзагообразных лент (рис. 2) и без орнамента. Фрагменты различны по

качеству лощения, на некоторых его вообще не заметно. Для петрографического анализа были отобраны фрагменты стенок с орнаментом и лощением, без орнамента, с орнаментом и без лощения.

Анализ показал, что все они изготовлены из одинаковой формовочной массы и обожжены при сходных условиях. Вся керамика тонкостенная (7–8 мм), рыхлая, с центральной частью коричневого цвета; внешняя поверхность черная, покрыта глиной и залощена, внутренняя – серая или черная. Изготовлена из тощих глин гидрослюдистого состава, в качестве отощителя использован шамот (дробленая керамика разного состава) и песок. Кратковременный обжиг был произведен при температуре 600–700° С в восстановительной невыдержанной среде⁴. Среди керамических материалов Тарасовой Балки⁵ – памятника периода скифской архаики – есть фрагменты, аналогичные по формовочной массе и условиям обжига. Впрочем, они тоже вполне могут оказаться привозными, так как отличаются по этим параметрам от основной массы керамики.

Фрагмент венчика с вдавлением под крышку (рис. 2, 1) отличается от остальных черепков качеством лощения и шириной линий гравированного орнамента. К сожалению, керамический состав этого фрагмента не был проанализирован, поэтому при определениях можно учитывать лишь форму венчика. В памятниках к северу от Кавказа сосуды с подобной профилировкой не встречаются [Маслов, 2012, с. 351]. Единственный сходный по профилировке фрагмент найден среди керамики нижнего слоя поселения Уллубаганалы 2 [Козенкова, 1989, с. 33; табл. XVI, 26] (рис. 3, 2). Важно отметить, что этот практически неизвестный к северу от Кавказского хребта прием оформления венчика сосудов типичен в материалах памятников Малой Азии начиная с раннего фригийского периода (The Early Phrygian period), датируемого 950–800 гг. до н.э. [Ökse, 2019, p. 165], а возможно, и еще раньше. Такой прием оформления венчика использовался для крупных тарных и столовых сосудов. Они представлены в материалах из Гордиона [Sams, 1994, fig. 34, 39, 40, 53, 54] (рис. 3, 5, 6), тумулусов Р и W [Young, 1981, fig. 21, a–c, f, j; 127, a] (рис. 3, 4). Даты тумулусов определяются около 700 г. до н.э. (тумулус Р) и конца IX в. до н.э. (тумулус W) [Young, 1981, p. 10, 199]. В Гордионе встречаются также сосуды с чернолощеной поверхностью и гравированным орнаментом в виде зигзагообразных полос (рис. 3, 3). Кратеры с вдавлением под крышку на венчике распространены в материалах поселений VIII–VII вв. до н.э. на восточных рубежах Фригии, в верхнем течении реки Кызылырмак [Ökse, 2019, p. 167, fig. 4].

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что келермесский сосуд имеет отношение к малоазийской традиции, однако механизм попадания подобной формы в кочевническую среду еще предстоит выяснить.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПРЕДМЕТ ИЗ МАЙКОПА – МОДЕЛЬ КОТЛА?

Еще один практически неизвестный предмет, своим происхождением предположительно связанный с малоазийским регионом, куплен в 1908 г. в Майкопе у частного лица. По данным, опубликованным в Отчете Императорской археологической комиссии (далее – ОАК), «наряду с другими предметами была приобретены серебряная чашечка на ножках, украшенная восточным, может быть, малоазиатским орнаментом с изображениями крыла-

⁴ Исследования керамических фрагментов производились в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica при увеличении в 65,7 раз. Все исследования выполнены М.А. Кузьковой.

⁵ Тарасова Балка – памятник эпохи раннего железного века в Закубанье, расположен в непосредственной близости от 1-го Разменного (Костромского) кургана [Рябкова, 2015].

того льва с головой человека и петушками» [*Отчет...*, 1912, с. 181]. Предмет опубликован в 1909 г. в альбоме «Восточное Серебро», изданном к 50-летию юбилею деятельности Археологической Комиссии. В этом издании приведены фотографии предмета до реставрации (рис. 4, 1), а также прорисовка изображений сфинксов и графическая реконструкция верхней его части (сосуда с изображениями), выполненные А. Макаренко (рис. 4, 2, 3, 7). Сам предмет был определен как «изделие с признаками финикийского происхождения», принадлежащее Ахеменидской Персии [Смирнов, 1909, с. 7], и в 1912 г. по отношению № 113 от 18 января передан из Археологической Комиссии в Эрмитаж, где вошел в коллекцию КУ 1908/2⁶. Вероятно, именно в Комиссии он был отреставрирован, поскольку в Инвентаре «КУ» одна из его частей описана как «сосуд шаровидный с резко отогнутым венчиком». В альбоме «Восточное серебро» фрагменты венчика сфотографированы отдельно [Смирнов, 1909, табл. СХІХ, 303]. Вторая часть, фигурирующая в Инвентаре как «крышка сосуда в виде усеченного конуса с 4-мя столбиками, приклепанными верхними концами к ромбической пластине» оказалась зарегистрирована под другим номером: похоже, комплектность предмета тогда была неочевидной или вызывала вопросы. С тех пор, несмотря на явную неординарность, предмет не привлекал исследовательского интереса на протяжении более чем 100 лет. Возможно, именно неординарность и, как следствие ее, отсутствие явных аналогий форме и декору стали причинами этого.

Описание предмета и техники изготовления

Предмет состоит из двух отдельных частей: миниатюрного сферического сосуда с высокой горловиной и отогнутым венчиком (рис. 4, 4), а также конической подставки с четырьмя ножками, приклепанными в верхней части к плоской базе-подставке под сосуд и в нижней – к полусферическому основанию с уплощенной вершиной (рис. 4, 5). Максимальный диаметр тулова сосуда равен диаметру венчика и составляет 5,5 см, что точно соответствует диаметру подставки. В центральной части сосуда – фриз из семи идущих вправо бородатых сфинксов, над ним по плечикам гирлянда из свисающих цветов лотоса и пальметок (рис. 4, 9, 10). Уплощенное дно декорировано изображением розетки с одиннадцатью лепестками, между которыми помещены стебли и цветы лотоса (?) (рис. 4, 7). На дне заметны вмятины и царапины от верхней плоской части подставки, точно подходящей к нему, что явно свидетельствует о длительном совместном использовании обеих частей. Полусферическая часть подставки украшена фризом из семи петухов влево (рис. 4, 5, 8).

Сферический корпус сосуда изготовлен в технике выколотки, изображения сфинксов нанесены чеканкой. Каждое изображение немного отличается от других: заметно, что мастер работал без предварительной разметки, т.к. схема была ему хорошо знакома. Крошечные изображения отличаются изяществом, некоторая небрежность в нанесении рисунка заметна лишь при значительном увеличении (рис. 4, 9, 10). Подставка изготовлена следующим образом: предварительно на плоской серебряной пластине была размечена окружность (сохранилась точка от циркуля), при помощи ковки вырезанному ножом кружку была предана полусферическая форма. Отдельно был раскован небольшой слиток для верхней части подставки, к нему приклепали ножки-лучи, впоследствии согнутые и приклепанные к полусферической базе с петухами. Изображения петухов нанесены по предварительной разметке чеканом, размер рабочей части которого был больше, чем у того, которым чеканили сфинксов.⁷ Изображения петухов более однообразны и стилистически заметно отличаются

⁶ Коллекция КУ 1908/2 была перешифрована в коллекцию 2511, ныне составные части предмета имеют номера 2511–11, 12.

⁷ Все технико-технологические определения выполнены к.и.н. Е.А. Шаблавиной, которой я выражаю искреннюю признательность.

от сфинксов (рис. 4, 8). Кроме того, стенки подставки значительно массивнее стенок сосуда, а изображения сфинксов выполнены не только более тонким инструментом, но и сама работа более деликатная – изображения петухов выглядят резче и грубее. В довершение ко всему, части сделаны из металла несколько разного качества: сосуд из серебра 990-й пробы, а подставка – 980-й. Все это, вкупе с «темным» происхождением предмета, дает основания для сомнений в его комплектности и одновременности изготовления частей.

Не претендуя на окончательное решение всех вопросов, связанных с этим серебряным предметом, хотелось бы обратить внимание на факты, позволяющие, как представляется, развеять сомнения в его комплектности и прояснить время и место его производства, а так же предположить назначение и причину появления на антикварном рынке Майкопа.

Принадлежность предмета, особенно его верхней части, к малоазийской художественной традиции сомнений не вызывала никогда: уже в 1909 г. изображения «крылатого льва с головой человека» были определены как финикийский [Смирнов, 1909, с. 7] или малоазиатский [Отчет..., 1912, с. 188] орнамент. Но если это действительно произведение малоазийского круга, то к какой именно художественной традиции надо его относить: к сиро-финикийской, сиро-хеттской, фригийской или ионийской? Ответ на вопрос можно получить, сравнив воплощения образа сфинкса в каждой из этих художественных традиций.

Декор предмета: сфинксы и петухи в противоположенном движении

Многочисленные утраты металла сферического сосуда из Эрмитажа не позволяют детально рассмотреть каждое изображение, однако недостающее можно реконструировать даже по сохранившимся фрагментам. Все сфинксы представлены в профиль, приподнятая передняя и отведенная задняя лапы создают ощущение медленной ритмичной поступи, подчеркнутой отведенным назад хвостом с кисточкой на конце. У всех массивный прямой нос, у четырех видна клиновидная борода, у некоторых на голове некое подобие повязки. Завитки волос на головах и перья в плечевой части крыльев переданы вдавлениями, нанесенными округлым в сечении инструментом с плоским концом. Процессия из семи сфинксов размеренно движется слева направо, горизонтальная линия под лапами монстров придает всей композиции некий реализм – они движутся по поверхности (рис. 4, 10).

Нижняя часть подставки предмета с изображениями петухов отлично сохранилась: лишь у одного утрачен клюв, на который попала клепка (рис. 4, 8). Так же как и у сфинксов, их туловища переданы в профиль, но видны обе лапы с опущенными когтистыми пальцами. У каждого – большой гребень и «грива», переходящая в маховые перья крыла. Мелкие перья в плечевой части крыльев переданы вдавлениями от ударов круглого пуансона, крупные перья опущенного хвоста и маховые перья крыльев подчеркнуты горизонтальными параллельными линиями (рис. 4, 8). Петухи выглядят гораздо более единообразно, нежели сфинксы. Несмотря на аналогичные приемы и инструменты, отличающиеся лишь размерами, а также мастерство торева, предварительно разметившего каждую фигуру, изображения петухов статичны: они кажутся не идущими, а подвешенными.

Тем не менее очевидно, что обе части предмета составляют одно целое и длительно использовались вместе. Это подтверждается не только следами на дне сосуда, но и единством оформления обеих частей. Изображения составляют композицию из двух фризов, в каждом из которых по семь фигур, двигающихся в противоположные стороны. Небольшие технические отличия и разница художественного почерка торева свидетельствуют о том, что части предмета изготовили разные мастера. Возможно, это следствие починки или переделки предмета, и тогда между частями может быть какой-то хронологический разрыв, либо над его созданием трудились разные мастера, работавшие в одной мастерской.

Образ сфинкса в древневосточном искусстве: композиционные решения

Практически всех фантастические создания в искусстве Греции раннего железного века заимствованы из культур Древнего Востока. Особенно это касается грифонов и сфинксов – самых впечатляющих монстров Греции. Крылатый сфинкс с телом льва и лицом человека был порожден египетской культурой: фараон часто изображался в виде попирающего врагов сфинкса [Hermann, 2017, fig. 81–82]. Распространившись на Древнем Востоке, сфинксы перестали ассоциироваться с фараоном и крайне редко появлялись в сценах сражений. Напротив, в искусстве Ассирии, Урарту, Финикии, сиро-хеттских государств они чаще всего фигурируют как хранителей важных ритуалов, древа жизни, царей и дворцов [Graff, 2014, p. 266–267]. Иконография зависела от региональных особенностей и местных традиций, но наиболее распространены композиции предстояния у древа жизни (рис. 5, 2–4) или антитетичные композиции (рис. 5, 6–7), тоже являющиеся вариантом иконографической темы «предстояния», впоследствии вошедшей в репертуар искусства ионийских греков. Композиции из фризов шествующих животных, фантастических созданий и военных процессов издавна существовали в искусстве Древнего Востока. Ими украшены, например, урартские щиты и колчаны, финикийские парадные блюда и т.д. Известны были и композиции, сочетавшие в себе элементы процессии и обособленного изображения (рис. 5, 5). В искусстве Греции изображения процессов появились уже в эпоху геометрического стиля [Boardman, 2011, p. 79] (рис. 6, 1, 4), широко распространились на ранних этапах эпохи ориентализирующего стиля (рис. 6, 2, 3, 5, 7) и продолжали бытовать в более позднее время (рис. 6, 6, 9)⁸. Важно отметить, что, появившись в эпоху геометрического стиля, (рис. 6, 4) фризы с изображением движущихся в противоположные стороны процессов бытовали лишь на протяжении ранних этапов ориентализирующего стиля (рис. 6, 3). Позднее идея противонаправленного движения по каким-то причинам потеряла свою актуальность: распространились изображения процессов, движущихся в одном направлении (рис. 6, 7).

Таким образом, предмет из Эрмитажа декорирован в соответствии с архаичным каноном построения композиции.

Сфинксы: особенности внешности

Сфинксы эрмитажного сосуда изображены бородатыми (рис. 5, 1), что отличает их от безбородых монстров большей части культур Древнего Востока: Египта, Финикии, Сирии, сиро-хеттских царств, Фригии и Урарту (рис. 5, 2–6). Именно такие, безбородые изображения были заимствованы античной традицией еще в VIII в. до н.э. (рис. 6, 1) и широко распространились в ней позднее (рис. 6, 9). Важно отметить, что фантастические существа ассирийской и иранской традиции IX–VIII вв. до н.э.⁹ часто изображались с густой окладистой бородой (рис. 5, 7, 8). Неестественно длинные подбородки фантастических существ, выгравированных на бронзовых ножах из музея в Карсе, также, очевидно, передают остроконечные бороды (рис. 5, 9) [Бессонова и др., 2018, с. 235]. Типично переднеазиатская зооморфная композиция появилась на паре кочевнических бронзовых ножей где-то около середины VII в. до н.э. в районе Армянского нагорья [Бессонова и др., 2018, с. 255–256].

На ранних этапах эпохи ориентализирующего стиля в вазописи Аттики и Коринфа часто встречаются изображения бородатых фантастических существ (рис. 6, 2, 5, 7, 8), почти полностью исчезающие впоследствии. Изображения сфинксов на верхней части предмета из Эрмитажа имеют наибольшее сходство с изображениями на крышке хиосского сосуда

⁸ В декоре чернофигурной клазоменской гидрии 3-ей четверти VI в. до н.э. из собрания ГМИИ (рис. 6, 6) в верхнем фризе изображены фантастические существа, а в нижнем – петуки. Это напоминает композицию эрмитажного сосуда.

⁹ Даты по: [Muscarella, 1988, p. 252; Maxboubian, 1997, p. 107].

из Навкратиса: заметно сходство в передаче крыльев, глаз, лап, хвостов (рис. 6, 7; 7, 2). У сфинксов эрмитажного сосуда, так же как и у сфинксов на саркофаге из Клазомен в археологическом музее Измира, мелкие перья плечевой части крыла переданы точечными углублениями (рис. 7, 4). У сфинксов на сосуде из Вани горизонтальными штрихами покрыто не только крыло, но и туловище – вероятно, они изображают шерсть (рис. 7, 3).

Таким образом, бородатые сфинксы на предмете из Эрмитажа имеет ряд архаичных признаков, в большей степени присущих позднему геометрическому и раннему ориентализирующему стилям.

Серебряный арибалл из Вани: поиск аналогий форме предмета из Эрмитажа

По форме, материалу и системе декора сосуду из Эрмитажа наиболее близок серебряный арибалл из городища Вани, обнаруженный в 1969 г. в погребении 11 (рис. 8, 2), которое датируется в рамках второй четверти V в. до н.э. [Лордкипанидзе, 1972, с. 275], а «позднеархаический по стилю» арибалл – 500 г. до н.э. [Boardman, 2011, p. 25]). Как и эрмитажный экземпляр, он имеет сферическое тулово, в средней части которого выгравирована процессия сфинксов, идущих вправо с поднятой вверх правой рукой (поднятая вверх конечность имеет вид человеческой руки с пальцами, что необычно для греческих изображений сфинкса). Сверху и снизу процессия ограничена длинными лепестками розеток и пальметками между ними. Предпринятый М.Ю. Трейстером анализ арибалла из Вани и похожих сосудов¹⁰ позволил ему прийти к выводу о сильном анатолийском влиянии, выразившемся в распространении форм сосудов с округлым дном и декоративных схем со сфинксами. Исследователь согласился с Дж. Бордманом, который подчеркивал анатолийско-греческий стиль ювелирных украшений и предметов торевтики из Вани, а также предполагал, что они могли быть изготовлены странствующими мастерами из Малой Азии [Treister, 2007, p. 101].

Кроме арибалла из Вани значительное сходство по форме с верхней частью предмета (сосудом) из Эрмитажа обнаруживают бронзовые сосуды со сферическим туловом, высокой горловиной и отогнутым венчиком из коллекции музея Метрополитен [Muscarella, 1988, cat. 348–350]. Два из них не орнаментированы, декор третьего расположен, как и у эрмитажного сосуда, в самой широкой части тулова: процессия длиннохвостых петухов движется вправо, сверху и снизу фриз ограничен горизонтальными линиями (рис. 8, 4). Фриз весьма близок изображению на подставке предмета из Эрмитажа (ср. рис. 8, 1). Сосуды подобного типа происходят из раскопок в Иране, Месопотамии и на острове Самос. По мнению О. Мускареллы, такие сосуды производились в Иране (Луристане или Эламе) в конце VIII–VII вв. до н.э. [Muscarella, 1988, p. 261].

Интересно, что петухи долгое время назывались в Греции «персидской птицей». В конце VIII в. до н.э. петухи и куры появляются в греческом искусстве, равно как и на сельских подворьях Древней Греции [Boardman, 2011, p. 78]. Среди коринфских алабастров, датирующихся в рамках раннего коринфского периода (620–610 гг. до н.э.), значительно количество сосудов с изображением петухов. Считается, что столь частое повторение сюжета связано как с назначением алабастра (парфюмерный сосуд), так и с символикой образа самого петуха (атрибут Эроса, живая птица могла служить любовным подарком) [Букина и др., 2015, с. 58]. Изображения петухов были распространены в вазописи Восточной Греции периода архаики (рис. 6, 6). Пожалуй, наибольшее сходство с изображениями петухов на подставке эрмитажного предмета (рис. 7, 5) имеют изображения на серебряных сосудах из Восточной Греции (рис. 7, 6, 8). Геральдическая пара петухов на серебряном алабастроне из Ушака (Uşak), датирующегося VI в. до н.э., находится в верхнем фризе [Özgen, 1996,

¹⁰ Точных аналогий сосуду из Вани М.Ю. Трейстера не обнаружил [Treister, 2007, p. 73].

cat. 78]. Изображения имеют некое сходство в передаче коротких и маховых перьев крыла, но все же значительно отличаются (рис. 7, 6).

Гораздо больше сходства изображения петухов на подставке эрмитажного предмета обнаруживают со скульптурным изображением, венчающим серебряную курильницу из Восточной Греции VI в. до н.э. У него, точно так же как и у эрмитажных изображений, видна только одна нога, заостренное и опущенное вниз крыло, свисающий вниз хвост (рис. 7, 8). Сама курильница состоит из двух частей: ребристого конуса с отверстиями и высокой полой конической подставки с остатками цепочки для подвешивания (рис. 8, 5). Форма этого сугубо малоазийского культового предмета, неизвестного на территории Греции, ассоциируется с формой бронзовых котлов на подставках в виде конуса, часто декорированных фигурами фантастических существ (рис. 8, 7). Такие котлы с атташами в виде протом сфинксов, сирен или быков и с подставками в виде конусов или треножников известны среди даров, посвященных малоазийскими властителями в греческие святилища в Дельфах, Олимпии, на Самосе. Значительное количество подобных котлов разного размера обнаружено в царских фригийских гробницах Гордиона. Так, в тумулусе ММ были найдены маленькие котлы (диаметр по венчику 15–17 см), парами подвешенные за ручки к стенке сруба [Young, 1981, p. 110] (рис. 8, 6). Малоазийские котлы с литыми атташами дополнительно украшались в Греции коваными скульптурными изображениями грифонов [Boardman, 2011, p. 67], образующими своего рода фриз в верхней части котла (рис. 8, 7). В Ионии, Этрурии и на Крите сферические сосуды на подставке делали из глины [Boardman, 2011, fig. 30], (рис. 8, 3). Все эти предметы; кроме двухчастной конструкции объединяет еще и система декора, в которой присутствуют либо сфинксы, либо петухи, либо те и другие вместе.

Назначение предмета из Эрмитажа, его название и дата

Таким образом, сферический сосуд с подставкой из Эрмитажа органично вписывается в ряд металлических сосудов, в начале которого, вероятно, сосуды иранского и фригийского производства (рис. 8, 4, 6), а в конце – курильница с лидийской надписью и арибалл из Вани (рис. 8, 2, 5). Как установлено Дж. Бордманом и М.Ю. Трейстером, форма и декор в виде сфинксов свидетельствуют в пользу производства подобных сосудов в малоазийском регионе. Двучастный предмет из Эрмитажа больше всего напоминает миниатюрный котел на подставке, подобный тем, что обнаружены в святилищах Греции. Можно предположить, что он и был моделью большого котла, которую посвятили в какой-либо храм, и в таком случае можно назвать предмет *моделью котла*.

Точная датировка предмета невозможна без технологической экспертизы и является задачей будущих исследований. Судя по архаичным, восходящим к традициям эпохи раннего ориентализирующего стиля, чертам изображений, он, видимо, был создан значительно раньше арибалла из Вани и курильницы из музея Метрополитен, датирующихся VI – первой четвертью V в. до н.э. Вероятно, его следует отнести к концу VII – началу VI в. до н.э.

Отвечая на вопрос о причинах появления этой модели котла на антикварном рынке Майкопа, можно предположить, что она происходит из какого-то разрушенного неподалеку погребения архаического скифского времени и могла быть частью военной добычи из какого-то храма, разграбленного во время переднеазиатских походов.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Алексеев А.Ю. *Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003 [Alekseev A.Yu. *The Chronography of European Scythia of the 7th – 4th Centuries BC.* St. Petersburg: Hermitage Publishing House, 2003 (in Russian)].
- Алексеев А.Ю. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 [Alekseev A.Yu. *The Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2012 (in Russian)].
- Бессонова С.С., Бруяко И.В., Алп Н. Пара бронзовых ножей из музея г. Карс. *Stratum plus.* 2018. № 3. С. 221–264 [Bessonova S.S., Bruyako I.V., Alp N.A. Pair of Bronze Knives from the Museum of Kars. *Stratum plus.* 2018. No. 3. Pp. 221–264 (in Russian)].
- Букина А.Г. *Круговращение колеса гончарного. Ранние греческие расписные вазы.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005 [Bykina A.G. *The Rotation of the Potter's Wheel. Early Greek painted Vases.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2005 (in Russian)].
- Букина А.Г., Петракова А.Е., Алексинский Д.П. *Коринфские вазы и их античные имитации. Каталог коллекции.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015 [Bukina A., Petrakova A., Aleksinsky D. *Corinthian Vases and Their Antique Imitations. Catalogue of the Collection.* St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2015 (in Russian)].
- Галанина Л.К. *Келермесские курганы.* М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. 1997: *Kelermess Mounds.* Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian)].
- Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. *Моздокский могильник.* Л.: [б. и.], 1940 [Iessen A.A., Piotrovsky B.B. *Mozdok Burial Ground.* Leningrad: [s.n.], 1940 (in Russian)].
- Кисель В.А. *Шедевры ювелиров Древнего Востока.* СПб: Востоковедение, 2003 [Kisel V.A. *The Masterpieces of the Ancient Near Eastern Jewelers.* St. Petersburg: Vostokovedenie publ., 2003 (in Russian)].
- Козенкова В.И. *Кобанская культура: Западный вариант. Свод археологических источников.* Вып. 3. В2–6. М.: Наука, 1989 [Kozenkova V.I. *Koban Culture: Western Version. Collection of Archaeological Sources.* Vol. 3. В2–6. Moscow: Nauka, 1989].
- Лордкипанидзе О.Д. (ред). *Ванское городище Вани I. Археологические исследования 1947–1969 гг.* (на грузинском яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1972 [Lordkipanidze O.D. (ed.) *The Van Settlement of Vani I. Archaeological Research 1947–1969.* Tbilisi: Metsniereba, 1972 (in Georgian)].
- Маслов В.Е. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта. *Российский археологический ежегодник.* № 2. 2012. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 342–359. [Maslov V.E. To the Chronology of the Kelermes Horizon Antiquities. *Russian Archaeological Yearbook.* No. 2. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2012. Pp. 342–359 (in Russian)].
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г.* СПб.: Типография главного управления уделов, 1912 г. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908. St. Petersburg: Tipografiia glavnogo upravleniia udelov, 1912 (in Russian)].
- Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Ранние скифы и Древний Восток.* М.: Наука, 1992 [Pogrebova M.N., Rayevsky D.S. *The Early Scythians and the Ancient Near East.* Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].
- Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (Предварительная публикация). *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа.* Вып. 77. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 359–373 [Ryabkova T.V. Tarasova Balka – a Monument of the Early Iron Age in the Trans-Kuban Region (Preliminary Publication). *Archeology without Borders: Collections, Problems, Research, Hypotheses. Works of the State Hermitage Museum.* Iss. 77. St. Petersburg: The State Hermitage publ., 2015. Pp. 359–373 (in Russian)].
- Рябкова Т.В. Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье. *Stratum plus.* 2019. № 3 С. 319–338 [Ryabkova T.V. The Formation of the Early Scythian Cultural Complex of the Kelermes Burial Ground in Trans-Kuban. *Stratum plus.* 2019. No 3. Pp. 319–338 (in Russian)].

Рябкова Т.В. О комплексе одного из Семиколенных курганов в собрании Эрмитажа. Археологические Вести. 2020. № 26. С. 272–282 [Ryabkova T.V. Assemblage from One of the Semikolennye Kurgans in the Collection of the State Hermitage Museum. *Archaeological News*. 2020. № 26. Pp. 272–282 (in Russian)].

Смирнов А.Я. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи*. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909 [Smirnov A.Ya. *Eastern Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Ware of Oriental Origin, Found Mainly Within the Russian Empire*. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1909 (in Russian)].

Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age. Eds. J. Aruz, S.B. Graff, Y. Rakic. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2015.

Boardman J. *Early Greek Vase Painting: 11th–6th Centuries BC*. London: Thames & Hudson, 1998.

Boardman J. *The Greeks Overseas. The Early Colonies and Trade*. 4th ed. London: Thames & Hudson, 2011.

Cevizoglu H. A Painted Relief Stand from Clazomenae: General Characteristics and Individual Style. *Archaic and Classical Western Anatolia: New Perspectives in Ceramic Studies*. Ed. G. Tsatschlidze. Leuven: Peeters, 2018. Pp. 21–41.

Ghirshman R. *The Art of Ancient Iran*. New York: Golden Press, 1964.

Graff S.B. Demons, Monsters and Magic. *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. Ed. J. Aruz. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2014. Pp. 263–272.

Gunter A.C. Beyond «Orientalizing»: Encounter among Cultures in the Eastern Mediterranean. *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. Ed. J. Aruz. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 2014. Pp. 248–255.

Hermann G. *Ancient Ivory. Masterpieces of the Assyrian Empire*. London: Thames & Hudson, 2017.

Maxboubian H. *Art of Ancient Iran. Copper and Bronze. The Houshang Maxboubian Family Collection*. London: Philip Wilson Publishers, 1997.

Muscarella O.W. *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 1988.

Özgen I. *The Lydian Treasure Heritage Recovered*. Ankara: Republic of Turkey Ministry of Culture General Directorate of Monuments and Museums, 1996.

Sams G.K. The Early Phrygian Pottery. *The Gordion Excavations Final Reports*. 4. University Museum Monograph 79. Philadelphia, 1994.

The Metropolitan Museum of Art. Greece and Rome. New York: The Metropolitan Museum of Art publ., 1987.

Treister M.Yu. The Toreutics of Colchis in the 5th–4th Centuries BC Lokal Traditions, Outside Influences, Innovations. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2007. No. 13. Pp. 67–106.

Ökse T.A. The Eastern Border of Phrygia. *Phrygia in Antiquity: from the Bronze Age to the Byzantine Period*. Ed. G. Tsatschlidze. Leuven – Paris – Bristol: Peeters, 2019. Pp. 161–188.

Vanden Berghe L., De Meyer L. *Urartu, een vergeten cultuur uit het bergland Armenie*. Gent: Centrum voor kunst en Cultuur, 1982.

Winter I.J. Carchemish *ša kišad puratti*. *Anatolian Studies*. 1983. Vol. XXXIII. Pp. 177–197.

Young R.S. *Three Great Early Tumuli. The Gordion Excavations Final Reports*. 1. University Museum Monograph 43. Pennsylvania: Pennsylvania University Press, 1981. Pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЯБКОВА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, хранитель скифских коллекций Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, СПб., Россия.

Tatyana V. RYABKOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, curator of Scythian collections in the department of archaeology of Eastern Europe and Siberia in the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016582-7

ШЛЕМ ЭПОХИ АРХАИКИ ИЗ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ. К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ

© 2021

В.Р. ЭРЛИХ ^a^a – Государственный музей Востока, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4060-5819; verlikh@bk.ru

Резюме: В 2020 г. в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына поступил конфискованный ФСБ бронзовый шлем из грабительских раскопок. Шлем кованый, состоит из двух частей, покрыт гравировкой с геометрическими и зооморфными изображениями, имеет навершие в виде головы хищной птицы, отлитое по восковой модели.

На сегодняшний день известно еще два шлема такого типа, обнаруженных в составе археологических комплексов: из поселка Холодный Родник близ Туапсе (находка 2012 г.) и из мегалитической гробницы «Криница-1» (раскопки 2018 г.). Анализ вещей, найденных вместе с двумя последними, позволяет датировать все три шлема VI в. до н.э. Краснодарский шлем в данной серии наиболее изысканно украшен геометрическим орнаментом, имеющим аналогии в колхидо-кобанских бронзах того времени, а также зооморфными изображениями, выполненными в подражание скифскому звериному стилю. Все это дает основание предполагать, что шлемы такого типа могли делаться на заказ для воинской элиты Северо-Западного Кавказа в центрально-кавказских мастерских, традиционно изготавливающих бронзовую посуду. Краснодарский шлем, вероятно, самый ранний из трех; по всему наголовью он имеет рудиментарный валик, восходящий к литым шлемам кубанского типа, и может быть датирован концом VII – первой половиной VI в. до н.э.

Ключевые слова: Западный Кавказ, ранний железный век, защитное вооружение, шлем, бронза, литье,ковка, зооморфная орнаментация.

Для цитирования: Эрлих В.Р. Шлем эпохи архайки из Краснодарского музея. К проблеме атрибуции. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080016582-7

A HELMET OF THE ARCHAIC PERIOD FROM THE KRASNODAR MUSEUM – PROBLEMS OF ATTRIBUTION

© 2021

Vladimir R. ERLIKH ^a^a – State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4060-5819; verlikh@bk.ru

Abstract: In 2020, an illicitly excavated bronze helmet confiscated by the FSB was brought to the Krasnodar Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve. The helmet was assembled from two parts and embellished with engraved geometric and zoomorphic designs. The upper section is marked with a finial crafted from a wax model in shape of the head of a bird of prey.

Two other helmets of this type are currently known, both from archaeological complexes: one from the village of Kholodny Rodnik near Tuapse (discovered in 2012), the other from the

megalithic burial “Krinitsa-I” (2018 excavations). An analysis of the items found with these helmets allows us to date all three helmets to the 6th century BCE. The Krasnodar helmet is the more elaborately decorated of the three, with geometric ornaments analogous to those on Colchian-Koban bronzes of this period and zoomorphic designs imitating the Scythian Animal Style. All this gives reason to suggest this series of helmets to have been produced on commission for the warrior elite of the Northwestern Caucasus in the workshops of the Central Caucasus, which traditionally produced bronze table wares. The Krasnodar helmet is probably the earliest in this group. A rudimentary rim encircles the entire calotte – a feature going back to cast helmets of the Kuban type. The Krasnodar helmet can be dated to the end of the 7th – first half of the 6th centuries BCE.

Keywords: The Western Caucasus, The Early Iron Age, armament, helmet, bronze, casting, forging, zoomorphic ornamentation.

For citation: Erlikh V.R. A Helmet of the Archaic Period from the Krasnodar Museum – Problems of Attribution. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080016582-7

В 2020 г. в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына поступила коллекция древностей, конфискованная ФСБ у художника Г.В. Приведенцева, которую он собрал им нелегальным путем. В ней находился кованый бронзовый шлем, получивший музейный шифр КМ–14317/1¹ и номер по Государственному каталогу 24270448 [*Госкаталог.РФ*]. В январе – феврале 2021 г. он демонстрировался на выставке «Возвращенные шедевры» [*«Возвращенные шедевры»*, 2021].

Знакомство со шлемом и проведенная нами летом 2020 г. атрибуция позволили установить, что, несмотря на ряд грубых доделок, он обладает рядом характерных признаков. Прежде всего, это сама конструкция шлема, состоящего из двух частей, одна из которых имеет зубчатый край, а также прилитую голову птицы в верхней части. Таким образом, перед нами оказалась уже третья находка шлема подобного типа.

Подлинные детали шлема подобраны грубо и неверно. Утраченная передняя часть «реконструирована» неумелым реставратором² по известной ему форме литых кубанских шлемов (рис. 1, 1)³. С помощью мастики наклеен массивный валик по линии сагиттального шва и сформованы надглазничные выступы как у литых шлемов кубанского типа, обрамленные жемчужником. К наголовью также была прикреплена «бармица», выполненная из панцирных пластин скифской эпохи (рис. 1, 2) и не имеющая никакого отношения к данному шлему.

Весной 2021 г. реставратор Краснодарского музея М.И. Смаглюк произвел научную реставрацию публикуемого шлема: тщательно подобрал все подлинные детали, а недостающие части восполнил. Лицевая часть практически полностью утрачена, однако остальные фрагменты позволяют реконструировать данный шлем и его орнаментацию. После реставрации, выполненной художницей Е.Г. Пьянковой, были сделаны тщательные прорисовки сохранившихся деталей наголовья.

Шлем склепан из двух частей: верхняя часть – «купол» – вогнутая, откована из круглого листа бронзы с зубчатым краем. «Купол» прикреплен к нижней части (тулье) с помощью заклепок, которые тщательно заделаны. Нижняя часть, тулья, выкована из бронзовой поло-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность хранителю Отдела археологических фондов КГИИМЗ им. Фелицына Е.В. Мартыненко за возможность ознакомиться с данным экспонатом.

² По сведениям хранителя шлема, его реставрация была произведена самим коллекционером Г.В. Приведенцевым.

³ Рисунки 1–4, 8, 9 находятся на цветной вклейке

сы. Шлем неглубокий, достигающий до ушей воина. Общая высота (с птичкой) 16 см, диаметр около 20 см (рис. 2; 3; 4, 1).

В верхней части купола пробито отверстие, в которое приливом крепится выполненная по восковой модели головка хищной птицы с выпуклыми глазами и загнутым клювом. Размеры её литой головки 2,6×2,2 см. «Птичка» прилита аккуратно: литник внутри шлема небольшой и тщательно заделан (рис. 4, 2). Нижняя часть шлема имеет ряд пробитых отверстий для крепления бармицы либо подкладки. С правой стороны, у места схождения верхней и нижней частей, располагается заплатка с зубчатыми краями (рис. 2, 2; 7, 1).

Вся поверхность изделия орнаментирована гравировкой и чеканкой. По краю отверстия вокруг литой птицы проходит пояс из коротких линий, расположенных лучами, обрамленными поясом из кружков с точкой в центре (рис. 4, 1; 7, 2). В задней части шлема и, вероятно, в несохранившейся передней по линии сагиттального шва к голове птицы примыкал рельефный валик, по обеим сторонам которого располагался идущий по поясу орнамент в виде меандра (рис. 3, 1; 6, 1; 7, 2). По бокам от него по верхней сферической части размещались изображения двух рядов копытных – очевидно, лошадей (рис. 6; 7). В верхнем ряду находились обернувшиеся назад лошади (рис. 5, 2д). Сохранилось два полных и два неполных изображения. У лошадей видно одно ухо. Нос, глаз и грудь обозначены кружками с точкой в центре. Также три таких же кружка с точкой имеются на крупе животных.

Ниже располагался фриз из скачущих лошадей: передняя нога прямая, выставлена вперед, а задняя согнута в суставе (рис. 5, 2б, 2в). Животные имеют два уха и небольшой треугольный хвостик. Морда изображена в 3/4. Один глаз показан полным кругом с точкой в центре, а другой – неполным. Кроме этого, круги с точками в центре имеются и на теле животных, причем их количество и расположение неодинаково. У одной сохранившейся целиком лошади их три – у хвоста, у шеи и у передней ноги; у другой лошади один круг побольше в районе груди и три малых кружка на крупе. Сохранилось два полных и два неполных изображения лошадей нижнего фриза. На правой стороне шлема они обращены вправо, на левой – влево. Кроме этого, в пространстве между лошадиками верхнего и нижнего уровня имелись неясные (зооморфные?) фигуры в виде треугольников с двумя симметричными завитками. Треугольники имеют по три кружка с точками в центре (рис. 2, 2б, 2д). В заполнительном орнаменте между фигурами животных эти изображения чередуются с ромбами, в центре которых находятся кружки (рис. 7, 2).

Под копытами у лошадей нижнего ряда проходит орнаментальный поясок из прочеканенных кружков, обрамленных двумя рядами точек. Завершается верхняя часть шлема зубчатым краем, который внахлест крепится к тулье с помощью клепок (рис. 2, 2; 7, 1).

Тулья также орнаментирована. Большую ее часть занимает пояс из головок хищных птиц либо ушастых грифонов с обращенными вверх закрученными клювами. На правой половине шлема они смотрят вправо, на левой – влево, всегда в сторону лицевой части. Судя по сохранившейся задней части, границей между изображениями с разной ориентировкой служит валик, проходящий по сагиттальному сечению шлема (рис. 3, 1; 6, 1). Выше головок птиц находится линия чеканных точек, над которыми в треугольном пространстве между зубцами верхней части располагаются группы из трех выпуклых «жемчужин» (рис. 7, 1). Ниже птичьих голов проходит орнаментальный поясок из кружков с точкой в центре, обрамленный двумя рядами точек. Оканчивается тулья, как мы уже указывали, рядом пробитых отверстий, над которым по внешней стороне проходит ряд пуансонных выпуклин-«жемчужин».

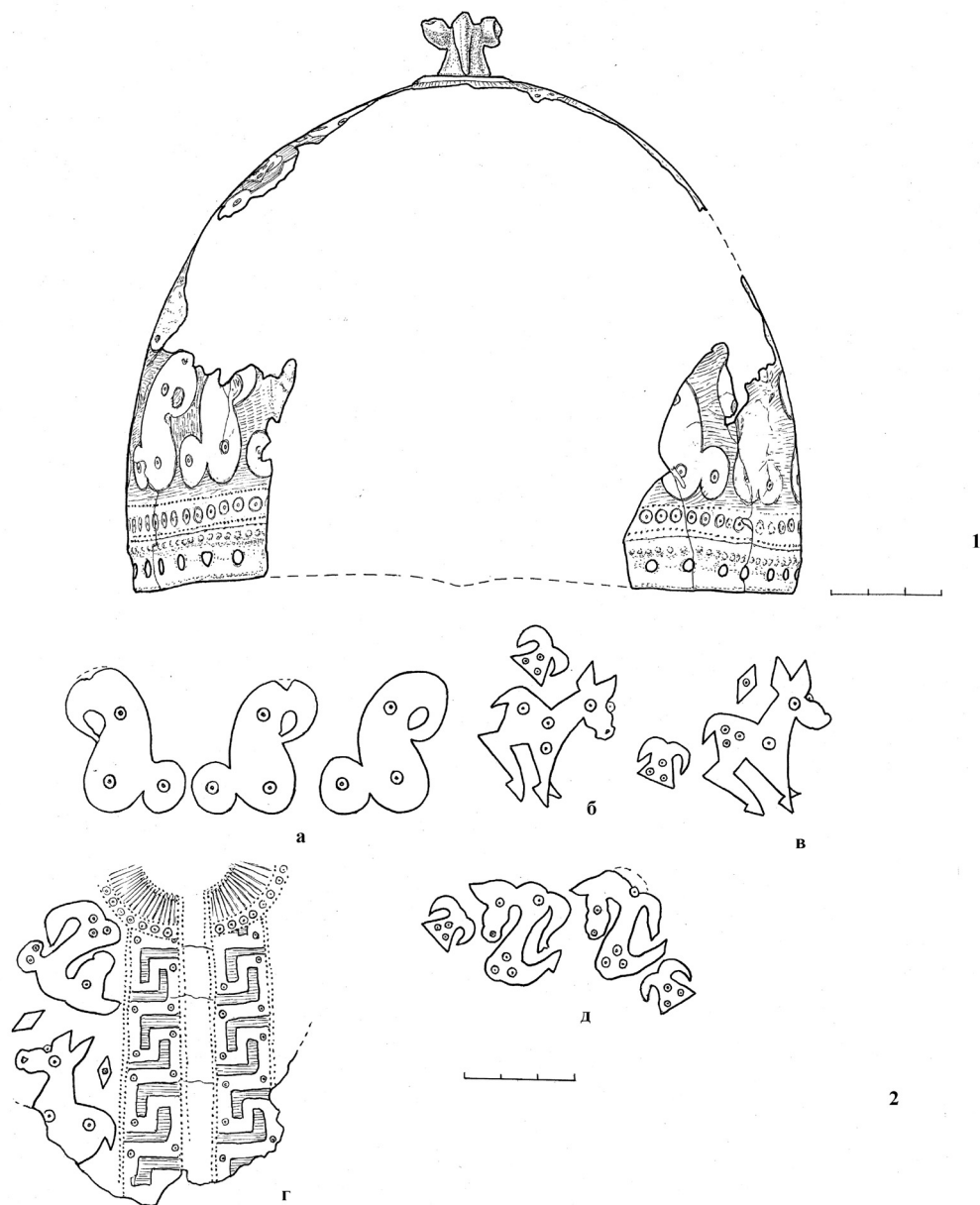

Рис. 5. Шлем из Краснодарского музея.

1 – вид спереди. 2 – прорисовки изображений на шлеме (рисунки Е.Г. Пьянковой).

Fig. 5. Helmet from the Krasnodar Museum.

1 – front view. 2 – sketches of images on the helmet (drawings by E.G. Pyankova).

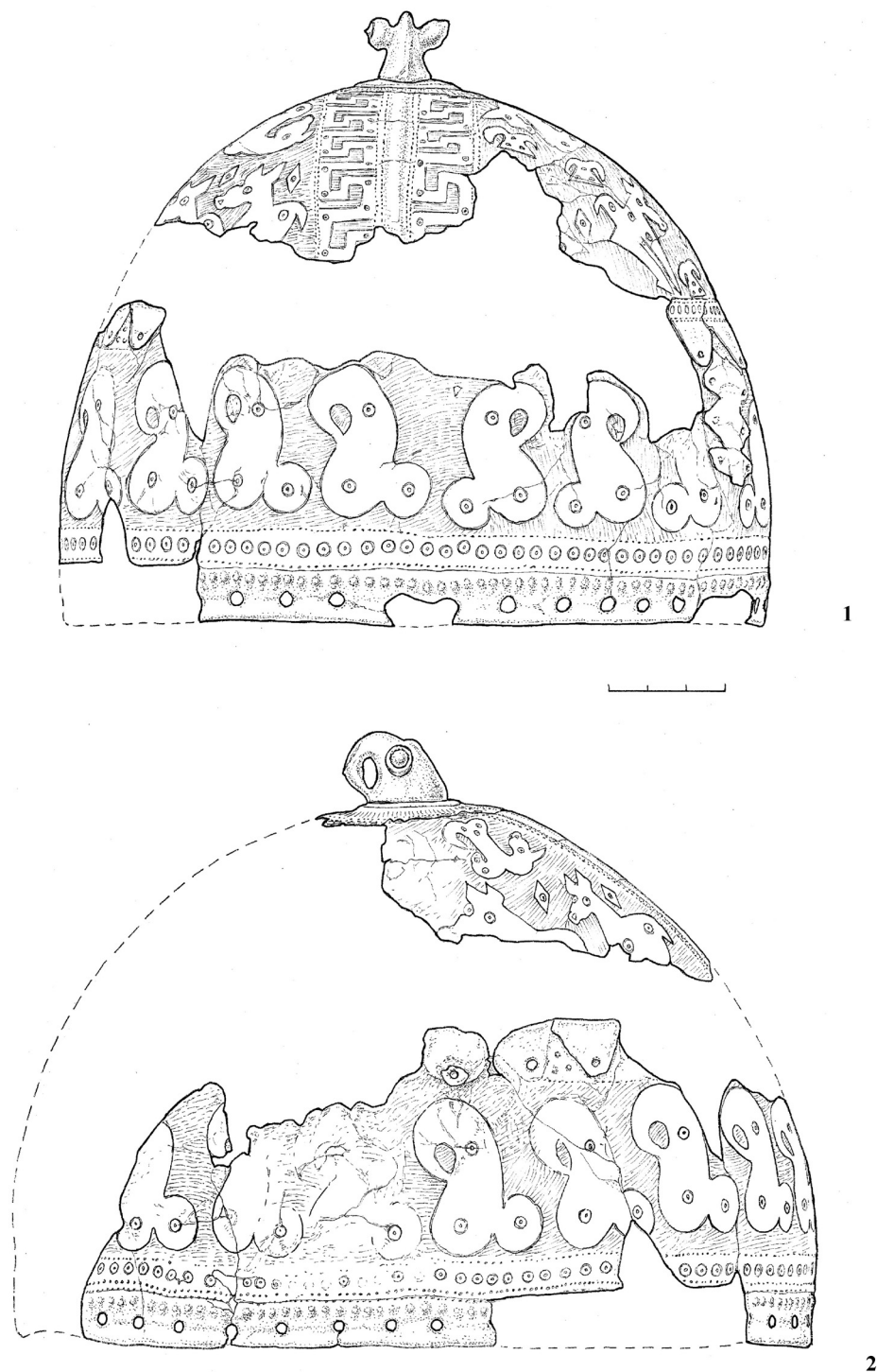
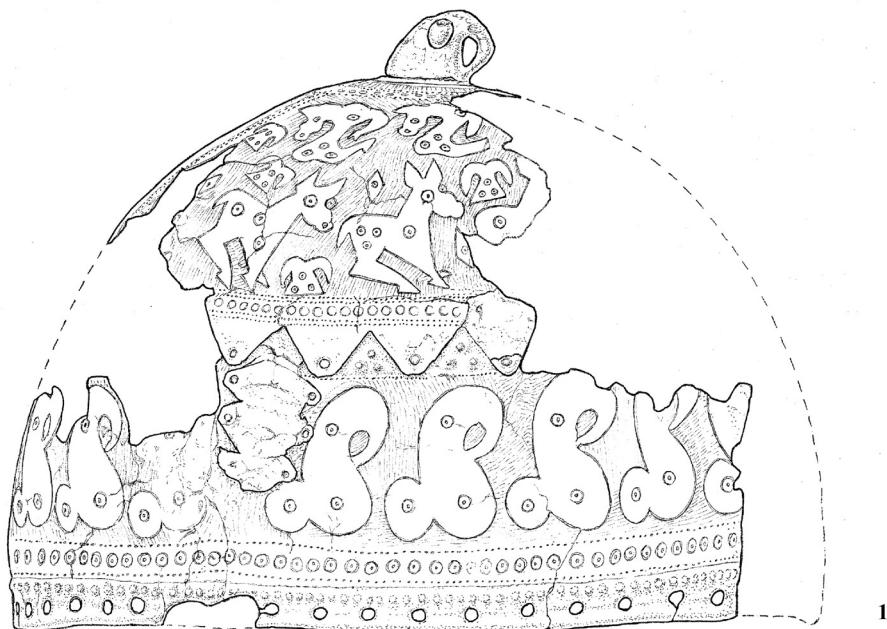
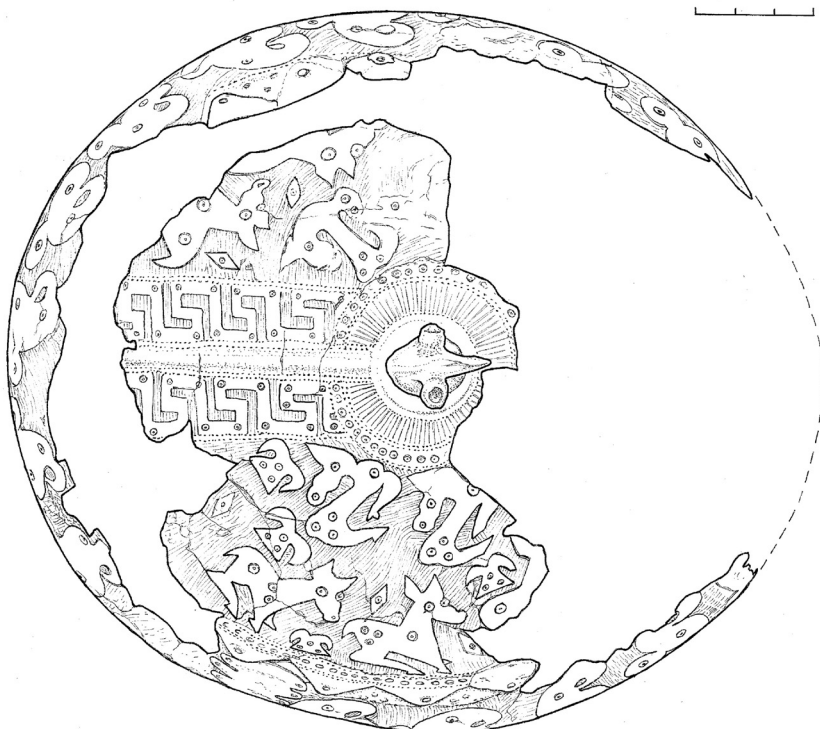

Рис. 6. Шлем из Краснодарского музея. 1 – вид сзади. 2 – вид слева (рисунки Е.Г. Пьянковой).
 Fig. 6. Helmet from the Krasnodar Museum. 1 – rear view. 2 – left view (drawings by E.G. Pyankova).

1

2

Рис. 7. Шлем из Краснодарского музея. 1 – вид справа. 2 – вид сверху (рисунки Е.Г. Пьянковой).
 Fig. 7. Helmet from the Krasnodar Museum. 1 – right view. 2 – top view (drawings by E.G. Pyankova).

АНАЛОГИИ

1. Шлем из поселка Холодный Родник

Впервые шлем подобного типа был обнаружен в 2012 г. в районе г. Туапсе при установке опор электросети на окраине поселка Холодный Родник и вместе с другими предметами передан начальнику археологической экспедиции ООО «Археологическое общество Кубани» Ш.О. Даудову. Шлем входил в состав ритуального комплекса и был найден вместе с зубами двух лошадей: крупнозубого жеребца 3,5 лет и мелкозубой особи около 10 лет (пол неопределим)⁴. В состав комплекса также входили: античный шлем «эшерского типа», три наконечника копья, петельчатые удила и трехпетельчатый псалий, фрагменты панцирных чешуек двух типов – прямоугольных с закругленной одной стороной и более крупных подпрямоугольной формы (от пояса?). В настоящее время материалы комплекса хранятся в фондах Государственного музея Востока. Аналогичный публикуемому шлем (ГМВ № 56215) имел тулью размером 22×19 см и высоту 17,7 см (рис. 8, 1–3). Он также выкован из двух кусков листовой бронзы. Верхняя (округлая) часть шлема с зубчатым краем была приклепана к тулье при помощи заклепок, находящихся в зубцах, которые на поверхности тщательно заполированы. Тулья в нижней части имела ряд парных отверстий для крепления бармицы либо подшлемника. Нижний край тульи был практически ровным, за исключением выдающегося вниз носового выступа. К последнему подходил прокованный валик, идущий по сагиттальному шву от макушки. В верхней части купола пробито отверстие, в которое прилита головка хищной птицы, выполненная по восковой модели. У птицы два противопоставленных полусферических глаза и закрученный клюв.

Шлем также имеет следы ремонта – заплатку на правой стороне квадратной формы, приклепанную четырьмя заклепками. Она «замаскирована» прочеканенными линиями из точек. Весь шлем покрыт гравированным орнаментом, нанесенным различными инструментами. В верхней части купола вокруг головки птицы находится розетка с двенадцатью зубчатыми лучами. Вокруг нее проходит пояс из колечек-«жемчужин», обходящих эту звезду и спускающихся в передней части шлема по обе стороны от валика. Ниже расположен пояс из больших ромбов, выполненных пуансоном, в которые вписаны малые ромбы. Свободное пространство между большими ромбами заполнено рядами точек. Ниже протянулись два ряда выпуклин-«жемчужин», расположенных треугольниками: одна «жемчужина» наверху и две внизу. Эти «жемчужины» маскируют «зубцы» – место прикрепления верхней части шлема к нижней. По тулье проходит пояс из птичьих головок либо головок «грифонов», поскольку два концентрических круга в задней части головок можно трактовать двояко: как глаз и как ухо. Эти птичьи головы более примитивны по сравнению с головками шлема из Краснодарского музея. Контуры головок прочеканены мелкими точками, кроме того, на каждой головке находятся по три окружности, нанесенные штампом. Свободное поле между головками заполнено короткими штрихами. Как и у краснодарского шлема, пояс с головками птиц обрамлен двумя рядами точек.

Под пояском с птичьими головками проходит пояс из кружков, который опускается в передней носовой части шлема. Под этим пояском проходят две горизонтальные линии из прочеканенных точек. Ниже их расположены отверстия для бармицы либо для подшлемника. Кроме того, в передней части шлема на уровне пояса с птицами находится большая выпуклина с отверстием – «глазик», опоясанный тремя концентрическими кругами: внутренний состоит из мелких окружностей, а два других – из точек. С другой стороны шлема, справа от валика, этот «глазик» не сохранился.

⁴ Определение Н.Н. Спасской, к.б.н., ученого секретаря Научно-исследовательского Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова.

2. Шлем из гробницы «Криница-1»

Еще один аналогичный шлем был обнаружен в 2018 г. в мегалитической гробнице «Криница-1» [Кононов, 2019; 2020]. Она представляла собой вторично использованный подкурганый дольмен с порталльной частью и каменной оградкой – кромлехом. В этой гробнице удалось зафиксировать 82 погребения, располагавшихся на 10 условных уровнях. Всего по данным анализа антропологической коллекции из заполнения погребальной камеры выделены кости 113 индивидов [Кононов, 2020, с. 236]. Бронзовый шлем обнаружен в погребении № 41, относящемся к пятому уровню расчистки гробницы. В комплекс этого погребения помимо шлема входили железный кинжал-акинак, две бронзовые гривны, железное шило, четыре железных ножа, бронзовые обоймы, бронзовые кольцевидные бусы, бронзовый пинцет и лепная мисочка (рис. 9)⁵.

Шлем кованый, составной, украшен литым изображением головы хищной птицы (рис. 9, 1). Он был деформирован в древности и сохранился не полностью, но по двум наиболее крупным фрагментам, опираясь на аналогичный целый шлем из Холодного Родника, можно уверенно воссоздать его форму и конструкцию. Значительный интерес представляет фрагмент левой стороны изделия с литой головой хищной птицы, шириной 22,75 см, высотой 18,4 см, сохранившийся от нижнего края до верхней части купола. Особенности формы и декора также хорошо различимы на крупном фрагменте правой передней части, шириной 19,3 см и высотой 13,6 см. На нем сохранился чеканный вертикальный валик по линии сагиттального сечения шириной 1 см. Тулья свернута из неровной прямоугольной полосы металла шириной 8–8,7 см. На сохранившемся фрагменте есть вертикальный шов: полоса соединяется внахлест, при помощи заклепок. Купол также скреплен с тульей заклепками, перекрывая ее край снаружи внахлест. Края нижней части купола оформлены декоративными зубцами шириной 2,8–3,1 см, на которых расположены крепежные заклепки. Шляпки заклепок на внешней стороне шлема заполированы. По нижнему краю тульи пробиты парные отверстия для крепления подшлемника либо бармицы. На фрагменте фронтальной части шлема с валиком сохранилась полусферическая чеканная выпуклость диаметром 1,42 см справа от валика. Выпуклость обрамлена по контуру точечным орнаментом. Аналогичная пара полусферических выпуклостей по сторонам фронтального валика (стилизованные изображения глаз?) есть и на шлеме из Холодного Родника.

Шлем из «Криницы-1» также имеет литое навершие в виде стилизованной головы хищной птицы. Оно отлито по восковой модели и зафиксировано в специальном отверстии в центре купола. Остатки литника хорошо различимы на макушке птицы. Хищно загнутый клюв птицы соединяется с шеей. Глаза представляют собой несимметричные грубые конические выступы по бокам головы. Размеры навершия – 2,8×2,85×1,74 см.

По форме и конструкции шлем из «Криницы-1» почти ничем не отличается от шлемов из Холодного Родника и Краснодарского музея. Отличие заключается лишь в отсутствии пышного гравированного декора. Поскольку два шлема аналогичных краснодарскому были обнаружены в составе комплексов, рассмотрим их хронологию.

Комплекс из Холодного Родника содержит два основных хроноиндикатора, дающих указание на архаический период (конец VII–VI в. до н.э.): железный трехпетельчатый псалий (рис. 8, б) и шлем типа «Эшера» (рис. 8, 4). Остальные обнаруженные здесь предметы имеют более широкие рамки бытования.

Прямой трехпетельчатый псалий длиной 12,7 см, один конец его заострен, другой – раскован (рис. 8, б). По данным С.В. Махортых, на Северном Кавказе сейчас известно более 130 экземпляров железных псалиев такого типа [Махортых, 2013, с. 274; 2015, с. 109].

⁵ Благодарю В.Ю. Кононова за предоставленный отчет и возможность опубликовать шлем и комплекс обнаруженных с ним вещей.

У большинства из них верхний конец загнут. Прямые псалии, происходящие из курганов 1 и 3 могильника Красное Знамя, этот исследователь считает локальной особенностью. Другой локальный закубанский признак, по мнению С.В. Махортых, – раскованное одно из окончаний псалия [Махортых, 2013, с. 274; 2015, с. 109]. Данный признак он считает поздним, а время бытования железных трехпестельчатых псалиев датирует второй половиной VII – первыми десятилетиями VI в. до н.э. [Махортых, 2015, с. 113].

На территории Лесостепной Скифии, по данным А.Д. Могилова, известно более 112 экземпляров железных трехпестельчатых псалиев, из них лишь 8 экземпляров прямые. Последние датируются автором приблизительно с середины VII по середину VI в. до н.э. [Могилов, 2008, с. 31, 32]. Отметим, что железные трехпестельчатые псалии выходят из употребления в середине – второй половине VI в. до н.э. Чрезвычайно редки комплексы, сочетающие трехпестельчатые псалии и более поздние двудырчатые. В Закубанье к таким относится 10-й Ульский курган, раскопанный в 1982 г., который датирован нами временем близким к середине VI в. до н.э. [Эрлих, 2015, с. 46, 47, 56, 57].

Шлем с массивным назатыльником и съёмными нащечниками можно отнести к выделенному В.Р. Эрлихом и А.И. Джопуа типу шлемов, открытому в окрестностях Эшерского городища в Абхазии (4 экз.). Два шлема из четырех были найдены вместе с кинжалами-акинаками раннескифского облика, что позволило датировать их VI – первой половиной V в. до н.э. [Эрлих, Джопуа, 2008, с. 51, 52]. А.В. Дедюлькин высказал предположение, что шлемы эшерской серии – переделанные коринфские⁶. Таким образом, наиболее вероятная дата комплекса Холодного Родника – первая половина VI в. до н.э.

В гробнице «Криница-1», где обнаружен еще один шлем рассматриваемого в данной статье типа, античные импорты не найдены. Рассматривая комплекс погребения 41 в целом, можно определить, что основным хроноиндикатором здесь, как и в ряде других погребений этой гробницы, стал железный кинжал-акинак (рис. 9, 11) [Кононов, 2019]. Он имеет прямоугольное в плане и округлое в сечении почковидное перекрестие, трехваликовую рукоять и треугольный клинок с выраженным ребром жесткости. И если в целом кинжалы-акинаки на Северо-Западном Кавказе характерны для VII–V вв. до н.э. [Эрлих, 1992, с. 4, 5], то такие признаки, как трехваликовая рукоять и центральное ребро (нервюра), – архаические, характерные для акинаков келермесского типа, время существования которых ограничивается VII–VI вв. до н.э. [Топал, 2018, с. 11, 12]. Следует отметить, что подобные кинжалы-акинаки встречены в гробнице еще дважды (п. 22 и п. 42), что позволяет исключить возможность случайного попадания данного типа оружия и уверенно отнести время захоронений раннего железного века в дольмене «Криница-1» к архаической эпохе.

Таким образом, оба шлема, аналогичных шлему из Краснодарского музея, относятся к одному периоду, а именно к концу VII – VI в. до н.э. (скорее всего, его первой половине). Краснодарский шлем и два аналогичных ему из Холодного Родника и Криницы сделаны по единой технологической схеме: они склепаны из двух бронзовых пластин – круглой с зубчатыми краями и прямоугольной, формирующей тулю. Кроме того, все шлемы имеют в верхней части прилитое навершие в виде головы птицы, выполненное по восковой модели, а также кованый рудиментарный «валик» по линии сагиттального сечения шлема. Это дает основание полагать, что все три шлема происходят из одной мастерской.

Определенную близость показывает и состав металла шлемов из Краснодарского музея, Холодного Родника и Криницы. Все они изготовлены из оловянной бронзы. При этом содержание олова у шлема из Холодного Родника составляло 11–14 %, а у шлема из

⁶ Доклад Дедюлькина А.В., Давудова Ш.О., Эрлиха В.Р. «Комплекс со шлемом «эшерского типа» из района Туапсе» на Международной научной конференции памяти Марии Николаевны Погребовой «Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа» 27 апреля 2016 г. (не опубликован).

Криницы – 10 %. В металле Краснодарского шлема содержание олова составило 7 %, в то же время, здесь имелось около 1 % мышьяка, что, возможно, указывает на архаичность металлических изделий, использовавшихся в сплаве для его изготовления⁷. Следует отметить, что бронзовые сплавы с содержанием олова от 5 до 30 % по данным экспериментальных исследований имеют золотистый цвет, иногда с серебристым отливом, и обладают хорошими кузнечными свойствами (прочностью) [Равич, 1983, с. 139].

Возникает естественный вопрос: какие мастерские могли выпускать подобную продукцию? Набор технологических операций – ковка из бронзовых пластин, приклепка частей, а также прилив к полученному ковкой объему отдельных деталей, выполненных в технике восковой модели, – очень напоминает применявшуюся в эпоху раннего железного века на Кавказе технику изготовления бронзовой посуды, прежде всего ситул. Бронзовые клепаные ситулы с литыми «ушастыми» ручками (тип I) изготавливались с конца VIII в. до н.э. специально для северокавказской и скифской кочевой элиты в мастерских Центрального Кавказа. Судя по отдельным находкам ситул этого типа в Колхиде, их производство не прекращалось вплоть до эллинистической эпохи [Эрлих, 2011]. Помимо ситул с литыми «ушастыми» ручками в этих же мастерских изготавливалась и другая продукция: бронзовые чаши и кружки с литыми ручками, украшенными зооморфными окончаниями. Важно также отметить, что зонная геометрическая орнаментация, имеющаяся у шлемов из Холодного Родника и Краснодара, характерна для бронзовых чаш и некоторых других видов центральнокавказской посуды. Орнаментированные сходным образом чаши центральнокавказского производства были обнаружены в могильнике скифской эпохи Нартан в Кабардино-Балкарии вместе с бронзовой ситулой с «ушастыми» ручкам (курган 20) и в погребении 14 колхидского могильника Саирхе в Грузии [Батчаев, 1985, табл. 48, 38, 39; Maxaradze, Tsereteli, 2007, с. 104, рис. 105]. Меандр и заштрихованные свастические композиции, изображенные на краснодарском шлеме, встречаются на большой серии центральнокавказских топоров (подгруппа 15/2 по А.Ю. Скакову), а также на поясе из Иранского Азербайджана [Скаков, 1997, с. 84; Погребова, Раевский, 1997, с. 146, табл. XXI, а). А.Ю. Скаков относит топоры с подобным усложненным свастическим (меандровидным) декором к четвертому хронологическому периоду и считает, что они происходят от топоров с изображением свастики на лопастях (подгруппа 15/1) [Скаков, 1997, с. 78, 81, 82].

Необходимо также отметить, что металлическая посуда центральнокавказского производства, обнаруженная в нартановских курганах, за исключением чисто медной ситулы, изготовлена из бронзы, где содержание олова составляет от 7 до 13 % [Барцева, 1985, с. 125]. Зонная геометрическая орнаментация, выполненная насечкой и гравировкой, иногда встречается и на сосудах центральнокавказских мастерских других типов: кружках и ситулах из Тли, Лухванского клада, кавказском сосуде из коллекции кургана Жаботин 524 и ряде других памятников [Иессен, 1962, с. 46, рис. 5; Техов, 2002, табл. 154–157; Рябова, 2009, с. 352, рис. 1; 2014, с. 261–265]. Близкий химический состав (11–14 % олова) имели бронзовые фрагменты сосуда с орнаментом и фрагменты с клепками из кургана Жаботин 524. На этом основании Т.В. Рябова предположила, что они являются фрагментами одного сосуда, скорее всего кружки, аналогичной кружке из Лухвано [Рябова, 2009, с. 352, 353; 2014, с. 261–265].

⁷ Состав металла определен с помощью рентгено-флюоресцентного анализа. Анализ шлема из Холодного Родника был выполнен в Лаборатории Государственного Эрмитажа (аналитик С.В. Хаврин), а шлемов из Криницы и Краснодарского музея – в лаборатории Центра коллективного пользования «Центр исследований минерального сырья и состояния окружающей среды» Южного федерального университета (аналитик Ю.В. Попов).

Отметим, что зонная орнаментация из рядов ромбов, треугольников, «жемчужин», насечек, а также рядов зооморфных элементов характерна как для орнамента бронзовых поясов, так и для посуды мастерских Центрального Кавказа [Техов, 2001, табл. 13, 18, 19, 22, 23, 23а, 24, 25, 26, 35].

Литые птичьи головки у всех трех шлемов, а также графическое изображение головок птиц либо грифонов у краснодарского шлема и шлема из Холодного Родника не находят точных соответствий в скифском зверином стиле и, по-видимому, являются творческой переработкой этого зооморфного образа кавказским мастером. Сходные по своему контуру гравированные птичьи головы на фризе шлема из Холодного Родника (рис. 8, 3) и краснодарского шлема (рис. 5, 2а; 6) напоминают гравированные изображения птичьих голов на костяной рукояти ножа из погребения 7 могильника Уллубаганалы-2 [Козенкова, 1998, с. 13, рис. 2]: на ней также имеются кружки на месте глаза и на клюве⁸. Однако у птиц из Уллубаганалы отсутствуют округлые выступы в виде уха.

Весьма интересную особенность краснодарского шлема составляют лошадиные фигуры на его верхнем и нижнем фризах. У лошадей верхнего фриза показано только по одному уху, а хвосты прижаты к крупам (рис. 5, 2д). Подобная иконография, скорее всего, восходит к архаическим скифским изображениям лошадей на бляхах из к. 1 у с. Жаботин, из к. 449 у с. Гладковщины и к. 35 у с. Бобрица (рис. 10, 1–3) [Ильинская, 1975, с. 19, табл. 6, 12; Галанина, 1977, с. 38, 43, табл. 21, 3; *Scythian Gold*, 1999, cat. 45], которые в свою очередь заимствованы из переднеазиатского искусства. Однако необходимо отметить и общую лаконичность краснодарских изображений, свойственную кавказской графической традиции: у лошадей отсутствует грива и ряд других деталей. Обернувшиеся назад копытные известны и в кавказском искусстве, например на топорах из музея Грузии, на рукояти кинжала из с. Нигозети (рис. 10, 4–6, 8) [Панцхава, 1988, табл. VIII, 1; XIX; XXI], на недавно опубликованном скипетре из к. 3 могильника Дыш IV (рис. 10, 9) [Маслов и др., 2020, с. 308, рис. 9, 1]. Однако у них у всех изображались оба уха, а хвост был отделен от крупа животного.

У скачущих лошадей нижнего фриза, в отличие от верхнего, имеется по два уха подромбической формы, а также треугольным выступом показан хвост (рис. 5, 2б, 2в). В качестве аналогии им можно привести фигуры скачущих лошадей на ритоне из Бамборы (рис. 10, 7) [Панцхава, 1988, табл. XXIV].

Интересной особенностью краснодарского шлема является попытка передать лошадиные морды в 3/4, для чего полукружьем показывается часть второго глаза. Возможно также, что треугольный выступ на передней ноге, имеющийся у всех целых лошадей, – это попытка изобразить копыто второй передней ноги. Следует отметить, что в колхидском искусстве животные также часто представлены не в строго профильной проекции и при этом показываются все четыре ноги (рис. 10, 5, 6).

Тем не менее нельзя не обратить внимание и на сходство в изображении животных верхнего и нижнего фриза. Это общий контур морды, глаз в виде кружка с точкой в центре, кружки на крупах и на груди копытных. Глаз в форме кружка с точкой имеется и у головок птиц/грифонов на тулье. Аналогично передан глаз и у изображения лошади на скипетре из могильника Дыш (рис. 10, 9).

Орнаментальные особенности шлема из Краснодарского музея позволяют заключить, что это работа кавказского мастера, который был поверхностно знаком со скифским зооморфным искусством и попытался его воспроизвести. Для украшения шлема он также использовал геометрические композиции, характерные для орнаментики кавказской бронзовой посуды и топоров.

⁸ Благодарю А.Р. Канторовича, который указал мне на это соответствие.

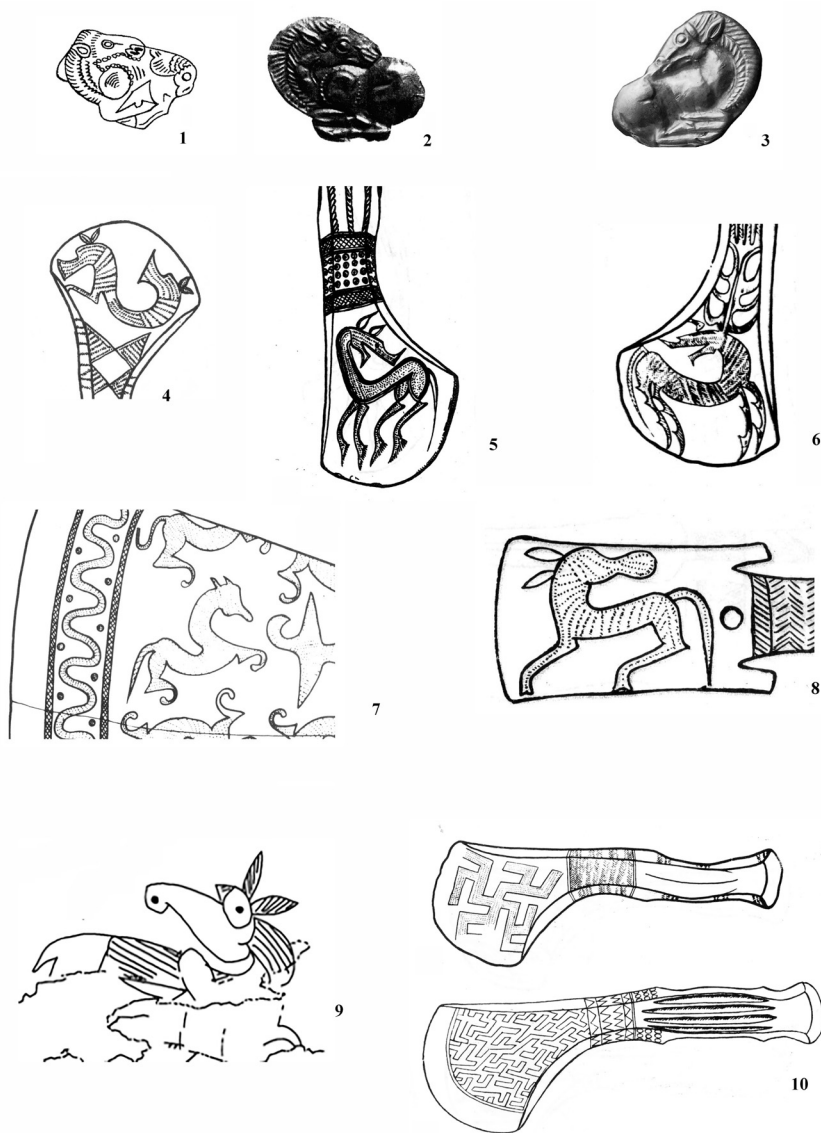

Рис. 10. Аналогии изображениям на Краснодарском шлеме.

- 1 – Жаботин, курган 1; 2 – Гладковщина, курган 449; 3 – Бобрица, курган 35;
 4 – Грузия (ГМГ № 1 36/36); 5, 6 – Грузия (ГМГ); 7 – Бамбора (Абхазия); 8 – Нигозети;
 9 – Дыш IV, курган 3 (Адыгея); 10 – Тли, п. 76; 11 – Сванетия (ГМГ, № 1–37/1).
 1 – по [Ильинская, 1975]; 2 – по [Галанина, 1977]; 3 – по [Scythian Gold, 1999];
 4–8, 10, 11 – по [Панцхава, 1988]; 9 – по [Маслов и др., 2020].

Fig. 10. Analogies to the images on the Krasnodar helmet.

- 1 – Zhabotin, mound 1; 2 – Gladkovshchina, mound 449; 3 – Bobritsa, mound 35;
 4 – Georgia (SMG No. 1 36/36); 5, 6 – Georgia (SMG); 7 – Bambora (Abkhazia); 8 – Nigozeti;
 9 – Dysh IV, mound 3 (Adygea); 10 – Tli, grave. 76; 11 – Svaneti (SMG, No. 1–37/1).
 1 – according to [Ilyinskaya, 1975]; 2 – according to [Galanina, 1977]; 3 – according to [Scythian Gold, 1999]; 4–8, 10, 11 – according to [Pantskhava, 1988]; 9 – according to [Maslov et al., 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас мы имеем серию из трех неглубоких полусферических шлемов, изготовленных по одной технологической схеме. Они откованы из двух кусков бронзового листа – верхнего (купола) круглой формы с зубчатым краем и нижнего (тульи) – прямоугольной. Верхняя часть шлемов соединяется с нижней при помощи заклепок, расположенных в зубах, которые тщательно заделываются. В отверстие в центральной части купола шлема вставляется голова хищной птицы, отлитая по восковой модели. Таким образом, все три шлема можно отнести к одному типу – типу «Холодный Родник» по первой находке в 2012 г. Можно также утверждать, что эти шлемы созданы кавказскими мастерами, производившими бронзовую клепаную посуду с литыми ручками (ситулы). Шлемы, как и ситулы, судя по всему, изготовлены в мастерской, выполнявшей заказы для элиты Северо-Западного Кавказа. Скорее всего, отдаленным прототипом для этих шлемов послужили неглубокие литые шлемы кубанского типа с литым валиком по линии сагиттального сечения [Галанина, 1985].

Все три шлема отличаются только декором. Мы полагаем, что первым в этой серии был шлем из Краснодарского музея, наиболее изысканно украшенный мастером. Он имел валик, как сзади, так и, скорее всего, на утраченной передней части. Остальные же шлемы этой серии имели рельефный валик только на лицевой части. Они декорировались по более упрощенной схеме, однако в той или иной степени подражали краснодарскому шлему. Таким образом, все три шлема, обнаруженные на Северо-Западном Кавказе и относящиеся к эпохе архаики, можно рассматривать как престижную «заказную» продукцию одной из центрально-кавказских мастерских, специализировавшейся на изготовлении бронзовой посуды. Кто же мог быть заказчиком? Из трех известных на сегодняшний день шлемов этого типа два найдены в приморской части Краснодарского края в составе археологических комплексов. Шлем из Холодного Родника, вероятно, происходит из ритуального комплекса с конскими жертвоприношениям, аналогичного ритуальным комплексам – святилищам, широко распространенным в меотской культуре [Эрлих, 2013]. Шлем из «Криницы-1» найден среди предметов погребального инвентаря во вторично использованном дольмене. Использование дольменов в районе Геленджика для коллективных погребений прослеживается с протомеотского периода [Аханов, 1961, с. 139–149; Эрлих, 2007, с. 38, рис. 17, 18]. В то же время необходимо отметить, что в составе инвентаря гробницы «Криница-1» значительное место занимают импорты из соседней колхидской культуры [Кононов, 2019]. Таким образом, в обоих случаях комплексных находок этих шлемов их обладателями, вероятнее всего, были представители элиты северокавказских племен меотского круга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аханов А.А. Геленджикские подкурганые дольмены. *Советская археология*. 1961. № 1. С. 139–149 [Akhanov A.A. Gelendzhik Sub-Mound Dolmens. *Soviet Archaeology*. 1961. No. 1. Pp. 139–149 (in Russian)].

Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Наратан (по данным спектрального анализа). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. – II в. н.э.)*. Под. ред. М.П. Абрамовой, В.И. Козенковой. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 116–134 [Bartseva T.B. Chemical Composition of Non-Ferrous Metal from a Burial Mound Near the Village of Naratan (according to Spectral Analysis). *Archaeological Research on New Buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 2. Monuments of the Late Bronze Age and Early Iron Age (9th–7th centuries BC – 2nd century AD)*. Eds. M.P. Abramova, V.I. Kozenkova. Nalchik: Elbrus, 1985. Pp. 116–134 (in Russian)].

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов. *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. – II в. н.э.)*. Под ред. М.П. Абрамовой, В.И. Козенковой. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115 [Batchaev V.M. Antiquities of the Pre-Scythian and Scythian Periods. *Archaeological Research on New Buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 2. Monuments of the Late Bronze Age and Early Iron Age (9th–7th Centuries BC – 2nd Century AD)*. Eds. M.P. Abramova, V.I. Kozenkova. Nalchik: Elbrus, 1985. Pp. 7–115 (in Russian)].

«Возвращенные шедевры». Выставка. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына [“Returned Masterpieces”. Exhibition. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum] <https://felicina.ru/expositions/vystavka-vozvrashhennyye-shedevry/> (accessed: 26.02.2021).

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. М.: Наука, 1977 [Galanina L.K. *Scythian Antiquities of the Dnieper Region. Hermitage Collection of N.E. Brandenburg*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). *Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения*. Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. С. 169–183 [Galanina L.K. Helmets of the Kuban Type (Questions of Chronology and Origin). *Cultural Heritage of the East. Problems, Searches, Judgments*. Ed. Yu.V. Bromley. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1985. Pp. 169–183 (in Russian)].

Госкаталог.РФ. Министерство культуры Российской Федерации. Шлем бронзовый, № 24270448 [Goskatalog.ru. The Ministry of Culture of Russia. Bronze Helmet, No. 24270448] <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24412630> (accessed: 24.04.2021).

Иессен А.А. Клад из селения Лухвано в Грузии. *Сообщения Государственного Эрмитажа*. 1962. Вып. XXII. С. 44–46 [Issen A.A. A Treasure from the Village of Lukhvano in Georgia. *Communication of The State Hermitage*. 1962. No. 22. Pp. 44–46 (in Russian)].

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна реки Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975 [Ilyinskaya V.A. *Early Scythian Burial Mounds of the Tyasmin River Basin (7th–6th Centuries BC)*. Kiev: Naukova Dumka, 1975 (in Russian)].

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. (Орудия труда, украшения предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. Свод археологических источников. Вып. В2–5. Т. 5 М.: ИА РАН, 1998 [Kozenkova V.I. *The Material Basis of the Life of the Koban Tribes. (Tools, Ornaments, Objects of Cult, Pottery: Systematization and Chronology). Western Variant*. The Collection of Archaeological Sources. Iss. B2–5. Vol. 5. Moscow: IA RAS, 1998 (in Russian)].

Кононов В.Ю. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок на памятнике археологии «Остатки мегалитической гробницы “Криница-1”», расположенного в зоне планируемого производства строительных работ по титулу «Объект туристического показа – Винодельческое подворье “Старый Прованс”» в районе г-к. Геленджик, с. Криница, Краснодарского края. Ростов-на-Дону, 2019. Архив ИА РАН, Р-1 [Kononov V.Yu. *Report on the Carrying Out of the Rescue Archaeological Excavations at the Archaeological Site “Remains of the Megalithic Tomb “Krinitisa-1”” Located in the Area of the Planned Construction Work under the Title “Object of the Tourist Display – Winery “Old Provence”” near Gelendzhik, Village Krinitisa, Krasnodar Region*. Rostov-on-Don, 2019. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Р-1 (in Russian)].

Кононов В.Ю. Предварительные итоги исследования мегалитической гробницы «Криница-1». *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. Материалы международной научной конференции «XXXI Крупновские чтения»*. Под ред. М.С. Гаджиева. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 236–238 [Kononov V.Yu. Preliminary Results of the Study of the Megalithic Tomb “Krinitisa-1”. *Archaeological Heritage of the Caucasus: Topical Issues of Study and Preservation. Materials*

of the International Scientific Conference “XXXI Krupnov Lectures”. Ed. M.S. Gadzhiev. Makhachkala: Mavraev, 2020. Pp. 236–238 (in Russian)].

Маслов В.Е., Гей А.Н., Андреева М.В. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV). *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 293–330 [Maslov V.E., Gey A.N., Andreeva M.V. Early Scythian Barrow in Adygea (Burial Ground Dysh IV). *Stratum Plus*. 2020. No. 3. Pp. 293–330 (in Russian)].

Махортых С.В. Раннескифские псалли Северного Кавказа. *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 274–277 [Makhortyk S.V. Early Scythian Cheekpieces of the North Caucasus. *Sixth International Kuban Archaeological Conference: Conference Proceedings*. Ed. I.I. Marchenko. Krasnodar: Ekoinvest, 2013. Pp. 274–277 (in Russian)].

Махортых С.В. Конское снаряжение раннескифского времени на юге Восточной Европы. *Археологія і давня історія України*. 2015. Вип. 2 (15). С. 103–114 [Makhortyk S.V. Horse Equipment of the Early Scythian Time in the South of Eastern Europe. *Archeology and Old History of Ukraine*. 2015. Iss. 2 (15). Pp. 103–114 (in Russian)].

Могилов О.Д. *Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам’янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008 [Mogilov O.D. *The Horse Equipment of Scythian Time from the Forest-Step Territory of Eastern Ukraine*. Kiev; Kam’yanets-Podilskiy: IA NAS of Ukraine, 2008 (in Ukrainian)].

Панцхава Л.Н. *Памятники художественного ремесла колхидской культуры*. Тбилиси: Мецниереба, 1988 (на грузинском языке) [Pantskhava L.N. *Monuments of the Artistic Handicraft of the Colchian Culture*. Tbilisi: Metsniereba, 1988 (in Georgian)].

Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями*. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1997. [Pogrebova M.N., Raevsky D.S. *Transcaucasian Bronze Belts with Engraved Images*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1997 (in Russian)].

Равич И.Г. Эталонные микроструктуры оловянной бронзы. *Художественное наследие: хранение, исследование и реставрация*. Вып. 8 (38). М.: ВНИИР, 1983. С. 136–143 [Ravich I.G. Standards of Tin Bronze Microstructures. *Art Heritage*. Vol. 8 (38). Moscow: VNIIR, 1983. Pp. 136–143 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин. *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Под. ред. С.С. Бессоновой. Киев; Полтава: ИА НАН Украины, 2009. С. 351–354 [Ryabkova T.V. Bronze Vessel from Mound 524 near the Village Zhabotin. *Early Iron Age. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 60th Anniversary of S.A. Scory*. Ed. S.S. Bessonova. Kiev; Poltava: IA NAS of Ukraine, 2009. Pp. 351–354 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Российский археологический ежегодник*. 2014. С. 236–296 [Ryabkova T.V. Kurgan 524 near the Village Zhabotin in the System of Monuments of the Scythian Archaic Period. *Russian Archaeological Yearbook*. 2014. Pp. 236–296 (in Russian)].

Скаков А.Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров. *Древности Евразии*. Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 1997. С. 70–87 [Skakov A.Yu. On the Question of the Evolution of the Decor of the Kobano-Colchis Bronze Axes. *Antiquities of Eurasia*. Eds. S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev. Moscow: State Historical Museum, 1997. Pp. 70–87 (in Russian)].

Техов Б.В. *Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли)*. Владикавказ; Цхинвал: Издательство Владикавказского научного центра, 2001 [Tekhov B.V. *Graphic Art of the Population of the Central Caucasus at the End of the 2nd and the First Half of the 1st Millennium BC (on Bronze Belts from Tli)*. Vladikavkaz; Tskhinval: Publishing House of the Vladikavkaz Scientific Center, 2001 (in Russian)].

Техов Б.В. *Тайны древних погребений*. Владикавказ: Проект-пресс, 2002 [Tekhov B.V. *Secrets of Ancient Burials*. Vladikavkaz: Project-press, 2002 (in Russian)].

Топал Д.А. Акинakes келермесского типа с территории Республики Молдова. *Археология ранних кочевников Евразии*. Под ред. В.Н. Мышкина. Самара: «Книжное Издательство», 2018. С. 7–19.

[Topal D.A. Akinaki of the Kelermes Type from the Territory of the Republic of Moldova. *Archaeology of the Early Nomads of Eurasia*. Ed. V.N. Myshkin. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, 2018. Pp. 7–19 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время*. Автореф. дисс. на соиск. научн. ст. канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1992 [Erlikh V.R. *Armament and Horse Equipment in the Culture of the Population of Trans-Kuban Region in the Scythian Time*. Abstract of Thesis Cand. Ist. Sciences. Moscow: IA RAS, 1992 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. М.: Наука, 2007 [Erlikh V.R. *Northwestern Caucasus at the Beginning of the Iron Age: a Proto-Meotian Group*. Moscow: Nauka, 2007 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *Бронзовые ситилы из элитных погребений Кавказа как пример внутрикавказской коммуникации (к вопросу о центре производства и верхней дате бытования). Боспорский феномен: население, языки, контакты*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 505–514 [Erlikh V.R. *Bronze Situlas from Elite Burials of the Caucasus as an Example of Intra-Caucasian Communication (on the Question of the Center of Production and the Upper Date of Existence). Bosporan Phenomenon: Population, Languages, Contacts*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2011. Pp. 505–514 (in Russian)].

Эрлих В.Р. Святилища в меотской культуре. В кн.: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. *Меоты Закубанья в IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. М.: Государственный Музей Востока, 2013. С. 72–89 [Erlikh V.R. *Sanctuaries in the Meotian Culture*. In the Book: Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R. *Meotians of Trans-Kuban Region in the 4th–3rd centuries BC. Necropolis near the Village of Ulyap. Sanctuaries and Ritual Complexes*. Moscow: The State Museum of Oriental Art a, 2013. Pp. 72–89 (in Russian)].

Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения. *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Т. 2. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, 2015. С. 44–57 [Erlikh V.R. *Horse Equipment and Weapons. Ulsky Burial Mounds. A Cult-Burial Complex of the Scythian Time in the North Caucasus. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Vol. 2. Moscow – Berlin – Bordeaux: Paleograf, 2015. Pp. 44–57 (in Russian)].

Эрлих В.Р., Джопуа А.И. Об одном типе шлемов из Центральной Абхазии. *Российская археология*. 2008. № 2. С. 49–53 [Erlikh V.R., Dzhopua A.I. *About One Type of Helmets from Central Abkhazia. Russian Archaeology*. 2008. No. 2. Pp. 49–53 (in Russian)].

Maxaradze G., Tsereteli M. *Sairkhe*. Tbilisi: Shalva Amiranishvili Museum of Art, 2007 (in Georgian with English abstract)].

Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York: Harry N. Abrams Inc. Publ., 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭРЛИХ Владимир Роальдович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва, Россия.

Vladimir R. ERLIKH, Dr.Sc (History)
Main Research Fellow, State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080017553-5

ТИПЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
В ЦАРСКИХ ПИСЬМАХ¹

© 2021

И.Н. КОРОВЧИНСКИЙ^a, Н.А. МАККАВЕЕВ^b^a – Московский государственный областной университет
ORCID: 0000-0003-2179-7330; korin3@yandex.ru^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5356-6807; nikolay1535@mail.ru

Резюме: Письма-распоряжения царей из династий Селевкидов и Атталидов содержат важные сведения о военных поселениях эпохи эллинизма. К ним относятся письмо Антиоха III из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (XII. 148–153), а также три эпиграфических документа: «надпись Икадиона» с о. Файлака (совр. Кувейт, сер. III – начало II в. до н. э.), письмо Антиоха V из Ямнии (Палестина, 163 г. до н. э.) и Евмена II из «деревни кардаков» (около Тельмесса в Ликии, 181 г. до н. э.). Сопоставление этих четырех документов позволяет выдвинуть гипотезу о существовании в эллинистическом мире двух типов военных поселений: 1) поселений несущих постоянную службу профессиональных воинов с семьями; 2) военизированных поселений, жители которых занимались преимущественно сельскохозяйственным трудом, но при этом выполняли и военные задачи (например, по охране крепостей). В связи с этим они могли, как и «настоящие» поселенцы, полностью или частично освободиться от налогов и получать иные льготы. Второй тип поселений, вероятно, следует трактовать как общины, чьи ополчения цари могли использовать в своей военной политике наряду с профессиональной армией.

Ключевые слова: эллинизм, царство Селевкидов, Пергамское царство, военные поселенцы, Файлака, Ямния, Ликия, кардаки.

Для цитирования: Коровчинский И.Н., Маккавеев Н.А. Типы эллинистических военных поселений в царских письмах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017553-5

TYPES OF HELLENISTIC MILITARY SETTLEMENTS IN ROYAL LETTERS

© 2021

Ivan N. KOROVCHINSKIY^a, Nikolai A. MAKKAVEEV^b^a – Moscow Region State University
ORCID: 0000-0003-2179-7330; korin3@yandex.ru^b – Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5356-6807; nikolay1535@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of information on the Hellenistic military settlements, which can be found in the extant letters of Seleucid and Attalid kings. We mean

¹ Посвящается памяти любимой и уважаемой Светланы Семеновны Соловьевой.

the letter of Antiochus III preserved by Flavius Josephus in his Judean Antiquities, and three letters extant as inscriptions on stone: 'Ikadion's inscription' from the island of Failaka in the Arabian Gulf (Kuwait, middle of the 3rd – early 2nd centuries BC), Antiochus V's letter from Jamnia-on-the-Sea (Palestine, 163 BC) and Eumenes II's letter from Kardakon Kome (Lycia, 181 BC). The material of the letters allows to conclude, that there were at least two different types of aforementioned settlements: 1) military settlements in proper sense, inhabited by warriors, whose duty was permanent military service, and members of their families; 2) specific settlements where people generally lived peaceful lives being engaged mostly in agriculture, cults of local sanctuaries etc., but also in some military activities like defense of fortresses. Both types could be protected by the kings in the form of partial or full tax exemption, land grants etc., although the second type got less royal attention of that kind than the first one. The existence of the second type can be explained by the fact that the oldest type of army, quite actual in the ancient world, was militia of a community. Thence the second type of settlements can be nothing else than communities, whose militias were used by the Hellenistic kings in their military activities alongside the professional army.

Keywords: Hellenism, Seleucid kingdom, kingdom of Pergamon, military settlers, Failaka, Jamnia-on-the-Sea, Lycia, Cardaces.

For citation: Korovchinskiy I.N., Makkaveev N.A. Types of Hellenistic Military Settlements in Royal Letters. *Vostok (Oriens)* 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017553-5

ВВЕДЕНИЕ

Выбитые в камне письма царей или передающих царские приказы чиновников – один важнейших источников по истории эллинистических военных поселений. Мы хотим поделиться некоторыми наблюдениями, которые появились у нас при изучении этих документов, хотя в связи с ограниченным объемом статьи не претендуем на исчерпывающий охват материала, а оригинальный греческий текст приводим только для двух писем из четырех, поскольку для двух других он легко доступен в интернете.

ПИСЬМО АНТИОХА III ЗЕВКСИДУ

Для начала обратимся к известному письму Антиоха III (между 212 и 205 г. до н.э. [Cohen, 1995, p. 212]) из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (XII. 148–153). Мы перевели письмо заново с учетом имеющихся интерпретаций², поскольку единственный полный русский перевод «Иудейских древностей» выполнен Г.Г. Генкелем еще до революции и во многом устарел.

«Царь Антиох приветствует Зевксиду, отца своего³. Если ты здоров, хорошо, и я здоров. Узнав, что в Лидии и Фригии замышляется большой мятеж, я решил, что это представляет для меня угрозу⁴, и, посоветовавшись с друзьями⁵ о том, что следует сделать, постановил переселить в крепости и самые важные места две тысячи семей иудеев из Месопотамии

² См. в особенности [Cohen, 1978, p. 5–9]. Греческий текст: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0145%3Abook%3D12%3Awhiston+chapter%3D3%3Awhiston+section%3D4>

³ В данном случае «отец» – это придворный титул [Бикерман, 1985, с. 43].

⁴ τοῦτό μοι δέσσει. Ср. в словаре Лидделла – Скотта: τὸ δέσειν – the point threatened (s. v. δέω (B)).

⁵ Имеется в виду знаменитый институт «друзей» царя в державе Селевкидов [Бикерман, 1985, с. 41–42; Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 133].

и Вавилонии⁶ с их снаряжением. Я убежден, что они будут преданными стражами наших интересов по причине их благочестивого отношения к Богу, и знаю об их верности, засвидетельствованной моими предками, и об их усердии, из-за которого ими восхищаются. Поэтому я желаю, чтобы вышеназванные пользовались собственными законами, хотя это и трудно при переселении. После того как ты доставишь их в указанные места, ты дашь каждому из них место для строительства жилья и землю под поле и виноградник, освободишь их от налогов на урожай на десять лет. До тех пор, пока они не начнут получать урожаи, пусть им отмеряют зерно на прокормление тех, кто им служит. И пусть тем из них, кто отбывает военную службу, дадут достаточно, чтобы по причине исходящих от нас благодеяний они выказали себя более преданными нашим интересам. По возможности прояви попечение и о том, чтобы этот народ ни от кого не терпел обиды⁷.

Нетрудно заметить, что в данном письме описываются военные поселения в собственном смысле слова. Прямым текстом сказано, что две тысячи семей селятся в крепостях (φρούρια)⁸ и стратегически важных местах, получают землю. При этом мужчины боеспособного возраста несут военную службу (χρεία)⁹. Цель всего этого также чисто военная – предотвращение восстаний в Лидии и Фригии против власти Селевкидов.

НАДПИСЬ С ФАЙЛАКИ

Теперь рассмотрим другое письмо, на этот раз выбитое в камне и найденное археологами на о. Файлака (античное название – Икарос) в Персидском заливе (ныне Кувейт). На этом острове были открыты археологические памятники разного времени, в том числе эллинистическая крепость¹⁰.

На острове обнаружены греческие надписи: шесть коротких и одна длинная. Нас интересует последняя, текст которой выглядит следующим образом¹¹:

⁶ Под Месопотамией и Вавилонией здесь, судя по всему, понимаются Северное и Южное Междуречье.

⁷ Перевод И.Н. Коровчинского. Подлинность данного письма неоднократно оспаривалась. И все же мы согласны с Г. Козном, что оно как минимум «показывает обычную процедуру, которой следовали Селевкиды при основании колонии» [Cohen, 1978, p. 6]. Зевксид – крупный военачальник эпохи Антиоха III (о нем см.: [Olshausen, 1972; Grainger, 1997, p. 122–123]), а в более поздний период известна катойкия иудеев во фригийском Гиераполе близ совр. Памуккале [Humann et al., 1898, S. 138, Nr. 212]. Есть гипотеза, что истинным автором письма мог быть сын и соправитель монарха Антиох Младший, т.к. последний всегда писал о себе в единственном числе, подчеркивая тем самым свой подлинный статус по отношению к Антиоху III; кроме того, называть Зевксида «отцом» мог только младший по возрасту (историографию вопроса см.: [Берзон, 2015, с. 56, примеч. 20, с. 57, примеч. 25]).

⁸ Г. Козн переводит φρούρια в письме Зевксиду как garrisons, но далее уточняет, что могут иметься в виду и fortresses [Cohen, 1978, p. 6, 9; 1995, p. 212]. Словарь Лидделла – Скотта дает для φρούριον первым значение fort, а garrison лишь четвертым с уточнением of a place. Согласно толковому словарю английского языка Мерриам – Уэбстера, слово garrison имеет следующие значения, связанные с местами: military post, permanent military installation (военный пост, военная позиция, постоянное военное сооружение). На наш взгляд, не очень ясно, о каких военных постах и позициях мог бы вести речь Антиох III в мирное время, а под постоянными военными сооружениями в данном контексте он с наибольшей вероятностью должен был бы понимать те же крепости.

⁹ См.: [Cohen, 1978, p. 8–9]. Землю, судя по всему, должны были обрабатывать упомянутые в письме «те, кто им служат» (φεράοντες). Г. Козн и А.С. Балахванцев считают, что это были рабы [Cohen, 1978, p. 24; Балахванцев, 2017, с. 52–53], Р. Биллоуз – что λαοί (зависимые крестьяне) [Billows, 1995, p. 170]. А.С. Балахванцев полагает, что у крестьян были бы свои хозяйства, а потому царю незачем было выдавать им зерно. Ср., однако, с практикой выдачи государством зерна египетским λαοί βασιλικοί [Свенцицкая, 1989, с. 306]. Данный вопрос представляется дискуссионным и требующим дальнейшего исследования.

¹⁰ Подробнее: [Маккавеев, 2011, с. 42–60; Callot, 1989; Gelin, 2016; Hannestad, 2020].

¹¹ Ἀνάχαρ[χος τοῖς ἐ]ν Ἰκά[ρῳ] οἰκηταῖς χαίρειν
τῆς ἐπιστ[ολῆς, ἣν ἔγραψ]εν ἡμῖν Ἰκαδίων,
ὁ πολεμ[γράφειν] ἡμῖν τὸ ἀν[τι]φ[αν]ήν

Анаксар[х] приветствует жителей острова Ика[роса] | Внизу мы написали для вас копию, | того пись[ма, которое перед]ал нам Икадио[н]. | Чтобы [вы точно знали содержание] письма, || вырежь[те его на стеле и] поместите | в святилище. ... 27 артемисия... Будьте здоровы! |

Икадион приветствует Анаксарха. | Царь заботится об острове Икаросе | так как его предки [неприкосновенность этого острова] || [свято почитали] и храм Спасительницы намеревались | переместить, они предписали ответственным | чиновникам переместить, а те [тогда] | не переместили: или из-за того, что [это] было для них невозможно, | или по какой-то иной причине. || Мы же, когда царь написал нам, | [...] переместили и [затем] | мы учредили [...] гимнастический агон | и [...] стара[емся выпол]нить [волю цар]я и || его пред[ков]. И в отношении | живущих на острове неокоров¹², и в отношении | остальных (жителей). [...] Спасителя | и [Бога]..... на этом острове посе[л]ить вместе [...] Чтобы не

- ὡς ἂν [σαφῶς εἰδῇτε] τ[ὴν ἐ]πιστολὴν,
5 ἀναγράψα[τε ἐν στήλῃ, ταύτ]ην δὲ τίθετε
ἐν τῷ ἱερῷ[ι Ἀρ]τεμῖσιου [κ]ζ'. ἔρρωσθε

- Ἰκαδίων Ἀναξάρχῳ χαίρειν· σπεύδει
ὁ βασιλεὺς περὶ Ἰκάρου τῆς νήσου,
διὰ τὸ καὶ τοὺς προγόνους αὐτοῦ [ἄστυλον]
ἱερῶσαι καὶ τὸ τῇ <Σ>ωτείας ἱερὸν ἐ[πι]βαλέ[σ]-
θαι μεταγαγεῖν. κ[α]ὶ ἔγραψαν τοῖς ἐπὶ τῶν
πραγμάτων τ[α]σσομένοις μεταγαγεῖν·
ἐκεῖνοι δέ, εἴτ[ε] δὴ δι[ὰ] τὸ μὴ ἐκποιῆσαι
αὐτοὺς, εἴτ[ε] δι[ὰ] τὸ ἡνδ[ι]ήπο[ι]τ' οὖν αἰτίαν,
15 [ο]ὐ μετήγαγο[ν]. ἡμῖν δὲ γράψ[α]ντος τοῦ
βασιλέως [.] μετ[η]γάγομεν· καὶ
κατεστήσαμε[ν] [.] Σ ἀγῶνα γυ-
μνικόν καὶ [. . . σπε]ύδομεν διεξαγα-
[γε]ῖν κατὰ τ[ὴν] τοῦ βασι]λέως αἴρεσιν καὶ
20 τῶν προ[γόνων] αὐτοῦ. καὶ περὶ τῶν ἐν τῇ
νήσῳ κατ[οικ]οῦντων νεωκόρων τε καὶ τῶν
ἄλλων ἐπὶ τοῦ Σωτήρος
καὶ τοῦ [θ]εοῦ ----- Σ τῆς νήσου συν-
οικισθῆναι ----- ἸΟΣ τούτου μὴ προσ-
25 πορεύεσθαι ----- Ν τρόπῳ μηδενὶ
ἄλλ' ἐᾶν ----- ΑΣ. ἐπιμελὲς ---
οὖν σοὶ γέ[νοιτο ἵνα] τ[ὸν] τ[ε] δικαίων τ[υ]γχάνωσι
ἄνθρωπο[ι] μὴδ' ὑπὸ μ[η]δ[ε]γνῶ[ς] ἀδικ[ῶ]νται μὴδὲ
μετ[ά]γων[ται] καὶ ἐά[ν] τινες τούτων βούλωνται
30 ἐξ[ιδ]ιάσασθαι ἐν τῇ [ν]ήσῳ [ι] χώραν, παράδει-
[ξον αὐτοῖς γῆν ἥν] ἐξεργασάμενοι καὶ φυτεύ-
[σαντες ἔξουσιν] εἰ[ς] τὸ πατρικόν. ὑπαρχέτω
[δὲ αὐτοῖς καὶ ἡ] ἀτέλεια, καθ' ὅτι οἱ πρόγον-
[οι τοῦ βασιλέ]ως ἐπεχώρησαν αὐτοῖς[ς]
35 [] ε[ἰ] . . . τῇ νήσῳ ἐξάγουσι· εἰς δὲ
[-----] α βίαν μὴ ἐπίτρεπε μὴ-
[δενὶ -----] μὴδ' ἄλλο μὴθέν· εἰ
[δὲ] τ[ὸν] ἐπιβαλλόντων
[.] φλῖαι, ἵνα μὴ συμβῇ
40 [.] τίας ἐμπίπτειν
[.] οὖν τὴν ἐπιστολὴν
[.] ἀναγρ[άψαντας ἐν τῷ ἱερῷ
[.] . vacat . . [Ἀρ]τεμῖσιου ζ'. ἔρρωσο [Merkelbach, Stauber, 2005, S. 126–128, Nr. 604].

¹² Младшие жрецы, прислуживающие в храме (см.: [Ленская, 2011]).

|| домогаться никоим образом, | ... забота | пусть у тебя будет, чтобы у людей были их права, | [чтобы] люди ни от кого не претерпевали несправедливостей и не | подверга[лись] переселению; если же] некоторые из них желают || [иметь] на острове [свою] землю, | [предоставь им землю, которую,] обработав и заса[див растениями, они будут иметь] в наследственном пользовании¹³. Пусть | будет предоставлена [им также] свобода от налогов, которую еще пред[ки царя] предоставили им || [...] на остров отправляются; | [...] не дозволяя | [никому...] ничего другого; если | [...] из вторгающихся(?) | [...]олии, чтобы не пришлось ... || [...] очутиться(?) | [...] это письмо | [...] выре]зав в святилище | 17 артемисия... Будь здоров!¹⁴

Буквы, обозначающие год, сохранились плохо, однако по сочетанию палеографических данных с историческим контекстом лучше всего подходят 71, 73 и 74 годы селевкидской эры, т.е. 241–239 гг. до н.э. Как раз на это время пришелся краткий период мира, когда у царя Селевка II Каллиника была возможность заниматься второстепенными делами, унаследованными от предков¹⁵. Менее правдоподобной представляется датировка надписи царствованием Антиоха III, основанная на сопоставлении с данными нарративных источников о завоевательной политике этого царя в регионе Персидского залива и с подогнанной под них натянутой интерпретацией палеографических данных¹⁶. Вельможа Икадион по нарративным источникам также известен именно для времени Селевка II. Вероятно, он возглавлял сатрапию, к которой относилась Файлака, Анаксарх же был представителем более низкого административного звена¹⁷.

Хотя письмо написано и не царем, оно явно передает именно царские распоряжения, как и письмо Антиоха III из «Иудейских древностей». Поэтому его также можно, хотя и с долей условности, отнести к царским письмам.

Легко заметить, что ни одно из перечисленных в надписи мероприятий не относится к военному делу, которое, как и крепость, в сохранившихся частях текста вообще не упоминается. Даже адресовано письмо не военным колонистам (катоикам или клерухам), а просто

¹³ Именно такая трактовка выражения εἰς τὸ πατρικόν наиболее популярна в литературе, хотя есть и другая, по которой оно означает наследственную частную собственность (см.: [Aperghis, 2004, p. 104, n. 45]).

¹⁴ Перевод Н.А. Маккавеева. Поскольку надпись сильно разрушена и разными исследователями восстанавливается по-разному, то в настоящей статье мы намеренно использовали её восстановление с многочисленными пропусками: так больше шансов, что мы имеем дело с оригиналом, а не с реконструкцией. Хотя и здесь не все точно: в разных изданиях одни и те же буквы даются то в квадратных скобках как восстановленные, то без скобок как хорошо сохранившиеся. Несколько иное восстановление выложено на epigraphy.packhum.org [Canali De Rossi, 2004, Nr. 421–422].

¹⁵ В 241 г. до н.э. закончилась «Третья Сирийская война», а в 239 г. до н.э. разразилась междоусобная война между Селевком и его младшим братом Антиохом Гиераксом [Jeppesen, 1960, p. 196]. В издании Меркельбаха и Штаубера год отсутствует. Очевидно, это связано с тем, что надпись сильно пострадала во время иракской оккупации Файлаки в 1990–1991 гг. Тем не менее эти авторы согласились с предложенной еще первым издателем надписи К. Еппесеном датировкой временем Селевка II [Jeppesen, 1960; 1989, p. 83].

¹⁶ Впервые такая датировка была предложена Ш. Руше и С. Шервин-Уайт [Roueché, Sherwin-White, 1985] и затем поддержана работавшими на острове французскими исследователями (см.: [Callot, 1989; Gelin, 2016; Canali De Rossi, 2004, Nr. 421–422; Hannestad, 2020, p. 327]).

¹⁷ Подробнее см.: [Маккавеев, 2011, с. 109, 113–114]. П. Космин полагает, что Анаксарх был главой округа «Тилос и острова», однако этот последний упомянут лишь в надписи раннепарфянского периода [Kosmin, 2013, p. 62, 64], и нет уверенности в его существовании в III в. до н.э. Кроме того, странно смотрится такой кружной путь царского письма: с материка на Тилос (совр. Бахрейн), а с Бахрейна на Файлаку.

¹⁸ Недавно Л. Ханнестад привела ряд новых археологических данных в пользу датировки плиты с надписью эпохой Антиоха III, однако сама надпись ею при этом почти не анализировалась, другие письменные источники также не привлекались [Hannestad, 2020, p. 324–330]. В целом можно сказать, что вопрос о точной датировке надписи пока остается дискуссионным, но датировка в широких пределах сер. III – начала II в. до н.э. никем не оспаривается и вполне достаточна для нашего исследования.

«жителям Икароса» (ἐν Ἰκά[ρωι] οἰκῆται) и не содержит указаний на несение ими военной службы. На это обратил внимание Г. Коэн, высказав сомнение в том, что в данной надписи вообще идет речь о военном поселении [Cohen, 1978, p. 44]. Тем не менее, в другом месте он указывает на черты сходства между письмом Антиоха III Зевсиду и письмом Икадиона Анаксарху: там и там идет речь о предоставлении поселенцам земли и освобождении их от налогов [Cohen, 1978, p. 68]. В обоих письмах содержится предписание чиновнику защищать поселенцев от притеснений.

Таким образом, поселение на Файлаке во многом похоже на поселения иудеев в Лидии и Фригии, схожей была и политика царей по отношению к ним. И все же создается впечатление, что файлакская колония имела менее военизированный характер по сравнению с иудейскими¹⁸.

Заметно также отличие в наделении земель иудейских и файлакских колонистов. Если среди первых земля для обработки должна была быть предоставлена каждому (ἐκάστῳ), то среди вторых только желающим (ἐὰν τις τινος τοῦτων βούλωνται). Селевкиды как будто бы меньше были заинтересованы в обеспечении земель колонистов на Файлаке, чем в обеспечении ею иудейских поселенцев. Разумеется, во втором случае речь идет о создании новых поселений, а в первом – об уже существующем, часть жителей которого на момент составления письма уже могла иметь свою землю¹⁹. Но почему тогда царь не приказал бы обеспечить земель всех безземельных, а не только желающих? Причина, видимо, в том, что пригодной для обработки земли на Файлаке на всех бы не хватило [Маккаев, 2015]; обитатели же крепости, судя по находкам, были рыбаками и земледелием не занимались (см.: [Gachet, 1990, p. 189–190]). Но в надписи о рыболовстве вообще нет речи. Общее впечатление того, что царь не стремился обеспечить источником пропитания каждого поселенца Файлаки, остается, и может быть объяснено только тем, что они в целом обеспечивали себя сами, а царь им только помогал.

НАДПИСЬ ИЗ ЯМНИИ

Следующая надпись, на которую мы хотим обратить внимание, была найдена в 1986 г. на территории Ямнии, древнего портового города рядом с современным израильским городом Явне южнее Тель-Авива. Она датируется 163 г. до н.э. и представляет собой письмо Антиоха V к чиновнику по имени Несс, написанное в связи с прошением, поданным царю группой людей, названных «сидонянами, (живущими) в гавани Ямнии»²⁰. Письмо включает также копию самой петиции. К сожалению, данная надпись дошла в еще более фрагментированном виде, чем файлакская, однако можно прочесть следующий текст [Isaac, 1991, p. 133]²¹:

¹⁸ В литературе популярна идея, что колония на Файлаке была типичным военным поселением – *катойкией*. Эту же идею отстаивал в своей диссертации один из авторов настоящей статьи; но позднее он подверг её сомнению на том основании, что на острове не хватило бы плодородной земли, чтобы обеспечить полноценными наделами всех воинов гарнизона [Маккаев, 2011; 2015].

¹⁹ По мнению, С. Шервин-Уайт и А. Курт, упоминание о наделении земель в письме Икадиона может говорить о том, что ранее либо никто из островитян не владел землей, либо ею были наделены только пришлые колонисты, а не местное население [Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 176]. На наш взгляд, очевидно только то, что на момент составления письма не все жители Файлаки владели землей, однако при этом на острове оставался свободный земельный фонд. Более конкретную информацию источник не дает.

²⁰ Реконструкция [τῶν ἐν τῷ τῆς Ἰαμνίας λιμένι Σιδωνίων] выполнена Б. Исааком по аналогии с цитируемой Иосифом Флавием (*Ios. Flav. Ant. Jud. XII. 258*) петицией «сидонян, живущих в Сихеме» (τῶν ἐν Σικίμοις Σιδωνίων), адресованной Антиоху IV [Isaac, 1991, p. 136–137].

²¹ [Βασιλεὺς Ἀντίοχος Νέσσωι χάριεν· παρὰ τῶν ἐν τῷ τῆς Ἰαμνίας λιμένι Σιδωνίων ἐδόθη τὸ κατακεχωρισμένον ὑπόμνημα. ἐπεὶ

[Царь Ан]тиох приветствует Несса. От [живущих в Ямнийской гавани сид]онян, было получено зарегистрирован[ное прошение...Посколь|ку...]|...и упомянутые свободны от уплаты налогов... | ...и они его благодеяниями [пусть пользуются. Прощай] | В 149 (году), месяце лое...

[Цар]ю Антиоху Евпатору прошение от [живущих в Ямнийской гав]ани сидонян. Многие услуги, оказан[ные...] | ...деду в корабельной служб[е...] | По причине [...] выполненных незамедлительно их по[хвалил...]| [...от]ца твоего возвеличенное в... (Перевод И.Н. Коровчинского).

Б. Исаак полагает, что эти сидоняне были этническими финикийцами, выходцами из Сидона, контролировавшего Ямнию еще во времена Ахеменидов [Isaac, 1991, p. 138–144]. Однако А. Берлин и П. Космин считают, что под «сидонянами» в данном случае следует понимать «финикизированных» евреев, представлявших себя перед царем «финикийцами» из-за «неблагонадежности» евреев в глазах Селевкидов начиная со времен Антиоха IV [Berlin, Kosmin, 2021, p. 61, n. 18]. Эта жившая в Ямнии группа людей (несомненно, представлявшая собой общину) напомнила царю о своей верной службе его деду (Антиоху III) и, по-видимому, также отцу (Антиоху IV) в морском деле. Результатом обращения стали освобождение от налогов и др. «благодеяния» (φιάνθρωπα) со стороны царя; интересно отметить употребление близкого понятия (φιάνθρωπία) в письме Антиоха III Зевксиду («по причине исходящих от нас благодеяний» – τῆς παρ’ ἡμῶν τυγχάνοντες φιάνθρωπίας); тогда как в сохранившейся части письма Икадиона такие слова отсутствуют.

Легко заметить сходство между ямнийской и файлакской надписями. Обе представляют собой выбитые на камне письма с распоряжениями царей относительно группы людей, обозначенных как жители определенного места (Икароса или гавани Ямнии). С другой стороны, прослеживается сходство и с письмом Антиоха III. Во-первых, оно состоит в указании этнонима или псевдоэтнонима поселенцев (сидоняне), как и в письме Антиоха III указана этническая принадлежность поселенцев (иудеи). Что еще более важно, «сидоняне», согласно надписи, несут военную службу (χρεῖ[αν]), на этот раз, в отличие от иудеев из письма Антиоха III, с уточнением «службу в военном флоте» (ναυτικὴν χρεῖ[αν])²². Отмечаются также особые заслуги «сидонцев из гавани Ямнии» перед отцом и дедом царя – так же, как Антиох III отмечает проявленные ранее иудеями особую верность и усердие.

В целом данное письмо ближе к письму Антиоха III, в чем можно видеть указание на то, что «сидоняне» также были «настоящими» военными поселенцами, несшими постоянную военную службу, только на сей раз не сухопутную, а морскую. С другой стороны, обозначение их как жителей определенного места сближает их с поселенцами Файлаки. Впрочем, плохая сохранность файлакской и особенно ямнийской надписей позволяет лишь с осторожностью делать выводы на основе их содержания.

4. δῆ...6..κ]αὶ οἱ δεδηλωμένοι εἰσὶν ἀτέλεις [...14...]
...δω]ς καὶ οὗτοι τῶν αὐτῶν φιάνθρωπων [ἀπολαύονται. ἔρρωστο]
vac. 26–7 θμρ' Λω[ῖου....]

Βασίλει]ι Αντιόχῳ Εὐπατόρι ὑπόμνημα παρὰ [τῶν ἐν τῷ τῆς Ἰαμ-]

8. [νίας λιμ]ένι Σιδωνίων· πολλὰς χρεῖας παρεῖσχη[ένων]

[...τῶ]ι πάπῳ ἐν τοῖς κατὰ τὴν ναυτικὴν χρεῖ[αν - -]

[- - τοῖς] ἐπιτασσομένοις ἀόκνως αὐτοὺς ἐπ[ήνεσε ...9...]

...7...τὸν πατ[έ]ρα σοῦ πρόαγον εἰς τοὺς καταγ[- -]

²² Но πολλάι χρεῖαι, упоминаемые строкой выше, несомненно, следует понимать как «многие услуги».

НАДПИСЬ КАРДАКОВ

Следующая надпись, о которой у нас пойдет речь, сохранилась полностью, что позволяет делать на ее основе гораздо более обоснованные выводы. Она связана, правда, уже не с державой Селевкидов, а с Пергамским царством. Мы имеем в виду так называемую надпись из деревни кардаков, найденную в Ликий, недалеко от Тельмесса (совр. Фетхие) и датируемую 181 г. до н.э.²³ Публиковавшиеся до настоящего времени ее переводы на русский язык [Свенцицкая, 1957, с. 96; Голубцова, 1972, с. 19] представляются нам значительно менее точными, чем английский перевод М. Остина [Austin, 2006, p. 146], с опорой на который мы перевели её заново:

«Царь Евмен Артемидору. Я прочел твои комментарии к записке, переданной живущими в деревне кардаков. Имею в виду следующее: в результате инспекции ты выяснил, что дела у них идут плохо из-за их личных участков, поскольку плоды садов и виноградников у них стали скудными, а земля утратила плодородие. Прикажи, чтобы они владели землей, которую купили у Птолемея²⁴ и за которую потом не заплатили, потому что большинство из них разорено (букв. «обессилено»), а деньги с них за это пусть не взыскиваются. Все же, поскольку им полагается уплачивать синтаксис в размере четырех родосских драхм и одного обола с каждого взрослого, а они из-за своих личных участков обеднели, и им это тяжело, пусть предписанное им к уплате за шестнадцатый год с них не взыскивается, а начиная с семнадцатого года с них взимают (на?) одну родосскую драхму и обол (меньше?). И всех, сколько бы ни они ни пригласили к себе извне²⁵, следует освободить от налогов на три года, а тех, кто раньше уехал из этого места, но теперь хочет вернуться – на два года. Пусть они заново отстроят свою крепостцу²⁶, чтобы иметь укрепления, причем все расходы

²³ Впервые: [Segre, 1938, p. 190]; этот же текст без изменений выложен на сайте <https://epigraphy.packhum.org/text/283175?hs=282-294>.

²⁴ Вероятнее всего, имеется в виду Птолемей, сын Лисимаха, правитель Тельмесса до его присоединения к Пергамскому царству (подробнее о нем см.: [Magie, 2017, p. 762–764]. Тельмесс и окрестности стали владением Пергама после Апамейского мира 188 г. до н.э. [Климов, 2010, с. 93].

²⁵ ὅσους ἂν ἐπεισάγονται ἐκ τῆς ὑπερῳρίας. Свенцицкая переводит: «в отношении всего, что они ввозят из чужой страны»; Голубцова: «Сколько бы они ни ввозили из чужой страны». Более обоснованной выглядит интерпретация Остина: ‘and for all those whom they (i.e. Cardaces) introduce from the outside’, поскольку она представляет лучшую параллель последующему тексту, в котором уже явно речь идет о людях, а не о товарах: τοὺς δὲ ἐκχωρήσασιν πρότερον ἐκ τοῦ τόπου, οὖν δὲ βουλομένοις] ἐπαγελθεῖν. Согласно словарю Лидделла – Скотта, ἐπεισάγω в медио-пассивном залоге означает introduce besides (ср. у Плутарха в биографии братьев Гракхов [Plut. Tib. Gracch. VIII. 9] упоминание того, как Тиберий Гракх, проезжая через Этрурию, видел τοὺς γεωργοῦντας ἢ νέμοντας οἰκέτας ἐπεισάκτους καὶ βαρβάρους – «что (там) пасут стада и обрабатывают землю заселенные туда рабы варварского происхождения»).

Слово ὑπερῳρία в античных текстах обычно означает «заграница», и так его предлагают понимать в данном случае не только русские переводчики, но и М. Остин в примечании к нему: ‘from outside the kingdom of Eumenes’. Однако, на наш взгляд, было бы странно, если бы Евмен II стремился заселить важную в стратегическом отношении деревню иностранцами (выходцами с территории потенциальных военных противников), а не собственными подданными. Согласно словарю Лидделла – Скотта, ὑπερῳρία может означать в т.ч. просто over the boundaries – «за пределами» (в нашем случае – деревни кардаков). Ср. у Аппиана в «Гражданских войнах» (App. B.C. IV. 7. 52): μένων δὲ τοῦτον ἐν Ῥώμῃ, καὶ τὰ ὑπερῳρία πάντα πολέμοις διὰ τίνδε τὴν στάσιν ἔδωκετο – «Пока эти события продолжались в Риме, за его пределами из-за этих же распри все сотрясилось войнами» (пер. И.Н. Коровчинского), после чего в качестве примеров называются эпизоды римских гражданских войн в Африке, Сирии и на Сицилии, т.е. в пределах Римской державы, а отнюдь не «за границей». Ясно, что в данном случае τὰ ὑπερῳρία означает просто находящееся за пределами Рима как города, а не территорию другого государства. Т.е. не исключено, что в надписи из деревни кардаков речь идет просто о приглашении в деревню людей, ранее с ней не связанных, но не обязательно выходцев из других государств.

²⁶ В оригинале πύργιον, что Свенцицкая переводит как «башенка», Голубцова – как «башня», Остин – как fort. Согласно словарю Лидделла – Скотта, πύργιον – это уменьшительное от πύργος, означающего в свою очередь

пусть возьмут на себя, кроме расходов на инженера (букв. мастера), которого я найму (*вариант*: ты должен нанять. – И.К.) сам²⁷. 17 год, четвертый день от конца (месяца) дня.

В царствование Антиоха, в месяце гиперберетее 119 года...²⁸». (Перевод И.Н. Коровчинского и Н.А. Маккавеева)

Так же, как и надпись из Ямнии, данная надпись представляет собой выбитое на камне письмо царя (Евмена II), адресованное чиновнику по имени Артемидор, и является ответом на петицию, поданную «живущими в деревне кардаков». Кардаки в державах Ахеменидов и Селевкидов представляли собой элитное подразделение иранской тяжеловооруженной пехоты, участвовавшее в т.ч. в сражениях при Иссе и Рафии. В литературе высказывается предположение о том, что кардаки были поселены в Ликии Антиохом III и именно о них идет речь в надписи [Maier, 1959, S. 249; Cohen, 1978, p. 15, 30; 1995, p. 330; Bosworth, 1980, p. 280; Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 68; Billows, 1995, p. 102²⁹; Magie, 2017, p. 1026]. Но О.Ю. Климов справедливо указывает на то, что в надписи речь идет не о кардаках как таковых, а о «живущих» в их деревне (οἱ κατοικοῦντες ἐν Καρδάκων κόμητι), и что они платят не те налоги, которые взимались в Пергамском царстве с военных поселенцев, а обычную подушную подать σύνταξις, взимавшуюся с крестьян [Климов, 2010, с. 189–190]. Сами же кардаки могли жить на месте этой деревни намного раньше, даже при Ахеменидах, и давно покинуть эти места, оставив после себя лишь название деревни.

Но едва ли можно согласиться с Б. Бар-Кохвой в том, что жители деревни кардаков были обычными λαοί, никак не связанными с военной службой [Bar-Kochva, 2008, p. 216–217]. Определенная связь с военным делом у них все же прослеживается, так как деревня имеет

как tower, так и city walls or ramparts with their towers. Значения fort этот словарь не дает. Нам представляется, что одна-единственная небольшая «башенка» едва ли могла служить достаточной защитой деревне и тем более представлять интерес для царя. Более правильной нам представляется точка зрения Р. Биллоуза, полагающего, что речь идет об укреплениях, окружавших деревню кардаков [Billows, 1995, p. 166]. Естественно, что деревенские укрепления имели меньшие размеры, чем городские, отсюда уменьшительная форма.

²⁷ τεχνίτου δὲ μισθωθέντος αὐτοῦ. Свенцицкая перевела как «наняв архитектора», тем самым проигнорировав слово αὐτοῦ. Голубцова переводит: «а мастеров ты им найми», что противоречит единственному числу слова τεχνίτου. У Остина перевод полностью правомерный: ‘while I myself will pay for a skilled craftsman’. Слово αὐτός может означать как «я сам», так и «ты сам». М. Остин обосновывает правомерность своей интерпретации сообщением Полибия (Polyb. Hist. V. 89) об отправке Птолемеем III 100 архитекторов (οἰκοδόμους) в 227–226 гг. до н.э. в помощь пострадавшему от землетрясения Родосу. Однако Родос, как известно, в III в. до н.э. был независимым полисом, что весьма существенно отличает его от деревни кардаков. Отношения Египта с Родосом были частью внешней политики Птолемея, которая, естественно, находилась в руках самого царя. Было бы очень странно и попросту недипломатично, если бы Птолемей III переложил помощь Родосу на кого-либо из номархов. Напротив, отношения Евмена II с деревней кардаков – это часть его внутренней политики, в рамках которой ничто не мешало ему переложить финансирование строительства в деревнях на местные власти.

²⁸ Биллоуз [Billows, 1995, p. 169] также считает, что царь нанял инженера за свой счет и приводит в качестве аналогии упоминаемое Титом Ливием (Ab urb. cond., XXXIII. 38. 12) восстановление Антиохом III Лисимахии Фракийской. Однако, во-первых, Тит Ливий не указывает, за чей счет происходило это восстановление. Во-вторых, поскольку оно происходило сразу же после завоевания Антиохом Лисимахии и при личном присутствии царя, вероятность царского финансирования в этом случае выше, чем в случае с деревней, уже бывшей некоторое время под властью Пергама и общающейся с царем по переписке.

Поэтому вопрос о том, финансировал Евмен II найм инженера сам или возложил данное финансирование на Артемидора, остается открытым.

²⁹ Вторая дата – это начало более раннего документа, который был вырезан той же стеле и, судя по всему, тоже относился к деревне кардаков [Segre, 1938, p. 191]. 17 г. правления Евмена II – 181 г. до н.э. 119 г. по селевкидской эре – 192 г. до н.э., т.е. начало войны Антиоха III с Римом. Дий и гиперберетей – первый и последний месяцы македонского календаря, примерно октябрь и сентябрь.

²⁹ Р. Биллоуз даже утверждает в другом месте [Billows, 1995, p. 151, n. 18], что в рассматриваемой надписи упоминаются «офицеры и их подразделения, по-видимому, поселенные вместе», не ссылаясь при этом на какое-либо конкретное место в надписи. У нас это вызывает недоумение.

небольшие укрепления, которые Евмен II приказывает восстановить, при этом даже финансируя найм инженера – руководителя работ – из своей казны или казны наместника. Кроме того, для её жителей снижается налоговая ставка. А те, кто пожелают переселиться в нее извне или ранее из нее уехали, но пожелают вернуться, освобождаются от всех налогов (первые на три, а вторые на два года). Наконец, жителям разрешается не вносить плату за землю, купленную ими (по-видимому, в рассрочку) у местного династа, правившего Тельмессом и его окрестностями до присоединения к державе Атталидов.

Все перечисленные льготы (как и в случае с общиной из Ямнии) предоставлены в ответ на петицию жителей. Подобная щедрость со стороны царя, очевидно, объясняется необходимостью охранять подступы к Тельмессу, который был пограничным городом [Голубцова, 1972, с. 21]. В такой ситуации деревенские укрепления, оставленные ранее жившими в ней военными поселенцами – кардаками – приобретали значение для всего царства (именно поэтому их ремонт финансируется за казенный счет), а необходимость наличия при них достаточного контингента людей, способного выдержать оборону, диктовало как предоставление льгот имеющемуся в деревне населению, так и стимулирование притока нового.

Итак, перед нами вновь община, члены которой, с одной стороны, прямо обозначены в надписи как «жители» деревни (ср. с письмом Икадиона) и даже платят налог, которым облагались именно крестьяне, а не военные поселенцы, а с другой стороны, все же связаны с военной службой – это делает ее похожей на общину Файлаки.

Если сравнить «надпись кардаков» с письмом Антиоха III Зевксиду, то мы увидим в ней упоминание укреплений (ср. *τηρύιον* и *φρούρια*) и освобождения от налогов, но не увидим прямых упоминаний о военной службе и конкретной задаче, поставленной царем перед жителями деревни. В отличие от надписи с Файлаки, в «надписи кардаков» нет даже информации о предоставлении царем земли³⁰ – царь лишь позволяет не вносить плату за уже имеющуюся у жителей деревни землю, т.е. они обзавелись ею сами, а не получили от царя за службу. Тема освобождения от налогов тем не менее возникает и здесь, причем для вернувшихся и вновь прибывших речь идет даже о тотальном освобождении, т.е. более полном, чем то, которое предоставлено Антиохом III иудеям. Как видим, деревня кардаков сходна с «настоящими» военными поселениями, но все же ее военный характер менее выражен.

У Тита Ливия (XXXVII. 56. 4–5) упоминается, что римский сенат отдал Евмену II *castra Telmessium, praeter agrum, qui Ptolemaei Telmessii fuisset*. В русском переводе С.А. Иванова – «Лагерь тельмесцев, кроме земли, ранее принадлежавшей Птолемею Тельмесскому». Но остается непонятным, что такое «Лагерь тельмесцев». Более убедительно предположение, что *castra* здесь следует понимать как форму множественного числа [Gygaх, 2020, р. 233], тогда как форма единственного числа от этого слова – *castrum* означает, согласно словарю И.Х. Дворецкого, «укрепление, форт, небольшая крепость» (ср. *τηρύιον*). В эллинистический период *κόμαι* («деревни») в Ликии часто представляли собой автономные общины, которые вполне могли, судя по термину, употребленному Ливием, иметь и свои укрепления [Gygaх, 2020, р. 233]³¹. Рассматриваемая же деревня могла первоначально быть

³⁰ Неясно, на чем основано мнение Р. Биллоуза о наделении жителей деревни кардаков клерами [Billows, 1995, р. 152, 167]. В надписи не используется термин *κλήροι* – только *ἴδιοι* (собственные участки).

³¹ Интересно отметить, что и файлакская крепость в начальный период своего существования была слабой и предназначалась, возможно, не для размещения гарнизона, а как убежище на случай нападения. А Лоуренс причисляет её к типу так называемой деревенской фортификации (Country Fortification) и называет слабейшей из когда-либо найденных античных крепостей (the weakest fort yet discovered) [Lawrence, 1979, р. 179. Цит по: Potts, 1990, vol. 2, р. 195, n. 186].

укрепленным поселением пехотинцев-кардаков, служившим, видимо, для защиты одной из дорог на Тельмессе³², и лишь позднее ее укрепления перешли к местной ко́мн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами сопоставление информации из царских писем, связанных с военными поселениями, позволяет выдвинуть предположение о наличии в эллинистическом мире как минимум, двух различных типов военных колоний. Тип 1 – поселения профессиональных военных, состоявших на действительной службе, которая была их основным занятием (его примерами служат колонии иудеев из письма Антиоха III и, вероятно, община «сидонцев из гавани Ямнии»). Тип 2 – военизированные общины, занимавшиеся преимущественно мирным трудом, но все же имевшие отношение к военному делу, охраняя крепости. Примеры 2-го типа – община Файлаки и «деревня кардаков». Тем и другим общинам цари предоставляли землю и налоговые льготы, чтобы помочь им сохранить материальный достаток, вознаградить за службу, а также стимулировать приток в них новых людей. Тем не менее, по-видимому, только первый тип общин находился на полном царском обеспечении, а второй в целом обеспечивал себя сам, цари лишь оказывали дополнительную поддержку.

Судя по всему, 2-й тип представлял собой общины, отличные от полисов, ополчение которых тем не менее использовалось в военных целях, как и полисное. Примеры использования эллинистическими царями полисных ополчений в своих военных целях хорошо известны. Здесь, по-видимому, тот же случай, только связанный не с полисами.

Вероятно, дальнейшие исследования с привлечением дополнительных источников выявят новые примеры обоих типов поселений, и их характерные черты, а также роль в жизни эллинистического мира станут более ясными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Берзон Е.М. Антиох – наследник и соправитель великого царя Антиоха. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 2(48). С. 52–63 [Berzon E.M. Antiochus, the Heir and the Co-Ruler of the Great King Antiochus. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2015. No. 2(48). Pp. 52–63 (in Russian)].

Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. М.: Наука, 1985 [Bikerman E. *Institutions des Séleucides*. Moscow: Nauka, 1985 (Russian translation)].

Голубцова Е.С. *Сельская община Малой Азии. III в. до н.э. – III в. н.э.* М.: Наука, 1972 [Golubtsova E.S. *Rural Community in Asia Minor. 3rd c. BC – 3rd c. AD*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Климов О.Ю. *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.: Факультет искусств СПбГУ, 2010 [Klimov O.Yu. *The Kingdom of Pergamon: Political Institutions and History*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts; Nestor-Istoriia, 2010 (in Russian)].

Ленская В.С. Младший культовый персонал в Древней Греции. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 4. С. 322–336 [Lenskaya V.S. Junior Religious Staff in Ancient Greece. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2011. No. 4. Pp. 322–336 (in Russian)].

³² Точное место находки не зафиксировано. Надпись обнаружена итальянскими археологами в 1921 г. в Тельмессе, который тогда еще не был переименован в Фетхие и носил свое средневековое название Макри. Позднее левая её половина попала в музей Измира, а правая была отбита при неизвестных обстоятельствах [Segre, 1938, p. 181–183].

Маккавеев Н.А. *Регион Персидского залива в селевкидо-парфянское время*. (Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук). М., 2011 [Makkaveev N.A. *The Persian Gulf Region in the Seleucid-Parthian Time*. PhD Thesis. Moscow, 2011 (in Russian)].

Маккавеев Н.А. К вопросу о статусе селевкидской колонии на о. Файлака (Кувейт). *Восток (Oriens)*. 2015. № 5. С. 64–73 [Makkaveev N.A. A Note on the Status of the Seleucid Settlement in the Island of Failaka. *Vostok (Oriens)*. No. 5. Pp. 64–73 (in Russian)].

Свенцицкая И.С. Зависимое население на землях городов западной Малой Азии в эпоху эллинизма. *Вестник древней истории*. 1957. № 3. С. 91–103 [Sventsitskaya I.S. Dependent Population on the Lands of the Cities of Western Asia Minor in the Hellenistic Period. *Journal of Ancient History*. 1957. No. 3. Pp. 91–103 (in Russian)].

Свенцицкая И. С. Эллинистический Египет. *История древнего мира*. Т. 2. *Расцвет древних обществ*. М.: Наука, 1989. С. 303–316 [Sventsitskaya I.S. Hellenistic Egypt. *History of the Ancient World*. Vol. 2. *The Heyday of the Ancient Societies*. Pp. 303–316 (in Russian)].

Aperghis G.G. *The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2004.

Austin M. *The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest: A Selection of Ancient Sources in Translation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Bar-Kochva B. *The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Berlin A. M., Kosmin P. J. *The Middle Maccabees: Archaeology, History, and the Rise of the Hasmonean Kingdom*. Atlanta: SBL Press, 2021.

Billows R. *Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden – New York – Köln: Brill, 1995.

Bosworth A.B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Oxford: Clarendon Press, 1980.

Callot O. Failaka à l'époque hellénistique. L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Fahd T. (ed.). *Actes du Colloque de Strasbourg, 24–27 juin 1987*. Strasbourg: Brill, 1989. Pp. 127–141.

Canali De Rossi F. *Iscrizioni dello estremo oriente greco. Un repertorio*. Bonn: Habelt, 2004.

Cohen G. *The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1978.

Cohen G. *Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor*. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1995.

Gachet J. Un habitat du IIe s. av. J.-C. dans la forteresse de Failaka. *Failaka Fouilles Françaises 1986–1988*. Sous la direction de Y. Calvet et J. Gachet. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1990 (Travaux de la Maison de l'Orient, n° 18). Pp. 167–191 http://www.persee.fr/web/ouvrages/home/prescript/article/mom_0766-0510_1990_rpm_18_1_1762 (accessed: 13.11.2021).

Gelin M. De retour de mission... Failaka au Koweït (4). L'établissement hellénistique. Les Carnets de l'Ifpo. La recherche en train de se faire à l'Institut français du Proche-Orient (Hypotheses.org), 01 juillet 2016 (<https://ifpo.hypotheses.org/7321> accessed: 06.03.2019).

Grainger J.D. *A Seleucid Prosopography and Gazetteer*. Leiden – New York – Köln: Brill, 1997.

Gygax M.D. Defining Boundaries in the Treaty of Apamea. A Note on a New Edition of Livy's Fourth Decade. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 2020. Vol. 137. No. 1. Pp. 228–234. (<https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/zrgr-2020-0007/html> accessed: 26.10.2021).

Hannestad L. On the Periphery of the Seleucid Kingdom: Failaka Revisited. *New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics. Studies in Honor of Getzel M. Cohen*. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. Pp. 312–332.

- Humann C., Cichorius C., Judeich W., Winter F. (Hrsg.). *Altertümer von Hierapolis*. Berlin: Jahrbuch des kaiserlich deutschen Archäologischen Instituts. Vierter Ergänzungsheft (G. Reimer Verlag), 1898.
- Isaac B. A Seleucid Inscription from Jamnia-on-the-Sea: Antiochus V Eupator and the Sidonians. *Israel Exploration Journal*. 1991. Vol. 41. No. 1/3. Pp. 132–144.
- Jeppesen K. A Royal Message to Ikaros. The Hellenistic Temples of Failaka. *KUML*. 1960. Vol. 10. Pp. 187–198 (<https://tidsskrift.dk/kuml/article/view/103114/152164> accessed: 25.01.2019).
- Jeppesen K. *Danish Archaeological Investigations on Failaka, Kuwait. Ikaros: The Hellenistic Settlements*. Vol. 3: *The Sacred Enclosure in the Early Hellenistic Period: With an Appendix on Epigraphical Finds*. Aarhus: Aarhus University Press, 1989.
- Kosmin P. Rethinking the Hellenistic Gulf: The New Greek Inscription from Bahrain. *Journal of Hellenic Studies*. 2013. Vol. 133. Pp. 61–79.
- Lawrence A.W. *Greek Aims in Fortification*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1979.
- Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Vol. 2 (Notes): *To the End of the Third Century after Christ*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
- Maier F.G. *Griechische Mauerbauinschriften*. Teil 1. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1959.
- Merkelbach R., Stauber J. (Hrsgs.) *Jenseits des Euphrat. Griechische Inschriften. Ein epigraphisches Lesebuch*. München – Leipzig: K. G. Saur Verlag GmbH, 2005.
- Olshausen E. Zeuxis. *Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1972. Hbd. 19. Col. 381–385.
- Potts D.T. *The Arabian Gulf in Antiquity*. Vols. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Roueché C., Sherwin-White S.M. Some Aspects of the Seleucid Empire: The Greek Inscriptions from Failaka. *Chiron*. 1985. Vol. 15. Pp. 1–39.
- Segre M. Iscrizioni di Licia. *Clara Rhodos*. 1938. Vol. IX. Pp. 181–208. (<https://www.culture.gr/el/service/SitePages/view.aspx?iID=2157> accessed: 25.01.2019).
- Sherwin-White S., Kuhrt A. *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1993.
- <https://epigraphy.packhum.org/text/283175?hs=282-294> (accessed: 25.01.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОРОВЧИНСКИЙ Иван Николаевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Н.А. МАККАВЕЕВ – к.и.н., н.с. Центра археологии Передней и Центральной Азии (ЦАПЦА) Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ivan N. KOROVCHINSKIY, PhD (History), Associate Professor, Moscow Region State University, Faculty of History, Political Science and Law, Department of World History, Archaeology and Methodology of Historical Science, Moscow, Russia.

Nikolai A. MAKKAVEEV, PhD (History), Research Fellow, Center of Archaeology of Western and Central Asia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015278-2

АРАВИЙСКИЕ КАМПАНИИ АРДАШИРА ПАПАКАНА

© 2021

В.А. ДМИТРИЕВ ^a

^a – Псковский государственный университет, Псков, Россия
ORCID: 0000-0001-8710-9495; dva_psk@mail.ru

Резюме. Интерес Сасанидов к Аравии обозначился уже в самом начале существования Сасанидской державы. Первые попытки утвердиться на Аравийском полуострове были предприняты персами уже в годы правления основателя новой династии Ардашира I Папакана. В связи с этим целью статьи является историческая реконструкция событий, связанных с завоеванием Ардаширом I восточной и южной частей Аравийского полуострова. Наиболее информативными источниками, повествующими о вторжениях Ардашира I в Аравию, являются «Книга длинных рассказов» Динавари, «История пророков и царей» Табари, анонимный «Предел желаний в познании истории персов и арабов» и «Словарь стран» Йакута, а также поэма Фирдоуси «Шахнаме». Важная дополнительная информация содержится в надписи шаханиша Шапура I на Каабе Зороастра (Наки-и Рустам), сабейской надписи Sh 31 (Западный Йемен) и наскальном рельефе шаханиша Варахрана II (Бишапур). О хронологии событий, составляющих аравийские кампании Ардашира I, трудно сказать что-либо определенное, однако, судя по косвенным данным, они охватывали не очень длительный период и могут быть отнесены к начальному периоду правления Ардашира Папакана. На первый взгляд, походы Ардашира I в Аравию имели ситуативный, тактический характер, и их основной причиной было стремление шаханиша обезопасить юго-западные районы Ирана от вторжений арабов с территории Аравийского полуострова, совершавшихся, в том числе, и через Персидский залив с использованием флота. В то же время более тщательный анализ источников, осуществленный на более широком историческом фоне и с учетом событий, произошедших позже, во времена правления Шапура II и Хосрова I, позволяет говорить о том, что аравийские походы Ардашира Папакана явились первым этапом длительной борьбы Сасанидов за господство над всей восточной и южной частью Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена включительно.

Ключевые слова: сасанидский Иран, Ардашир Папакан, Аравия, арабы, Персидский залив, Йемен.

Для цитирования: Дмитриев В.А. Аравийские кампании Ардашира Папакана. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080015278-2

THE ARABIAN CAMPAIGNS OF ARDASHIR PABAGAN

© 2021

Vladimir A. DMITRIEV ^a

^a – Pskov State University, Pskov, Russia
ORCID: 0000-0001-8710-9495; dva_psk@mail.ru

Abstract. The Sasanids were interested in Arabia from the very beginning of their reign, and it was already the founder of the new dynasty Ardashir I Pabagan who attempted to establish

Persian influence in the Arabian Peninsula. In this regard, the purpose of the article is a historical reconstruction of the conquest of the eastern and southern parts of the Arabian Peninsula by Ardashir I. The main sources are the books by Dīnawarī, Tabarī, Yakut and the anonymous "Desire to Know the History of Persians and Arabs". Important information is contained in Shapur I's inscription on the Ka'bah-i Zardusht, the Sabeen inscription Sh 31, and the rock relief of Warahran II. It is difficult to say anything definite about the chronology of the Arabian campaigns of Ardashir I, but we can suggest that they presumably can be dated back to the first half of the reign of Ardashir Pabagan. At first glance, the Arabian campaigns of Ardashir I were situational and tactical, and their main reason was the desire of the shahanshah to secure the southwestern regions of Iran from the invasions of the Arabs. At the same time, a more thorough analysis of the sources and taking into account the events that occurred during the reigns of Shapur II and Khosrow I, allow us to consider the Arabian campaigns of Ardashir Pabagan as the first stage of the struggle of the Sasanids for hegemony over the eastern and southern parts of the Arabian Peninsula from southern Iraq to Yemen inclusive.

Keywords: Sasanian Iran, Ardashir Pabagan, Arabia, the Arabs, the Persian Gulf, Yemen.

For citation: Dmitriev V.A. The Arabian Campaigns of Ardashir Pabagan. *Vostok (Orient)*. 2021. No. 6. Pp. . DOI: 10.31857/S086919080015278-2

Будучи одной из ведущих мировых держав эпохи поздней античности, сасанидский Иран проводил активную внешнюю политику, носившую, как правило, характер военной экспансии. Хорошо известно, что основными противниками державы Сасанидов являлись Римская империя на западных и народы среднеазиатско-иранского пограничья на восточных рубежах Персидского царства, а потому не случайно, что именно эти направления внешнеполитической активности сасанидского Ирана получили наиболее полное освещение в научно-исторической литературе.

Однако помимо перечисленных выше основных, существовал и ряд подчиненных им второстепенных векторов сасанидской внешней политики. Здесь основной задачей Сасанидов являлось укрепление персидских позиций в иранском «ближнем зарубежье», т.е. в регионах, непосредственно примыкавших к границам Сасанидской державы, что, в свою очередь, достигалось либо посредством установления с местными элитами «союзнических», а по существу – вассальных отношений (типичный пример – арабское государство Лахмидов), либо путем прямого включения тех или иных областей в состав Сасанидского государства (по этому сценарию развивались отношения между Ираном и Арменией, в 428 г. окончательно превращенной в персидское марзбанство).

Одной из территорий, в отношении которых Сасаниды реализовывали такого рода политику, являлся Аравийский полуостров. В каком-то смысле он был обречен стать жертвой персидской агрессии уже в силу своего географического положения, поскольку находился в непосредственной близости от Месопотамии – политического и экономического центра сасанидского Ирана. Кроме того, к моменту возникновения Сасанидской империи Аравия и Иран были связаны весьма тесными многовековыми контактами, определяющую роль в которых играли последовательно сменявшие друг друга государства Древнего Ирана – державы Ахеменидов, Селевкидов и Аршакидов [Bosworth, 1983, p. 593; 1986, p. 201]. В связи с этим Сасанидов можно рассматривать как продолжателей древней и имперской по своему характеру традиции использования иранскими правителями арабов для решения своих политических задач.

Интерес Сасанидов к Аравии обозначился уже в самом начале существования Сасанидской державы, когда в годы царствования основателя новой династии Ардашира I

Папакана (224–242) персами были предприняты первые попытки утвердиться на Аравийском полуострове. Их рассмотрение и является целью данной работы.

Походы Ардашира на территорию Аравии следует анализировать в контексте его политики, направленной на подчинение областей, ранее входивших в состав бывшего Парфянского царства, упрочение геополитического положения созданной Ардаширом державы и обеспечение безопасности ее границ. Кроме того, определенную роль в стремлении Ардашира I к превращению Персидского залива во «внутреннее озеро» Сасанидской державы путем захвата восточно-аравийских областей и усилению персидского влияния на Аравийском полуострове в целом играли, несомненно, и экономические факторы, а именно – необходимость установления контроля над морскими торговыми путями, связывавшими Месопотамию (а через нее – и всю Переднюю Азию) с Индией, Восточной Африкой, Южной Аравией и другими регионами бассейна Индийского океана [Daryae, 2009, p. 46, 136; 2016, p. 43].

Вполне возможно, что осознание необходимости подчинения примыкающей к Персидскому заливу части Аравийского полуострова пришло к основателю Сасанидской державы не сразу, и первоначально это даже могло не входить в его планы. Однако логика событий была такова, что в определенный момент Аравия все же попала в поле зрения Ардашира Папакана и оказалась включена в сферу его внешнеполитических интересов. Таким поворотным пунктом следует считать довольно подробно описанное в «Книге деяний Ардашира» («Карнамаг-и Ардашири-и Пабаган») и «Шахнаме» выступление против Ардашира Хафтвада, являвшегося одним из иранских династов¹, чьи владения располагались где-то на побережье Персидского залива (возможно, в Кермане [Justi, 1895, S. 124]). В ходе войны между Ардаширом и Хафтвадом помощь последнему оказал один из его сыновей [Фирдоуси. V.116,122], который «пришел, перейдя через море (*pad drayā(b) widarag*) [т.е. через Персидский залив. – В.Д.] с большим войском из арабов и оманцев (*abāg was spāh az tāzīgān ud mēzunīgān*), и отправился на битву с Ардаширом» [Карнамаг. X.16]. Противник был разгромлен, и Ардашир стал хозяином всего южного побережья Ирана от Хузистана до Синда. Вместе с тем война с Хафтвадом показала, что безопасность южных областей Персидского государства, к которым относилось и сердце Сасанидской державы – Парс, к тому же являвшийся родиной самих Сасанидов, будет обеспечена лишь в том случае, если шаханшаху удастся предотвратить новые вторжения в Иран с территории Аравийского полуострова.

По всей видимости, еще одним важным обстоятельством, сыгравшим роль в распространении сасанидской экспансии на Аравийский полуостров, стали начавшиеся в 230-х гг. римско-персидские войны, которые, хотя и оказались для Ирана весьма успешными, тем не менее, продемонстрировали Сасанидам мощь Римской империи и заставили их обратить более пристальное внимание на необходимость укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, включая, конечно же, и Аравию, не только располагавшуюся в непосредственной близости от жизненно важных центров Сасанидской державы (прежде всего, Месопотамии и Парса), но и отчасти игравшую роль буферной зоны между двумя империями.

Источники содержат неоднократные упоминания о походах Ардашира в Аравию. Мы практически ничего не знаем об их датировке и хронологии, однако судя по контексту, в котором встречаются описания соответствующих сюжетов в источниках, предположительно их можно отнести к первой половине царствования Ардашира Папакана², поскольку войны с арабами велись им одновременно с борьбой против местных владетелей Ирана,

¹ Подробнее см.: [Shahbazi, 2002].

² См., однако: [Potts, Cribb, 1995, p. 123].

отказавшихся добровольно перейти под власть новой династии, а эти события приходится как раз на начало правления Ардашира.

Наиболее информативными источниками, повествующими о вторжении Ардашира I в Аравию, являются «Книга длинных рассказов» Динавари (ок. 815–895), «История пророков и царей» Табари (839–923), «Предел желаний в познании истории персов и арабов» неизвестного автора XI в. и «Словарь стран» Йакута (ок. 1180–1229).

Из всех названных авторов наименее подробен Табари, сообщающий о походе Ардашира буквально следующее: «Ардашир отправился в Бахрейн и осадил его царя Санатрука³. Последний был доведен [осадой] до столь крайней нужды, что, в конце концов, бросился с крепостной стены и погиб» [Tabarī. 820]. Как мы видим, Табари упоминает лишь об одной области, подвергшейся нападению персов, – о Бахрейне⁴.

Динавари более обстоятелен. Перечисляя области Аравии, которые подверглись нападению персов, он называет Оман, затем – Бахрейн и Йамаму [Dīnawarī. 45]. Если предположить, что последовательность употребления этих хоронимов у Динавари неслучайна и соответствует маршруту следования персидской армии по территории Аравийского полуострова (а оснований сомневаться в этом у нас нет), то мы приходим к интересному выводу. Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы увидеть, что оказаться на территории Омана прежде, чем в Йамаме и Бахрейне, персы могли лишь одним путем – переправившись через Персидский залив. Таким образом, мысль о том, что сасанидские войска уже в этот период могли доставляться на территорию Аравии морским путем, острожно высказанная нами ранее [Dmitriev, 2017, p. 730]⁵, получает косвенное подтверждение в сообщении Динавари (прежде не бравшемся нами в расчет).

Более того, данное наблюдение подкрепляется источником, содержащим наиболее подробные сведения об аравийской экспедиции Ардашира, – анонимным «Пределом желаний в познании истории персов и арабов». По его словам, Ардашир вторгся в «страну, лежавшую между Оманом, Бахрейном, Йамамой и Хаджаром» [Piacentini, 1985, p. 63]. Как мы видим, здесь и названия областей, ставших объектом экспансии персов, и порядок их перечисления – те же, что и у Динавари. Упоминание о Хаджаре как отдельной области следует считать результатом ошибки автора «Предела желаний...», поскольку этот топоним в доисламскую эпоху обозначал ту же территорию, что и Бахрейн в более поздней арабской исторической традиции [Piacentini, 1985, p. 72, n. 27]⁶.

Таким образом, маршрут продвижения армии Ардашира (Оман – Бахрейн – Йамама) дает веские основания считать, что на Аравийский полуостров персидское войско было переброшено морским путем. Переправа через Персидский залив к побережью Омана, вероятнее всего, происходила в наиболее узком месте залива, т.е. в Ормузском проливе, где расстояние между береговыми линиями Ирана и Аравийского полуострова составляет порядка 70 км.

Особое место среди авторов, чьи сочинения содержат сведения об аравийской экспедиции Ардашира Папакана, занимает Йакут. Его сообщение на сей счет, вкрапленное в пассаж, имеющий отношение к Оману, представляет большой интерес и вызывает массу вопросов. Йакут пишет⁷: «Ардашир сын Бабака направил [переселил? – В.Д.] племя ал-Азд

³ Подробнее о Санатруке см. ниже.

⁴ В рассматриваемый период под Бахрейном понималось все аравийское побережье Персидского залива (рис. 1); современный о. Бахрейн носил название Овал [Mirī, 2012, p. 50].

⁵ О типах и характеристиках использовавшихся Сасанидами военных кораблей см.: [Dmitriev, 2019].

⁶ Вероятно, автор «Предела желаний...», обозначая в данном пассаже одну и ту же территорию двумя разными названиями, не до конца понял содержание источников, на которые опирался, и механически свел их материал воедино, решив, что Хаджар и Бахрейн – это разные области.

⁷ Я признателен доктору исторических наук, одному из ведущих современных иранистов А.И. Колесникову за согласие осуществить авторский перевод этого места.

мореходами в Шихр Оманский» [Jacut. IV.522]. Во-первых, здесь заслуживает внимания вновь наблюдаемая нами прочная ассоциация Ардашира Папакана именно с Оманом (а не с какой-либо другой областью), а во-вторых (и это – самое интересное), из слов Йакута следует, что Ардаширом в Аравии был подчинен (захвачен?) портовый город Шихр⁸. Проблема же заключается в том, что «Шихр Оманский» находился, строго говоря, не в Омане, а в Хадрамауте, т.е. в Восточном Йемене [Lammens, 1907, p. 398; Rougeulle, Benoist, 2001, p. 205] (рис. 1), и это обстоятельство вносит достаточно серьезные коррективы в ту картину событий, которая вытекает из анализа всех остальных источников. Из данных Йакута следует, что, вторгшись в Аравию, Ардашир не ограничился действиями в областях, располагавшихся вдоль Персидского залива (Оман, Бахрейн, Йамама), а попытался (и, судя по всему, успешно) продвинуться также в западном направлении вдоль южного побережья полуострова, дойдя при этом до приграничных с Оманом восточных областей Йемена и установив над ними свой контроль.

Рис. 1. Аравийский полуостров и прилегающие территории в период правления Сасанидов [Bosworth, 1999, p. XXXIV].

Fig. 1. Arabian Peninsula and adjacent regions during the rule of the Sasanids [Bosworth, 1999, p. XXXIV].

В свете информации Йакута несколько иначе воспринимается и сообщение автора «Предела желаний...» о том, что арабские вожди, узнав о приближении Ардашира, обра-

⁸ См. также: [Piacentini, 1985, p. 65].

тились за помощью к правителю Йемена⁹ Асаду б. Амру, который, в свою очередь, не только принял их просьбу, но и, судя по всему, сыграл главную роль в не очень удачной попытке отразить персидское вторжение: его армия (численность которой в источнике явно преувеличенно оценивается в 100 тыс. чел.) составила основу аравийской антиперсидской коалиции, причем в ее состав входили также контингенты из Тихамы и Хиджаза [Piacentini, 1985, p. 63], т.е. областей, лежавших на западном побережье Аравийского полуострова и, судя по всему, в данный период находившихся в зависимости от Йемена или состоявших в союзе с ним. Представляется, что Амру каким-то образом стали известны далеко идущие планы Ардашира относительно Южной Аравии (а возможно, и самого Йемена); в противном случае отправка каких-либо значительных сил для оказания помощи арабам (населявшим, заметим, достаточно удаленные от Йемена, т.е., казалось бы, геополитически «неинтересные» для него, территории) в их борьбе против персов, автоматически означавшая обострение отношений с мощной Персидской державой, выглядит крайне нелогичным, если не сказать безответственным, поступком. Как сообщается в «Пределе желаний...», после произошедшего сражения, в ходе которого обе стороны понесли тяжелые потери (хотя урон, причиненный персами арабам, кажется более ощутимым, т.к. среди павших были правители Омана и Бахрейна), по инициативе Ардашира между персами и арабами начались мирные переговоры. Их результатом стало соглашение, в соответствии с которым боевые действия прекращались, а Ардашир и Асад б. Амр брали на себя обязательство воздерживаться от вмешательства в дела друг друга [Piacentini, 1985, p. 63].

Кроме того, в свете данных Йакута можно предположить, что договор между Ардаширом и Амром предполагал и раздел сфер влияния в Южной Аравии с определенными уступками со стороны Йемена (как стороны, вмешавшейся в персидско-арабский конфликт на стороне арабов, т.е. *de facto* проигравших) в пользу Ирана; это хорошо объясняет причины перехода йеменского порта Шихр в руки Сасанидов. Видимо, именно эти события и дали основание Ибн Хордадбеку (IX в.) включить «Йаман-шаха» («царя Йемена») в число зависимых от Ардашира I вассальных правителей [Ибн Хордадбек. 11)]¹⁰.

Интересная информация, имеющая самое прямое отношение к рассматриваемым событиям, содержится в известной надписи Шапура I (242–272), сына и преемника Ардашира Папакана, на «Каабе Зороастра» (ŠKZ)¹¹. В ней Шапур среди подвластных себе территорий, наряду с Аравией (пехл. *Arabestān*, греч. ΑΡΑΒΙΑ) (ŠKZ. *Parth.* 1; *Gr.* 2), отдельно упомина-

⁹ Из текста источника непонятно, правителем какого именно государства из существовавших в то время на территории Йемена, был Асад б. Амр. Вероятнее всего, однако, что он был царем Химьяра, поскольку именно это государство представляло в данный период наиболее влиятельную силу в Юго-Западной Аравии и к концу III в. подчинило все соседние территории от побережья Красного моря на западе до Хадрамаута на востоке включительно [Beeston, 2000, p. 575; Potts, 2008, p. 200; 2010, p. 38; Robin, 2012(1), p. 262–263]. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что один из арабских вождей, обратившихся к Асаду б. Амру о помощи, а именно – правитель Омана Амр б. Вахид, имел нисбу «ал-Химьяри», буквально означавшую «Химьярит». Данное обстоятельство наталкивает на мысль о том, что содействие, оказанное Асадом б. Амром арабам восточной части Аравийского полуострова в их борьбе с персидским вторжением, могло быть обусловлено наличием в тот период, помимо политических соображений, также этнических связей между правителями Химьяра и Омана. Обращает на себя внимание и тот факт, что спустя некоторое время после рассматриваемых событий (примерно с конца III в.) Химьяр, судя по всему, начал уверенно претендовать на господство не только в Йемене, но и в прилегающих областях Центральной Аравии [Robin, 2012(1), p. 262–263]. В этой связи сообщение автора «Предела желаний...» о вмешательстве Асада б. Амра в процессы, происходившие на другом конце Аравийского полуострова, может указывать на наличие у химьяритской верхушки планов по расширению сферы своего влияния в северо-восточном направлении уже в период аравийской кампании Ардашира Папакана, т.е. в первой половине III в.

¹⁰ См. также: [Fiaccadori, 1985, p. 195].

¹¹ Мы используем издание этого источника, осуществленное М. Спренглингом [Sprengling, 1953].

ет Мазуншахр (*Mazūnšahr*), т.е. Оман¹² (*ŠKZ. Parth. 2*), лежащий «на другой стороне моря» (ΕΞ ΕΚΕΙΝΟΥ ΤΟΥ ΜΕΡΟΥΣ ΤΗΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ) (*ŠKZ. Gr. 5*). Безусловно, это не случайно и отражает особую роль Омана во внешнеполитических планах первых Сасанидов. Судя по всему, данная область рассматривалась ими не просто как одна из покоренных персами территорий на аравийском берегу Персидского залива, а как плацдарм для дальнейшего продвижения в направлении Йемена, подчинение которого должно было завершить превращение всего восточного и южного побережья Аравийского полуострова в территорию, подконтрольную сасанидскому Ирану. Как мы знаем, это действительно произойдет три столетия спустя, когда при шаханшахе Хосрове I Ануширване (531–579) Йемен будет завоеван, а чуть позже, при Хосрове II Парвезе (590–628) – окончательно включен в состав Сасанидской державы в качестве особой приграничной территории, находящейся под управлением персидского марзбана [Пигулевская, 1951, с. 332–335].

Еще одним заслуживающим нашего внимания сюжетом, связанным с аравийской кампанией Ардашира I, является личность правителя Бахрейна, о котором сообщают практически все упомянутые нами авторы (единственным исключением является Йакут). Динавари, Табари и автор «Предела желаний...» единодушно утверждают, что одним из наиболее активных противников Ардашира был правитель Бахрейна по имени Санатрук. У Динавари [Dīnawarī. 45] и Табари [Tabarī. 820] это – единственная персона, которую они называют по имени, говоря о вождях выступивших против персов арабов. В то же время в «Пределе желаний...» имя Санатрука встречается вместе с именами двух других аравийских правителей: упомянутых выше царя Йемена Асада б. Амра и царя Омана Амра б. Вахида ал-Химьяри [Piacentini, 1985, p. 63].

Между тем хорошо известно, что антропоним «Санатрук», в отличие от имен всех остальных предводителей арабов, упоминаемых в рассмотренных нами источниках, имеет не арабское, а парфянское происхождение, причем он являлся довольно распространенным среди знатных парфян [Justi, 1895, S. 282–283]. Это породило в историографии дискуссию, в ходе которой исследователи высказывали самые разные предположения насчет того, кем мог быть этот человек и существовал ли он вообще¹³. Наиболее обоснованной представляется гипотеза В. Пьячентини, согласно которой Санатрук, упоминаемый арабскими авторами в связи с походом Ардашира I в Аравию, во-первых, был фигурой вполне исторической, а во-вторых, являлся местным парфянским правителем, после гибели Парфянской державы пытавшимся организовать сопротивление Сасанидам на территории Аравийского полуострова, т.е. действовавшим «так же, как поступали в то время Хафтанбохт, Михрак и другие правители прибрежных областей Ирана» [Piacentini, 1985, p. 67].

Все наши авторы единодушны в том, что Санатрук погиб в борьбе с персами, однако обстоятельства его гибели во всех трех источниках трактуются по-разному. Согласно Динавари, когда Ардашир вторгся «в Оман, Бахрейн и Йамаму, Санатрук, царь Бахрейна, выступил против него и начал с ним воевать, но Ардашир убил его и приказал, чтобы его город был уничтожен» [Dīnawarī. 45]. Сообщение Динавари наталкивает на мысль о том, что Санатрук являлся руководителем объединенных сил областей Восточной Аравии, подвергшихся нападению персов (Омана, Бахрейна и Йамамы), поскольку имен других вождей антиперсидской коалиции Динавари не называет.

Как было сказано выше, Табари описывает события аравийской кампании Ардашира, включая сюжет с участием Санатрука, крайне лаконично. По его версии, «царь Бахрейна» Санатрук был осажден в своей крепости и, отчаявшись в возможности дальнейшего

¹² Юго-восточная часть Аравийского полуострова, ныне имеющая арабское название «Оман», по-среднеперсидски называлась «Мазун (Мезун)» (ср.-перс. *Mazūn/Mezūn*) [Marquart, 1901, S. 43–44; Чунакова, 1987, с. 95].

¹³ Подробнее см.: [Piacentini, 1985, p. 66–68].

сопротивления, покончил с собой, бросившись вниз с крепостной стены [Tabarī. 820]. О каких-либо сражениях между персами и арабами, как и о других противниках Ардашира, кроме Бахрейна, Табари не сообщает.

В «Пределе желаний...» Санатрук также назван царем Бахрейна, однако здесь роль Санатрука в рассматриваемых событиях представлена несколько иначе. Если из данных Табари и особенно Динавари следует, что Санатрук был главным противником Ардашира, то в «Пределе желаний...» на эту роль скорее претендует Асад б. Амр, правитель Йемена, поскольку, судя по всему, именно его войско, как было отмечено выше, составляло основу сил антиперсидской коалиции и именно с ним после произошедшего кровопролитного сражения вступил в переговоры Ардашир Папакан. Санатрук же в этом повествовании упоминается лишь как *один из* предводителей выступившего против персов арабского войска, причем мы не знаем, был ли бы он, как и царь Омана Амр б. Вахид, вообще упомянут автором «Предела желаний...», если бы оба они не погибли в той роковой для себя битве.

Итак, Ардашир Папакан провел в Аравии победоносную кампанию, подчинив восточное (Бахрейн) и юго-восточное (Оман вплоть до Хадрамаута) побережье Аравийского полуострова. При этом возникает закономерный вопрос: насколько же надежными были позиции Ирана в этом относительно удаленном от основной территории Сасанидского государства регионе? С одной стороны, основание Ардаширом на аравийском побережье Персидского залива нескольких городов [Tabarī. 820; Namza. P. 33–34], одновременно являвшихся опорными пунктами персов в завоеванных областях, дает основание полагать, что контроль первых Сасанидов над Восточной Аравией был достаточно прочным. Однако, как показали дальнейшие события, зависимость от Ирана территорий, покоренных персами в Аравии в период правления Ардашира Папакана, оказалась временной по своему характеру и хронологически была ограничена, скорее всего, правлением Шапура I и его сыновей – Ормизда I (272–273) и Варахрана I (273–276). Первые признаки активизации борьбы арабов против персидского владычества предположительно могут быть отнесены уже к царствованию сына Варахрана I – Варахрана II (276–293). На одном из рельефов этого шаханшаха, носящем явно триумфальный характер, изображена делегация арабов [Herrmann, 1970, p. 166; Луконин, 1979, с. 54], явившаяся на аудиенцию к царю и доставившая (очевидно, в качестве дани¹⁴) большое количество лошадей и верблюдов (рис. 2)¹⁵.

Письменные источники ничего не сообщают о походах Варахрана II против арабов (ни живущих на Аравийском полуострове, ни осевших в Сирии или Месопотамии), в связи с чем данная сцена не может быть однозначно интерпретирована с точки зрения того, какие именно события в ней отражены.

В.Г. Луконин предполагал, что изображенные здесь арабы – «скорее всего население Хиры, лахмиды, находившиеся в то время под протекторатом царей Месены», а сам рельеф посвящен «результатам военной (карательной) экспедиции в этот “удел” войск Варахрана II», которая могла относиться «ко времени похода в Иран императора Кара (282 г.)» [Луконин, 1979, с. 54]. Вероятно, В.Г. Луконин исходил из того, что вскоре после победоносного вторжения в Иран римского императора Кара (282–283), войска которого дошли до самого Ктесифона, Варахрану, согласно *Historia Augusta* (SHA. XXX.8.1), пришлось подавлять происходившие в разных частях Персидской державы восстания (которые и сделали возможным успех римлян), и одним из них, действительно, могло быть восстание хирских арабов¹⁶. Однако нельзя полностью исключать и того, что Варахран II организовал карательный поход против не месенских, а аравийских арабов, которые, пользуясь осла-

¹⁴ См., однако: [Overlaet, 2009, p. 219–220].

¹⁵ Рис. 2 находится на цветной вклейке.

¹⁶ Подробнее см.: [Луконин, 1979, с. 54–61; Дмитриев, 2020, с. 442–444].

блением Сасанидской державы в конце III в., уже тогда могли беспрепятственно совершать набеги на территорию Южного Ирака и Фарса; в таком случае экспедиция Варахрана II на Аравийский полуостров, если она действительно имела место, отчасти преследовала те же цели, что и вторжение туда Ардашира I несколькими десятилетиями раньше.

Иную интерпретацию сюжета, представленного на данном рельефе, предлагает Б. Оверлет [Overlaet, 2009, p. 218–221]. По его мнению, здесь действительно изображен визит ко двору Варахрана II делегации арабов, но не хирских, а йеменских. С опорой на сабейскую надпись Sh 31¹⁷, содержащую упоминание о посольстве химьяритов в Ктесифон, автор высказывает и весьма убедительно аргументирует точку зрения, согласно которой и указанная надпись, и рельеф в Бишапуре отражают одно и то же событие. Как полагает Б. Оверлет, йеменское посольство в Персию состоялось в начале правления Варахрана II (между 276 и 279 гг.) и было организовано Шаммаром Йухаришем – «царем Сабы, ду-Райдана, Хадрамаута и Йамната»¹⁸; целью миссии являлось заручиться поддержкой со стороны могущественной Персидской державы в преддверии «аннексии Химьяром своих соседей» [Overlaet, 2009, p. 221]¹⁹. Если гипотеза Б. Оверлета верна, то контакты между Шаммаром Йухаришем и Варахраном II являются дополнительным подтверждением высказанного нами выше предположения о возможности установления клиентских отношений между Йеменом и Ираном уже при Ардашире I²⁰.

Но даже если допустить, что каких-то явных конфликтов между арабами Аравийского полуострова и Ираном при Варахране II еще не происходило, то, как показали последующие события, это оказалось делом ближайшего будущего. Явные признаки того, что Аравия все же вышла из-под контроля Сасанидов, обозначились уже к началу IV в., когда в годы малолетства шаханшаха Шапура II (309–379) арабы совершенно безнаказанно вторгались в прилегающие к Персидскому заливу районы Ирана, «считая Парс своим пастбищем» [Tabaṭī. 838], причем «никто из персов не был в состоянии дать им отпор» [Tabaṭī. 837]. Неслучайно поэтому, что одной из первых внешнеполитических акций Шапура II станет именно военная экспедиция в Аравию, которая, с одной стороны, во многом будет повторять логику аравийской кампании Ардашира Папакана, а с другой, продемонстрирует серьезность намерений Сасанидов в отношении Аравийского полуострова.

¹⁷ Полный текст надписи с английским переводом и справочной информацией приведен в базе данных "Corpus of South Arabian Inscriptions" (CSAI) (см.: Digital Archive for the Study of pre-Islamic Arabian Inscriptions (DASI). http://dasi.humnet.unipi.it/index.php?id=dasi_prj_epi&prjId=1&corId=0&colId=0&navId=699753832&recId=6264&vM=yes (accessed: April 17, 2018).

¹⁸ Начиная с правления Шаммара Йухариша, данная титулатура стала стандартной для химьяритских царей [Robin, 2006, p. 129; 2013, p. 131]. До этого Шаммар, как и его отец Йасирум Йуханим, именовался «царем Сабы и ду-Райдана» [Robin, 2014, p. 42].

¹⁹ Учитывая, что Шаммар Йухариш правил Йеменом с 270-х по 314/315 гг. (на начальном этапе, примерно до 286 г. – совместно со своим отцом Йасирумом Йуханимом [Overlaet, 2009, p. 220; Robin, 2014, p. 42] и что именно на это время (конец III в.) приходится подчинение Химьяром всего Йемена (см. прим. 9), а также принимая во внимание названия областей, перечисленных в данной надписи (которые, будучи вместе взятыми, как раз составляют территорию Йемена), очевидно, что Шаммар Йухариш и был тем царем, при котором завершилось объединение под власть Химьяра всей Юго-Западной Аравии. Согласно Х. Робену, примерная хронология завоеваний Йасирума и Шаммара такова: ок. 275 г. была завоевана Саба, ок. 296 г. – Хадрамаут. Йамнат (под которым, вероятно, следует понимать территорию южной части Пустынной Аравии севернее Хадрамаута [Robin, 2012(2), p. 65; 2013, p. 119–139] был подчинен в промежутке между этими двумя событиями, но уже после начала единоличного правления Шаммара Йухариша, поскольку именно в его (а не его отца) титулатуре появляется название этой области [Robin, 2014, p. 42, n. 17]. Судя по всему, военные успехи этих химьяритских правителей оставили о себе на Аравийском полуострове долгую память, т.к. и спустя несколько веков Шаммар Йухариш упоминается Ибн Исхаком как великий царь-завоеватель, совершавший походы даже в Китай [Iṣḥāq. 694].

²⁰ См., однако: [Robin, 2012(1), p. 273, 295].

Реконструированная нами на основе письменных и изобразительных источников картина событий, происходивших в Восточной Аравии после смерти Шапура I, достаточно хорошо подтверждается археологическим материалом. Судя по находкам сасанидских монет на территории от Бахрейна до Северного Омана включительно, более или менее постоянное присутствие Сасанидов в Восточной и Юго-Восточной Аравии прослеживается на протяжении правления Ардашира I и Шапура I [Potts, Cribb, 1995, p. 126, 129, 131]. Следующий период, которым датируются обнаруженные здесь сасанидские монеты, приходится на годы правления Шапура II [Potts, Cribb, 1995, p. 126–131]. Таким образом, отрезок в несколько десятилетий, разделяющих царствования Шапура I и Шапура II, в аравийском археологическом материале нумизматически не представлен, что, несомненно, было обусловлено упадком персидского влияния в Восточной Аравии. Интересно, что монет Ардашира I и Шапура I здесь обнаружено всего четыре экземпляра (три из них были отчеканены при Ардашире и одна – при Шапуре), в то время как монет, датируемых временем Шапура II, – уже 21 [Potts, Cribb, 1995, p. 131]. Отчасти такая картина может объясняться чрезвычайно продолжительным царствованием последнего, длившимся целых 70 лет, однако главной причиной столь резкой активизации в Восточной Аравии денежного обращения с использованием сасанидских монет, безусловно, являлось не только восстановление, но и усиление в данном регионе сасанидского присутствия в годы правления Шапура II, при котором Персидский залив окончательно превратился во внутреннее море сасанидского Ирана [Daryaei, 2009, p. 21].

Таким образом, походы Ардашира в Аравию следует расценивать не только (а с точки зрения логики общего хода иранской истории – и не столько) как карательно-превентивную акцию, призванную, с одной стороны, отомстить местным племенам за помощь, оказанную противникам объединения Ирана под властью новой династии, а с другой – предотвратить вторжения арабов в персидские владения, расположенные на побережье Персидского залива. Комплексный анализ источников с учетом событий, произошедших позднее, в годы правления Шапура II и Хосрова I – Хосрова II, показывает, что аравийская кампания Ардашира Папакана представляла собой первый этап длительной борьбы Сасанидов за установление персидского владычества над прибрежной зоной Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена. Именно здесь, на восточном и южном побережье Аравии, располагались древние торговые центры, контроль над которыми позволял Сасанидам не только повысить доходы персидской казны за счет прямых налогов и торговых сборов, но и взять в свои руки морскую торговлю между Ближним Востоком и странами, располагавшимися в бассейне Индийского океана, что имело важное геополитическое значение и серьезно усиливало влияние Персидской державы на мировой арене. Это, в свою очередь, было крайне важно в условиях вспыхнувшей при Ардашире I и продолжавшейся на протяжении четырех столетий борьбы между сасанидским Ираном и Римской империей за преобладание в Ближневосточном регионе, борьбы, в значительной мере определившей весь дальнейший ход всемирной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дмитриев В.А. «Арий, поклоняющийся Ормазду»: к политической биографии шаханшаха Нарсе. *Вестник древней истории*. 2020. Т. 80. № 2. С. 434–461 [Dmitriev V.A. “Aryan Worshipping Ohrmazd”: Towards the Political Biography of Shahanshah Narseh. *Journal of Ancient History*. 2020. Vol. 80. No. 2. Pp. 434–461 (in Russian)].

Луконин В.Г. *Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции*. М.: Наука, 1979 [Lukonin V.G. *Iran in the 3rd Century. New Data and Experience of Historical Reconstruction*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Пигулевская Н.В. *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.* М.–Л.: Академия наук СССР, 1951 [Pigulevskaia N.V. *Byzantium on the Roads to India. The History of Trade between Byzantium and the East in the 4th–6th Centuries.* Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1951 (in Russian)].

Фирдоуси. *Шахнаме*. Т. 5. Пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева. М.: Наука, 1984 [Ferdowsi. *Shahnameh*. In 5 vols. Vol. 5. Transl. Ts.B. Banu-Lahuti and V.G. Berznev. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Пер. Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986 [Ibn Khordadbeh. *The Book of Roads and Kingdoms*. Transl. N. Velikhanova. Baku: Elm, 1986 (in Russian)].

Чунакова О.М. Комментарий. *Книга Деяний Ардашира сына Папака*. Транскрипция текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О.М. Чунаковой. М.: Наука, 1987. С. 85–104 [Chunakova O.M. *Commentary. Book of the Deeds of Ardashir, Son of Papak*. Transcription of the Text, Translation from the Middle-Persian, Introduction, Commentary and Glossary by O.M. Chunakova. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 85–104 (in Russian)].

Beeston A.F.L. Tubba'. *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Vol. 10. Eds. P.J. Baerman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Leiden: Brill, 2000. Pp. 575–576.

Bosworth C.E. *Iran and the Arabs before Islam. The Cambridge History of Iran*. Vol. 3 (1). *The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Ed. E. Yarshater. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983. Pp. 593–612.

Bosworth C.E. Arabs and Iran in the Pre-Islamic Period. *Encyclopædia Iranica*. 1986. Vol. 2. Fasc. 2. Pp. 201–203.

Bosworth C.E. Translator's Foreword. *The History of al-Tabarī (Ta'rīkh al-rusul wa'l-mulūk)*. Vol. 5. *The Sāsānides, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen*. Ed. C. E. Bosworth. New York: State University of New York Press, 1999. Pp. XV–XXXV.

Daryaee T. *Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire*. London – New York: Tauris, 2009.

Daryaee T. The Sasanian 'Mare Nostrum': The Persian Gulf. *International Journal of the Society of Iranian Archaeologists*. 2016. Vol. 2. No. 3. Pp. 40–46.

Dīnawarī. *The Book of Long Histories*. Transl. M.R.J. Bonner. In: Bonner M.R.J. *A Historiographical Study of Abū Ḥanīfa Aḥmad Ibn Dāwūd Ibn Wanand Al-Dīnawarī's Kitāb Al-Aḥbār Al-Ṭiwāl'*. PhD. diss. Oxford, 2014. Pp. 300–420.

Dmitriev V. The Sasanian Navy Revisited: an Unwritten Chapter of Iranian Military History. *International Journal of Maritime History*. 2017. Vol. 29. Issue 4. Pp. 227–237.

Dmitriev V. 'They Are in the Habit of Sailing in Big Crafts': What Kinds of Warships Did the Sasanids Use? *International Journal of Maritime History*. 2019. Vol. 31. Issue 2. Pp. 222–232.

Fiaccadori G. Yemen nestoriano. *Studi in onore di Edda Bresciani*. A cura di S.F. Bondi, S. Pernigotti, F. Serra, A. Vivian. Pisa: Giardini, 1985. Pp. 195–212.

Hamza. *Hamzae Ispahanensis Annalium libri X*. T. 2. Translatio latina. Ed. I.M.E. Gottwaldt. Lipsiae: Apud Leopoldum Voss., 1848.

Herrmann G. The Sculptures of Bahram II. *The Journal of the Royal Asiatic Society*. 1970. Vol. 2. Pp. 165–171.

Ishāq. *The Life of Muhammad*. A Translation of Ishāq's Sīrat Rasūl Allāh. With Introduction and Notes by A. Guillaume. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Jacut. *Geographisches Wörterbuch*. Bd. 4. Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig: Commission bei F.A. Brockhaus, 1869.

Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg: N.G. Elwert, 1895.

Lammens P.H. Maronites, MAZONITAI et Mazoûn du 'Omân. *Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université Saint-Joseph (Beyrouth)*. 1907. Vol. 2. Pp. 397–407.

Marquart J. *Ērānshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen*. Berlin: Weidmann, 1901.

- Miri N. *Sasanian Pārs: Historical Geography and Administrative Organization*. Costa Mesa (CA): Mazda Publishers, 2012.
- Overlaet B. A Himyarite Diplomatic Mission to the Sasanian Court of Bahram II Depicted at Bishapur. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2009. Vol. 20. Pp. 218–221.
- Piacentini V.F. Ardāshīr I Pāpakān and the Wars against the Arabs: Working Hypothesis on the Sasanian Hold of the Gulf. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1985. Vol. 15. Pp. 57–77.
- Potts D.T. The Sasanian Relationship with South Arabia: Literary, Epigraphic and Oral Historical Perspectives. *Studia Iranica*. 2008. Vol. 37. Pp. 197–213.
- Potts D.T. The Arabian Peninsula, 600 BCE to 600 CE. *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetization*. New York: The American Numismatic Society, 2010. Pp. 27–64.
- Potts D., Cribb J. Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia. *Iranica Antiqua*. 1995. Vol. 30. Pp. 123–137.
- Robin Ch.J. Les Arabes vus de Ḥimyar. *Topoi*. 2006. Vol. 14. Pp. 121–137.
- Robin Ch.J. Arabia and Ethiopia. *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Ed. S.F. Johnson. New York: Oxford University Press, 2012(1). Pp. 247–332.
- Robin Ch.J. «Les rois de Kinda», dans Arabia, Greece and Byzantium. *Cultural Contacts in Ancient and Medieval Times*. Ed. A. al-Helabi, D. Letsios, M. al-Moraekhi, A. al-Abduljabbar. Riyadh: King Saud University, 2012(2). Pp. 59–129.
- Robin Ch.J. À propos de Ymnt et Ymn: «nord» et «sud», «droite» et «gauche», dans les inscriptions de l'Arabie antique. *Entre Carthage et l'Arabie heureuse. Mélanges offerts à François Bron*. Éd. par Fr. Biquel-Chattonnet, C. Fauveaud et I. Gajda. Paris: de Boccard, 2013. Pp. 119–139.
- Robin Ch.J. The Peoples beyond the Arabian Frontier in Late Antiquity: Recent Epigraphic Discoveries and Latest Advances. *Inside and Out. Interactions between Rome and the Peoples on the Arabian and Egyptian Frontiers in Late Antiquity*. Eds. J.H.F. Dijkstra and G. Fisher. Leuven – Paris – Walpole (MA): Peeters, 2014. Pp. 33–79.
- Rougeulle A., Benoist A. Notes on pre- and Early Islamic Harbours of Ḥaḍramawt (Yemen). *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2001. Vol. 31. Pp. 203–214.
- Shahbazi Sh. Haftvād. *Encyclopædia Iranica*. Online Edition. 2002. Vol. 11. Fasc. 5. Pp. 534–536. <http://www.iranicaonline.org/articles/haftvad-haftwad> (date of access: May 14, 2021).
- Sprengling M. *Third Century Iran. Sapor and Kartir*. Chicago: Oriental Institute of University of Chicago, 1953.
- Tabarī. *The History of al-Tabarī (Ta'rīkh al-rusul wa'l-mulūk)*. Vol. 5. *The Sāsānides, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen*. Ed. C.E. Bosworth. New York: State University of New York Press, 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЕВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, старший научный сотрудник Псковского государственного университета, Псков, Россия.

Vladimir A. DMITRIEV, PhD (History), Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Senior Research Fellow, Pskov State University, Russia.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080013575-9

АФРИКАНСКИЙ ФОКУС ГЛОБАЛЬНОЙ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ¹

© 2021

И.А. ЗАХАРОВ ^a, Р.В. ДМИТРИЕВ ^b^{a, b} – Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия^a – ORCID ID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru^b – ORCID ID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

Резюме: Африка остается крупнейшим объектом санкций среди всех макрорегионов мира, что обусловлено не только политической нестабильностью и конфликтами, но и большим геополитическим и геоэкономическим значением данного континента для бывших метрополий и других стран Запада. В соответствии с контекстом историко-политического развития Африки и имеющимися статистическими данными выделено три этапа санкционной политики по отношению к государствам Африки: холодная война, постсоветский и современный этапы. Главная особенность первого этапа состоит в низкой эффективности и нецелесообразности введения санкций в условиях холодной войны. Ее завершение на африканском фронте в конце 1980-х гг. обозначило начало второго этапа санкционной политики, особенностью которого стало масштабное давление Запада, направленное на поддержку демократических институтов и исчезновение просоветских режимов. Одним из негативных эффектов этого вмешательства стала настолько серьезная дестабилизация африканского континента, что мировое сообщество оказалось неспособно контролировать его. Современный этап обозначился началом деятельности Международного уголовного суда в 2002 г., который получил возможность преследовать высокопоставленных лиц, в том числе президентов отдельных стран. Ответной реакцией на пристальное внимание к Африке, сопровождаемое усилением давления со стороны международного сообщества, стала популяризация идеи создания альтернативных инструментов регулирования отношений внутри макрорегиона. Помимо возможно субъективного отношения африканских элит это могло быть мотивировано низкой эффективностью санкций, которые, согласно статическим данным, достаточно редко достигают официальных целей и оказывают негативное влияние на качество и уровень жизни рядовых граждан.

Ключевые слова: Африка, санкции, санкционное таргетирование, элиты, международный уголовный суд.

Для цитирования: Захаров И.А., Дмитриев Р.В. Африканский фокус глобальной санкционной политики: исторические этапы. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080013575-9

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00019.

AFRICAN FOCUS OF THE GLOBAL SANCTIONS POLICY:
HISTORICAL STAGES

© 2021

Ivan A. ZAKHAROV ^a, Ruslan V. DMITRIEV ^b^{a, b} – Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^a – ORCID ID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru^b – ORCID ID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

Abstract: *Africa remains the largest object of global sanctions policy, which is due to political instability and conflicts, but also to the great geopolitical and geo-economic significance of this continent for the former metropolis and other Western countries. In accordance with the historical and political context of Africa's development and the available data we distinguish three stages of the sanctions policy towards this macroregion: the Cold War, the Post-Soviet and the Current stage. The first stage is characterized by the low efficiency and inexpediency of imposing sanctions. The second stage of the sanctions policy begun with the collapse of the African front of the Cold War in the late 1980s. It was marked with the large-scale sanction pressure from the West aimed at supporting democratic institutions and the "vanishing" of pro-Soviet regimes. This massive intervention led to a serious destabilization of Africa, which the international community was unable to control. The current stage was marked by the beginning of the International Criminal Court work in 2002, which got the opportunity to prosecute high-ranking officials, including the presidents of certain countries. In response to the close attention and increased pressure from the international community, Africa saw the popularization of the idea of creating alternative instruments for regulating relations within the macroregion. This reaction could be motivated by the possibly subjective attitudes of the African elites, but also by the low efficiency of sanctions. The data suggests that sanctions rarely achieve official goals and have a negative impact on ordinary citizens.*

Keywords: Africa, sanctions, targeted sanctions, elites, International Criminal Court.

For citation: Zakharov I.A., Dmitriev R.V. African Focus of the Global Sanctions Policy: Historical Stages. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080013575-9

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, according to the research project № 19-014-00019.

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

С крахом колониальной системы и обретением независимости перед африканскими странами встала необходимость поиска новой идентичности, становления системы политического контроля, формирования постколониальной экономической модели и интеграции в глобальную политику и экономику. Столь радикальные изменения не могли пройти гладко, они повлекли за собой ряд негативных последствий, которые проявились в нерешенных до сих пор спорах между местными элитами за ключевые позиции в управленческой иерархии, сочетающей родоплеменные и колониальные элементы. Острая борьба за власть повлекла за собой становление авторитарных военизированных режимов, смена которых обычно происходила в ходе военных переворотов или революций, что негативно сказывалось на развитии макрорегиона в целом [Давидсон, 2020]. Вместе с тем экономические и политические связи бывших колоний и метрополий сохранялись. Более того, в некоторых

странах – например, в ЮАР и Южной Родезии – после обретения независимости де-факто сохранилась колониальная система управления, при которой автохтонное население оставалось бесправным. Все это существенно замедлило развитие африканских государств и их интеграцию в глобальную систему международных отношений.

За последние 60 лет государства Африки совершили огромный скачок в социально-экономическом развитии. В 2020 г. сразу 6 африканских стран – Руанда, Эфиопия, Кот-д'Ивуар, Гана, Танзания и Бенин – вошли в десятку самых быстрорастущих экономик мира, а средние темпы прироста ВВП государств континента превышают 3%. Однако несмотря на существенные успехи, экономика большинства африканских стран по-прежнему характеризуется низкой диверсификацией, а ее развитие опирается преимущественно на экспорт сырья и сельскохозяйственной продукции [African Economic Outlook, 2020]. На фоне огромного демографического потенциала сохраняющаяся нищета и высокий уровень безработицы (в том числе среди образованного населения) оказывает крайне негативное влияние на общественные настроения [Global, 2020]. В совокупности указанные факторы, подкрепленные этно-религиозными противоречиями, привели к образованию обширных конфликтных зон, угрожающих не только региональной, но и глобальной безопасности [Захаров, Горохов, Дмитриев, 2020].

Решение возникших политических кризисов затруднено их комплексностью, а также дефицитом ресурсов государств Африки, значительная часть которых была обозначена в западной научной литературе как «хрупкие», «несостоявшиеся» или «провалившиеся». Так, в соответствии со значением индекса хрупких государств (Fragile State Index), который оценивает устойчивость последних перед конфликтами, катастрофами и т. д., в 2019 г. из 31 страны мира, отнесенной к категории «тревога», 23 были расположены в Африке [Fragile, 2019]. В целях минимизации угрозы распространения нестабильности в другие регионы мировым сообществом (прежде всего странами Запада) был предпринят целый ряд мер, часть из которых носила неоднозначный характер.

К их числу относится международное санкционное давление (в т.ч. «санкционное таргетирование»), которое может использоваться не только для преодоления политического кризиса, но также «... в целях ограничения возможностей, сковывания и в конечном итоге подчинения конкурента своей политической и экономической воле не только в международных делах, но все более и во внутринациональной повестке дня» [Фитуни, 2019, с. 25]. Эта характеристика находит подтверждение не только в научной литературе, но и в выступлениях политических лидеров Африки, которые нередко воспринимают действия западных держав как инструмент давления на «неудобные» режимы, экспансию и неокOLONизацию [African Union, 2013; Bond, 2020; Devesioglu, 2020]. В контексте обозначенной проблемы встает необходимость исторического обзора санкционной политики международного сообщества против африканских государств и элит, а также оценки ее эффективности и оправданности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу настоящего исследования положены материалы базы данных «The Global Sanctions Database» (далее – GSDB), в которой представлены сведения о санкциях по странами и международным организациям за 1950–2016 гг.² В общедоступной версии GSDB представлена информация о 726 санкциях, которые классифицируются по трем параметрам. Во-первых, по виду рассматриваемых санкций: оружейное эмбарго, ограничения на передвижение отдельных лиц, торговые, финансовые и военные санкции. Во-вторых, по

² На момент написания статьи создатели GSDB продолжают вносить данные за период до 2019 г.

политическим целям введенных санкций: изменение политики, дестабилизация режима, предотвращение или окончание конфликтов, борьба с нарушениями прав человека, поддержка демократических институтов, противодействие терроризму, решение территориальных споров и другие. В-третьих, санкции разделены по степени их успешности или результативности на неудавшиеся, имеющие частичный или полный успех, продолжающиеся, а также санкции, завершившиеся переговорами по урегулированию спора [Felbermayr et al., 2020]. Таким образом, GSDB позволяет дать комплексную характеристику санкционной политики международного сообщества в Африке.

На первом этапе анализа данных GSDB были выявлены крупнейшие объекты и субъекты санкций. Среди первых нами были рассмотрены независимые африканские государства, в отношении которых мировое сообщество вводило санкции; среди вторых – государства и международные организации, применившие санкции в отношении государств Африки. На втором этапе было рассмотрено соотношение эпизодов введения санкций по видам, целям и успешности, а также определена доля объектов и субъектов санкций в общем количестве последних.

Полученные результаты легли в основу выделения исторических этапов санкционной политики международного сообщества в Африке, которые основываются на наборе субъектов, целей и успешности применения санкций, а также закономерностях исторического развития санкций как инструмента политического давления. В этой связи среди субъектов санкций необходимо учитывать деятельность Международного уголовного суда (далее МУС) – «независимого договорного постоянно действующего судебного органа, наделенного юрисдикцией в отношении лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, а именно: геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений» [Report, 2005]. Позже, в 2010 г., предметная юрисдикция МУС была расширена за счет включения в нее «преступлений агрессии», под которыми понимается «планирование, подготовка, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава ООН» (см. подр.: [Rome, 2002]). В связи с этим информационная база исследования была дополнена сайтом МУС, на котором представлена полная информация о его деятельности – в частности, о рассматриваемых ситуациях на Африканском континенте.

АФРИКА ПОД САНКЦИЯМИ: ОБЩАЯ КАРТИНА

Согласно данным GSDB, за период 1950–2016 гг. на государства Африки пришлось 260 эпизодов введения санкций, что составляет почти 2/5 их общего количества. Введенные санкции чаще всего носили комплексный характер: если рассматривать их структуру по видам, то субъекты чаще всего применяли финансовые ограничения (32.6%), а также оружейное эмбарго (17.4%), ограничения на передвижение отдельных лиц (14.4%) и торговые санкции (15.3%). С помощью санкций мировое сообщество стремилось достигнуть более 300 политических целей; наибольшая часть из них была ориентирована на поддержку демократических институтов (29.1%), а также на борьбу с нарушениями прав человека (24.5%) и завершение вооруженных конфликтов (19.4%). Остальные цели, в т. ч. борьба с терроризмом, решение территориальных споров, дестабилизация тоталитарных режимов и др., за рассматриваемый период оказались значительно менее «популярны» среди субъектов – суммарно на них пришлось только четверть всех санкций.

Крупнейшими объектами санкций среди государств Африки за тот же период были ЮАР (27 эпизодов), Ливия (17), Нигерия (15), ДРК (14), Судан (13), Кот-д'Ивуар, Либерия, Сомали (по 11), Гвинея и Нигер (по 10). Суммарно на эту десятку стран пришлось 52.9% общего количества эпизодов введения санкций. Наиболее активными субъектами по отношению к африканским странам стали США, Евросоюз (ЕС) и Организация Объединенных Наций (ООН) – они преследовали 192 политические цели (немногим больше половины их общего количества). Обращает на себя внимание тот факт, что крупнейшие субъекты санкций имеют разные приоритеты в своей политике, о чем свидетельствуют различия в структуре их санкций против африканских государств по политическим целям (табл. 1). Так, декларируемым приоритетом для США является поддержка демократических институтов и защита прав человека. Этих же целей придерживается и ЕС, но, в отличие от США, он в значительно большей степени заинтересован в окончании вооруженных конфликтов в Африке [Dmitriyev, Gorokhov, Zakharov, 2020]. В то же время ООН так же, как и ЕС, вводила санкции против государств африканского континента в целях поддержания мира и защиты прав человека, но практически не выступала за поддержку демократических институтов.

Таблица 1

Структура санкций США, ЕС и ООН против африканских государств
по политическим целям, 1950–2016 гг. (%)

Политическая цель	США	ЕС	ООН
Поддержка демократии	26.2	30.2	7.8
Защита прав человека	26.2	33.2	23.4
Окончание войны	12.3	25.4	39.1
Предотвращения войны	9.2	3.2	12.5
Борьба с терроризмом	6.2	3.2	4.7
Дестабилизация режима	9.2	1.6	0.0
Изменение политики	6.2	0.0	10.9
Другое	4.6	3.2	1.6

Составлено авторами по: [Felbermayr et al., 2020]]

Удельный вес крупнейших субъектов санкций в общем количестве санкций, преследующих различные политические цели, свидетельствует о дифференциации их сфер влияния в Африке и наличии «санкционной специализации» (табл. 2). Так, согласно имеющимся данным, ООН «специализируется» на санкциях, направленных на предотвращение войн в Африке (42.1% от общего количества санкций, преследующих соответствующую цель) и их окончание (34.7%), а также борьбу с терроризмом (27.3%). Санкционная политика США ориентирована на дестабилизацию режимов (66.7%), борьбу с терроризмом (36.4%) и предотвращение войн (31.6%). ЕС имеет менее выраженную «специализацию», но все же выделяется высокой долей санкций, введенных с целью защиты прав человека (22.8%) и окончания войн (22.2%). Примечательно, что ни ЕС, ни США не являются абсолютными лидерами по удельному весу санкций, введенных с целью поддержки демократических институтов – 17.4 и 15.6% от их общего количества соответственно. Помимо стран «Глобального

Севера», данный приоритет разделяют и африканские международные организации – в частности, Африканский Союз (10.3%) и ЭКОВАС (5.2%).

Таблица 2
Удельный вес США, ЕС и ООН в общем количестве санкций
по видам политических целей, 1950–2016 гг. (%)

Политическая цель	США	ЕС	ООН	Итого
Поддержка демократии	15.6	17.4	4.6	37.6
Защита прав человека	18.5	22.8	16.3	57.6
Окончание войны	11.1	22.2	34.7	68.0
Предотвращение войны	31.6	10.5	42.1	84.2
Борьба с терроризмом	36.4	18.2	27.3	81.9
Дестабилизация режима	66.7	11.1	0.0	77.8
Изменение политики	10.8	0.0	18.9	29.7
Другое	15.8	10.5	5.3	31,6

Составлено авторами по: [Felbermayr et al., 2020]

Оценка эффективности санкций является достаточно болезненным вопросом для мирового сообщества, так как они нередко оказывают негативный эффект на качество и уровень жизни населения в государствах-объектах санкций, а также в третьих странах и даже самих субъектах санкций [Шарова, 2019; Сапунцов, 2018; Нуреев, Бусыгин, 2017]. Вместе с тем, даже если санкции и достигают своих целей, то не всегда можно говорить о реальных результатах – нередко требования мирового сообщества выполняются лишь формально [Григорян, 2019]. Тем не менее даже если оставить эту проблему в стороне, эффективность санкций по отношению к африканским государствам вызывает вопросы: только 39.9% из них завершилась полным успехом; 14.2% – частичным успехом и 9.2% – привели к переговорам по урегулированию споров; 10.9% – классифицируются как неудавшиеся; 25.7% по состоянию на 2016 г. еще не были сняты. Здесь необходимо отметить неоднозначность некоторых примеров «благополучного» исхода санкций. Например, введенные в 2012–2016 гг. санкции против Гвинеи-Бисау, направленные на демократизацию этого государства, по мнению субъектов санкций, завершились полным успехом, хотя индекс демократии в стране остается одним из самых низких в мире [Demograsu, 2019].

Таким образом, ни один другой континент мира не столкнулся с таким масштабным применением санкций как Африка. Наиболее распространенными причинами их введения чаще всего выступали вооруженные конфликты, гражданские войны, государственные перевороты и т.п. [Afrīyie, Jian, 2018] Основными целями введения санкций являются поддержка демократических институтов, защита прав человека, а также прекращение вооруженных конфликтов. В то же время, эффективность подобных мер оставляет желать лучшего, поскольку, во-первых, своей цели достигает только немногим более половины санкций; во-вторых, они могут иметь негативные социально-экономические и политические эффекты, которые чрезвычайно трудно прогнозировать. В свете имеющихся данных санкции могут восприниматься не столько в качестве инструмента стабилизации политической ситуации, сколько в качестве способа манипуляции элитами развивающихся стран. Действительно, стратегия догоняющего развития, для которой необходима финансовая и

научно-техническая поддержка со стороны мирового сообщества, вынуждает многих из них следовать правилам, выработанным, прежде всего, западными странами [Taylor, 2020].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В АФРИКЕ

В соответствии с контекстом ключевых историко-политических событий, затронувших Африку, и имеющимися статистическими данными мы выделяем три этапа санкционной политики мирового сообщества по отношению к странам этого континента: холодная война, постсоветский этап, современный этап.

Первый этап охватывает период до конца 1980-х гг.³, когда экономическая и политическая система многих молодых независимых африканских государств оставалась тесно связанной с бывшими метрополиями, при этом эти отношения были выгодны прежде всего для последних. Конкурентоспособной альтернативой⁴ капиталистическому пути развития стал социализм, предлагаемый СССР вместе с финансовой, политической, социальной и научно-технической поддержкой (см. подробнее: [Черная Африка, 2016, с. 177–178]). Советский Союз активно выступал против колониальной системы на протяжении всего своего существования, но его активизация в Африке началась фактически только в 50-х годах прошлого века [Денисов, Урнов, 2010]. Помимо чисто практических целей, политика СССР в Африке определялась логикой холодной войны с Западом, «...когда усиление собственных позиций в любой части света рассматривалась как ослабление противника» [Черная Африка, 2016, с. 215]. Влияние Советского Союза в Африке оставалось существенным вплоть до конца 1980-х гг., пока он не столкнулся с масштабным социально-экономическим и политическим кризисом, вызвавшим впоследствии распад СССР. В это же время фактически произошло завершение холодной войны на африканском фронте; в результате большая часть просоветских режимов прекратила свое существование в начале 1990-х гг. [Черная Африка, 2016, с. 219].

Главная особенность данного этапа заключается в низкой эффективности торговых, финансовых и т. п. санкций [Felbermayr et al., 2020], а также в нецелесообразности применения санкций против африканских государств в принципе. Исходя из структуры групп объектов и субъектов санкций, можно предположить, что данный инструмент давления вводился фактически только в двух случаях: 1) когда оба политических лагеря находили политику того или иного государства недопустимой (например, из 59 эпизодов введения санкций 35 были нацелены на изменение внутренней политики в ЮАР и Родезии); 2) когда действия того или иного государства носили открыто агрессивный характер по отношению к субъектам санкции (например, санкции против Ливии, введенные после террористической атаки). В связи с этим отдельным вопросом встает вопрос контроля за реализацией санкций, а также логики и последовательности их введения.

Низкая эффективность санкций объясняется еще и тем, что молодые, преимущественно слаборазвитые, страны Африки только начинали свое формирование и интеграцию в глобальную экономику и политику, поэтому у мирового сообщества было не так много рычагов для санкционного давления на них. Нецелесообразность их применения определяется характером конкуренции между СССР и странами Запада – в случае введения ограничений объект санкционного давления мог достаточно быстро переориентировать-

³ Статистические данные приведены на период с 1957 г. (первый эпизод введения санкций – против Туниса) до 1988 г. (введение санкций против просоветского режима в Сомали).

⁴ Также появлялись идеологии panaфриканизма, африканского социализма, негритюда и т.д., но они не получили широко распространения [Кассеа Ньгусие, Ивкина, 2020.].

ся на противостоящий идеологический лагерь. В связи с этим мы согласны с мнением И.И. Филатовой о том, что «единственной силой, которая реально могла противостоять авторитаризму и коррупции, была армия» или военное вмешательство [*Черная Африка*, 2016, с. 183]. Этими методами чаще всего и осуществлялась смена власти, в том числе свержение просоветских режимов в Буркина-Фасо [Smith, 2014], Гвинеи [Mendy, Lobban, 2013, р. 296–297] и др.

После завершения холодной войны начинается *второй этап* санкционной политики мирового сообщества по отношению к Африке, который характеризуется активным применением соответствующих инструментов давления со стороны стран Запада. Среди официальных целей введения санкций стала абсолютно доминировать поддержка демократических институтов (45.5%)⁵. В результате многие африканские режимы претерпели демократизацию – в целом ряде из них прошли законные президентские выборы, появились многопартийные государства. Параллельно с этим активизировались глубинные преобразования африканских обществ и их политической системы, в основе функционирования которой изначально лежал этнический, этнорелигиозный или племенной принцип [Давидсон, 2020]. Соответствующий принцип зачастую использовался в колониальном управлении и позже в рамках создания политических партий. Однако в силу того, что западные страны стремились оказывать поддержку исключительно партиям с общенациональным присутствием, количество «традиционных» партий сокращалось [Кассае Ныгусие, Ивкина, 2020].

В результате, после распада СССР и становления однополярного мира позиции Запада в Африке существенно укрепились: он стал играть определяющую роль в формировании политической и экономической системы государств континента, что также было характерно и для многих других регионов мира. Как справедливо отмечает Л.Л. Фитуни, «... в самом конце XX века формально “независимых” государств стало почти на две дюжины больше, но степень колониальности их положения в условиях монополярного мира многократно возросла» [Фитуни, 2020, с. 14]. По нашему мнению, именно с этого времени можно говорить о широком распространении неоколониализма, хотя, несомненно, это явление возникло гораздо раньше [Sarte, 2001; Горелов, 2014].

Резкое изменение политического контекста для многих африканских стран на фоне других социально-экономических проблем и культурно-цивилизационных разногласий имело крайне негативные последствия [Bratton, Gyimah-Boadi, 2015]. Они выразились в целой серии кровопролитных войн, унесших жизни миллионов людей. При этом многие из этих конфликтов не решены до сих пор, а введение санкций зачастую не способствовало их завершению, а лишь ухудшало положение обычных граждан [Григорян, 2019].

Таким образом, основной особенностью данного этапа стало масштабное давление западных стран на государства Африки с целью утверждения демократических институтов и окончательное исчезновение просоветских режимов. Одним из основных инструментов реализации данной цели стало санкционное давление, о чем свидетельствуют статистические данные [Felbermayr et al., 2020]. Начавшаяся в это время глубинная перестройка политической системы целого ряда государств континента сопровождалась их экономической эксплуатацией со стороны бывших метрополий, а также США. В совокупности эти факторы привели к дестабилизации целого ряда стран Африки, замедлению их социально-экономического развития. Данные последствия оказались настолько серьезными, что страны Запада оказались неспособными контролировать ситуацию. Все это сопровождалось нарастанием

⁵ Примечательно, что санкции, вводимые крупнейшими африканскими международными организациями – Африканским Союзом и Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС) – против других стран континента, преследовали в основном эту цель [Felbermayr et al., 2020].

критического отношения к всеобъемлющим (комплексным) санкциям – в научных работах стала все более популярна точка зрения о том, что такой инструмент применительно к целым государствам не достигает своей цели, а только наносит вред их развитию.

Сложившаяся ситуация заставила международное сообщество искать новые, более эффективные инструменты давления на элиты африканских государств, несущие ответственность за тяжелые преступления, при этом оставляя не затронутыми обычных граждан. Одним из таких инструментов стал Международный уголовный суд. Несмотря на то, что идея создания подобного органа была озвучена Президентом Международного комитета Красного Креста Гюставом Муанье еще в 1872 г. [Moynier, 1872], ее практическая реализация началась фактически только в июле 2002 г. [Situation, 2021], когда был ратифицирован Римский статут, принятый и открытый для подписания в 1998 г. (см. подробнее: [Волеводз, 2009]).

Именно с этого времени начинается *третий этап* санкционной политики мирового сообщества по отношению к Африке, который продолжается до сих пор. Специфика современного этапа определяется особенностями работы МУС⁶, среди которых отметим лишь наиболее значимые для настоящего исследования: 1) МУС уполномочен привлекать к ответственности любые физические лица, ответственные за совершение преступлений, входящих в его юрисдикцию (см. выше); 2) территориальная юрисдикция МУС ограничена присоединившимися к Римскому статуту государствами, а также к гражданам этих государств, находящихся на территории других стран. Тем не менее в двух случаях МУС все же имеет право вести дело на территории других государств – в том случае, если Совет Безопасности ООН передает некоторую ситуацию в МУС посредством резолюции или же когда государство обратилось к Секретарю Суда с заявлением о расследовании конкретного изолированного преступления; 3) в своей деятельности МУС ориентируется на преступления, совершенные после ратификации Римского статута, но его главная задача состоит в том, чтобы не допустить таких событий в будущем [Rome, 2002]. Таким образом, МУС был наделен достаточно широкими полномочиями: в частности, он может привлекать к ответственности лидеров государств, а его территориальная юрисдикция потенциально может охватывать все государства мира.

На момент подготовки статьи к Римскому статуту присоединились 123 государства мира, из них 33 находятся в Африке [The States, 2021]. При этом африканские страны «выразили свою приверженность учреждению МУС и подчеркнули важность создания и эффективной деятельности данного Суда для Африки и всего мирового сообщества в целом» [Букуру, 2018]. Однако пристальное внимание МУС к ситуациям в Африке привело к тому, что вскоре его деятельность стала восприниматься африканскими элитами как инструмент давления со стороны Запада [Butty, 2013]. Данная точка зрения основывается на том, что МУС до последнего времени не расследовал ситуации за пределами континента: в настоящее время МУС разбирается в 13 ситуациях в 12 странах, из них 9⁷ – в Африке: Уганда, ДРК, Судан, ЦАР, Кения, Ливия, Кот-д'Ивуар, Мали, Бурунди. При этом все 29 дел, заведенные в отношении физических лиц, касались исключительно африканцев, большая часть из которых была так или иначе причастна к преступлениям, совершенным в пределах только трех стран: ДРК (8 процессов), Судана (6) и Кении (5) после 2002 г.⁸. Особенно сильный резонанс в кругах африканских элит был вызван судебными разбирательствами по ситуации в Дарфуре (расследование ведется с 2005 г.), Кении (2010) и Кот-д'Ивуаре (2012), в каждом

⁶ Подробное описание правовой базы деятельности МУС присутствует в [Rome..., 2002; Amendments, 2010].

⁷ Ситуация в Судане и Ливии была передана в МУС Советом Безопасности ООН.

⁸ На момент написания статьи только пять человек получили тюремные сроки: четверо были причастны к конфликту в ДРК, один – к конфликту в Мали.

из которых обвинения были выдвинуты в том числе к лидерам этих государств [*Situations*, 2021]. В результате возросла степень недоверия к МУС, воспринимаемому элитами некоторых африканских государств не в качестве инструмента манипуляции, а не поддержания мира. Ввиду данной проблемы Африканский Союз выступил за создание альтернативной МУС Международной уголовной палаты в рамках Африканского суда справедливости и по правам человека [Букуру, 2018].

Африка остается подверженной наибольшему санкционному давлению по сравнению с другими регионами мира: за относительно короткий период времени насчитывается 104 эпизода введения санкций. Главными субъектами санкций выступали ЕС (24.0% общего количества эпизодов введения санкций), ООН (19.2%) и США (17.3%). Среди официальных целей санкционного давления наиболее популярными была защита прав человека (33.8%), поддержка демократических институтов (24.6%) и завершение вооруженных конфликтов (22.5%). Говорить об эффективности и конкретных результатах современного этапа пока что рано – по состоянию на 2016 г. больше половины санкций не были сняты [Felbermayr, 2020].

ОБСУЖДЕНИЕ

Среди особенностей современного этапа санкционной политики по отношению к государствам Африки, которые уже проявились достаточно четко, отметим, во-первых, изменение характера санкций. Вместо всеобъемлющих произошла актуализация таргетированных санкций, ориентированных прежде всего на конкретных физических лиц, преследуемых в том числе МУС, деятельность которого носит глобальный характер. Во-вторых, в это время обозначился тренд на усиление «саморегуляции» международных отношений в Африке. Об этом также свидетельствует активизация Африканского Союза, ЭКОВАС и др. организаций во внутрирегиональной санкционной политике – в совокупности за 14 лет они ввели почти 20% санкций. Тем не менее последний тезис носит неоднозначный характер, так как структура санкций со стороны данных организации по целям и объектам схожа с таковой у США и ЕС.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что санкции остаются ключевым инструментом влияния Запада на элиты развивающихся государств Африки. Однако, увеличение количества применяемых к ним санкций имеет негативное отражение в их социально-экономическом развитии, качестве и уровне жизни населения. Вызывает опасение тот факт, что данная проблема характерна для наименее развитых государств континента, которые столкнулись с активизацией радикальных террористических движений [Gorokhov, Dmitriev, Zakharov, 2018], войнами и т.п. Введение против таких государств санкций еще больше ухудшает положение населения, что зачастую используется преступными элементами для вербовки новых членов и расширения своего поля деятельности.

Перспективными направлениями дальнейших исследований по данной теме может стать сопоставление декларируемых и скрытых целей введения санкций, особенно по отношению к авторитарным режимам. Не меньший интерес вызывает изучение последовательности введения разного вида санкций, их фактической реализации, а также осуществления контроля над их соблюдением. В этой связи важной задачей становится разработка методологии, которая могла бы позволить дать объективную оценку потерь государств разных регионов мира, находящихся под санкциями со стороны мирового сообщества, с учетом их историко-культурных, социально-экономических и политических особенностей. Также необходимо более подробное изучение специфики выделенных нами этапов санкционной политики мирового сообщества в Африке на примере отдельных кейсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Таким образом, в соответствии с контекстом историко-политического развития Африки и имеющимися статистическими данными выделено три этапа санкционной политики по отношению к государствам Африки: холодная война, постсоветский и современный этапы. Главная особенность первого этапа состоит в низкой эффективности и нецелесообразности введения санкций в условиях холодной войны. Ее завершение на африканском фронте в конце 1980-х гг. обозначило начало второго этапа санкционной политики, особенностью которого стало масштабное давление стран Запада, направленное на поддержку демократических институтов и ослабление просоветских режимов. Одним из негативных эффектов этого вмешательства стала серьезная дестабилизация африканского континента, вынудившая мировое сообщество начать активную разработку альтернативы всеобъемлющим санкциям. Ею стали таргетированные санкции, которые в последнее время получают все большее распространение. Современный этап обозначился началом деятельности МУС в 2002 г., который получил возможность преследовать высокопоставленных лиц, в том числе президентов отдельных стран.

Ответной реакцией на пристальное внимание к Африке, сопровождаемое усилением давления со стороны международного сообщества, стала популяризация идеи создания альтернативных инструментов регулирования отношений внутри макрорегиона. Помимо возможно субъективного отношения африканских элит это могло быть мотивировано низкой эффективностью санкций, которые, согласно статическим данным, достаточно редко достигают официально декларируемых целей и оказывают негативное влияние на качество и уровень жизни рядовых граждан подсанкционных государств.

В перспективе можно прогнозировать еще большее усиление тренда на увеличение самостоятельности Африки как актора мировой политики. Однако в этой связи вызывает опасение тот факт, что некоторые африканские государства на данный момент не обладают достаточными ресурсами для решения существующих проблем и, нуждаясь в поддержке со стороны мирового сообщества, ориентируются на устоявшиеся, но далеко не всегда обоюдовыгодные отношения с бывшими метрополиями и другими государствами мира.

Решение существующей дилеммы будет зависеть от слаженности действий ключевых региональных организаций – в первую очередь Африканского Союза, степени вовлеченности Запада во внутреннюю политику государств континента, а также способности государств Африки устанавливать и поддерживать отношения с другими альтернативными мировыми центрами, например Россией. В любом случае возрастающая активность в санкционной политике и инициативы по созданию собственных независимых механизмов правовой регуляции подтверждают мнение о становлении африканского полюса многополярного мира [Абрамова, Фитуни, 2018], консолидация которого, судя по всему, будет происходить вокруг региональных организаций. Вместе с тем, в будущем можно ожидать переориентации вектора санкционной политики Африки с внутри- на внешнерегиональный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 12. С. 5–14 [Abramova I.O., Fituni L.L. The African Segment of Multipolar World: Dynamics of Geostrategic Significance. *World Economy and International Relations*. 2018. No. 12. Pp. 5–14 (in Russian)].

Букуру Ж.Б. Эволюция взаимодействия Международного уголовного суда и африканских стран. *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 146–156 [Bukuru J.B. Evolution of the Interaction between

the International Criminal Court and African Countries. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 1. Pp. 146–156 (in Russian)].

Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе. *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № 2. С. 55–68 [Volevodz A.G. International Criminal Justice: from the Idea to the Modern System. *MGIMO Review of International Relations*. 2009. No. 2. Pp. 55–68 (in Russian)].

Горелов А.А. От колониальной системы до глобального неоколониализма. *Век глобализации*. 2014. № 2. С. 52–64 [Gorelov A.A. From the World Colonial System to Global Neocolonialism. *Age of Globalization*. 2014. No. 2. Pp. 52–64 (in Russian)].

Григорян Г.Р. Методологические основы оценки результативности применения внешнеэкономических санкций. *Экономические отношения*. 2019. № 4. С. 2793–2804 [Grigoryan G.R. Methodological Bases of Evaluating the Effectiveness of External Economic Sanctions. *Journal of International Economic Affairs*. 2019. No. 4. Pp. 2793–2804 (in Russian)].

Давидсон А.Б. Перелом в судьбе Африки. К 60-летию «года Африки». *Новая и новейшая история*. 2020. № 3. С. 130–137 [Davidson A.B. The Turn in African History. For the 60th Anniversary of the Year of Africa. *Modern and Contemporary History*. 2020. No. 3. Pp. 130–137 (in Russian)].

Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 12. С. 15–20 [Denisov A.V., Urnov A.Yu. The Soviet Union and Decolonization of Africa. *Asia and Africa Today*. 2010. No. 12. Pp. 15–20 (in Russian)].

Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020. № 4. С. 640–653 [Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The Role of the religious Factor in the Formation of Conflict Zones in Africa. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences*. 2020. Vol. 65. No. 4. Pp. 640–653 (in Russian)].

Кассая Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения*. 2020. № 1. С. 22–38 [Kassaye Nigusie W.M., Ivkina N.V. Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. No. 1. Pp. 22–38 (in Russian)].

Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации. *Terra economicus*. 2017. № 3. С. 56–74 [Nureev R.M., Busygin E.G. Economic Sanctions: Costs and Benefits of Confrontation. *Terra economicus*. 2017. No. 3. Pp. 56–74 (in Russian)].

Сапунцов А.Л. Диверсификация внешнеторговых связей стран Африки с Россией. *Вестник университета*. 2018. № 12. С. 111–118 [Sapuntsov A.L. Diversification of Foreign Trade Relations between African Countries and Russia. *Vestnik universiteta*. 2018. No. 12. Pp. 111–118 (in Russian)].

Фитуни Л.Л. «Санкционное таргетирование»: инструмент внешней политики, нечестной конкуренции или глобального социального инжиниринга? *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 3. С. 17–41 [Fituni L.L. Targeted Sanctions: a Tool of Foreign Policy, Unfair Competition or Global Social Engineering? *MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 3. Pp. 17–41 (in Russian)].

Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! *Ученые записки Института Африки*. 2020. № 4. С. 5–17 [Fituni L.L. Complete the Process of Decolonization! *Journal of the Institute for African studies*. 2020. No. 4. Pp. 5–17 (in Russian)].

Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки. Под ред. А.С. Белезина, С.В. Мазова, И.И. Филатовой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 [Black Africa: Past and Present. The Modern and Contemporary History of Tropical and Southern Africa: a textbook. Editors: A.S. Belezin, S.V. Mazov, I.I. Filatova. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke, 2016 (in Russian)].

Шарова А.Ю. Влияние санкций на экономику стран, не имеющих выхода к морю (на примере ЦАР и Мали). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 3. С. 49–63 [Sharova A.Yu. The

Impact of Economic Sanctions on Landlocked States (Comparative Case Studies of CAR and Mali). *Journal of the Institute for African studies*. 2019. No. 3. Pp. 49–63 (in Russian)].

African Economic Outlook 2020. *Developing Africa's Workforce for the Future*. Africa Development Bank Group: Abidjan, Côte d'Ivoire.

African Union accuses ICC of “hunting” Africans. *BBC*. 2013. <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-22681894/> (accessed 15.01.2021).

Afriyie A.F., Jian J. An Investigation of Economic Sanctions and Its Implications for Africa. *Journal of Politics and Law*. 2018. No. 3. Pp. 74–81.

Amendments to the Rome Statute of the International Criminal Court. UN document C.N.651.2010. TREATIES-8. 11.06.2010. <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2010/CN.651.2010-Eng.pdf> (accessed 20.01.2021).

Bond P. *Putting an end to the EU's neo-colonial policies in the field of trade and investment*: Economic pressures from above, social reaction from below. Committee for the Abolition of Illegitimate Debt. 2020. <https://www.cadtm.org/Putting-an-end-to-the-EU-s-neo-colonial-policies-in-the-field-of-trade-and-18961> (accessed 15.02.2021).

Bratton M., Gyimah-Boadi E. Political Risks Facing African Democracies: Evidence from Afrobarometer. *Afrobarometer Working Paper*. 2015. No. 157. <http://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Working%20papers/afropaperno157.pdf> (accessed 16.02.2021).

Butty J. Analyst Questions ICC's Intense Focus on Africa. *VOA News*. 2013. <http://www.voanews.com/content/icc-focus-on-africa-questioned/1633694.html> (accessed 15.02.2021).

Democracy Index 2019. *The Economist Intelligence Unit Limited*. 2019. <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 14.01.2021).

Devecioğlu K. *Analysis – France Tries New Tactics after Losing Influence in West Africa*. Anadolu Agency. 2020. <https://www.aa.com.tr/en/africa/analysis-france-tries-new-tactics-after-losing-influence-in-west-africa/1720306> (accessed 15.01.2021).

Dmitriev R.V., Gorokhov S.A., Zakharov I.A. Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions. *Filosofia Theoretica*. 2020. Vol. 9, No. 1. Pp. 47–62.

Felbermayr G., Kirilakha A., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y.V. The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*. 2020. Vol. 129.

Fragile States Index. *Annual Report 2019*. The Fund for Peace. <https://fundforpeace.org/wp-content/uploads/2019/04/9511904-fragilestatesindex.pdf> (accessed 11.01.2021).

Global Employment Trends for Youth 2020: Africa. International Labour Organization. 2020. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/dcomm/documents/briefingnote/wcms_737670.pdf (accessed 18.01.2021).

Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th–Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*. 2018. Vol. 39. Issue 1. Pp. 88–94.

Mendy K.P., Lobban R.A. Jr. *Historical Dictionary of the Republic of Guinea-Bissau*. 4th ed. Plymouth: Scarecrow, Inc., 2013. Pp. 296–297

Moynier G. *Note sur la création d'une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la convention de Genève*, lue au comité international de secours aux militaires blessés dans sa séance du 3 janvier 1872. Genève: Soullier et Wirth, 1872.

Report of International Criminal Court. UN document A/60/177. 01.08.2005. <https://digitallibrary.un.org/record/556133?ln=ru> (accessed 20.01.2021).

Rome Statute of the International Criminal Court. Document A/CONF.183/9. [https://legal.un.org/icc/statute/english/rome_statute\(e\).pdf](https://legal.un.org/icc/statute/english/rome_statute(e).pdf) (accessed 15.1.2021).

Sarte J. *Colonialism and Neocolonialism*. New York: Routledge, 2001 (original work published in 1964)

Situation in the Democratic Republic of the Congo. International Criminal Court. 2021. <https://www.icc-cpi.int/drc> (accessed 13.1.2021).

Situations under Investigation. International Criminal Court. 2021. <https://www.icc-cpi.int/Pages/Main.aspx> (accessed 15.1.2021).

Smith D.A. “Africa’s Che Guevara”: Thomas Sankara’s legacy. *BBC*. 2014. <https://www.bbc.com/news/world-africa-27219307> (accessed 12.01.2021).

Taylor I. Sixty Years Later: Africa’s Stalled Decolonization. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 39–53.

The States Parties to the Rome Statute. 2021. https://asp.icc-cpi.int/en_menus/asp/states%20parties/Pages/the%20states%20parties%20to%20the%20rome%20statute.aspx (accessed 15.1.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАХАРОВ Иван Андреевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan A. ZAKHAROV, PhD (Geography), Senior Researcher of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ruslan V. DMITRIEV, PhD (Geography), Senior Researcher of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017648-9

ПРИОРИТЕТЫ И ВОЗМОЖНАЯ СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

© 2021

Т.А. КАРАСОВА ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0245-5960; karasovat@list.ru

Резюме: *Американо-израильские отношения являются важным фактором политики США на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты и Израиль связывают тесные союзнические отношения. Израиль имеет уникальный статус внеатовского стратегического партнера Соединенных Штатов. США всегда активно влияли на израильскую региональную политику, особо приоритетным направлением США считали свое активное участие в урегулировании палестино-израильского конфликта. Израильяне и американцы разделяют общую точку зрения на то, что Соединенные Штаты играют преобладающую роль и несут основную ответственность за продвижение мирного решения палестино-израильского конфликта. Окончательное решение по формуле двух государств и критическое отношение к вопросу об израильских поселениях на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме долгое время носили консенсусный характер, и в целом поддерживались на двухпартийной основе и демократами, и республиканцами. В период президентства Б. Обамы Джо Байден занимал пост вице-премьера и поддерживал традиционные идеи возобновления мирных переговоров, которые провалились из-за отказа Израиля заморозить еврейские поселения на территориях. Однако следующая администрация Д. Трампа была «более произраильской, чем все другие». Позиция Белого дома при Трампе привела к радикальному отходу от традиционной американской роли «честного брокера» в отношениях между израильянами и палестинцами.*

Победа Джо Байдена в 2021 г. сигнализировала о возможности реструктуризации мирных усилий на палестино-израильском направлении: реабилитацию идеи создания двух государств, обеспечивающих политическое, территориальное и демографическое разделение Израиля и Палестинской автономии. Но в отличие от администраций Обамы и Трампа палестинская проблема не является приоритетной для внешней политики администрации президента Байдена. Поэтому возникает вопрос: что реально президентство Байдена сможет означать для решения палестино-израильского конфликта?

Ключевые слова: Ближний Восток, Израиль, Палестинская автономия, палестино-израильский конфликт, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден.

Для цитирования: Карасова Т.А. Приоритеты и возможная стратегия администрации Дж. Байдена в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017648-9

PRIORITIES AND POTENTIAL STRATEGIES OF J. BIDEN'S ADMINISTRATION FOR PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT SETTLEMENT

© 2021

Tatiana A. KARASOVA^a^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0245-5960; karasovat@list.ru

Abstract: *Israeli-U.S. relations are an important factor in U.S. policy in the Middle East. USA maintain Israel as a strategic ally and Israel was granted the unique American “major non-NATO ally” status. United States actively influenced the Israeli regional policy and consider themselves as Israeli security guarantor. The Palestinian-Israeli conflict settlement was always America’s the most priority area. Israelis and Americans share the view that the United States has a predominant role and responsibility in the Palestinians – Israeli dispute peace-making. The two-state outcome and critical issue over Israeli settlements in the West Bank and Jerusalem was the main topic of American concerns for a long time relied on bipartisanship support of Democrats and Republicans. During Obama’s presidency J. Biden held post of deputy president and supported no new but traditional ideas for restarting negotiations between the sides of the conflict but its policies have failed, from Israel’s refusal to freeze settlement. The next Trump administration however was the “most pro-Israel ever”. Trump’s White House team led a radical departure from the U.S.’s traditional role as the honest broker between Israelis and Palestinians.*

Biden’s victory in 2021 signals principal restructure Israeli-Palestinian peace efforts: rehabilitating a durable two-state formula that establishes political, territorial, and demographic separation between Israel and the Palestinian Authority (PA). But, unlike the Obama and Trump administrations, the Biden administration doesn’t see the Israeli-Palestinian conflict as a foreign policy priority. So, the authors could rise the question: what really a Biden presidency might mean for the Israeli-Palestinian Conflict?

Keywords: *The Middle East, Israel, Palestinian Autonomy, Palestine-Israeli conflict, B. Obama, D. Trump, J. Biden.*

For citation: Karasova T.A. Priorities and Potential Strategies of J. Biden’s Administration for Palestinian-Israeli Conflict Settlement. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. DOI: 10.31857/S086919080017648-9

В последние десятилетия неуклонно усиливалось влияние политической ситуации в ближневосточном регионе на мировой политический процесс. Возросшие вызовы исламского фундаментализма, угроза распространения оружия массового уничтожения в регионе, итоги «арабского пробуждения» стали новыми факторами турбулентности и непредсказуемости ближневосточного региона, влияющими на мировую политику. Проблема неурегулированности самого продолжительного этнополитического арабо-израильского конфликта также постоянно была в центре мировой общественности и традиционно занимала особое место в ближневосточной политике Соединенных Штатов. Тактика Вашингтона на этом направлении была направлена на обеспечение беспрецедентно высокого уровня участия в планах урегулирования, однако все американские усилия по продвижению мирного процесса сталкивались с серьезными трудностями, обусловленными особенностями данного конфликта.

Спецификой палестино-израильского конфликта является сложнейшее переплетение исторических, культурных, религиозных и этнических противоречий конфликтующих сторон, которые чрезвычайно затрудняют возможности выполнения политических требований сторон создания двух независимых государств – еврейского и государства палестинских арабов на территории Палестины. По определению известного российского востоковеда И.Д. Звягельской, стороны противоборства «отстаивают принципы, интересы и символы, исторически сформированные в условиях конфликта» [Звягельская, 2010], что затрудняет возможности внешних акторов, прежде всего США, навязать им свое видение урегулирования.

За последние 10 лет внутренняя и внешнеполитическая ситуация как в Израиле, так и в США неоднократно менялась, что соответственно диктовало изменения некоторых нюансов в отношениях двух стран. Сменилось руководство США – на смену демократической администрации Б. Обамы пришла республиканская команда Д. Трампа, а затем вновь началось правление демократов во главе с президентом Дж. Байденом. В соответствии с конкретной исторической обстановкой по-новому формулировались и задачи региональной политики Израиля. Личный вклад каждого американского президента и израильского главы правительства в становление партнерских отношений двух государств иногда существенно отличался от вклада их предшественников, привнося заметные оттенки в непростой процесс развития стратегического сотрудничества [Карасова, 2019, с. 9]

АМЕРИКАНСКИЕ ПОДХОДЫ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИЙ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА

В годы администрации Б. Обамы (2009–2016) вице-президент Байден считался наиболее компетентным в вопросах ближневосточной политики¹. Он был последовательным проводником внешнеполитической линии политики Демократической партии, и разделял идеи уменьшения чрезмерной политической и военной вовлеченности США в ближневосточные дела². В 2010 г. руководством администрации при участии Байдена был принят программный документ по внешней политике – так называемая Доктрина Обамы [*National Security Strategy*, 2009]. Главный акцент «доктрины» на ближневосточном направлении делался на примирение Америки с арабским и мусульманским миром и миротворческую деятельность на Ближнем Востоке, а также реконструкцию имиджа США как наиболее беспристрастного и эффективного третейского судьи в регионе. Последнее непосредственно касалось позиции Вашингтона по урегулированию палестино-израильского конфликта.

Дж. Байден всегда подчеркивал свое дружественное отношение к Израилю и лично к бывшему в те годы премьер-министру Израиля Б. Нетаньяху. В то же время Байден был сторонником и проводником позиции Обамы в определении методов политического урегулирования конфликта. Они сводились к возобновлению мирных переговоров, цель которых – достижение мира на базе образования независимого палестинского государства по формуле «два государства для двух народов» [O'Malley, 2015, p. 67]. Он неоднократно подчеркивал, что теплые отношения с Израилем не означают отказ от критики некоторых аспектов израильской политики, особенно по палестинской проблеме [Ahren, 2020].

В Белом доме разделяли идею об асимметричности конфликта, и считали Израиль наиболее сильной стороной, которая должна идти на уступки ради достижения мира.

¹ Дж. Байден считается одним из самых авторитетных и опытных представителей Демократической партии. Он 36 лет проработал в Сенате, возглавляя юридический комитет и комитет по международным делам.

² На посту вице-президента, Байден активно занимался внешней политикой. В частности, выступал против увеличения американского контингента в Афганистане и за вывод американских войск из Ирака.

Поэтому администрация Обамы – Байдена считала, что прийти к примирению сторон можно путем давления на Израиль с тем, чтобы вынудить его пойти на кардинальные уступки палестинским арабам в «коренных» вопросах [Ross, 2015, p. 351]. В основном критика с американской стороны касалась израильской практики расширения еврейских поселений на палестинских территориях. Традиционно для США тема поселений была некоей вялотекущей проблемой. Предыдущие администрации, хотя и критиковали израильскую практику строительства еврейских поселений, но не требовали их полного замораживания. Строительство и расширение поселений за счет естественного развития принималось и Клинтон, и Бушем мл. [Dannon, 2017, p. 53]. Однако она обострилась при Обаме, поскольку администрация потребовала полного прекращения строительства еврейских поселений на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим. Американское давление вызывало недовольство со стороны израильского политического истеблишмента, и это стало началом нарастания противоречий и ухудшающихся отношений между американским и израильским руководством [Caspit, 2017, p. 266].

Под сильным американским давлением в 2009 г. было принято решение о замораживании строительства поселений на Западном берегу р. Иордан [Oren, 2015, p. 49]. Это решение «продавили» вице-президент Дж. Байден и госсекретарь Х. Клинтон. Байден рассчитывал, что период «замораживания» подходит для возобновления переговорного процесса [Tauber, 2021]. Но в марте 2010 г., будучи с визитом в Израиле для последнего согласования условий переговоров, Дж. Байден обнаружил, что началось новое строительство в Восточном Иерусалиме. Это было расценено им как нарушение американо-израильских договоренностей, и вице-президент немедленно прервал свой визит. Инициатива американской администрации стать посредником в переговорах Израиля с палестинцами оказалась под угрозой [Карасова, 2019, с. 403].

Стремление Обамы во что бы то ни стало добиться от Израиля возобновления переговорного процесса с палестинцами было продиктовано, как представляется, необходимостью для администрации добиться хоть какого-то значимого внешнеполитического успеха, который компенсировал бы слабость ее позиций по другим вопросам ближневосточной политики. В июле 2013 г. в результате посреднической миссии госсекретаря Дж. Керри израильтяне и палестинцы, наконец, начали очередные мирные переговоры. Эта попытка достичь окончательного урегулирования за столом переговоров по инициативе США, длившаяся 9 месяцев (с июля 2013 по апрель 2014 г.) так же, как и все предыдущие, окончилась провалом. Даже скорректированный Керри более скромный по своим задачам план подписания рамочного соглашения между сторонами, который в будущем мог бы стать основой для заключения окончательного документа, был отклонен и израильтянами, и палестинцами. В целом в годы правления администрации Обамы мирное урегулирование палестино-израильского конфликта не стало реальностью.

К моменту избрания президентом США Д. Трампа все предлагавшиеся американцами «мирные программы» не были реализованы из-за того, что и палестинцы, и израильтяне выдвигали условия, практически неприемлемые для другой стороны. За время существования конфликта установился статус-кво, поддерживаемый всеми вовлеченными сторонами – палестинскими и израильскими политическими силами, а также региональными и нерегиональными акторами. Переговоры тонули в бесконечных спорах и неувязках, которые не могли быть убраны даже за счет применения традиционных американских методов принуждения и давления на обе стороны конфликта [Карасова, 2019, с. 103].

При Трампе произошло беспрецедентное сближение интересов Израиля с ближневосточной политикой республиканской администрации. Явно выраженный произраильский крен в целом ряде решений Трампа, укрепляющий жесткие региональные позиции Израиля, шел вразрез с линией Демократической партии, ушедшей в оппозицию.

Дальнейшие события отчетливо продемонстрировали негативное влияние американского руководства на перспективы возобновления процесса палестино-израильского урегулирования. Политика Трампа и его соратников была направлена на ослабление позиций руководства Палестинской Автономии (ПА). Откровенно произраильская позиция по «палестинскому вопросу» привела к еще большему ужесточению политики Израиля в одном из самых острых вопросов урегулирования – в области еврейских поселений [Карасова, 2020]³.

Основные позиции администрации Трампа в области региональной политики Израиля были зафиксированы в мирном плане администрации Д. Трампа, получившего название: «От мира к процветанию»: пути улучшения жизни израильтян и палестинцев». План, обнародованный в начале 2020 г., накануне израильских выборов в 35-й Кнессет, претендовал на фундаментальное отличие от всех прошлых американских и международных планов урегулирования конфликта [*Breaking the Paradigm?*, 2020]. Хотя план Трампа, как и последние американские предложения, поддерживал концепцию «два государства для двух народов», идеи о том, как это государство может быть создано и какое оно будет в будущем, резко отличались от прошлых международно признанных схем.

Подавляющее большинство израильских политиков и экспертов определили американский план как «серьезный документ, как важный шаг для Израиля, который гораздо больше считается с интересами Израиля, чем все предыдущие, в том числе, планы, сформулированные американскими администрациями Картера, Буша и Обамы. План, с их точки зрения, учел современную ситуацию в конфликте и картину развития Западного берега после 1990-х гг., и то обстоятельство, что время работает против палестинцев [Yadlin, 2020].

К таким обстоятельствам можно отнести заключение при активной поддержке Вашингтона мирных договоров между Израилем и рядом арабских государств. Договоры означали еще один шаг по вытеснению проблем палестино-израильского конфликта на периферию интересов региональных арабских стран и внешних акторов. До недавнего времени все арабские государства официально отказывались нормализовать свои отношения до тех пор, пока Израиль не решит вопрос с палестинскими территориями. Палестинцы с тревогой наблюдают, как Арабский мир сближается с Израилем, фактически примиряясь с тем, как правящие круги Израиля игнорируют права палестинцев. Реакция палестинской стороны была вполне предсказуемой. Рамалла отозвала посла из Эмиратов и отказалась от продолжения переговоров с Израилем и от контактов с США [Siriyoti, 2020].

РАЗРАБАТЫВАЕМАЯ СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПАЛЕСТИНО ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

В результате выборов 2021 г. к власти вновь пришла Демократическая партия и Дж. Байден стал 46-м президентом США. Определяемая президентом Байденом внешне-

³ Трамп предпринял целый ряд шагов в направлении политического и дипломатического наступления на палестинцев. В 2017 г. администрация прекратила финансирование БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ – англ. UNRWA), предоставляющего гуманитарную помощь палестинцам и беженцам из Газы. В сентябре 2018 г. было закрыто представительство ООН в Вашингтоне. Поводом послужило заключение американских властей, что палестинцы не поддерживают мирные переговоры с Израилем. В том же году состоялся перенос американского посольства в Иерусалим. В марте 2019 г. США официально признали суверенитет Израиля над Голанскими высотами, что было объяснено чрезвычайной стратегической важностью Голан не только для Израиля, но и для региональной безопасности в целом, вследствие того, что в Сирии укрепились позиции враждебных Израилу группировок, поддерживаемых Ираном. Этот шаг был очередным политическим подарком израильскому премьер-министру накануне апрельских выборов 2019 г. Нетаньяху оценил это решение Трампа как послание американского президента, подтверждающее, что Америка по-прежнему поддерживает безопасность Израиля» (см. подр.: [Карасова, 2020]).

политическая стратегия акцентирована на принципиальном отличии от «провальной», с точки зрения демократической администрации, политики Трампа и сформулирована как послание: «Америка вернулась» [*Речь президента Байдена*, 2021]. Перед лицом множества сложных проблем глобального характера, от пандемии до климатического кризиса и ядерного нераспространения, Ближний Восток вряд ли может считаться приоритетным направлением внешней политики Белого дома. Исключением является задача возвращения США в «ядерную сделку» с Ираном (соглашение, из которого США вышли в 2018 г.). На уровне мировой политики важнейшими проблемами для администрации Байдена являются отношения с Азией и противостояние с Китаем. Этими проблемами будут, очевидно, определяться модели поведения администрации Байдена на международном уровне. Однако ближневосточный узел, в который завязаны многие мировые проблемы, Белому дому игнорировать нельзя.

Ближневосточная стратегия новой администрации Байдена еще только начинает выстраиваться. Однако уже предприняты первые шаги, позволяющие судить об основных направлениях будущей политики в этом регионе. На повестке дня продолжение процесса налаживания отношений Израиля с суннитскими государствами Ближнего Востока, поддержание твердых партнерских отношений с Израилем и возвращение США к роли главного арбитра в отношениях сторон палестино-израильского конфликта.

Вряд ли можно предположить, что в настоящее время в запасе ближневосточной команды Байдена есть какие-либо новые «прорывные» инициативы по урегулированию конфликта. Однако на этом направлении можно легко проявить активность, «исправляя» однозначно произраильские перекосы политики Трампа. Есть все основания предполагать, что администрация Байдена будет продолжать традиционную линию демократов по возобновлению переговорного процесса по урегулированию на базе формулы «два государства для двух народов», и вопросы о поселениях, границах и статусе Иерусалима вновь будут решаться в русле прежних параметров времен Обамы.

Политика нынешней администрации демократов в отношении конфликта базируется на целом ряде факторов, некоторые из которых действуют еще со времен администрации Обамы – Байдена, и новых, появившихся в конкретной ситуации борьбы с «наследием» Трампа [Bahbah, 2020]⁴. Прежде всего это категорический отказ от «мирного плана» Трампа и недопустимость аннексии больших участков территории Западного берега, а также непризнание какого-либо израильского суверенитета над возможным палестинским государством. Администрация Байдена – Харрис официально гарантировала иной, беспристрастный, подход к проблемам палестинцев и подтвердила свой подход к израильским поселениям на территориях как к незаконным, противоречащим решениям международного законодательства [*The Middle East in 2021*, 2021]⁵.

Байден предпринял первые шаги по налаживанию испорченных при Трампе отношений с палестинцами. Белый дом объявил о возобновлении финансовой помощи в 200 млн долл. ПА. Было решено вновь открыть американское консульство в Восточном Иерусалиме, вернуть представительство ООП в Вашингтоне. Вашингтон подтвердил готовность предоставить гуманитарную помощь в 150 млн долл. для возобновления работы БАПОР [*US to*

⁴ В отношении чувствительного для Израиля требования об отмене антиизраильского бойкота (BDS – boycott, discriminations, sanctions) Байден выступает против движения в его поддержку, однако отмечает, что поддержка BDS рядом арабских стран не является нарушением американских законов.

⁵ Госдепартамент США в 2021 г. выпустил проект документа «Американо-палестинский перезапуск и путь вперед», который в качестве первых шагов предусматривал финансовую помощь палестинцам в 15 млн долл. для борьбы с пандемией. Были также обнародованы планы восстановить в прошлых объемах ежегодную финансовую помощь ПНА на поддержку проектов экономического развития, гуманитарных программ и усилия на поддержание мира.

restore aid, 2021]. Президентская команда явно меняет, если не саму сущность отношений к Израилю и ПНА, то стиль отношений, принятый в годы Трампа.

В то же время существует ряд решений Трампа, которые администрация не собирается менять. Байден без всяких условий (прежде всего в отношении поселений) подтвердил решимость сохранить в полном объеме финансовую, военную и дипломатическую поддержку Израилю. Он не отменил решения прежней администрации перенести посольство в Иерусалим (оно пока де-факто продолжает действовать в Тель-Авиве) [*The Middle East in 2021*, 2021]. Президент согласился с решением Трампа о признании прав Израиля на Голанские высоты. Администрация также намерена развивать инициативу Трампа по заключению Авраамических соглашений и укреплять политический диалог с арабскими странами, а также стремиться к расширению числа стран, готовых подписать соглашения с Израилем [Bahbah, 2020]. Байден подтвердил обеспечение международной поддержки Израиля, прежде всего в рамках ООН [Lazaroff, 2020].

Предпринятые президентом шаги по улучшению американо-палестинских отношений были с оптимизмом встречены руководством ПНА. Президент уже восстановил уровень дипломатических, финансовых и в области безопасности отношений с ПНА, традиционный для Демократической партии. Сам факт прихода к власти администрации Байдена означает для палестинцев отход от унижительной для них односторонней произраильской линии Трампа. Премьер-министр ПНА М. Штайе подтвердил, что с приходом Байдена палестинская сторона надеется на «новые возможности достижения мира» [Ben-Sorek, 2020].

Однако все предпринятые шаги по налаживанию американо-палестинских отношений не приближают мира между сторонами конфликта. Существует мнение, что Байден, хоть и не намерен игнорировать палестино-израильскую проблему, не очень надеется сдвинуть мирный процесс с мертвой точки. Он, в отличие от Клинтона, пока не планирует проведение мирной конференции и не обозначает ближайшие практические шаги по возобновлению переговоров [Murtaza, 2020]. По признанию некоторых ведущих представителей администрации, Байден уделяет недостаточно внимания проблеме урегулирования конфликта. Помощник заместителя госсекретаря по вопросам палестино-израильского конфликта Х. Амр признает, что его функции весьма ограничены, а представители высшего руководства ближневосточного подразделения Совета Национальной безопасности США, Б. МакГурк и Б. Лиф являются экспертами по странам Персидского залива, занимаясь проблемами этой части ближневосточного региона, а не палестино-израильским конфликтом [*Joe Biden is not planning*, 2021].

Более того, вряд ли Байден рассчитывает на то, что стороны конфликта сами в настоящее время готовы прийти к соглашению. Президент обвиняет в этом и израильтян, и палестинцев. Он не раз критиковал правительство М. Аббаса за «упущенные возможности» прийти к мирным соглашениям. В свою бытность на посту вице-президента в администрации Обамы Байден был свидетелем того, как в 2016 г палестинское руководство отклонило мирные предложения, выработанные бывшим госсекретарем Джоном Керри [*The Middle East in 2021*, 2021].

По выражению Я. Хиршфильда, одного из главных двигателей мирного процесса Осло, есть опасность «повторения старых ошибок в новой упаковке». Проблема состоит не в самих предложениях тех или иных экспертов, а в том, что стороны конфликта продолжают верить в то, во что хотят верить [Hirschfeld, 2021]. Для урегулирования конфликта с обеих сторон должна быть политическая воля к достижению мира, которая могла бы привести к согласованным усилиям преодоления столкновений интересов обеих сторон. Но настоящая тенденция, к сожалению, относит стороны конфликта назад, к привычкам верить только в собственную правду, вместо того чтобы слушать доводы друг друга. Учитывая все обсто-

ительства, команда Байдена считает, что обе стороны не готовы к серьезному разговору. Госсекретарь Э. Блинкен откровенно признал, что, реалистично оценивая ситуацию, трудно предвидеть в ближайшем будущем перспективы какого-то движения в сторону переговоров [Joe Biden is not planning, 2021].

По мнению аналитиков журнала Foreign Affairs, все старые подходы сторонников идеи двух независимых соседских государств, палестинского и израильского, достижимой путем бесконечных переговоров, в настоящее время больше не актуальны [Muasher, 2021]. Ситуация в Палестине изменилась. В свое время, в 2013 г., Керри, бывший госсекретарь в администрации Обамы, предупреждал Комитет по иностранным делам американского Конгресса, о том, что окно возможностей для создания Палестинского государства закроется «уже через два года» [Muasher, 2021]. В новом отчете американского офиса Фонда Карнеги от 2021 г. «Разрушение израильско-палестинского статус кво» содержался призыв покончить с ошибочным идеализмом и начать строить стратегию в полном соответствии сегодняшних демографических и политических реалий. В настоящее время все большее число экспертов приходят к выводу, что все шансы для американской дипломатии урегулировать конфликт на основе старых схем практически закрыты. На Западном берегу и в Восточном Иерусалиме живет более 700 тысяч поселенцев – почти четверть общего числа населения Израиля. Конфликт достиг критической точки, и дорога вперед в сторону мира требует новой парадигмы.

Но дело не только в этом. Политическая ситуация в Израиле и в Палестине – ПНА и Газе – в настоящее время крайне напряжена, и ее развитие непредсказуемо. В Израиле глубокий парламентский кризис 2019–2021 гг. закончился формированием новой широкой правительственной коалиции во главе с правым лидером национально-религиозного лагеря, сторонником поселенческого движения Беннетом. Окончание двенадцатилетнего правления Нетаньяху, возможно, приведет к существенным переменам в политической жизни Израиля, но вряд ли изменит природу отношений Америки с Израилем. Комментируя итоги выборов 2021 г., Байден вновь подтвердил гарантии безопасности Израиля, и то, что после «эры Нетаньяху» американско-израильский союз будет таким же прочным [Finnegan, Miller, 2021]. В то же время шаткое правительство Беннета, стоящего на еще более правых позициях, чем Нетаньяху, объединившее 8 партий самого различного политического спектра от правых до левых, включая впервые вошедшую в правительство арабскую партию РААМ, возможно, будет еще одной проблемой для продвижения мирного процесса⁶.

В Палестинской национальной автономии также налицо кризис руководства. После пятнадцатилетнего перерыва председатель Палестинской Автономии Махмуд Аббас (Абу-Мазен) назначил парламентские выборы на май и президентские на июль 2021 г.⁷. Однако вскоре объявил о переносе сроков новых выборов. Свое решение он обосновал обвинением Израиля, запретившим проведение голосования в арабских кварталах Иерусалима. «Иерусалим – наша красная линия, без него не будет выборов» [Levi, 2021(2)], заявил глава ПНА. Однако у Аббаса есть и другая, более весомая, причина не проводить выборы в назначенный срок. Все опросы общественного мнения, проводившиеся накануне даты выборов, показывали, что у ХАМАС есть реальные возможности победить ФАТХ, как это

⁶ В правительственную коалицию вошли партии «Еш Атид», «Кахоль-Лаван», «Ямина», «Авода», «Наш дом – Израиль», «Тиква Хадаша», «Мерец» и РААМ. В соответствии с коалиционным соглашением Беннет, возглавляющий правую партию «Ямина», будет занимать свой пост до сентября 2023 г., после чего он передаст власть Лапиду, лидеру центристской «Еш Атид», еще на два года.

⁷ Выборы на палестинских территориях не проводились с 2006 г., когда победили сторонники ХАМАСа, захватившие через год в результате военного переворота власть в Газе. Это привело к созданию двоевластия: Газу контролирует ХАМАС, а Западный берег – ФАТХ, во главе с Аббасом. Президентский мандат, и полномочия депутатов ПЗС давно истекли, однако дата новых выборов неоднократно откладывалась.

было на выборах в 2006 г., возглавить ПНА и Палестинский законодательный совет (ПЗС) [Levi, 2021(1)].

Тем временем предпринимаются попытки переосмысливания самой идеи переговоров. Как и прежде, большинство вариантов исходят от американской стороны. Все более популярной становятся не идея, направленная на отделение израильтян от палестинцев, а идеи равноправия двух народов в рамках одного демократического государства [Burak, 2008]. Некоторые американские эксперты видят возможность создания некоего единого государства с двумя отдельными режимами. Но это одинаково неприемлемо как для израильтян, так и для палестинцев, для которых такая возможная ситуация расценивается практически как форма апартеида. Для израильской стороны идеи бинационального государства нереальны в силу демографических процессов, которые неизбежно превратят еврейское население Израиля в национальное меньшинство. Израильтяне пристально следят за предложениями американских экспертов по палестино-израильскому конфликту. Многих тревожит готовность некоторых представителей администрации Байдена «продать» те или иные односторонние уступки со стороны Израиля, укладывающиеся в американское понимание продвижения к миру.

Вероятно, администрация Байдена сфокусируется на достижении некоего промежуточного состояния до возможного решения по формуле двух государств. При этом усилится давление на израильтян по проблеме поселений и территориальным уступкам в пользу палестинцев. В соответствии с новой политической реальностью предполагается, что Байден «реструктуризирует израильско-палестинские усилия» по достижению мира путем ряда переходных шагов. Предполагается, что должен быть выработан «новый правовой подход» (a right-based approach), подразумевающий не только необходимость принятия мер по предотвращению гуманитарного кризиса и экономических трудностей, стоящих перед Западным берегом, Восточным Иерусалимом и Газой, но и последовательную защиту ущемленных прав палестинцев [Muasher, 2021]. Поскольку в краткосрочной перспективе американцам старыми методами возобновить мирный процесс вряд ли удастся, скорее всего в вновь восстановится ситуация статус-кво, в чем в первую очередь заинтересовано израильское руководство. Возможно, в свете последних событий на мировом уровне, в частности, попытки Байдена реанимировать отношения с Европой и установить контакты с Россией, будет намечен возврат к международным усилиям в деле урегулирования в формате Квартета. Возможное продвижение к миру могло бы быть сделано в рамках более масштабных договорённостей о совместных действиях на региональном или международном уровнях. Ясно одно: неурегулированный «тлеющий» конфликт по-прежнему играет дестабилизирующую роль не только на региональном, но и на глобальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Звягельская И.Д. *Палестино-израильский конфликт: ценностное измерение*, 2010 [Zvyagelskaya I. *Palestinian-Israeli Conflict Value Dimension* (in Russian)] http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/palestino-izraelskij_konflikt_cennostnoje_izmerenije_2010-06-30.htm (accessed: 30.06.2010).

Карасова Т.А. «Сделка века» Д. Трампа. Приведет ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта. *Свободная мысль*. 2020. № 4. С. 63–75 [Karasova T. D. Trump “Deal of Century”. Could this Plan Lead to the Palestinian-Israeli Conflict Settlement? *Svobodnaya mysl*. 2020. No. 4. Pp. 63–75 (in Russian)].

Карасова Т.А. *Особенности израильско-американских отношений. Период правления правительств Б. Нетаньяху и администраций Б. Обамы и Д. Трампа (2009–2019)*. Отв. ред. И.Д. Звягельская М.: ИВ РАН, 2019 [Karasova T.A. *The Special Features of Israeli-American Relations. The Period of*

B. Netanyahu Governments and B. Obama and D. Trump Administrations (2009–2019). Ed. I.D. Zvyagelskaya. Moscow : IOS RAS, 2019 (in Russian)].

Речь президента Байдена о месте Америки в мире. Белый дом [Remarks by President Biden on American Place in the World (in Russian)] <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world-ru/> (accessed: 5.02.2021).

Ahren R. *Biden a Veteran Friend of Israel, Settlement Critic, May Be at Odds over Iran*. https://www.timesofisrael.com/biden-a-longtime-friend-israel-critic-of-settlements-may-be-at-odds-over-ran/?utm_source=The+Daily+Edition&utm_campaign=daily-edition-2020-11-07&utm_medium=email (accessed: 7.11.2020).

Bahbah M. *President Biden and the Palestinians: What to Expect*. https://blogs.timesofisrael.com/president-biden-and-palestinians-what-to-expect/?utm_source=the+blogs+weekly+highlights&utm_medium=email-weekly-highlights-2020-11-12&utm_medium=email (accessed: 10.11.2020)

Ben-Sorek Esor. *Bibi's Failure. Israel May Pay the Price. Will a Biden Presidency Usher in Israeli-Palestinian Peace?* <https://blogs.timeofisrael.com/biden-and-israel-frienemies/> (accessed: 19.10.2020).

Breaking the Paradigm? The Trump Plan in Historical Perspective.

February 2020. <http://www.bicom.org.uk/wp-content/uploads/2020/02/Trump-Peace-Plan-Feb-2020-FINAL.pdf>

Burak E. *The Idea of a Bi-National State in the Israeli Palestinian Conflict*. <http://turkishpolicy.com/files/articlepdf/the-idea-of-a-bi-national-state-in-the-israeli-palestinian-conflict-winter-2008-en.pdf> (accessed: 18.12.2008).

Caspi B. *The Netanyahu Years*. New York: Thomas Dunne Books, 2017.

Dannon D. *Israel. The Will to Prevail*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Finnegan C., Miller J. *If Netanyahu Ousted, what Next for US-Israeli Relations?* 5 June 2021. <https://abcnews.go.com/Politics/netanyahu-ousted-us-israeli-relations/story?id=78065081Ad1of100:0804>.

Hirschfeld Y. *What Should Biden Do Next on Israeli-Palestinian Peace and Iran?* A Review Essay. February / 2021 <https://fathomjournal.org/what-should-biden-d0-next-on-israeli-palestinian-peace-and-iran-a-revew-essay-by-hirschfeld/> (accessed: 23.11.2021)

Joe Biden is not Planning to Solve the Israeli-Palestinian Conflict. <https://www.politico.com/news/2021/04/06/joe-biden-israel-palestine-conflict-479405> (accessed: 6.04. 2021).

Lazaroff T. 10 Ways a Biden Win Rattles Israel, Palestinians, Middle East. *The Jerusalem Post*. 07.11.2020. <https://www.jpost.com/us-elections/10-ways-a-biden-win-rattles-israel-palestinians-middle-east-analysis-648358> (accessed: 9.11.2020).

Levi H. *Palestinian Authority Indefinitely Postpones Elections, Blames Israeli Electoral Woes*. 2021(1). <https://www.jewishpress.com/news/eye-on-palestine/palestinian-authority-indefinitely-postpones-elections-blames-israeli-electoral-woes/2021/04/29/> (accessed: 29.04. 2021).

Levi H. *Gaza Election Poll: Hamas Leads in Legislature and PA Presidential Vote*. 2021(2). <https://www.jewishpress.com/news/eye-on-palestine/gaza-election-poll-hamas-leads-in-legislature-and-pa-presidential-vote/2021/04/28/> (accessed: 28.04.2021).

Muasher, Marwan. *After the Two-State Solution. New Israel-Palestine Peace Efforts Must Focus on Equality*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/israel/2021-04-27/after-two-state-solution> (accessed: 27.04. 2021).

Murtaza H. *Trump Destroyed Any Hope of Israeli-Palestinian Peace — and Biden Can't Rebuild It*. <https://theintercept.com/2020/11/13/trump-israel-palestine-biden/>. (accessed: 13.11. 2020).

National Security Strategy. The White House. Washington. <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>.

O'Malley P. *Two-State Delusion. Israel and Palestine – A Tale of Two Narratives*. New York: Penguin Boors, 2015.

Oren M.A. *My Journey Across the American-Israeli Divide*. New York: Random House, 2015.

Ross D. *Doomed and Succeed. The US-Israel Relationship from Truman to Obama*. N.Y.: Farrar; Straus and Giroux, 2015.

Siryoti, Daniel. *Gulf Residents Excited, Palestinians in Shock*. <https://www.israelhayom.com/2020/09/01/gulf-residents-excited-palestinians-in-shock/> (accessed: 09.01.2020).

Tauber D. We Need Netanyahu for the New Era of Diplomacy. *JNS – Jewish New Syndrome*. <https://www.jns.org/opinion/we-need-netanyahu-for-the-new-era-of-diplomacy/> (accessed: 21.04. 2021).

The Middle East in 2021. January 2021. <https://www.bicom.org.uk/wp-content/uploads/2021/01/The-Middle-East-in-2021.pdf> (2021/01).

US to Restore Aid to UN Palestinian Refugee Agency Cut by Trump. <https://www.aljazeera.com/news/2021/4/7/us-announces-it-will-restore-aid-to-palestinians-cut-by-trump>. (accessed: 7.04. 2021).

Yadlin A. The Trump Plan: What's Next? *INSS Insight*. No. 1254. https://www.inss.org.il/publication/the-trump-plan-whats-next/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=INSS%20Insight%20No.%201254 (accessed: 28.01.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАРАСОВА Татьяна Анисимовна –
ведущий научный сотрудник Отдела Израиля
и еврейских общин, ИВ РАН, Москва, Россия.

Tatiana A. KARASOVA, Leading Researcher,
Department of Israel and Jewish Communities
Studies, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080015284-9

ОТКРЫТИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА
В ХОРАСАНЕ В 1889 Г. АФГАНСКИЙ АСПЕКТ

© 2021

Н.С. ИЩЕНКО ^{a, b}^a – МИД РФ, Посольство РФ в Афганистане;^b – МГИМО МИД РФ; Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Резюме: К середине 1880-х гг. Россия завершила присоединение среднеазиатских земель и подошла вплотную к границам Афганистана. По итогам Второй англо-афганской войны (1878–1880) южный сосед России принял на себя статус протектората Великобритании и, таким образом, лишился права вести независимую внешнюю политику. В условиях продолжавшегося российско-британского противостояния в Средней Азии русские власти чувствовали острую необходимость в получении достоверных сведений о событиях в Афганистане, но не имели возможности направить туда официального представителя и были вынуждены развивать полулегальную разведывательную деятельность, опираясь на информацию, поступающую во многом от агентов из числа местных жителей. В период с 1882 по 1900 гг. к северу и западу от афганской границы российское правительство открыло четыре дипломатических учреждения: консульство в Кашигаре (1882), политическое агентство в Бухаре (1885), генеральное консульство в Хорасане (1889) и вице-консульство в Систане (1900). Упомянутые представительства объединяет то, что в их обязанности, помимо решения вопросов, относящихся к территории их пребывания, входил сбор сведений об Афганистане. Вместе с тем афганский аспект деятельности указанных дипломатических представительств до сих пор не нашел отражения в исторических исследованиях. Автор планирует обстоятельное изучение этого вопроса, первым шагом на пути которого должна стать настоящая статья, посвященная открытию российского генерального консульства в иранском г. Мешхеде. Основой настоящего исследования стали документы Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного исторического архива, а также дарязычный источник «Сирадж ат-Таварих».

Ключевые слова: Генеральное консульство России в Хорасане, П.М. Власов, Большая игра, Афганистан.

Для цитирования: Ищенко Н.С. Открытие российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. Афганский аспект. Восток (Orient). 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080015284-9

OPENING OF THE RUSSIAN CONSULATE GENERAL IN KHORASAN IN 1889. THE AFGHAN ASPECT

© 2021

Nikita S. ISHCENKO ^{a, b}

^a – Russian Embassy in Afghanistan, Ministry of Foreign Affairs

^b – MGIMO-University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3067; ishchenkonikita@mail.ru

Abstract: *By the mid-1880s, Russia took over Central Asia and approached closely to the borders of Afghanistan. As a result of the Second Anglo-Afghan War (1878–1880), Russia's southern neighbour assumed the status of a British protectorate and lost the right to an independent foreign policy. Against the backdrop of the ongoing Russian-British confrontation in Central Asia, Russian authorities felt an urgent need to obtain the reliable information on Afghanistan, but did not have an opportunity to send an envoy there and had to develop semi-legal intelligence activities and rely on the information obtained largely from local dwellers. Between 1882 and 1900, Russian Government opened four diplomatic offices to the north and west of the Afghan border: the Consulate in Kashgar (1882), the Political Agency in Bukhara (1885), the Consulate General in Khorasan (1889) and the Vice-Consulate in Sistan (1900). The aforementioned missions are united by the fact that their duties in addition to the issues related to the host territories, included information gathering about Afghanistan. However, the Afghan aspect of these diplomatic missions' activities has not yet been reflected in any historical studies. The author has a plan for a thorough study of the issue and this article on the opening of the Russian Consulate General in the Iranian city of Mashhad being the first step on this way. On the basis of this research were the documents of the Foreign Policy Archive of Imperial Russia, the Russian State Historical Archive, as well as the source entitled "Siraj al-Tawarikh" in Dari.*

Keywords: *Consulate General of Russia in Khorasan, Petr Vlasov, The Great Game, Afghanistan.*

For citation: Ishchenko N.S. Opening of the Russian Consulate General in Khorasan in 1889. The Afghan Aspect. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080015284-9

Противостояние России и Великобритании за влияние в Средней Азии в 1880-е гг. ознаменовалось рядом важных событий, оказавших значительное воздействие на состояние отношений двух империй. Российское продвижение к северным афганским областям, включение в состав России г. Мерва (1884), а затем оазиса Пандждех (1885) и последовавшее боестолкновение русского отряда с афганским, действовавшим под руководством английских военных специалистов и потерпевшим сокрушительное поражение, привели к обострению российско-британских отношений.

Ситуация нормализовалась по завершении определения северо-западной границы России и Афганистана в 1888 г. После этого англичане сконцентрировались на распространении и укреплении своих позиций как в пределах признанных владений афганского эмира Абдурахман-хана (1880–1901), что привело к ухудшению их отношений с последним, так и в стратегически важных, не разграниченных к тому времени, горных районах северо-востока Индии, населенных пуштунами, а также на Памире, где разыгралась упорная геополитическая борьба при активном участии России. События в Афганистане оказывали

влияние и на положение дел в российском Туркестане¹, где власть Петербурга еще не была достаточно твердой, и на востоке Ирана – районе, примыкавшем к российским владениям и при этом в наименьшей степени испытывавшем на себе влияние центральной власти.

Таким образом, все происходившее в Афганистане требовало пристального внимания России. Однако приобретенный Кабулом по итогам Второй англо-афганской войны (1878–1880) статус протектората Великобритании не позволял Петербургу иметь там официального представителя. Наблюдение за событиями в Афганистане, их анализ, а также продвижение российских интересов в этой стране возлагалась на российские дипломатические представительства вблизи афганских границ. В этой связи важным шагом стало открытие генерального консульства в столице северо-восточной иранской провинции Хорасан г. Мешхеде.

В исторической литературе авторы не обращались к вопросу об афганском аспекте учреждения российского генконсульства в Хорасане. Раскрытие этой проблематики позволит расширить знания об усилиях Петербурга по исследованию Афганистана в 1880–1890-е гг., в том числе работе там российских агентов, а также выявить новые детали российско-британского политического противостояния на афганских границах. Главным источником настоящего исследования стали материалы Архива внешней политики Российской империи 1887–1901 гг., главным образом сведения о событиях, предшествовавших открытию миссии, а также донесения генконсульства о событиях в Афганистане 1889–1891 гг. Другой важный источник – дариязычный труд «Сирадж ат-Таварих», в котором также нашла отражение проблема российско-британской борьбы на ирано-афганской границе на рубеже 1880–1890-х гг.

АФГАНСКИЙ АСПЕКТ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО ГЕНКОНСУЛЬСТВА В ХОРАСАНА

В последней четверти XIX в. иранская провинция Хорасан представляла собой пограничную область на северо-востоке страны, к северу от которой располагались земли туркменских племен, окончательно включенные в состав России к 1885 г., на востоке – афганский Герат. Столица Хорасана г. Мешхед, в котором находится усыпальница восьмого шиитского имама Резы (770–818), как и в наши дни, имела статус одного из наиболее почитаемых мусульманами-шиитами священных мест.

По мере расширения русской территории в Средней Азии во второй половине XIX в. Хорасан приобретал для Петербурга все большее значение. Об этом, в частности, в 1888 г. писал во всеподданнейшем докладе Александру III (1881–1894) министр иностранных дел Николай Карлович Гирс (1881–1894) [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 16–20]. По словам дипломата, в ходе Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881) в Хорасане заготавливались продовольствие и фураж, что позволяло ускорить ход военных действий. После занятия Ахал-Теке (1881), Мерва (1884), а также туркменских оазисов Иолатан (1884) и Пандждек (1885) российская граница с этой областью составила около 640 км (600 верст) [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 16]. Кроме того, проведение российскими властями железной дороги к Ашхабаду открыло новый торговый путь, соединивший промышленные центры империи с Мешхедом, исторически служившим перекрестком, из которого расходились

¹ В этой связи можно, в частности, упомянуть восстание правителя Северного Афганистана Мохаммада Исхак-хана в 1888 г. и его обращение за поддержкой к российским властям. Охватившие северные афганские области волнения усмирялись кабульским эмиром вплоть до начала 1890-х гг. и вызвали поток беженцев из Афганистана в российский Туркестан и Иран, а также привели к ряду карательных акций в спорном на тот момент Бадахшане.

торговые пути как вглубь Ирана, так и в Афганистан. Последнее обстоятельство привело к увеличению числа проживавших в Мешхеде русских подданных.

Одним из ключевых факторов, повышавших значение Хорасана для российских интересов, был афганский аспект. Н.К. Гирс отмечал важность стратегического расположения этой области Ирана вблизи Герата, который британцы считали «ключом к Индии»: «... Мешхед, благодаря своему географическому положению, представляется наиболее удобным пунктом для наблюдения за ходом событий не только в Персии, но и в сопредельных с нею странах Средней Азии и, между прочим, в Афганистане, который в настоящее время представляется одним из наиболее важных факторов в вопросах, касающихся как нашего положения в Средней Азии, так и наших политических отношений к Англии» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17].

По мере укрепления влияния России в приграничных туркменских землях в Петербурге все острее ощущали важность более эффективного присутствия на границе с Афганистаном. Так, в 1885 г. главноначальствующий кавказской администрации (кавказский наместник) Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1882–1890) писал военному министру Петру Семеновичу Ванновскому (1881–1898) о необходимости для России иметь своих агентов в крупных афганских городах, подчеркивая в этой связи особое значение для русских интересов гератской провинции Афганистана, соседствующей с Мешхедом и Закаспийской областью: «Я уже имел случай высказать министерству иностранных дел о пользе для нас учреждения должности агента в Кабуле и Герате; но так как назначение представителя русских интересов в столице Афганистана вызовет, вероятно, упорную оппозицию со стороны Англии, то необходимо по крайней мере, выговорить себе право иметь нашего агента по пограничным и торговым делам в Герате, как главном городе и местопребывании правителя соседней с нашими владениями афганской провинции; позволяю себе думать, что ваше превосходительство разделите мой взгляд на этот предмет и с своей стороны окажете в свое время содействие практическому его осуществлению» [РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 467, л. 1].

ТОРГОВЫЙ АГЕНТ РОССИИ В МЕШХЕДЕ

Осознавая необходимость иметь в Хорасане своего представителя, российские власти в 1879 г. учредили пост нештатного торгового агента в Мешхеде, который занял чиновник «из кавказских мусульман» – коллежский асессор Карим-хан Насирбеков. Кроме того, к этому времени на российской службе находились агенты в приграничных с Закаспийской областью городах Хорасана: Буджнурде, Дерегезе и Кучане.

Со временем требования к работе представителя в Хорасане повышались. В ответ на указания Н.К. Гирса посланнику в Тегеране князю Николаю Сергеевичу Долгорукову (1886–1889) «...принять все меры к получению частых и верных известий о ходе событий в соседних с Россией афганских областях» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 1] последний в июле 1887 г. докладывал, что лучшим способом для решения этой задачи, по его мнению, было бы направление в Мешхед опытного дипломата.

Посланник в Тегеране и министр иностранных дел отмечали старательность и энергичность К. Насирбекова, «чья деятельность принесла в свое время известную пользу» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17]. Однако Н.С. Долгоруков также подчеркивал: «...сведения, сообщаемые нам нашим торговым агентом в Мешхеде, Керим-ханом Насирбековым, при всем их обилии, отличаются, насколько я мог заметить, разноречивостью и тенденциозностью». И далее: «Получаемые из Афганистана сведения могут иметь для нас значение лишь в том случае, если они будут давать нам верное понятие о ходе событий в этом крае.

Достоверность этих сведений настолько же необходима Императорскому Правительству по отношению к афганским делам, насколько желательна для вверенной мне миссии ввиду того влияния, которое имеют на состояние умов в Тегеране доходящие сюда из Афганистана слухи» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 1].

В 1887 г. по рекомендации главы российской дипмиссии в Иране, в том числе для определения путей улучшения работы торгового агента по доставлению сведений из Герата, было принято решение временно командировать в Хорасан русского консула в Гиляне Петра Михайловича Власова. В его задачи также входило изучение на месте положения дел в Хорасане и ознакомление с деятельностью британского агента – полковника Чарльза Смита Маклина (к 1888 г. произведен в чин генерала).

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА

Быстрое развитие политических и торговых интересов России в Хорасане привели Петербург к решению об упразднении торгового агентства в Мешхеде и учреждении должности генерального консула, «который, – по заявлению Н.К. Гирса, – мог бы вполне верно понимать цели и задачи русской политики в Средней Азии и был бы способен сообразно этому изыскивать надлежащие средства к противодействию направленным к ущербу интересов наших иноземным проискам». «Только официальный агент, – продолжал министр, – может с полным авторитетом защищать права проживающих в Хорасане в значительном числе русских подданных и вместе с тем иметь надлежащее воздействие на местное персидское начальство для побуждения его к справедливому разрешению весьма часто возникающих на русско-персидской границе пререканий и недоразумений» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 17–18]. На этот пост с жалованьем в 7 тыс. руб. в год был назначен П.В. Власов, который прослужил в Мешхеде до 1897 г.

Иранское правительство некоторое время противилось устройству русского консульства, по некоторым сообщениям, «по наущению пребывающей здесь английской миссии» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 71]. Официально иранцы объясняли свою обеспокоенность тем, что появление консула-христианина в таком важном религиозном центре, как Мешхед, могло вызвать волнения среди местного населения. В действительности же, как отмечал П.М. Власов, в Тегеране опасались, «что появление Русского официального агента на северо-восточных окраинах Персии может отразиться невыгодно на авторитете шахской власти и без того слабой там» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 16].

Вместе с тем вопрос об учреждении русского дипломатического представительства был улажен довольно быстро. 23 января 1889 г. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 85] в Тегеране коллежский советник П.М. Власов был представлен иранскому правителю Насреддин-шаху (1848–1896), а в начале весны прибыл к месту службы. Регулярные донесения генерального консула в Мешхеде о событиях в Афганистане стали важным источником информации о южном соседе России.

В 1890–1891 гг. российское диппредставительство внимательно следило за ирано-афганским разграничением и активным участием в нем англичан, собирало сведения о готовившейся, по слухам, (но не состоявшейся) поездке Абдурахман-хана в Лондон, событиях на афгано-индийской границе и многочисленных восстаниях в Афганистане. Отмечалось обострение афгано-британских отношений в начале 1890-х гг. П.М. Власов докладывал о распространении в Афганистане холеры в 1892 г., от которой, по его сведениям, в Герате ежедневно умирали до 300 чел. в сутки [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 820, л. 11]. Значительные усилия употреблялись для противодействия антироссийской деятельности британского генконсула.

АНГЛИЙСКИЙ АГЕНТ В ХОРАСАНЕ

Как представляется, налаженная работа английского дипломата в Хорасане подтолкнула российские власти к активизации усилий по учреждению официального представительства в этой области. В июле 1887 г. Н.С. Долгоруков отмечал, что Ч.С. Маклин к тому времени проживал «в Мешхеде уже более года и, благодаря личному своему авторитету и находящимся в его распоряжении денежным средствам» приобрел «влияние на правителей и жителей Хорасана» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1306, л. 2, 3]. Год спустя Н.К. Гирс во всеподданнейшем докладе подчеркивал: «Как свидетельствуют о том имеющиеся в министерстве иностранных дел данные, генерал этот успел создать себе в Мешхеде весьма видное положение» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3054, л. 10]. Ч.С. Маклин занимал должность английского генконсула до 1891 г., когда на этом посту его сменил знаменитый военный путешественник Ней Илиас (служил в Хорасане до 1893 г.). Посетивший Мешхед в 1890 г. поверенный в делах посольства Великобритании в Тегеране Роберт Джон Кеннеди в отчете о поездке писал: «...должность генерала Маклина можно описать как страж заставы, чьи обязанности заключались в наблюдении и отчете о продвижении России с Каспия, с одной стороны, и из Туркестана – с другой» [Kennedy, 1890, p. 2]. Таким образом, российским властям было необходимо предпринимать активные действия для борьбы со своим геополитическим соперником за влияние в стратегически важном районе ирано-афганского приграничья.

Британский агент сыграл заметную роль в создании препятствий к открытию российского представительства в Мешхеде. Возможность распространения влияния Петербурга на границе с Афганистаном (тем более вблизи Герата) вызывала настороженность английского правительства, которое, как отмечал русский генконсул, распоряжалось, «до появления нашего официального агента в Хорасане, бесконтрольно на границе оного с Афганистаном» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 17]. В своем отчете о событиях в Хорасане за 1889 г. П.М. Власов так описывал реакцию англичан на открытие российского генконсульства: «Решение императорского правительства учредить генеральное консульство в Хорасане с резиденцией в г. Мешхеде, доведенное до сведения шахского правительства в сентябре месяце 1888 года, вызвало сильную тревогу как при дворе шаха и в самом Хорасане, так и в английском или вернее англо-индийском правительстве» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 16].

Сразу после учреждения российского генконсульства, «воспользовавшись, добытым усилиями нашей политики, признанием нашего официального агента в Хорасане» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 19], британцы поспешили открыть в Мешхеде свое генеральное консульство, которое с первых дней работы начало распространять слухи о том, что учреждением дипломатического представительства русские преследуют завоевательные цели по отношению к Хорасану. В дальнейшем британское консульство непрерывно интриговало против России, препятствовало проникновению российских товаров в Герат, которые все же попадали туда, хоть и в незначительном количестве, и т.д. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3063, л. 34].

Об антироссийской деятельности Ч.С. Маклина, а также о его влиянии не только в Хорасане, но и в Герате свидетельствует, в частности, эпизод, описанный в афганском источнике «Сирадж ат-Таварих». В 1889 г. жители Мешхеда Мостафа Кучани и Мохаммад Садек направились в Герат, как полагал Ч.С. Маклин, исполняя задание русского консула. О своих подозрениях англичанин написал губернатору Герата Саадуддин-хану, попросив его не позволять упомянутым лицам задерживаться в Герате дольше одной ночи, а затем аккуратно задержать их и выслать обратно в Мешхед так, чтобы в российском генконсуль-

стве не заподозрили причастности к этому делу англичан. Афганский чиновник исполнил «приказ» Ч.С. Маклина. Узнав об этом событии, 23 марта 1889 г. (21 раджаба 1306 г.х.) эмир Абдуррахман-хан направил Саадуддин-хану письмо, в котором выразил недовольство действиями губернатора: «...ясно, что он считает тебя дураком, а ты исполняешь все, что он прикажет» [Катиб, 2015, с. 609].

Если верить автору «Сирадж ат-Таварих», российский консул в Мешхеде не оставлял попыток добиться влияния не только в Хорасане, но и в гератской провинции, однако Ч.С. Маклин успешно препятствовал этому. Так, осенью 1892 г. в связи с возникшими религиозными противоречиями между официальными афганскими властями и проживавшими в Герате шиитами – представителями народа кызылбаш, последние были вынуждены бежать в Мешхед, а свою землю они решили продать российским представителям. В свою очередь, «сотрудники российского консульства в Мешхеде также предприняли попытки приобрести их земельную собственность в Герате» [Катиб, 2015, с. 1086]. По словам афганского хрониста, узнав об этом, Ч.С. Маклин обратился к губернатору Герата, призывая его воспрепятствовать такому шагу. Так или иначе сделка по покупке русскими земли в Афганистане не состоялась. Все эти эпизоды свидетельствуют о том, с каким сильным и влиятельным соперником пришлось столкнуться русскому генконсулу в Хорасане.

АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П.М. Власов провел значительную работу по налаживанию агентурной деятельности не только на востоке Ирана, но и в Афганистане. Сразу после открытия генерального консульства в 1889 г. он докладывал в Санкт-Петербург: «За минимальную норму содержания, здесь сколько-нибудь приличного для русского агента, я признал содержание в 1000 рублей золотом в год, что составляет лишь половину содержания, получаемого нештатными агентами-мусульманами великобританского генерального консульства в Хорасане» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 12].

Из донесений П.М. Власова мы узнаем, что на афгано-персидскую границу негласными агентами были назначены: в Дерезе – шугнанец Ханлар-бек Агаев; в Джам – иранец Хадж Мирза Аббас Кули-хан из племени баддилу; в Кучан и Буджнурд – уроженец г. Шуши Ага-бек Рафибеков (известно, что он состоял на русской службе с 13 августа 1889 г. по 17 июля 1892 г.); в Систан в звании негласных корреспондентов генерального консульства – иранские подданные Мирза Захи-хан и Рахим-хан с местопребыванием в Насир-Абаде; в Каин – иранский подданный Хаджи Ага с местопребыванием в г. Бирджане [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 1, 2, 9, 30, 33, 56]. Генконсульство располагало также корреспондентом в Герате. Российские агенты, направляемые П.М. Власовым, доезжали и до Кабула, откуда доставляли сведения о событиях в столице, устройстве кабульского двора и семье эмира. От них мы узнаем, в частности, что на рубеже 1880–1890-х гг. население Кабула достигало 600 тыс. чел, не считая военных отрядов общей численностью до 25 тыс. чел. [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 28].

Свои предложения по учреждению агентурной деятельности П.М. Власов направил в Азиатский департамент МИД:

«1) Содержать еще негласного агента или корреспондента в Герате, как для проверки сведений, доставленных с границы агентом нашим в Джаме, так равно и для доставления нам сведений из самого Герата, не могущих доходить до границы, вследствие весьма бдительного надзора, установленного англичанами на границе этой, если же не найдется охотника, то посылать туда периодически, раза два-три в год, лицо для сказанных целей;

2) Содержать негласного корреспондента или агента на границе Систана с Белуджистаном для наблюдения как за действиями там англичан, так равно и за тем, что происходит в этих двух краях, кои, за отдаленностью Мешхеда, где имеет пребывание генеральное консульство, равно от Турбет-и Шейх-и Джама – места пребывания агента нашего – ускользают из-под нашего надзора и контроля;

3) Иметь в распоряжении определенную сумму на «секретные расходы», как например: на уплату за доставление разными лицами сведений случайных, но часто весьма важных, на подарки за доставление сведений о том, что делается во дворце у принца правителя, у ильханиев, в великобританском генконсульстве и т.п. и главное на подарки, хоть незначительные, влиятельным лицам края и духовенству в особенности.

На содержание двух негласных корреспондентов в Герате и на границе Систана и Белуджистана можно ограничиться, по мнению моему, суммой в 1000 рублей мет. в год, что составит четвертую тысячу, ассигнованную мне Министерством. На “секретные же расходы” было бы желательно в интересах дела положить хотя бы две тысячи рублей в год, что дало бы мне возможность устроить правильную разведочную службу.

Расходование последних сумм должно быть предоставлено в безотчетное распоряжение генерального консульства, ибо лица, доставляющие секретные сведения, не согласятся никогда выдавать расписки в получении за таковые гонорара из-за весьма естественного опасения отвечать за последствия.

В заключении беру смелость присовокупить, что расходы по выполнению изложенных здесь соображений не представляют, как мне хорошо известно, и десятой доли тех сумм, кои расходуются здесь для тех же целей великобританским генеральным консульством» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3040, л. 12, 13].

Добывая сведения об Афганистане, П.М. Власов встречался с самыми разными людьми. В 1891 г. одним из его собеседников стал белудж Гулям Хасан-хан, уроженец Систана, перешедший впоследствии на службу к афганскому эмиру. По какой-то причине Гулям Хасан-хан попал в немилость к Абдуррахман-хану, был арестован и направлен в Кандагар, откуда ему удалось затем бежать в Хорасан [АВПРИ, ф. 147, д. 3064, л. 107].

Прибывший в Мешхед из Герата афганец Ахмад Джан-хан сам искал встречи с русским консулом, предлагая свои услуги по доставлению сведений из Герата, Кабула и Кандагара. Человек этот в 1880-е гг. занимал государственный пост в Герате. Свое желание служить русским он объяснял нелюбовью к Англии. На вопрос о причине такой антипатии Ахмад Джан-хан отвечал, что он, «как все афганы, сколько-нибудь знакомые с их [англичан] жестоким управлением в Индии, не ожидает от них ничего хорошего для своей родины, что в последнее время взгляд его соотечественников на Россию, на ее задачи и стремления на востоке и на образ действий ее с подчиняемыми ею себе народностями начал заметно изменяться в ее пользу, несмотря на отсутствие в Афганистане ее агентов и на умышленно распространяемые самые злостные и невыгодные для нее слухи англичанами в Индии и их агентами в Афганистане, ... что в Афганистане начал укрепляться взгляд на Россию, как на какую-то грозную стихийную силу, бороться с коей бесполезно и опасно и противостоять коей безумно при том обаянии, которое окружает ее и следует за ней повсюду, почему благоразумные афганы стараются заблаговременно снискать у нее благоволение и покровительство» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 132].

Ахмад Джан-хан в ходе беседы обнаружил полную уверенность в том, что русские собираются занять Герат и попросил П.М. Власова предоставить ему письменную гарантию в том, что в случае движения русских войск к Герату ему будет оказано покровительство России за те услуги, которые он готовился ей оказать. Русский консул согласился лишь на предоставление афганцем информации за определенную плату. Однако английские агенты,

следившие за зданием представительства, донесли об этой встрече британскому консулу, в связи с чем П.М. Власов полагал, что наладить сотрудничество с гератцем не удастся: «Нет сомнения, что генерал Маклин не замедлит принять надлежащие меры к тому, чтобы лишить Ахмед Джан Хана возможности иметь со мною дальнейшие сношения» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3064, л. 133]. Сведений о дальнейших контактах с афганцем в рассмотренных материалах обнаружить не удалось.

В 1892 г. на службу генконсульства был принят житель Герата Мохаммад Юсуф. О нем нам известно благодаря его собственному обращению к российскому правительству за материальной помощью в связи с тем, что, по его словам, афганские власти, узнав, что он работает на русских, арестовали его и все его имущество. Мохаммаду Юсуфу удалось избежать наказания и прибыть в Мешхед, куда в конце 1880-х гг. была выслана из Афганистана и его семья. Финансовые трудности начались после того, как П.М. Власов покинул пост генерального консула. Впрочем, исполнявший должность генконсула в Мешхеде в начале XX в. Петр Егорович Панафидин подвергал сомнению доводы Мохаммада Юсуфа, так же, как и качество доставляемых им сведений [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3079, л. 48–51].

Афганец описывал свою непростую судьбу следующим образом: «9 лет назад некоторые поручения были возложены на меня генералом Власовым... По прошествии трех лет афганское правительство, узнав о моей тайной деятельности, меня арестовало и хотело казнить. Мне удалось спастись и прибыть в Мешхед. Но имущества мои движимые и недвижимые стоимостью более 50 тыс. туманов были конфискованы, а семья и родные взяты в плен.

Генерал Власов, уверенный в моей верности, возложил на меня те же поручения в Хорасане. Он же мне поручил объезд и осмотр Белуджистана и Систана. Успешное исполнение, при помощи Божией, возложенных на меня поручений стоило много труда и денег. Его превосходительство никогда не переставал быть барином и всячески меня награждал и поощрял, так что я ни в чем не нуждался» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3079, л. 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учреждение российского генерального консульства в Хорасане в 1889 г. стало важным шагом для укрепления позиций Петербурга на ирано-афганской границе вблизи стратегически важной гератской области. Значительную роль в принятии решения о необходимости открытия диппредставительства сыграл афганский аспект. Его важность подчеркивали высшие должностные лица Российской империи, в том числе инициаторы направления официального российского агента в Мешхед – министр иностранных дел Н.К. Гирс и посланник в Тегеране Н.С. Долгоруков.

Одним из ключевых факторов в учреждении российского генконсульства стала политическая борьба России и Великобритании в Средней Азии. Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о том, что российским властям пришлось «догонять» своих соперников – англичан, гораздо раньше начавших активную работу по укреплению влияния в Хорасане.

Первый российский генконсул в Мешхеде П.М. Власов успешно противодействовал антироссийским интригам в ирано-афганском приграничье, наладил агентурную деятельность в этом регионе, что позволило русским властям получать актуальные сведения о южном соседе. Направлявшиеся руководителями дипмиссии в течение всего времени ее работы ежегодные отчеты по Афганистану в совокупности представляют собой последовательное,

подвергнутое глубокому анализу, изложение событий в этой стране в конце XIX–начале XX в. и, по нашему мнению, достойны быть изданными с приведением соответствующих комментариев в виде отдельной монографии как важный источник по истории Афганистана и российской политике в регионе.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* – Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 820. 1892 г. О санитарном состоянии Афганистана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 820. 1892. About the Sanitary Condition of Afghanistan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3054. 1888 г. По поводу учреждения русского генерального консульства в Мешхеде, о назначении генеральным консулом кол. сов. Власова и разная переписка о сем генеральном консульстве [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3054. 1888. Regarding the Establishment of the Russian Consulate General in Mashhad, the Appointment of the Collegiate Counselor Vlasov as the Consul General, and Various Correspondence about this Consulate General (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1306. 1887 г. По поводу командирования консула в Гиляне коллежского советника Власова в Мешхед для ознакомления с положением дел в Хорасане и для изучения способов получения сведений из Афганистана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 1306. 1887. Regarding the Secondment of the Consul in Gilan, the Collegiate Counselor Vlasov to Mashhad to Get Acquainted with the State of Affairs in Khorasan and to Study Ways of Obtaining Information from Afghanistan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3040. 1889 г. Об агентах генерального консульства в Мешхеде в разных округах Хорасана [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3040. 1889. About the Agents of the Consulate General in Mashhad in Different Districts of Khorasan (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3063. 1890 г. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3063. 1890. Reports of the Consulate General in Mashhad on the State of Affairs in Khorasan and Its Neighboring Environs, as Well as Various Correspondence with the Consulate General for Political and Commercial Affairs (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3064. 1891 г. Донесения генерального консульства в Мешхеде о положении дел в Хорасане и в сопредельных с оным окрестностях, а также разная переписка с названным ген. консульством по делам политическим и торговым [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3064. 1891. Reports of the Consulate General in Mashhad on the State of Affairs in Khorasan and its Neighboring Environs, as Well as Various Correspondence with the Consulate General for Political and Commercial Affairs (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 3079. 1901 г. Мохаммад Юсуф Гератский. Доставка сведений о Хорасане и Афганистане [*AVPRI*. Fund 147. Inv. 485. Case 3079. 1901. Mohammad Yusuf of Herat. Delivering Information about Khorasan and Afghanistan (in Russian)].

Мулла Файз-Мохаммад Катиб Хазара. *Сирадж ат-Таварих*. Т. 3. Тегеран: Эрфан, 2015 [Mulla Fayz-Muhammad Katib Hazarah. *Siraj al-Tawarikh*. Vol. 3. Tehran: Erfan, 2015 (in Dari)].

РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 467. 25 июля–7 октября 1885 г. Протокол соглашения между русским и английским правительствами, предписание Азиатского департамента МИД российскому комис-

сару по определению северной границы Афганистана и письма кн. А.М. Дондукова-Корсакова военному министру об установлении русско-афганской границы, отношениях между Россией, Персией и Афганистаном и по вопросу об организации управления Закаспийской области; карта района русско-афганской границы [RGIA. Fund 932. Inv. 1. Case 467. July 25 – October 7, 1885 Protocol of Agreement between the Russian and British Governments, the Prescription of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs to the Russian Commissioner on the Definition of the Northern Border of Afghanistan and a Letter to Prince. A.M. Dondukov-Korsakov to the Minister of War on the Establishment of the Russian-Afghan Border, Relations between Russia, Persia and Afghanistan and on the Organization of Administration of the Trans-Caspian Region; Russian-Afghan Border Area Map (in Russian)].

Kennedy R.J. *Journey in Khorassan and Central Asia*. London: Hatchards, 1890.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИЩЕНКО Никита Сергеевич – Третий секретарь Посольства России в Афганистане, МИД РФ; соискатель МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.

Nikita S. Ishchenko, Third secretary of the Russian Embassy in Afghanistan, Ministry of Foreign Affairs, Post-graduate student, MGIMO-University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017641-2

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ РОССИЙСКОЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ
В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2021

И.Р. ХАМЗИН ^a^a – Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4967-0705; ildar.hamzin1991@mail.ru

Резюме: В статье поднят вопрос о торговле российским текстилем на территории империи Цин в течение второй половины XIX – начала XX вв. Русские шерстяные и хлопчатобумажные ткани на протяжении данного периода являлись главным товаром в российском экспорте в Китай, но в то же время значительно уступали сбыту текстиля из других стран на китайском рынке. Проблема торговли русскими тканями хорошо демонстрирует общий дефицитный характер торговых отношений России с Китаем, когда при огромном импорте чая, отечественный экспорт был незначительным. В данной статье автор рассматривает развитие экспорта российского текстиля в Китай начиная с эпохи монополии Кяхты в русско-китайской торговле (середина XIX в.) до ввода в эксплуатацию КВЖД и Транссиба в начале XX в. Дореволюционный статистический материал позволил наглядно показать динамику товарооборота, отражающую расхождение между ввозом и вывозом товара. На примере русской торговли в различных регионах Китая изучены причины сокращения сбыта. Интересно, что при более высоком качестве русские сукна и хлопчатобумажные ткани проигрывали конкуренцию иностранному текстилю на китайском рынке. Причины неудач торговли крылись в высокой цене русского товара, а также в его непригодности для вкуса китайского потребителя. Высокая цена диктовалась в основном необходимостью долгого и затратного транзита от места изготовления тканей в России до Китая. Свою роль сыграл также уровень развития российских фабрик, не позволявший снизить затраты на производство тканей. К этому добавлялась незаинтересованность русских торговых кругов в продаже товара в империи Цин. В начале XX в., когда изменилась внутренняя и внешняя экономическая характеристика Китая, развитие российского экспорта стало малоперспективным в сравнении с концессионной политикой на китайской территории. Основой для проведения исследования стали дореволюционные работы и материалы центральных архивов России.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, российский текстиль, российский экспорт.

Для цитирования: Хамзин И.Р. К вопросу о торговле российской текстильной продукцией в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017641-2

ON THE ISSUE OF RUSSIAN TEXTILE PRODUCTS TRADE IN CHINA
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2021

Ildar R. HAMZIN ^a^a – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4967-0705; ildar.hamzin1991@mail.ru

Abstract: The article considers the issue of trade in Russian textiles on the territory of the Qing Empire during the second half of the 19th – early 20th century. Russian textiles were the main products in Russian exports to China during this period, but at the same time, they were significantly inferior to the sale of textiles from other countries on the Chinese market. This problem shows the general deficit of Russian trade in China. The reasons for the decline in sales are studied using the example of Russian trade in various regions of China. Surprisingly, with their higher quality, Russian cloth and cotton fabrics lost competition to foreign textiles in the Chinese market. The reasons for the failure of trade were high prices of the Russian products, as well as their unsuitability for the taste of Chinese consumers. The high price was dictated mainly by the need for a long and expensive transit from Russia to China. In the same time, the level of development of Russian factories didn't allow to reduce the cost of fabric production. It was added to the disinterest of Russian trade circles in the Chinese market, unwillingness to interest Chinese buyers in their products. At the beginning of the 20th century when the internal and external economic characteristics of China changed, the development of Russian exports became unpromising in comparison with the concession policy on Chinese territory. The basis for the research were largely pre-revolutionary works and materials of the Central archives of Russia.

Keywords: Russian-Chinese trade, Russian textiles, Russian exports.

For citation: Hamzin I.R. On the Issue of Russian Textile Products Trade in China in the Second Half of the 19th – 20th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017641-2

Вопрос о сбыте российских товаров на территорию империи Цин во второй половине XIX – начале XX вв. являлся одним из наиболее острых в истории русско-китайской торговли этого времени. Это закономерно. Китай в рассматриваемый период стал одним из главных государств экспортеров в Россию, занимая 3–4-е место в общей статистике после Англии, Германии и США [*Обзор внешней торговли России*, 1901, с. 47]. В то же время русский вывоз в Китай оставался крайне низким, в конце XIX в. в 7 раз уступая ввозу [Васильев, 1899, с. 27]. Дефицит русской торговли стал причиной огромного оттока золота и серебра, на которое покупался китайский товар, тем самым сделав торговлю с Китаем крайне убыточной для России [Сладковский, 1974, с. 265].

В данном исследовании акцент сделан на проблему сбыта российского текстиля в Китай. Так называемая «русская мануфактура» – шерстяные и хлопчатобумажные ткани, во второй половине XIX в. экспортировалась преимущественно в страны Средней Азии [Рожкова, 1963], тогда как китайский рынок в это время практически теряет значимость для промышленности России. Таким образом, перед статьей поставлены задачи изучить основные тенденции торговли российским текстилем в Китае, выявить характерные особенности этого процесса и определить причины продолжительных неудач русской торговли на территории империи Цин.

Изучение российской торговли с Китаем правильно будет начать с истории Кяхты – торговой слободы расположенной на границах Восточной Сибири и цинской Монголии. В середине XIX в. Кяхта стала главным рынком сбыта тканей российского производства: в 40–50-е гг. XIX в. на торговлю с Китаем приходилось до 90 % экспорта российского сукна, и до 50,8 % сбыта хлопчатобумажных изделий [Единархова, 2015, с. 66–69]. По подсчетам М.К. Рожковой доля экспорта в Китай среди азиатских стран варьировалась от 61,1 % до 69,9 % в течение 40–50-х гг. XIX в. [Рожкова, 1963, с. 49]. Большую часть этой торговли составляла текстильная продукция – как отмечали источники: «Кяхтинская торговля име-

ла совершенно особый характер, отличный в то время от других отраслей заграничной торговли. Здесь Россия по вывозу была мануфактурным государством» [РГИА, ф. 350, оп. 13, д. 708, л. 9].

Таблица 1
Российский экспорт в Китай в 40-х гг. XIX в., руб.

Год	Ткани	Пушнина	Другие товары	Всего
1844	4 158 086	1 482 738	214 231	5 855 055
1845	4 714 563	1 906 841	189 834	6 811 238
1846	5 295 679	1 524 520	192 961	7 013 160
1847	4 776 875	1 833 102	190 589	6 800 566
1848	3 798 932	1 341 649	209 337	5 349 918
1849	3 992 769	1 047 078	125 187	5 095 034

Источник: [РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215 а, л. 268].

Однако, несмотря на кажущийся успех русской торговли в 1840-е гг. российский экспорт в Кяхте стал носить подчиненный китайскому импорту характер [Хохлов, 1982; Тагаров, 2015]. В условиях меновой торговли кяхтинские купцы были заинтересованы в том, чтобы приобрести в Кяхте китайский чай, который затем можно было с большой выгодой продать на ярмарке в Нижнем Новгороде. Задача выгодного сбыта собственного товара уходила на второй план, что привело к снижению оценочной стоимости русских тканей [НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20]. Поразительно, но «при составлении расценок на русские товары та партия купцов считала себя в выигрыше, чьи товары оценивались ниже», т.к. снижение стоимости позволяло раньше приобрести партии чая и быстрее сбыть их на нижегородской ярмарке, выиграв от перепродажи [НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20].

Следствием такой ситуации стало то, что в самом Китае русское сукно стоило дешевле, чем на месте его производства в Москве. В 1842 г. дипломат и путешественник Н.И. Любимов писал, что русские ткани на китайской ярмарке продаются по 180 руб. 60 коп. ассигнациями за половинку сукна¹, в то время как на месте покупки русскими купцами (в Москве) обходятся за 170 рублей, не считая затрат на доставку в Кяхту [Хохлов, 1982]. Убытки русских фабрик от дешевой перепродажи тканей в Китай доходили до 900 тыс. руб. серебром в год [Сычевский, 1957]. В конце 50-х гг. XIX в. при обсуждении будущего русско-китайской торговли был поднят актуальный вопрос: «В состоянии ли будет Правительство поддержать какой-либо род мануфактурной промышленности, когда произведения ее часто продаются, после сухопутного транспорта более 7 000 верст (т.е. в Китае – И.Х.), на 20 % дешевле, чем на самом месте производства?» [РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 255 об.].

Серьезной угрозой для кяхтинской торговли стало открытие Китая в ходе Первой Опиумной войны (1840–1842), что привело к росту иностранной конкуренции на китайском рынке. В 1843 г. в Санкт-Петербурге было даже создано Особое совещание с участием

¹ Половинка сукна – распространенная в дореволюционной России количественная мера шерстяных изделий (1 половинка = 25 аршин).

представителей кяхтинского купечества с целью определить возможные последствия открытия Китая для русско-китайской торговли. Купцы на тот момент утешили представителей власти доводами о том, что китайцы слишком хорошо привыкли к российским сукнам и мехам и будущему Кяхты поэтому ничего не грозит [РГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1558, л. 1–8]. Однако меры для поддержания русского сбыта все же были приняты.

Так, в 1845 г. в Кяхте были введены премии за отпуск фабричных изделий в Китай [Корсаков, 1857, с. 167]. Данная мера хорошо демонстрирует, что русский сбыт испытывал в это время серьезные проблемы. Однако она лишь отсрочила неизбежное. В 1854 г. кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер будет писать о необходимости разрешить в Кяхте обмен на запрещенные до этого золотые и серебряные изделия, чтобы обеспечить стабильность торговли [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об. – 68 об.]. Это предложение было одобрено, а в следующем 1855 г. в Кяхте было разрешено приобретать китайский товар на золотую и серебряную монету.

В данном случае реформирование кяхтинской торговли свидетельствует о том, что российские товары уже не были способны удерживать в Кяхте китайское купечество, которое в условиях финансового кризиса Цинской империи, было заинтересовано в обмене партий чая на русские деньги, а не ткани [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об.]. Но можно ли было предположить, что введение товарно-денежных отношений в русско-китайской торговле чуть более, чем через десятилетие, обеспечит колоссальный разрыв между экспортом и импортом?

К началу 60-х гг. XIX в. в результате подписания ряда русско-китайских договоров², русские фабриканты и торговцы получили возможность продавать свои товары как в периферийные регионы империи Цин (Синьцзян, Монголию, Маньчжурию), так и в открытые для иностранной торговли китайские порты. В совокупности данные меры должны были обеспечить развитие русского сбыта на китайском рынке, но по факту в последующие годы мы наблюдаем прямо противоположные результаты:

График 1

Динамика ввоза и вывоза товаров в русско-китайской торговле

На основе данных: [Покровский, 1909, с. 11].

² Кульджинский договор 1851 г., Айгуньский договор 1858 г., Тяньцзиньский договор 1858 г., Пекинский договор 1860 г. [Русско-китайские отношения, 1958].

На представленном графике видно, что начиная с середины 1860-х гг. линия ввоза китайского товара (более чем на 90 % состоящего из чая) направляется вверх, достигнув в 1899 г. отметки 45 945 000 руб., тогда как русский вывоз падает (к 1889 г. – 1 343 000 руб.), и только с начала 1890-х гг. можно видеть улучшение ситуации российской торговли (к 1899 г. – 6 702 000 руб.). [Покровский, 1909, с. 11].

Такая динамика коррелируется с развитием сбыта российской текстильной продукции в Китай в это же время:

График 2

Динамика сбыта российского сукна и хлопчатобумажных тканей в Китай

На основе данных: [Покровский, 1909, с. 15–16].

График 2 показывает, что торговля русским сукном превышала сбыт хлопчатобумажных изделий вплоть до конца 1870-х гг. Затем сбыт шерстяных тканей падает. С 1889 г. продажи сукна опустились ниже продажи юфти и меха, которые превышали с начала 1820-х гг. [Обзор внешней торговли России, 1890]. Между тем, с 1890-х гг. можно увидеть резкий рост торговли хлопчатобумажными изделиями, которые с этого времени составили главную статью вывоза в Китай (см. график 2). Однако этот прирост не смог изменить баланс товарооборота. Но что являлось причиной такого крайне низкого уровня развития русской торговли?

После экономического открытия Китая русская торговля повсеместно на территории империи Цин сталкивалась с трудностями сбыта товара. Так, в Монголии проблема долгое время была связана с запретом вести здесь оптовую торговлю и иметь собственные склады для товаров [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 221–232 об.]. В то же время торговля России в Маньчжурии вплоть до начала XX в. была совершенно незначительной (русский вывоз составлял 1 % от китайского ввоза), ввиду отсутствия удобных путей сообщения [Дацышен, 2014, с. 151].

Хорошим примером трудностей российского сбыта может служить торговля в открытых портах Китая, главным из которых для России являлся Ханькоу. Данный порт, расположенный в долине реки Янцзы, благодаря обосновавшимся здесь в начале 1860-х гг. русским торговым домам стал главным экспортером китайского чая в Россию [Субботин, 1892, с. 308–318]. Казалось бы, у русских торговцев ведущих свои дела в Ханькоу имелись все

шансы организовать торговлю российским товаром, однако в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. сбыт русского текстиля здесь неуклонно сокращался:

Таблица 2
Продажи русского сукна в Ханькоу

Год	Количество (половинок)
1867	4 162
1868	5 780
1869	5 290
1870	5 613
1871	4 437
1872	2 812
1873	1 731
1874	1 199
1875	1 191
1876	968
1877	249
1878	100

Источник: [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 193]

Основным российским товаром, продаваемым в Ханькоу, было сукно московских фабрик Бабкина и Тюляева. Источники не устают сообщать о высоком качестве русских шерстяных тканей [НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 90], и тем разительнее выглядит сокращение сбыта сукна с 5 780 половинок в 1868 г. до 100 половинок в 1878 г. (табл. 2). Сбыт же хлопчатобумажных изделий в Ханькоу был настолько мал, что по нему даже не приводилась статистика. В данном случае прослеживаются несколько причин упадка русской торговли.

Во-первых, отечественные производители при изготовлении тканей и одежды совершенно не учитывали вкусов китайского потребителя. Сукна и хлопчатобумажные изделия изготавливались неподходящего покроя или неприемлемых для китайцев расцветок [Коростовец, 1898, с. 264]. Как сообщал русский консул в Ханькоу П.А. Дмитриевский, «окраска (тканей – И.Х.) была сделана в такие цвета, что, если бы китаец решился надеть платье из такой материи, то он или сделался посмешищем в глазах остальных, или же прямо подвергся наказанию за ношение платья цветов не присвоенных нечиновному классу» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 110 об.].

Во-вторых, на русском сбыте сильно сказывалась конкуренция других иностранцев, торгующих в Китае. Во второй половине XIX – начале XX вв. на рынке империи Цин продавались английские, немецкие, американские, китайские, японские и даже итальянские ткани [Китайские порты, 1895; Кротков, 1914; Крылов, 1898]. Иностраный товар стоил значительно дешевле российского, ввиду использования более эффективной морской доставки к китайским портам [Меркулов, 1903, с. 21]. Еще более обидным выглядит распространение с 1870-х гг. немецких подделок русского сукна. Немецкие производители делали сукно по внешнему виду похожее на ткани фабрик Бабкина и Тюляева, но худшего качества и продавали его под видом русского на китайском рынке [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 58].

В-третьих, цена российских товаров оказалась неприемлемой как для китайского потребителя, так и для производителя в России. Добротность отечественного сукна в разы превосходила добротность английского, но диктовала свою высокую цену, что в итоге отталкивало в большинстве своем бедных китайских покупателей [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 57 об.]. С другой стороны, высокие для китайского рынка цены, оказывались слишком низкими для отечественных производителей. В 1874 г. на страницах «Московских ведомостей» не без иронии будут отмечать, что «можно было с выгодой купить русские сукна в Китае, послать их кругосветным путем обратно в Россию и продать в Москве тем же чаоторговцам для новых операций в Китае» [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20].

В 80–90-е гг. XIX в. единственным регионом Китая, где русская торговля текстильной продукцией протекала относительно успешно, была западная провинция Китая – Синьцзян. После подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г., расширившего права русской торговли в Синьцзяне и Монголии, сбыт российской мануфактуры в западном Китае стал расти. Исследователи отмечали, что на Синьцзян приходилось 7% всего русского сбыта хлопчатобумажных тканей за рубеж, и до 73% от общего сбыта хлопчатобумажных изделий в Китай [Сладковский, 1974, с. 275]. Торговля успешно развивалась как с Илийским и Тарбагатайским краем (северная часть провинции), так и с Кашгарией (южная часть Синьцзяна) [Галиев, 2003, с. 139–148]. Неожиданным союзником русской торговли в Синьцзяне стал лиценз – внутренний цинский таможенный налог, который китайские купцы обязаны были платить, чтобы доставить иностранные ткани с восточного побережья Китая к его западным окраинам [Скальковский, 1883, с. 234]. Такие операции были дороги, поэтому русское купечество оказалось в западном Китае практически без конкурентов.

Однако, в начале 1890-х гг. в связи с отменой лицензия конкуренция со стороны английских, немецких и даже японских фабричных тканей возрастает в Синьцзяне [Коростовец, 1898, с. 283]. На рубеже XIX–XX вв. появляется и конкуренция с местным кустарным производством тканей, которые распространялись не только в самом Синьцзяне, но и активно продавались на рынках российского Алтая, Семиречья и Туркестана [Галиев, 2003, с. 144]. В начале XX в. русский сбыт хлопчатобумажных изделий будет по-прежнему высоким в Синьцзяне, но большого роста продаж уже не наблюдается.

На протяжении второй половины XIX в. можно увидеть различного рода предложения, в которых отразились взгляды современников на возможное изменение неблагоприятной ситуации в русско-китайской торговле. Например, было мнение снизить качество русской продукции для того, чтобы уменьшить на нее цену в Китае [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 92]. Такой подход не нашел поддержки со стороны русских фабрикантов, которые считали, что уровень развития фабрик в России не позволяет изменить разницу затрат на производство тканей [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 128]. Другой весьма распространенной идеей было создание фабрик на границах с Китаем, которые могли бы производить текстиль и отправляли бы его в Синьцзян, Монголию или Маньчжурию, существенно экономя на транспортных расходах [Васильев, 1899, с. 66; Крылов, 1898, с. 16; Куропаткин, 1879, с. 65; Меркулов, 1903, с. 26]. Это предложение упиралось в объективную достаточность российского рынка для отечественных фабрик, что не требовало активного поиска внешних рынков сбыта [Кротков, 1914, с. 34].

Самой же популярной идеей, которая в итоге находила отклик в Санкт-Петербурге, было создание новых направлений русско-китайской торговли. Новые, более эффективные, способы доставки товара могли сократить расходы, которых требовал транзит и одновременно укрепить влияние Российской империи на китайской территории.

В течение 70–80-х гг. XIX в. можно увидеть реализацию нескольких экспедиций в Китай, целью которых было найти регион, где русский товар пользовался бы спросом [Дацышен,

2014, с. 162–163]. Большое внимание в это время уделяли Ланьчжоу – столице провинции Ганьсу. В середине 1880-х гг. здесь были предприняты попытки организовать торговлю русскими тканями, но они оказались слишком дорогими ввиду расходов на доставку и не выдержали конкуренции с дешевыми английскими и немецкими сукнами, привозимыми из Южного Китая [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 21–22]. Консул П.А. Дмитриевский считал даже, что доставка товара обойдется дешевле, если везти его морем из Одессы до Ханькоу и далее до Ланьчжоу [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 35].

Впрочем, морской транзит тоже себя не оправдал. Когда в начале 1870-х гг. Русское общество пароходства и торговли открыло китайскую линию, был установлен фрахт на перевозку товара из России в китайские порты в размере 6,16 фунтов стерлингов до Шанхая и 7 фунтов стерлингов до Ханькоу (с тонны в 40 кубических футов³) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 15]. Это было слишком дорого для русских купцов, которые просили дирекцию РОПиТ снизить фрахт до 3–4 фунтов стерлингов, но ставки фрахта так и не были уменьшены [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 60]. В начале XX в. С.Д. Меркулов писал, что доставка мануфактуры от Одессы до китайских портов обходится в 2 ½ раза дороже чем из Германии [Меркулов, 1903, с. 21]. В итоге, отечественное пароходство, занятое в морской русско-китайской торговле (РОПиТ, Добровольный флот), так и не внесло вклад в развитие русского сбыта в Китае.

В конце XIX в. наибольшие надежды современники возлагали на Транссибирскую магистраль, способную быстро и эффективно доставить товар на китайский рынок, решив тем самым проблемы логистических расходов и скорости обращения капитала предыдущего периода [Китайские порты, 1895, с. 139]. Логичным продолжением Транссиба стала Китайская-восточная железная дорога (КВЖД) и ее южно-маньчжурская ветвь (ЮМЖД), ведущая в арендованный у Китая порт Дальний (1898). Новая инфраструктура должна была обеспечить «мирное», т. е. экономическое, завоевание Маньчжурии, посредством сбыта в северо-восточный Китай русских товаров [Романов, 1928].

Но, как известно, идея экономического господства в Маньчжурии рухнула после поражения России в войне с Японией (1904–1905). Тем не менее, у Российской империи все еще оставалась КВЖД, связанная с Владивостоком, что предоставляло возможность улучшить торговлю с Китаем. Отчасти это и происходит – в начале XX в. мы наблюдаем рост русского сбыта на китайский рынок:

Таблица 3
Торговля российским текстилем в Китае в начале XX века

Ткани	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
Хлопчатобумажные	4 499 096	6 402 995	7 295 498	5 293 758	7 110 920	10 752 171	8 599 685
Шерстяные	69 629	47 989	157 967	161 114	95 223	208 314	204 438

Источник: [Статистические сведения о торговле России с Китаем, 1908, с. 5]

Благодаря развитию железнодорожной инфраструктуры на Дальнем Востоке изменяется региональный характер российской торговли в Китае. В начале XX в. основная доля

³ 1 фрахтовая тонна = 40 ft³ = 1,12 м³.

российского экспорта приходится на торговлю Владивостока (около 56%), хотя сбыт текстиля здесь был небольшой [Сладковский, 1974, с. 310–312]. После русско-японской войны (1904–1905) активно развивается вывоз русского текстиля в Маньчжурию, ранее практически не игравшей роли в экспорте из России [Кротков, 1914, с. 58]. Большое значение по-прежнему остается у рынка Синьцзяна (вывезено хлопчатобумажных изделий на 5 681,3 тыс. руб. в 1908 г.), тогда как «вывоз по восточно-китайской границе», подразумевавший в большей степени Кяхту, существенно ему уступает (вывезено хлопчатобумажных изделий на 1 427,3 тыс. руб. в 1908 г.) [Покровский, 1909, с. 19].

Хлопчатобумажные ткани остаются главной статьёй в структуре российского экспорта (50–70 % всего сбыта до 1914 г.), притом что заметно увеличивается вывоз других товаров – табака, хлеба, соли, металлических изделий и др. [Сладковский, 1974, с. 310; Покровский, 1909, с. 19–20]. Однако, несмотря на общее улучшение экспорта, в начале XX в. продолжает сохраняться острый дефицит российской торговли с Китаем: в 1908 г. вывоз из России составил 23 285,0 тыс. руб., ввоз из Китая – 93 344,0 тыс. руб.; в 1914 г. – 28 765,0 тыс. руб. и 89 558,0 тыс. руб. соответственно [Сладковский, 1974, с. 337]. Таким образом, Российская империя так и не смогла добиться баланса в торговле с империей Цин.

Подведем итоги. Во второй половине XIX в. текстиль являлся главным товаром в структуре российского экспорта в Китай. Долгое время среди вывозимых на китайский рынок тканей первое место принадлежало сукну, но начиная с 1870-х гг. сбыт шерстяных изделий в Китай начинает сокращаться, а их место занимают хлопчатобумажные ткани. В это же время текстиль был главным иностранным товаром, ввозимым в Китай (после опиума) [Коростовец, 1898, с. 231], однако доля Россия в конце XIX в. едва доходила до 1,5 % от общего экспорта тканей [Васильев, 1899, с. 27]. Среди причин, которые мешали российской торговле, стоит выделить высокий уровень конкуренции других стран, инертность русских торговых кругов в развитии сбыта отечественных товаров, дороговизну российского текстиля, продиктованную дорогим производством и высокими расходами на транзит.

Проблема доставки российского товара на китайский рынок была относительно успешно решена после начала эксплуатации транзитного потенциала Транссиба и КВЖД. Однако даже железная дорога на территории Маньчжурии не исправила дефицитного характера российской торговли с Китаем. Помимо общих просчетов, связанных с КВЖД и планами на маньчжурский рынок [Меркулов, 1903; Дацышен, 2014, с. 488], в данном случае необходимо иметь в виду более широкие экономические тенденции восточноазиатского региона в рассматриваемый период.

Во-первых, на рубеже XIX – XX вв. происходит активное развитие национальных фабрик Китая [Непомнин, 1980, с. 162]. Товары местной мануфактуры успешно конкурировали с иностранным текстилем, вытеснив российский товар на периферийные регионы империи Цин, где он также сталкивался с конкуренцией [Кротков, 1914].

Во-вторых, в конце XIX в. наблюдается кардинальная смена экономического курса ведущих держав Запада относительно Китая. В это время вывоз капитала в страны Азии стал преобладать над вывозом товаров [Гобсон, 1927; Непомнин, 1980]. Ведущие торговые дома Британии и США в последней четверти XIX в. полностью перестроились на инвестирование в различные отрасли цинской экономики, либо на поиск концессий на китайской территории [Meuer, 2003, p. 103]. Российская империя, в целом, старалась догнать названные «тренды» экономической политики, что отразилось в приобретении железнодорожных и прочих концессий на территории империи Цин.

В итоге, названные экономические изменения начала XX в. сделали развитие российского экспорта в Китай малоперспективным направлением русско-китайских отношений. Российская торговля в Китае к этому времени исчерпала свой потенциал.

АРХИВЫ / ARCHIVES

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки [*NIOR RGB* – Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library].

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота [*RGA VMF* – Russian State Archive of the Navy].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* – Russian State Historical Archive].

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 21–22.

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 35.

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 110 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 90.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 92.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 128.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 221–232 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 57 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 58.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 193.

РГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1558, л. 1–8.

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 15.

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 60.

РГИА, ф. 350, оп. 13, д. 708, л. 9.

РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об.

РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об. – 68 об.

РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 255 об.

РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 268.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев М.Н. *Торговля с Китаем*. Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1899 [Vasiliev M.N. *Trade with China*. Tomsk: Steam typography of P.I. Makushin, 1899 (in Russian)].

Галиев В.В. *Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.)*. Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2003 [Galiev V.V. *Kazakhstan in the System of Russian-Chinese Trade and Economic Relations in Xinjiang (Late 19th – Early 20th Centuries)*. Almaty: CH. Valikhanov Institute of history and Ethnology Publ., 2003 (in Russian)].

Гобсон Дж. *Империализм*. Ленинград: Прибой, 1927 [Hobson J. *Imperialism*. Leningrad: Priboi, 1927 (Russian translation)].

Дацышен В.Г. *История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв.* М.: Директ-Медиа, 2014 [Datsyshen V.G. *History of Russian-Chinese Relations in the Late 19th – Early 20th Centuries*. Moscow: Direct-Media, 2014 (in Russian)].

Единархова Н.Е. *Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.)*. Иркутск: Оттиск, 2015 [Edinarkhova N.E. *Kyakhta and Trade in Kyakhta (40–60-ies of the 19th century)*. Irkutsk: Ottisk, 2015 (in Russian)].

Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч. 1: Текст. Сост. Д.Д. Покотиловым. Санкт-Петербург: М-во финансов, 1895 [*Chinese Ports That are Important*

for Russian Trade in the Far East. Part 1: Text. Comp. By D.D. Pokotilov. Saint Petersburg: Department of Finance, 1895 (in Russian)].

Коростовец И.Я. *Китайцы и их цивилизация*: С прил. карты Китая, Японии и Кореи. Санкт-Петербург: Н. Аскарханов, 1898 [Korostovets I.Y. *The Chinese and Their Civilization: from the Map of China, Japan and Korea*. Saint Petersburg: Askarkhanov, 1898 (in Russian)].

Корсак А.К. *Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем*. Казань: И. Дубровин, 1857 [Korsak A.K. *Historical and Statistical Review of Trade Relations between Russia and China*. Kazan: I. Dubrovin, 1857 (in Russia)].

Кротков Н.Н. *Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке*. Санкт-Петербург: Тип. В.О. Киришаума, 1914 [Krotkov N.N. *Russian Manufactory and Its Competitors in the Chinese Market*. Saint Petersburg: V.O. Kirshbaum Type, 1914 (in Russian)].

Крылов Н.А. *Торговая конкуренция в Восточном Китае*. Санкт-Петербург: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1898 [Krylov N.A. *Trade Competition in Eastern China*. Saint Petersburg: Typography of G.A. Bernstein, 1898 (in Russian)].

Куропаткин А.Н. *Кашигария. Историко-географический очерк страны, ее военная сила, промышленность и торговля*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балышева, 1979 [Kuropatkin A.N. *Kashgaria. Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Power, Industry and Trade*. Saint Petersburg: Typography of V.S. Balyshev, 1979 (in Russian)].

Меркулов С.Д. *Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке*. Санкт-Петербург: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1903 [Merkulov S.D. *Possible Fates of the Russian Trade in the Far East*. Saint Petersburg: Typography of G.A. Bernshteyn, 1903 (In Russian)].

Непомнин О.Е. *Социально-экономическая история Китая, 1894–1914*. Москва: Наука, 1980 [Nepomnin O.E. *Socio-economic History of China, 1894–1914*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russia)].

Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1899 год. Санкт-Петербург: Тип. В. Киришаума, 1901 [Review of Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders for 1899. Saint Petersburg: Typography of V. Kirshbaum, 1901 (in Russian)].

Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1889 год. Санкт-Петербург: Тип. В. Киришаума, 1890. [Review of Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders for 1889. Saint Petersburg: Typography of V. Kirshbaum, 1890 (in Russian)].

Покровский В.П. *Статистические сведения о торговле России с Китаем*. Санкт-Петербург: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1909 [Pokrovsky V.P. *Statistical Data on Trade between Russia and China*. Saint Petersburg: Typography of M. P. Frolova, 1909 (in Russian)].

Рожкова М.К. *Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е гг. XIX в.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963 [Rozhkova M.K. *Economic Relations between Russia and Central Asia. 40–60-ies of the 19th century*. Moscow: Publishing house of The Academy of Sciences of the USSR, 1963 (in Russian)].

Романов Б.А. *Россия в Маньчжурии (1892–1906)*. Ленинград: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928 [Romanov B.A. *Russia in Manchuria (1892–1906)*. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after A.S. Enukidze Publ., 1928 (in Russian)].

Русско-китайские отношения. 1689–1916: официальные документы. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. Москва: Изд-во вост. литературы, 1958 [Russian-Chinese Relations. 1689–1916: Official Documents. P.E. Skachkov, V.S. Myasnikov. Moscow: Vostochnaia literatura, 1958 (in Russian)].

Скальковский К.А. *Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии*. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1883 [Skalkovsky K.A. *Russian Trade in the Pacific Ocean: An Economic Study of Russian Trade and Navigation in the Primorye Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California*. Saint Petersburg: Tipografiia of A. Suvorina, 1883 (in Russian)].

Сладковский М.И. *История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)*. Москва: Наука, 1974 [Sladkovsky M.I. *History of Trade and Economic Relations between the Peoples of Russia and China (before 1917)*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Статистические сведения о торговле России с Китаем и по отдельным восточноазиатским границам за 1901–1907 гг. Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1908 [Statistical Data on Russia's Trade with China and on Certain East Asian Borders for 1901–1907. Moscow: Typography of P.P. Ryabushinsky, 1908 (in Russian)].

Субботин А.П. *Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая*. Санкт-Петербург: А.Г. Кузнецов, 1892 [Subbotin A.P. *Tea and Tea Trade in Russia and other States: Production, Consumption and Distribution of Tea*. Saint Petersburg: A.G. Kuznetsov, 1892 (in Russian)].

Сычевский Е.П. Динамика русско-китайской торговли в конце 50–60-х гг. XIX века. *Учен. зап. Благовещ. гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина*. 1957. Т. VIII. С. 49–75 [Sychevsky E.P. Dynamics of Russian-Chinese Trade in the Late 50–60s of the 19th Century. *Proceedings of the Blagoveshchensk State Pedagogical Institute Named after M.I. Kalinin*. 1957. Vol. VIII. Pp. 49–75 (in Russian)].

Тагаров Ж.З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX вв. *Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: сб. науч. тр.* Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 183–199 [Tagarov Zh.Z. Mongolian Transit and Russian-Chinese Kyakhta Trade in the late 17th–early 20th Centuries. *Russia and Mongolia in the First Half of the 20th Century: Conceptual Issues of Russian-Mongolian Relations: Collection of Scientific Works*. Vol. 5. Ulaanbaatar – Irkutsk: BSU Publishing house, 2015. Pp. 183–199 (in Russian)].

Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.). *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений*. М.: Мысль, 1982. С. 99–148 [Hohlov A.N. Kyakhta Trade and Its Place in the Politics of Russia and China (20s of the 18th Century – 50s of the 19th Century). *Documents Refute. Against Falsification of the History of Russian-Chinese Relations*. Moscow: Mysl, 1982. Pp. 99–148 (in Russian)].

Meyer D.R. *Hong-Kong as a Global Metropolis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ХАМЗИН Ильдар Рашидович кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет, Россия.

Ildar R. HAMZIN, PhD (History), Junior Research Fellow of Laboratory of Natural Sciences Research in Humanities, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017726-5

**ДОГОВОР 1921 г. СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПЕРСИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(К СТОЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ)**

© 2021

А.З. АРАБАДЖЯН^a, Е.В. ДУНАЕВА^b, Н.М. МАМЕДОВА^c^{a, b, c} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – ORCID ID: 0000-0002-5743-2002; arabzava@yandex.ru^b – ORCID ID: 0000-0003-3492-1361; elena-vd@list.ru^c – ORCID ID: 0000-0002-4571-8206; mamedovan@mail.ru

Резюме: Авторы, обращаясь к советско-иранскому договору 1921 г., по истечении столетия с новых позиций оценивают его роль в укреплении суверенитета каждого из государств и выстраивании отношений между ними, анализируют, насколько он отвечал интересам России и Ирана, какое значение имел для развития отношений двух стран в XX в. Рассматривая историческую обстановку накануне его подписания, авторы обращают внимание на неоднозначность ситуации в Иране и большое влияние Великобритании на политику страны. Подписание Договора гарантировало суверенитет Ирана, открыло возможности для развития равноправных отношений двух соседних государств, таким образом создав прецедент в отношениях Ирана с иностранными государствами. Для новой России этот документ стал шагом к прорыву дипломатической изоляции и отражением нового баланса сил в регионе.

Оценивая экономические статьи Договора, авторы отмечают, что безвозмездный отказ России практически от всей российской собственности не только способствовал улучшению финансовой ситуации в Иране, но и заложил основу для развития взаимовыгодных экономических отношений двух стран в последующие десятилетия. Подчеркивается, что этот отказ был увязан с вопросом обеспечения безопасности Советской России, что отразилось в статье 6, которая многие десятилетия вызывала недовольство иранской стороны.

Договор заложил основы правового статуса Каспийского моря как моря закрытого, находящегося в общем пользовании государств. Подписанная в 2018 г. Конвенция о правовом статусе Каспия в определенном смысле сохранила особый режим моря и отразила дух Договора.

Несмотря на то, что в ИРИ высказываются неоднозначные оценки этого Договора, ряд экспертов отмечает, что в целом он отвечал интересам Ирана.

Ключевые слова: Советско-иранский договор 1921 г., Персия, отказ от концессий, Русский Учетно-ссудный банк, правовой режим Каспийского моря.

Для цитирования: Арабаджян З.А., Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Советско-иранский договор 1921 года и его значение для отношений двух стран. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. __ DOI: 10.31857/S086919080017726-5

THE SOVIET-IRANIAN TREATY OF 1921: HISTORY AND MODERNITY (TO THE CENTENARY OF CONCLUSION)

© 2021 Zaven A. ARABADZHYAN^a, Elena V. DUNAEVA^b, Nina M. MAMEDOVA^c

^{a, b, c} – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

^a – ORCID ID: 0000-0002-5743-2002; arabzava@yandex.ru

^b – ORCID ID: 0000-0003-3492-1361; elena-vd@list.ru

^c – ORCID ID: 0000-0002-4571-8206; mamedovan@mail.ru

Abstract. *After a century since the Soviet-Iranian Treaty was signed in 1921 authors of the article consider its significance from a new viewpoint – as the backing of the sovereignty of Iran and Russia that supported development of their relations. Authors examine the way it complied with the interests of Russia and Iran, and its impact on the bilateral relations in the 20th century.*

The signing of the Treaty secured the sovereignty of Iran, served as the base for the development of equal relations between the two neighboring states and opened up Iran for relations with foreign states. For the Russia, this document was a step towards breaking its diplomatic isolation. The authors emphasize that Russia had granted almost all its property to Iran which contributed to the improvement of the financial situation in Iran and served as a base for the development of mutually beneficial economic relations between the two countries. The authors mention that the property transfer clause was connected with the security of the Soviet Russia. This fact was reflected in the Article 6 of the Treaty. The Treaty set up the basement for the legal status of the Caspian Sea as a closed sea in the states' joint usage. The Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, signed in 2018, to some extent retained the special regime of the sea and reflected the spirit of the Treaty of 1921.

Although in IRI there are different views about the Treaty some experts consider that it generally complied with Iran's national interests.

Keywords: The Soviet-Iranian Treaty of 1921, Persia, refusal of concessions, Russian Loan Bank, legal regime of the Caspian Sea.

For citation: Arabadzhyan Z.A., Dunaeva E.V., Mamedova N.M. The Soviet-Iranian Treaty of 1921: History and Modernity (to the Centenary of Conclusion). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017726-5

После Октябрьской революции Советская Россия оказалась в кольце политико-дипломатической блокады. В связи с этим одним из направлений ее внешней политики стало подписание договоров с рядом стран Востока, что должно было означать прорыв дипломатической изоляции, навязанной империалистическими державами. В 1921 г. были заключены договоры с Ираном, Турцией и Афганистаном. Несмотря на то, что со времени их подписания прошло уже сто лет, интерес к ним не утихает ни в зарубежной, ни в отечественной литературе¹.

Чтобы оценить значение советско-иранского г. для Ирана, необходимо рассмотреть не только суть этого документа, но и предысторию его подготовки и подписания. В XIX в. Иран в ходе своего политико-дипломатического общения с европейскими державами подписывал

¹ В 2021 г. была опубликована статья В.Н. Зайцева и Т.А. Коняшкиной «Об одном из этапов «Большой игры» в центре Евразии (к столетию московских договоров 1921 года)» [Зайцев, Коняшкина, 2021]. В Иране Б. Навазани в 2015 г. опубликовал книгу «Договор о дружбе Ирана и России 26 февраля 1921 г.» [Navazani, 2015].

неравноправные договоры, как правило, навязанные ему по итогам проигранных войн: Гулистанский и Туркманчайский трактаты с Россией (1813 и 1828 гг.) и Великобританией (начиная с договора 1801 г. и особенно договор 1841 г.). Затем и другие западные страны стали подписывать неравноправные договоры с Ираном. Все эти договоры ущемляли иранский суверенитет, навязывали неравноправные условия торгово-экономических связей, наделяли подданных этих стран правом экстерриториальности и пр. Господствовавшие в Иране Россия и Англия самостоятельно решали его судьбу, что выразилось в разделах его территории на сферы влияния в 1907 и 1915 гг.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РСФСР И ИРАНОМ

Период, предшествовавший подписанию договора 1921 г., был крайне сложным и противоречивым. Советское руководство уже в январе 1918 г. передало иранскому посланнику в Петрограде заявление Совнаркома об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Ирана. В нем выражалось стремление строить отношения с Ираном на основе взаимного уважения народов и равноправных соглашений, объявлялось об отказе от кабальных договоров, включая англо-русское соглашение 1907 г. [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 63–64].

26 июня 1919 г. было обнародовано обращение к «Персидскому народу и персидскому правительству», в котором советское правительство отказывалось от всей собственности, концессий, финансовых активов царской России в Иране, освобождало Иран от выплат по старым долгам, отказывалось от участия в организации иранских вооруженных сил и пр. [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 65–67].

Несмотря на эти дружелюбные действия РСФСР, с иранской стороны встречного движения не наблюдалось. Затягивалось открытие дипломатического представительства РСФСР в Иране. Иранские власти признавали советскую власть уже самим фактом политико-дипломатических контактов с нею и присутствием иранского посла в Петрограде и позднее в Москве, но при этом они отказывались признавать советские миссии, направлявшиеся для работы в Иран. Такая политика привела к вынужденному отъезду первого советского дипломатического агента Н.З. Бравина (1918 г.), разгрому советской миссии во главе с И.О. Коломийцевым (1918 г.), и его убийству в 1919 г. при повторном въезде в Иран для открытия советского полпредства.

Разумеется, имело место классовое неприятие нового типа государства, как явления непонятного и пугающего местную феодально-помещичью элиту. Но была и иная причина – давление со стороны Великобритании, которая считала большевиков своим главным врагом и не желала их появления в Иране. Кроме того, политика советской стороны, безвозмездно отказывавшейся от всех привилегий и концессий, оказывала сильное влияние на иранское общество, настраивая его антианглийски. А в это время англичане вели борьбу за подписание и реализацию англо-иранского соглашения 1919 г. Поэтому англичане последовательно убирали иранских премьер-министров, которые высказывали желание наладить отношения с советской стороной и официально принять имущество, от которого она отказывалась.

27.07.1918 г. правительство Самсам ос-Салтане, откликаясь на заявление Совнаркома, приняло решение официально объявить об аннулировании всех неравноправных договоров между Ираном и Россией. Но английский посланник заявил Ахмед-шаху, что принятие такого постановления будет равнозначно объявлению войны Великобритании, и шах издал указ о роспуске кабинета. Правительство не подчинилось шахскому указу, *но под давлением англичан его разогнали персидские казаки*. Именно после этого был сформирован кабинет

английского ставленника Восуга од-Доуле, который подписал англо-иранское соглашение 1919 г. [*Новая эпоха*, 1920, с. 22–24]. Вскоре после его подписания Г.В. Чичерин направил протест против этого кабального для Ирана договора, обращенный не к иранскому правительству, а к рабочим и крестьянам Персии [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 67–71].

ПОДГОТОВКА И ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-ИРАНСКОГО ДОГОВОРА

Только после падения правительства Восуга од-Доуле началась подготовка к подписанию договора с РСФСР, и в Москву в ноябре 1920 г. прибыла чрезвычайная миссия во главе с Мошавер уль-Мамалеком. Переговоры проходили параллельно с нараставшей борьбой против англо-иранского соглашения. Его противников вдохновляли успешные переговоры с советским руководством. Об этом можно судить в т.ч. по публикациям иранских газет, которые писали, что последние предложения советского правительства дают «возможность установления другой, новой политики со стороны нашей северной соседки» [Rahnema, 30.12.1920].

Параллельно с переговорами в Москве, англичане, понимавшие неизбежность отмены соглашения 1919 г., решили изменить некоторые аспекты своей политики в Иране. С этой целью готовился переворот, который должен был внешне выглядеть как антианглийский, поскольку новым правительством предполагалось официально отменить договор 1919 г., но сохранить проанглийский курс, лишь чуть замаскировав его. Такой переворот произошел в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г. и вошел в историю как Переворот третьего хута. Поскольку советско-иранский договор был уже подготовлен и согласован на заседании Чрезвычайного совещательного собрания, новый кабинет отменить его подписание не мог. В итоге договор между РСФСР и Ираном (Персией), содержащий Преамбулу и 26 статей, был подписан 26 февраля 1921 г. в Москве Народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и иранским послом в Советской России Мошавер уль-Мамалеком².

Оценивая содержание указанного документа, следует выделить три группы статей. Первая группа – это то, что должно было быть сделано и было сделано: отмена всех неравноправных соглашений и трактатов, которые были заключены царской Россией, аннулирование соглашений России с третьими странами, которые ущемляли интересы Ирана, отказ от кабальных концессий и привилегий, выстраивание отношений на принципах невмешательства в дела друг друга (ст. 1, 2, 4 и пр.).

Вторая группа – то, чего не следовало делать, однако было сделано из-за революционного романтизма и непонимания в должной мере ситуации в Иране и психологии иранского социума. Это, прежде всего, ст. 10, согласно которой иранской стороне безвозмездно передавалась российская собственность и списывались все долги. Данный шаг объяснялся стремлением компенсировать ущерб, нанесенный русскими войсками в ходе своего пребывания на иранской территории во время Первой мировой войны. Чрезмерность такого шага проистекает от того, что ущерб Ирану был нанесен армиями не только России, но и Турции, Англии и даже Германии, которые участвовали в военных действиях в Иране. Кроме того, все оставляемое имущество и все списанные долги по займам, оценивалось примерно в 70 млн. руб. золотом, что было несопоставимо больше урона, причиненного русской армией.

Данные шаги представляются спорными, поскольку после победы Октябрьской революции указанные средства становились достоянием народа, и можно было отказаться от получения процентов, но не от самих займов. Есть большая разница между отказом от неравноправных договоров и дарением огромных средств в угоду идеологическим посту-

² Полный текст договора см. в [*Советско-иранские отношения*, 1946, С. 74–82].

латам, тем более что сама Советская Россия после гражданской войны находилась в плачевном состоянии. Вероятно, данные акты были попыткой вызвать чувство признательности и вовлечь Иран в сферу советской политики. Но этого не произошло.

Много позже иранский коммунист З. Альмоути относительно политики советской власти и реакции на нее иранских правящих кругов справедливо отмечал: «Когда иранцы принимали эти подарки, то хорошо знали, что целью советской власти является компенсация Ирану убытков и разрушений, нанесенных нашей стране в результате нарушения ее нейтралитета в войне. Но щедрый отказ советской стороны от всех своих привилегий и преимуществ в Иране, воспринимался иранцами не как великодушие и искренность этой власти, а создавал у них представление об исчезновении силы этой страны» [Almouti, 1370, с. 123–124].

Третья группа статей, вызывающих резкую критику с иранской стороны, представлена, прежде всего, ст. 5 и 6, а также частично ст. 13. Критицизм в отношении ст. 5 не вполне ясен, поскольку она на паритетных началах обязывала стороны не допускать пребывание на своей территории организаций, частных лиц, войск третьих стран и пр., которые могут быть использованы против другой стороны.

Статья 6 в одностороннем порядке давала РСФСР право ввести свои войска на иранскую территорию, если возникнет угроза захвата части иранской территории и превращения ее в плацдарм для нападения на Россию. Но эта статья не предусматривала аналогичного права за иранской стороной, что вызвало проблемы с ратификацией Договора в межджисе. Иранское правительство запросило разъяснения по этому поводу. В советском ответе говорилось, что статьи 5 и 6 Договора имеют в виду лишь подготовку к активной вооруженной борьбе с Россией или союзными с ней советскими республиками со стороны сторонников низвергнутого режима и покровителей среди иностранных держав, которые могут занять «силой часть персидской территории и там организовать базу для прямого нападения своими силами или контрреволюционными силами на Советские Республики или на самую Россию» [Документы, 1960, с. 798–799].

Недовольство иранской стороны положениями статьи 6 понятно, однако следует помнить и о ситуации, в которой тогда находилась советская Россия. Гражданская война была еще не закончена, Крым – в руках белогвардейцев, РККА потерпела поражение в войне с Польшей, на Дальнем Востоке существовала Дальневосточная Республика и находились войска японских интервентов. Для Советской России было важно максимально обезопасить свои южные границы, где начиналась борьба с басмаческим движением, и эту безопасность в какой-то степени обеспечивала статья 6.

ЧТО ВЕРНУЛИ ИРАНУ И ЧТО УДАЛОСЬ ВОССТАНОВИТЬ?

В отличие от договоров с Турцией и Афганистаном, договор с Ираном содержал несколько статей экономического характера. Они законодательно закрепили провозглашенный новой властью отказ от концессий и выплат по полученным от России займов (ст. 8). Часть иранской общественности восприняла это решение восторженно, понимая, что для Ирана, пострадавшего в период Первой мировой войны, оно означало возможность улучшить свое финансовое положение и преодолеть кризис. Но другая часть иранской элиты отказ от собственности и выплат по царским долгам расценила как слабость новой российской власти. Уже в марте 1919 г. на Парижской мирной конференции был представлен меморандум иранского правительства, в котором содержалось требование к советской России передать Ирану Азербайджан с Баку, Армению с Ереваном, Нахичевань, Нагорный Карабах и часть Дагестана с Дербентом. Хотя этот меморандум конференция даже не стала

рассматривать, сама позиция Ирана, явно инициированная извне, делает логичным включение в Договор 5 и 6 статей, обеспечивающих неприкосновенность советской границы в ответ на экономические уступки.

Насколько были значительны для России и для Ирана эти уступки?

Именно займы царской России Ирану являлись одной из основных форм распространения не только экономического, но и политического влияния России в Иране. Первый заем России Ирану был выдан еще в 1898 г. Затем они стали предоставляться почти ежегодно под обеспечение платежами северных таможен. Если первый заем не превышал 150 тыс. руб., то уже в 1900 г. Ирану был выдан огромный «Персидский 5% золотой заем» в сумме 22,5 млн. руб., или 2,4 млн. ф.ст. сроком на 75 лет, который был растрочен за полтора года [Bharier, 1971, p. 18].

Уже к 1910 г. общая задолженность Ирана по русским займам превышала 43 млн. руб. золотом [Кулагина, 2010, с. 154]. Много это или мало? Весь экспорт Ирана в этот период оценивался в 35 млн. руб., т.е. задолженность составляла 81% всего экспорта [Сеидов, 1974, с. 53]. Долг Ирана по русским займам на время заключения Договора оценивался (без учета процентов по займам) в 65,5–70 млн. руб. золотом [Алиев, 2004, с. 129]. На конец 1920 г. внешний долг Ирана составлял примерно 9,9 млн. ф.ст. (в т.ч. 32,8 млн. руб. золотом и 2,7 млн. ф.ст.). Аннулирование царских долгов дало возможность Ирану снизить внешнюю задолженность уже к концу 1921 г. до 4,1 млн. ф.ст. [Глухоед, 1968, с. 92, 95].

Советское правительство заявило, что отрицает колониальную политику капитализма и поэтому передает «в полное владение персидского народа... активы Учетно-Ссудного Банка Персии, а равным образом движимое и недвижимое имущество означенного банка, находящееся на территории Персии» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 77].

Русский банк и английский Шахиншахский банк вплоть до середины 1920-х гг. являлись единственными банками, действовавшими в Иране, а до их создания финансовые операции находились в руках саррафов (менял).

В 1890 г. Я. Поляков приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка, на основе которой в 1891 г. был создан акционерный банк. Так как Я. Поляков не смог развернуть деятельность в полной мере, Госбанк России перекупил три четверти его акций. С 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать формально как частное учреждение, а в действительности как государственный русский банк, который в 1902 г. был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Именно через него выдавались займы и ссуды Ирану и центральному правительству, и лично членам шахского правительства, учитываемые как государственные ссуды. Без участия этого банка не проходила ни одна процедура по оформлению русскими предпринимателями концессий у шахского правительства. Члены правления банка сами становились акционерами того или иного крупного проекта. В самой Персии банк имел пять крупных отделений – в Мешхеде, Реште, Тавризе, Керманшахе, Тегеране.

Для советского государства экономически и политически сложным был отказ от Учетно-ссудного банка. Но потребность в создании в Иране финансовой организации для осуществления коммерческих связей двух стран, была очевидной. Инициатором воссоздания банка стала советская сторона. В 1923 г. вместо Учетно-ссудного банка в Тегеране был создан Русперсбанк. Он действовал на основании устава, учрежденного иранским правительством, но одновременно (с 1927 г.) находился в подчинении Наркомата внешней торговли и Внешторгбанка. В 1954 г. СССР выкупил все иранские акции, и банк действовал вплоть до исламской революции, когда был национализирован.

Ст. 10 Договора закрепляла передачу в полную собственность Ирана построенные Россией инфраструктурные объекты: «Шоссеиные дороги Энзели – Тегеран и Казвин –

Хамадан со всеми относящимися к этим дорогам землями, постройками и инвентарем; железнодорожные линии Джульфа – Тавриз и Софьян – Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и другим имуществом; пристани, товарные склады, пароходы, баржи и другие транспортные средства на Урмийском озере, со всем относящимся к ним имуществом; все выстроенные бывшим Царским Правительством в пределах Персии телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем; порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 78]. Это лишь краткий список передаваемой Ирану собственности. Например, концессия, выданная Учетно-ссудному банку на строительство Тебризской железной дороги, включала в себя и добычу полезных ископаемых в пределах 60-ти верст по обеим сторонам дорог [Ананьич, 1975, с. 184].

Согласно ст. 12, Ирану передавались как действовавшие концессии, так и полученные, но пока не реализованные, а также все земли, входящие в эти концессии (кроме зданий и земель российского посольства и консульств).

Однако российская сторона уже в этом Договоре добилась нескольких исключений. Главное заключалось в том, что Персия давала обещание «не передавать возвращенные концессии во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству или его гражданам» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 79].

Отдельно был поставлен вопрос о рыбной концессии, которая, в отличие от большинства концессий, являлась частной, хотя часть ее акций принадлежала Учетно-ссудному банку и в перечень передаваемых концессий включена не была. Концессия была выдана в 1873 г. российскому купцу С. Лианозову на 20 лет, затем продлена до 1925 г. Из-за событий Первой мировой войны, приведшей к оккупации части территории Ирана, компания Лианозова обанкротилась. В начале 1920-х гг. значимость сохранения этой концессии для Советской России определялась преимущественно экономическими причинами – пополнением продовольственного рынка для голодающего населения. Поэтому была достигнута договоренность с Ираном, закрепленная в ст. 14, о том, что иранское правительство согласно заключить соглашение «об эксплуатации сих промыслов на особых имеющих быть выработанными к тому времени условиях» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 79]. Переговоры осложнились получением в 1922 г. Лианозовыми новой концессии на 15 лет, но советская сторона выкупила долю главного наследника торгового дома М. Лианозова, что дало законное право на ведение ловли [Дёмин, 2020]. В 1927 г. было обеими сторонами ратифицировано Соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов на паритетных началах сроком на 25 лет. По окончании срока Соглашение не было продлено, и в 1953 г. промыслы были переданы Ирану.

12-я статья Договора предусматривала возобновление в кратчайший срок торговых связей и выработку торговой конвенции. Но дальнейшее их развитие столкнулось с огромными трудностями. Фактором, который содействовал восстановлению и развитию торговых отношений, стало изменение экономической политики в советском государстве – переход к НЭПу, что облегчило сотрудничество и с иранским купечеством, и с российскими компаниями.

Достаточно сложной была ситуация вокруг порта Энзели, который, несмотря на ст. 10, фактически оставался под советским контролем вплоть до 1927 г. В 1927 г. порт был полностью передан под иранский контроль, но с условием не допускать к работе в нем иностранных поданных в течение 25 лет.

СССР удалось также добиться того, что концессия А.М. Хоштария на северную нефть не попала в руки зарубежных компаний, хотя в разные годы ряд зарубежных компаний пытались получить эту концессию.

Приведенный выше неполный перечень собственности, которая была передана Ирану по договору 1921 г., впечатляет. Конечно, те иранские круги, которые были тесно связаны с русскими концессиями и особенно с Учетно-судным банком, понесли потери. Но иранское государство, несомненно, смогло улучшить свое финансовое положение, сократив внешнюю задолженность, а также получив в свое распоряжение собственность бывших российских компаний, что значительно перекрывало убытки, понесенные некоторыми иранскими предпринимателями. По некоторым оценкам, финансовый эффект, полученный Ираном от актов советского государства, превышал на тот период 100 млн. золотых руб. [Глуходел, 1968, с. 119]. Экономический эффект был еще выше. Так, после того как РСФСР передало в собственность Ирану все дороги, которые принадлежали царской России, этому примеру была вынуждена последовать и Англия. Благодаря передаче собственности царской России в Иране договор 1921 г. не только стал декларативным, но и реальным подтверждением политической и экономической независимости Ирана, заложив фундамент для дальнейшего развития взаимовыгодных отношений и сотрудничества.

ВОПРОСЫ ГРАНИЦ И ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Договор 1921 г. включил в себя также статьи, касающиеся пограничных вопросов и статуса Каспийского моря, которые не утратили актуальности даже по истечении столетия.

Ст. 3 подтвердила незыблемость сухопутных границ, определенных в XIX в. Учитывая, что правительство советской России представляло интересы других советских республик, северная граница Ирана рассматривалась в документе как граница с советской Россией. Основное внимание было уделено ее среднеазиатскому участку, на котором не были завершены работы по демаркации, и установленная Конвенцией 1893 г. граница вызывала наибольшее недовольство иранской стороны. Советская Россия, дабы не усложнять ситуацию в Средней Азии, пошла на уступки и передала Ирану острова Ашур-Ада и несколько более мелких островов, расположенных у иранского побережья Каспийского моря, отказалось от земель, расположенных вокруг селения Фирузе. Для урегулирования вопросов водопользования на пограничных реках и других не полностью разрешенных территориальных вопросов предполагалось создать совместную комиссию, и к 1922 г. был выработан проект соглашения. Однако из-за внутривосточной нестабильности в Иране и борьбы с басмачеством в Советском Туркестане, решение этих вопросов затянулось. В результате соглашение о взаимном пользовании пограничными реками и водами было подписано лишь в 1926 г.

Несмотря на то, что в 1930-е гг. СССР и Иран постоянно выдвигали пограничные претензии (относительно границы в Хорасане и в районе Муганской степи, селения Фирузе), серьезных конфликтов на границе не происходило. Договор стал основой урегулирования всех пограничных вопросов между СССР и Ираном в 1950-е гг. Линия прохождения сухопутной границы, ставшая после распада СССР границей Ирана с Азербайджаном, Арменией и Туркменистаном, не пересматривалась.

Важную роль в развитии двухсторонних отношений сыграли статьи относительно Каспийского моря. Ст. 11 предоставляла Ирану право свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом. Тем самым отменялись статьи Гулистанского и Туркманчайского договоров, запрещавшие Персии иметь военный флот. При этом в ст. 7 оговаривалось, что в целях обеспечения безопасности на море «в составе экипажа судов персидского флота» не должны находиться граждане третьих стран, «использующие свою службу в персидском флоте в недружелюбных по отношению к России целях» [*Советско-иранские отношения*, 1946, с. 78]. Эта статья отражала стремление новой России сохранить статус Каспийского

моря как моря закрытого, только российско-иранского, и не допустить появления на нем третьих стран, прежде всего, Великобритании.

Этот же подход был положен в основу документов, закрепивших в 1927, 1931, 1935 и 1940 гг. юридический статус Каспия как моря только советско-иранского, на котором оба государства обладали равными правами в сфере судоходства и рыбной ловли. Ни в договоре 1921 г., ни в соглашениях, заключенных в 1930–1940-е гг. вопрос о разграничении вод на Каспийском море или определения долей для каждой стороны не поднимался. Выделялись лишь 10-ти мильные зоны исключительного рыболовства, что было закреплено в договоре о торговле и мореплавании 1940 г. Отдельная его статья оговаривала запрет на появление иностранных судов на Каспии.

Нельзя не сказать о том, что, согласно приказу НКВД от 1935 г., была установлена линия, соединяющая пункты выхода сухопутной границы двух стран в районе селений Астара и Гасан-Кули, за пределы которой иранские суда практически не допускались [Кулагина, Дунаева, 2008, с. 167]. Но в 1930-е гг. Иран официально не пытался опротестовать эту ситуацию, так как его возможности по судоходству по всей акватории были ограничены.

Вопрос о границе на море поднимался в 1950–1970-е гг., причем инициатором узаконивания сложившейся ситуации стал СССР, который к этому времени вел разработку нефтяных месторождений на дне моря. В его интересах было закрепить раздел не только акватории, но и дна, а также установить воздушную границу ввиду участвовавших пролетов военных самолетов НАТО над советской территорией в этом районе. В ответ иранская сторона ссылалась на документы 1921 и 1940 гг. и заявляла, что ни в одном из совместных соглашений вопрос об установлении государственных границ на море не поднимался.

После свержения шахского режима новая власть, хотя и приняла решение в декабре 1979 г. об отмене с. 5 и 6 договора 1921 г., не поднимала вопрос о пересмотре границ [Махдиян, 2014, с. 54, 202].

С распадом СССР в 1991 г. геополитическая ситуация на берегах Каспийского моря резко изменилась. Появление трех новых независимых прикаспийских государств актуализировало вопрос о пересмотре правового статуса моря. Хотя Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, также как и Россия, подписав Алма-Атинскую декларацию 1991 г., подтвердили верность международным соглашениям, заключенным СССР относительно государственных границ, потребовали определения прав собственности на природные ресурсы Каспийского моря.

Россия и ИРИ, до начала XXI в. прилагали усилия к тому, чтобы сохранить уникальный статус Каспийского моря и положить в основу хозяйственной деятельности прибрежных государств принцип кондоминиума. Иран в 1998 г. принял решение, что «до принятия каких-либо официальных документов по статусу Каспийского моря, сохраняют свою легитимность договоры 1921 г. и 1940 г., подписанные между СССР и Ираном» [Kargozaran, 02.02.2008]. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан требовали раздела моря на национальные сектора и установили границы своих прибрежных зон.

В конце 1990-х гг. Россия под влиянием активизации деятельности международных и национальных нефтяных компаний на Каспии встала на позицию прагматизма и поддерживала идею раздела морского дна по срединной линии. Иран, резко критикуя изменение подхода Москвы, осознав невозможность сохранения прежнего режима использования моря, выдвинул идею его раздела на пять равных частей [Maleki, 2018a].

Одновременно в иранских научных и политических кругах стали высказываться мнения о том, что доля Ирана должна составлять не 20, а 50%. Сторонники этого подхода ссылались именно на документы 1921 и 1940 гг. [Махдиян, 2014, с. 133]. Появление таких идей руководитель Международного центра изучения Каспийского моря А. Малеки объяснил

тем, что в иранском обществе утвердилось неверное толкование договоров, подписанных с СССР. Декларируемое в них право равных возможностей в рыболовстве и судоходстве стало трактоваться как право на 50% водной поверхности, дна и всех природных богатств, но на официальном уровне вопрос в таком ключе никогда не поднимался [Maleki, 2018a]. А. Малеки, давая положительную оценку договору 1921 г., отмечал важность сохранения его духа для выработки новой концепции правового статуса и даже упрекал МИД в том, что оно своими идеями выхолаживает сущность этого документа [Maleki, 2018b].

После более чем 20-летних переговоров, прикаспийские государства, пойдя на компромиссы и взаимные уступки, сумели выработать общие подходы и в августе 2018 г. подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. Она сохранила дух договора 1921 г., ряд положений Конвенции перекликаются со статьями Договора или развивают и дополняют их. В целях поддержания безопасности всех прикаспийских государств запрещено присутствие на море военных сил государств, которые не относятся к этому региону, зафиксирован запрет на предоставление другим государствам своей территории для совершения агрессии или других военных действий против прикаспийских соседей, осуществление плавания по морю предоставлено исключительно судам под флагом прибрежных государств. Ст. 5 зафиксировала сохранение общего водного пространства при выделении 15-мильной зоны территориальных вод и 10-мильной зоны рыболовства. В районе общего водного пространства разрешено свободное судоходство. [Конвенция, 2018]

В Конвенции нашли отражение геополитические и геоэкономические реалии, сложившиеся в последние десятилетия. Вопреки исторической традиции, границы территориальных вод признаются государственными границами, разграничиваются дно и природные ресурсы. Не все вопросы, стоящие перед прикаспийскими государствами, пока нашли свое решение. В частности, вопросы разграничения морского дна и определения территориальных вод Ирана и его соседей по южной части моря лишь в стадии обсуждения.

Подписание Конвенции президентом Х. Роухани было неоднозначно воспринято в Иране. Отдельные националистически настроенные группы, находящиеся под сильным влиянием эмиграции, проживающей на Западе, инициировали пропагандистскую кампанию под лозунгами защиты национальных интересов на Каспийском море, ориентируясь на принцип его деления на две части, полагая, что четыре государства должны поделить между собой половину моря, и обосновывают свою позицию договором 1921 г. Отголоски таких настроений звучат и в иранском парламенте, который до сих пор не ратифицировал Конвенцию [Bazkhani, 2018]. Очевидно, что затягивание официального признания документа будет осложнять взаимодействие Ирана с соседями и препятствовать укреплению сотрудничества, как по вопросам безопасности, так и в сфере экономики, экологии, гуманитарных проблем.

Оценивая значение договора 1921 г. по прошествии столетия, можно констатировать, что он имел огромное значение и для Ирана, и для советской России. Для Ирана он являлся фактически первым равноправным договором страны за более чем сто лет. Он наглядно демонстрировал, что в своих международных связях достаточно слабое государство может на равных вести переговоры с великими державами. В этом смысле он создавал важный прецедент в международных отношениях. Этот документ укрепил международное положение Ирана и резко осложнил проведение британской политики в стране. Хотя некоторыми политиками Ирана Договор был воспринят не как результат принципиального изменения внешней политики советской России, а как проявление слабости нового режима, в посвященных кругах Ирана он был расценен как поворотный момент в истории отношений Ирана и России.

Значимость Договора для России объяснялась обеспечением безопасности ее южных сухопутных границ и закрытого режима Каспийского моря, определенным сдерживанием устремлений Великобритании в отношении Ирана и советских республик.

В ИРИ, как отмечалось выше, высказываются неоднозначные оценки этого Договора. Однако, несмотря критику этого документа, его оценку как «Дамоклова меча, занесенного над Ираном» [Hushng Mahdavi, 2005, p. 11], многие иранские историки отмечают его значимость для укрепления политической независимости Ирана и сдерживания экспансионистских намерений западных держав [Navazeni, 2015, p. 13]. Эксперты в области российско-иранских отношений убеждены в том, что значение Договора не ограничилось кратковременным периодом, и на протяжении многих десятилетий он играл важную роль в сохранении стабильности на границе двух стран, открыл возможность для развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений, причем, некоторые статьи Договора и по сей день не утратили своего значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Алиев С.М. *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН, 2004 [Aliev S. *History of Iran. The 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2004 (in Russian)].

Ананьич Б.В. *Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства*. Ленинград: Наука, 1991 [Anan'ich B. *Banking houses in Russia 1860–1914. Essay on the History of Private Enterprise*. Leningrad: Nauka, 1991 (in Russian)].

Глуходед В.С. *Проблемы экономического развития Ирана (20-е–30-е годы)*. М.: Наука, 1968 [Gluhoded V. *Iran's Economic Development Challenges (1920s–1930s)*. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian)].

Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты. *Известия Саратовского университета*. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 14–21 [Dyomin Ju. Soviet Policy Towards Former Czarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts. *Bulletin of the Saratov University*. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 14–21 (in Russian)] <https://imo.sgu.ru/ru/articles/sovetskaya-politika-v-otnoshenii-byvshih-carskih-koncessiy-v-irane-1921-1927-gg-regionalnyy> (accessed: 05.06.2021)

Документы внешней политики СССР. Т. IV. М.: Международные отношения, 1960 [USSR Foreign Policy Documents. Vol. 4. Moscow: Mejdunarodnie otnoshenia, 1960 (in Russian)].

Зайцев В.Н., Коняшкина Т.А. Об одном из этапов «Большой игры» в центре Евразии (к столетию московских договоров 1921 года). *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 1. С. 42–57 [Zaytsev V.N., Konyashkina T.A. Regarding a Stage of the Great Game in the Center of Eurasia (for the Centenary of the Moscow Treaties of 1921). *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 2021. No. 1. Pp. 42–57 (in Russian)].

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря [Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (in Russian)] 2018. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/53319 (accessed: 25.06.2021).

Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. *Россия и Иран: история формирования границ*. М.: Гуманитарий, 2007 [Kulagina L.M., Dunaeva E.V. *Russia and Iran: History of Borderformation*. Moscow: Gumanitarii, 2007 (in Russian)].

Кулагина Л.М. *Россия и Иран (XIX–начало XX в.)*. М.: ИВ РАН, 2010 [Kulagina L. *Russia and Iran (19th – beginning of the 20th century)*. Moscow: IOS RAS, 2010 (in Russian)].

Махдиян М.Х. *История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX –начало XXI века)*. М.: ИВ РАН, 2014 [Mahdiyyan M.H. *History of Russo-Iranian relations (XIX –beginning of the XXI century)*. М.: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

Новая эпоха в истории Персии и Англо-персидский договор. Баку, 1920. [*A New Era in the History of Persia and the Anglo-Persian Treaty.* Baku, 1920 (in Russian)].

Сеидов Р.А. *Иранская буржуазия в конце XIX–начале XX века.* М.: Наука, 1974 [Seidov R.A. *Iranian at the End of the 19th–beginning of the 20th century.* Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях, соглашениях. МИД СССР. М.: МИД СССР, 1946 [*Soviet-Iranian Relations in Treaties, Conventions, Agreements.* USSR Ministry of Foreign Affairs. Moscow: Ministry of Foreign Affairs, 1946 (in Russian)].

Almouti Z. *Fosuli az tarikhe mobarezate siyasi wa edjtemie Iran.* Tehran, 1370. [Almouti Z. *Chapters from the History of the Political and Social Struggle of Iran.* Tehran, 1370 (in Persian)].

Bazkhani-ye moahadat-e iran va rusiye dar bareye marzhaye abi. IRNA [Rereading Iranian-Russian Maritime Border Agreements. IRNA (in Persian)] 2018 <https://www.irna.ir/news/83001964> (accessed 09.06.2021).

Bharier J. *Economic Development in Iran 1900–1970.* London: Oxford University Press, 1971.

Hushang Mahdavi A. *Siyasat-e kharejiye Iran dar douran-e Pahlavi. 1300-1357.* Tehran: Peykan, 2005 [Hushang Mahdavi A. *Foreign Policy of Iran under the Pahlavis.* Tehran: Peykan, 2005 (in Persian)].

Kargozaran 02.02.2008 (in Persian)

Maleki A. *Siyasat-e kharegiye Iran va daryaye khazar. Eshtrak* [Maleki A. Iranian Foreign Policy and the Caspian Sea. *Eshtrak.* 2018a. <https://eshtrak.worldpress.com/2018/08/24/> (accessed: 29.06.2021) (in Persian)].

Maleki A. *Vazarat-e kharegi dalayelash ra dar rad-e moahadat-e qabliye khazar beguyad. ISNA* [Maleki A. Foreign Ministry Should Explain Why It Rejects the Previous Agreements on the Caspian Sea. *ISNA.* 2018b. <https://www.isna.ir/news/97061206161/> (accessed: 25.06.2021) (in Persian)].

Navazani B. *Ahdname-ye movadat-e Iran va Russiye 26 fevriye 1921.* Tehran: Ketabrah, 2015 [Navazani B. *Soviet-Iranian Treaty 1921.* Tehran: Ketabrah, 2015. (in Persian)].

Rahnema. 12.30.1920 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АРАБАДЖЯН Завен Артемович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва, Россия.

Zaven A. ARABADZHYAN, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Iranian department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

ДУНАЕВА Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Института стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия.

Elena V. DUNAEVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Iranian department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Institute of Asian and African Countries, Moscow Lomonosov University, Moscow, Russia.

МАМЕДОВА Нина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия.

Nina M. MAMEDOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Head of Iranian Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, MGIMO-University, Moscow, Russia.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080017343-4

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН:
ВАЖНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОПОРЦИИ, ФАКТОРЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ^{1 2}

© 2021

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ^a

^a – Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: В статье, основанной на ряде авторских расчетов и моделей, показано, что в механизме современного (интенсивного) экономического роста (СЭР), который за последние двести лет привел к колоссальному прогрессу в ныне развитых государствах (РГ) и немалой части развивающихся стран (РС), в последние 3-4 десятилетия возникли серьезные сбои. Несмотря на информационную революцию, углубление международного разделения труда (МРТ), в РГ и многих РС произошло заметное сокращение среднегодовых темпов прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП).

Хотя РГ все еще с отрывом лидируют в мире в сфере фундаментальных технологических инноваций и по уровню производительности, они, вследствие потери демографического дивиденда, снижения эффективности госуправления, гипертрофированного (по сравнению с реальным сектором) развития финансовой сферы, заметно сдают ряд своих позиций в мировой экономике быстрорастущим РС.

В отличие от многих африканских, ближневосточных и латиноамериканских стран, в ряде азиатских стран (в т.ч. КНР, Индии, Индонезии, новых индустриальных странах (НИС)), вследствие проведения в них политики прагматичных реформ и открытости, внедрения современных технологий и социальных инноваций, СГТП ПВВП и СФП в тенденции значительно повысились.

Вместе с тем, учитывая, что во многих РГ и РС после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. не произошло существенного смягчения финансово-экономических и социальных проблем, а накануне и во время пандемии они обострились, нельзя исключать того, что, если в относительно короткие сроки в РГ и РС не будут проведены серьезные социально-ориентированные реформы и значительно увеличена помощь последним, в т.ч. в борьбе с пандемией, в мире в ближайшие год-два может возникнуть системный или достаточно глубокий финансово-экономический и социально-политический кризис.

Ключевые слова: развитые и развивающиеся страны, экономический рост, модели, финансовые, экологические и социальные проблемы.

Для цитирования: Мельянцеv В.А. Современный экономический рост в развивающихся странах: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. __ DOI: 10.31857/S086919080017343-4

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² Часть 2. Часть 1 см. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203-215.

MODERN ECONOMIC GROWTH OF DEVELOPING COUNTRIES: THE MOST IMPORTANT TRENDS, PROPORTIONS, FACTORS AND SOCIAL CONSEQUENCES

© 2021

Vitalii A. MELIANTSEV ^a

^a – Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: *The article based on a number of author's calculations, shows that in the mechanism of modern economic growth, which over the last two hundred years has led to colossal progress in the now advanced economies (AES) and a part of developing countries (DCS), there occurred serious failures in the last 3–4 decades. Despite the information revolution and deepening of the international division of labor, compound annual growth rates (CAGRs) of per capita GDP (PCGDP) and total factor productivity (TFP) in the AES and many DCS have demonstrated a significant tendency to slowdown.*

Although the AES are still leading the world in the field of fundamental technological innovations, due to the loss of the demographic dividend, decrease in the efficiency of government effectiveness, hypertrophied development of the financial sector, they are noticeably losing their positions in the world economy.

Unlike many African, Middle Eastern and Latin American countries, a number of Asian countries (including the PRC, India and NICS), due to the policy of pragmatic reforms and openness, has succeeded in acceleration of CAGRs of their PCGDP and TFP.

However, given that in many AES and DCS after the global crisis of 2009 there was no significant mitigation of financial and social problems, and on the eve and during the pandemic they aggravated, it cannot be ruled out that if serious socially oriented reforms are not carried out in the AES and DCS, a deep financial, economic and socio-political crisis may arise in the world in the next year or two.

Keywords: developed and developing countries, economic growth, models, financial, environmental and social problems.

For citation: Meliantsev V.A. Modern Economic Growth of Developing Countries: the Most Important Trends, Proportions, Factors and Social Consequences. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. __. DOI: 10.31857/S086919080017343-4

ДИНАМИКА, МОДЕЛИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ

В РС ситуация не менее противоречива. Вследствие того, что в нескольких десятках из них, прежде всего в КНР, Индии, Индонезии, ряде новоиндустриальных стран, были проведены прагматичные рыночные реформы (при сохранении весомых позиций государства в ключевых сферах экономики), а также произошло значительное наращивание вложений в физический и человеческий капитал и расширение их мирохозяйственных связей, СГТП ПВВП РС вырос в 8–9 раз с ~0.3% в 1800–1950 гг. до 2.6% в 1950–1980 гг. и 1980–2020 гг.³.

³ При этом СГТП численности населения в целом по группе РС сократился весьма заметно – с 2.2% в 1950–1980 гг. до 1.8–1.9% в 1980–2000 гг. и 1.3% в 2000–2020 гг. Что касается СГТП ВВП РС, то он, несмотря на его увеличение, в частности, по Китаю, в целом за последние четыре десятилетия снизился, но вчетверо меньше (с 4.8% в 1950–1980 гг. до 4.2% в 1980–2020 гг., или на 0.6 п.п.), чем по группе РГ (соответственно с 4.6 до 2.2%, или на 2.4 п.п.). (рассч. по источникам граф. 1 [Мельянцев, 2021].

Согласно рассчитанной нами модели⁴, в 1980–2010-е гг. на 3/4 более высокий СГТП ПВВП в целом по РС по сравнению с группой РГ (2.6% vs 1.5%) (см. граф. 1; [Мельянцеv, 2021, с. 206]) может объясняться на 1/3 *более низким исходным уровнем их ПВВП* (т. н. преимуществом отсталости А. Гершенкрона); на 2/5 – *более высокой нормой совокупных капиталовложений* и ~ на 1/5 – *относительно быстрым увеличением (с низкого значения) уровня экономической глобализации РС*.

По другой модели, рассчитанной по крупным странам мира, более быстрый рост ПВВП в РС по сравнению с РГ (в 2000–2010-е гг. 3.4% vs 0.8%), определялся ~ на 1/4 в целом более высокой в РС нормой совокупных капиталовложений, но в гораздо большей мере, на 3/4, более существенным прогрессом *в повышении в них (с низких стартовых значений) уровня экономической свободы и качества государственного регулирования экономики*⁵.

РС, которых насчитывается в мире не менее 150, присуща *огромная дифференциация в макроэкономической и социальной результативности*. Более значимых успехов в последние десятилетия добилась немалая часть азиатских РС. Они, (а) опираясь на опыт Японии, (б) используя огромные массы сравнительно дешевой, но достаточно адаптивной и быстро обучающейся рабочей силы, (в) соблюдая, как правило, незавышенный курс своих валют, (г) в большей мере, чем другие РС, придерживаясь принципов трудовой этики⁶, (д) активно применяя методы индикативного, а иногда и полудирективного планирования, стали осуществлять достаточно эффективную стратегию индустриализации по типу экспортоориентированного импортозамещения, наращивая вывоз готовых изделий вначале невысокой, а затем и более высокой степени сложности.

Что касается Африки южнее Сахары (АЮС), большинства стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Латинской Америки (ЛА) и группы стран, ранее входивших как республики в СССР, то они, при всей немалой дифференциации между ними, в большей или меньшей степени специализируются в мировой экономике на экспорте сырья и продуктах его первичной переработки, что ставит их в *сильную зависимость от конъюнктуры глобального рынка* и далеко не всегда (если не сказать редко) обеспечивает устойчивый и динамичный рост ВВП.

Если в РС Восточной Азии (ВАЗ) СГТП их ПВВП вырос почти вдвое – с 3.2% в 1950–1980 гг. до 6.1% в 1980–2020 гг. и более чем вдвое в Южной Азии (ЮАЗ) – соответственно с 1.4% до 3.5%, то в ЛА он сократился вчетверо (с 2.5 до 0.6–0.7%), в странах БВСА в целом в 7 раз (с 3.5 до 0.5%), в АЮС – в 8 раз (с 1.6 до 0.2%) (рассч. по источникам к граф. 1; [Мельянцеv, 2021, с. 206]).

Возникшее в 1980–2020 гг. превосходство группы РС над РГ в СГТП ВВП привело к тому, что их *вклад в прирост глобального ВВП* вырос с 2/5 в 1950–1980 гг. до 2/3 в 1980–

⁴ $GrY/P_i = -6.23 - 0.04 * Y/P80i + 0.26 * mPKHK_i + 0.03 * \Delta EcGL_i$, F-StatProb=4.25E-06; $R^2 adj = 0.78$.
(p=0.003) (p=0.019) (p=0.000) (p=0.093)

GrY/P_i – СГТП подушевого ВВП (%), $Y/P80i$ – подушевой ВВП в 1980 г. в долл. и ППС 2011 г., $mPKHK_i$ – средняя за период доля (норма) вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (%), $\Delta EcGL_i$ – прирост показателя глобализации (по базе данных КОФ), проц. пункты; i – страна. [Мельянцеv, 2018, с. 105].

⁵ $GrY/P_i = -5.65 + 0.23 * mPKHK_i + 2.05 * \Delta EcFreedom_i$, $R^2 adj. = 0.71$, N = 18, L = 2000-2010-е гг.
(p=0.005) (p=0.0007) (p=0.0006)

GrY/P_i – СГТП ПВВП; $mPRHK_i$ – доля валовых капиталовложений, расходов на образование и НИОКР в ВВП, %; $\Delta EcFreedom_i$ – изменение за рассматриваемый период уровня экономической свободы (рассч. по источникам к граф. 1, 2, 3 [Мельянцеv, 2021, с. 206, 209].

⁶ По нашей модели, сравнительно более высокий СГТП ПВВП в РС Восточной и Южной Азии по сравнению в целом со странами Африки южнее Сахары, Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки можно объяснить примерно на 2/5 проведением в первой группе стран более активной экспортоориентированной политики и на 1/3 большей приверженностью первых принципам трудовой этики (примерно 1/4 пришлась на неидентифицированные факторы). [Мельянцеv, 2018, с. 104].

2020 гг. В основном эта метаморфоза была обеспечена экономическим рывком КНР, по которому рассматриваемый показатель повысился почти на порядок – с 4–6% в 1950–1980 гг. до 12–13% в 1981–2000 гг., 19–21% в 2001–2010 гг. и 38–40% в 2011–2020 гг. (рассч. по источникам к граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206]).

В результате *доля РС в глобальном ВВП* (на базе расчета в ППС 2017 г.) в 1950–2020 гг. увеличилась более чем в 1.5 раза до 3/5 (см. табл. 2)⁷. Это произошло за счет усиления позиций азиатских РС, доля которых в глобальном ВВП выросла почти вчетверо ~ до 2/5. При этом совокупная доля других РС в глобальном ВВП, напротив, сократилась ~ с 1/4 до 1/5.

Рассмотренные факторы вызвали *эффект конвергенции* РС и РГ по уровню ПВВП и привели к снижению относительного разрыва с шестикратного в 1980 до ~ четырехкратного в 2020 г.⁸, а по ИЧР, который в 1950–1980 гг. и в 1980–2020 гг. рос в целом по РС более чем в полтора раза быстрее, чем в среднем по РГ, он в 1950–2020 гг. сократился ~ на 2/5 – с 3.5 в 1950 г. до 2.8 в 1980 г. и 2.2 в 2020 г. (см. граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206]; граф. 5).

Если в 1950–1980 гг. ПВВП КНР не превышал 4–5% от уровня США, то в 2020 г., вследствие проведения в 1980–2010-е гг. политики реформ и открытости, существенного увеличения нормы капиталовложений, повышения качества рабочей силы и управления, внедрения новых технологий, 3–4-кратного опережения США по СГТП ее ПВВП (5.8% vs 1.6%)⁹, рассматриваемый показатель достиг как минимум 1/4 от уровня США. *Объем ВВП КНР (в ППС 2017 г.), составлявший в 1980 г. немногим более 1/5 от уровня США, в 2020 г. превысил его почти на 1/5.* Последние 40 лет стали, несомненно, лучшими в 4000-летней истории Китая.

В целом по группе РС произошло значительное *усиление интенсивности сдвигов в структуре производства и занятости*. В частности, СГТП абсолютных величин структурных изменений по трехсекторной модели занятости (см. табл. 1 [Мельянцев, 2021, с. 207]) увеличился с менее 0.1% в 1800–1950 гг. (в период, когда большинство из них были колониями и полуколониями) до 0.5–0.6% в 1950–1980 гг. и ~ 1.2% в 1980–2019 гг. А доля занятых в неаграрных отраслях выросла в 1950–2019 гг. более чем вдвое ~ до 2/3 (см. табл. 1 [Мельянцев, 2021, с. 207]). Эти сдвиги способствовали удвоению в целом по РС *вклада межотраслевого перемещения рабочей силы в прирост их производительности труда* (ПТ; с 1/5 в 1950–1980 гг. до 2/5 в 1980–2019 гг.), СГТП которой в последние четыре десятилетия в целом по РС оказался выше на 2/3, в т.ч. в 2000–2020 гг. более чем в 2.5 раза, чем в среднем по РГ.

Вместе с тем, хотя в последние два десятилетия *произошла существенная конвергенция в целом по группе РС к РГ по уровню ПТ* и средний относительный разрыв в ПТ между ними сократился на треть (между Китаем и РГ – на 2/3, между группой других РС (ДРС) и РГ – на 1/5), общий разрыв по рассматриваемому показателю в 2020 г. между РГ и РС остается весьма большим – четырехкратным (см. граф. 6). При этом, по нашим расчетам, в 2000–2020 гг. абсолютный разрыв в уровнях ПТ в целом между РГ и РС вырос на 1/10 (между Китаем и РГ не изменился, а между ДРС и РГ увеличился на 1/5).

⁷ Без КНР доля РС в глобальном ВВП (в ППС 2017 г.) увеличилась в рассматриваемый период только на 1/5 до 2/5. Примерно такую же долю составляла в 2020 г. доля РС в глобальном ВВП при подсчете в валютных курсах.

⁸ При этом, однако, абсолютный разрыв в уровнях ПВВП в среднем между двумя группами стран вырос почти на 3/4.

⁹ По нашим расчетам по приведенным формулам ([Мельянцев, 2021], прим. 25), опережающий рост ПВВП Китая к США примерно поровну можно объяснить более высоким у него вкладом капиталовооруженности и эффективности труда (в рост ПВВП). Рассчитано по источникам к граф. 1 и 2 [Мельянцев, 2021], а также [Мельянцев, 2019, с. 6].

С чем связана сохраняющаяся столь сильная дифференциация в уровнях ПТ между РГ и РС? Вопрос не простой, хотя широко дебатированный в специальных исследованиях.

Согласно рассчитанной нами модели, построенной по материалам 50 крупных и средних стран мира¹⁰, в 2018 г. более высокий уровень ПТ в среднем по РГ по сравнению с РС объясняется соответственно ~ на 2/5, 1/5 и 1/6 более высокими в РГ (по сравнению с РС) значениями *индекса современного технологического развития* (ИСТР), *качества институтов* и *среднего числа лет обучения взрослого населения*.

Хотя в отличие от группы РГ, в которой в последние сорок лет произошло весьма существенное сокращение СГТП СФП, СГТП СФП *в целом* по РС сильно не изменился (по сравнению с 1950–1980 гг., см. граф. 2 [Мельянцеv, 2021]), *вклад СФП в прирост их ВВП* в 1950–2020 гг. достигал в среднем 1/5 (что в 2.5 раза меньше, чем в целом по РГ), а *средний уровень СФП РС от РГ* в 2019 г. не превышал 1/4 (без КНР ~ 1/6) (Рассчитано по данным и источн. к граф. 1,2 [Мельянцеv, 2021, с. 206]).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕНА РАЗВИТИЯ

Существенный прогресс в нескольких десятках, а также сбои и провалы в экономическом росте многих десятков полупериферийных и периферийных стран, характеризующихся, как правило, сильной зависимостью от мировой конъюнктуры, невысоким качеством институтов и инновационных систем и развивающихся преимущественно экстенсивно, оплачены немалой экологической, финансовой и социальной «ценой».

В мире, как известно, растет озабоченность планетарными последствиями глобального потепления, во многом, как считается, связанного с повышением в атмосфере концентрации диоксида углерода (ДУ). СГТП этого показателя в тенденции угрожающе нарастает: с 0.1% в 1850–1950 гг. до 0.2–0.3% в 1950–1980 гг. и 0.5% в 1980–2018 гг. При этом в мировом *приросте эмиссии ДУ* доля РС увеличилась ~ вдвое – с 47–48% в 1960–1980 гг. до 90–92% в 1981–2018 гг., в т.ч. за счет Китая – с 2–4% до 40–42% (в 1981–2000 гг. 29–31%, в 2001–2018 гг. 44–46%). В расчете на душу населения рассматриваемый показатель по РС вырос ~ с 1/5 в 1980 г. от РГ до без малого 2/5 в 2018 г., в т.ч. по КНР – с 1/7 до 3/4 (рассч. по источн. к граф. 1 [Мельянцеv, 2021, с. 206; *The UNDP*, 2019, p. 242, 244; Wolf (1), 2021]).

Финансализация глобальной экономики в последние десятилетия и кредитная накачка как средство ее лечения (и в РГ, и в ряде РС) от последствий затяжного кризиса 2008–2009 гг. и в период пандемии привели к тому, что в целом по миру *объем совокупной непогашенной задолженности, отнесенный к ВВП*, который в 1980–2020 гг. рос со СГТП в 4–5 раз более высоким, чем в 1950–1980 гг., увеличился в 2.4 раза (до 360% ВВП), на 1/5 превысив его феноменально высокое значение во время Великой депрессии (см. граф. 7). При этом, если в 2007–2020 гг. прирост задолженности вырос в РГ на 70% их ВВП (или на 1/5), то в РС – более чем на 100% ВВП (на 2/3). Это произошло прежде всего за счет Китая, в котором показатель увеличился на 170% ВВП (он удвоился до 340% ВВП), что позволило

¹⁰ $Y/E_i = 36.6 * TECH_i + 24.1 * ROL_i + 2.7 * EdAttain_i$; $R^2_{adj} = 0.84$; $N = 50$; $F\text{-Stat-Prob} = 1.2E-20$
($p=0.003$) ($p=0.1$) ($p=0.005$)

Примечания. 1. Y/E – ВВП в расчете на занятого в 2018 г. в ППС, долл. 2011 г. в i -й стране. $TECH_i$, $EdAttain_i$, ROL_i – соответственно – ИСТР (индекс современного технологического развития, рассчитан нами как среднее геометрическое невзвешенное трех индикаторов (процент охвата населения интернетом, число заявок на патенты в расчете на 100 тыс. человек и подушевые расходы на НИОКР в ППС), отнесенных к уровню США), индекс соблюдения принципа верховенства закона и число лет обучения взрослого населения, для i -й страны в 2018 гг. 2. Параметры значимы на 10% уровне. 3. Скорректированный коэффициент детерминации показывает, что вариации трех регрессоров в совокупности могут объяснить свыше 4/5 вариаций показателя ПТ по 50 РГ и РС. (рассч. по источникам к граф. 1–3 [Мельянцеv, 2021], а также [*The World Bank*, Global Productivity, 2020]).

ряду западных аналитиков квалифицировать модель его роста в рассматриваемый период как debt-driven growth.

Хотя в РС в 1990–2020 гг. *доля критически бедных* (дневн. подушевое потребление до 1.9 долл. в ППС 2011 г.) сократилась в целом вчетверо до 1/10, доля других бедных (соотв. от 2 до 10 долл.) выросла на 2/5 до 70%, а их число увеличилось более чем вдвое до 4.6 млрд человек (рассч. по источн. к граф. 1 [Мельянцеv, 2021, с. 206]).

Неравенство в распределении доходов в 1990–2010-е гг. выросло в большинстве РС, на которые приходится свыше 3/4 численности их населения [UN, 2020, p. 27]. Доля в национальном доходе высшего 1% населения в целом по Индии, России и Китае увеличилась с 8–10% в 1990 г. до 14–21% в 2016 г. [The UNDP, 2019, p. 120].

Коэффициент Джини (КД) по распределению располагаемых доходов оказался в 2014–2019 гг. в среднем по странам БРИКС (0.46) на 1/3 выше, чем по ведущим РГ (0.35) (рассч. по источн. к граф. 1; [Мельянцеv, 2021]). В КНР, в которой в результате бурного роста экономики быстро, хотя не одинаковым темпом росли доходы всех слоев населения, и было практически покончено с массовой нищетой, КД в 1980–2018/19 гг. увеличился, по обследованиям, ~ в 1.5 раза до 0.45–0.47, а прирост числа долларовых миллиардеров в 2010-е гг. был в 1.5 раза больше, чем в США [UN, 2020, p. 26; China Makes, 2017; Forbes, 2021]. В среднем по странам БРИКС *доля национального богатства*, приходящаяся на топовый 1% населения, выросла в 2000–2010-е гг. ~ на 1/4 до 35% и оказалась на 1/5 больше, чем в среднем по ведущим РГ (рассч. по [Credit Suisse, 2010, p. 119; 2019, p. 168]).

Во время кризисов обычно сокращаются доходы не только у бедных, но и среднедоходных и многих групп богатого населения. Что касается нынешней пандемии, то положение первых в мире в 2020 г., в т.ч. вследствие неадекватных по масштабам принятых мер (фискальная помощь в беднейших РС не превысила 2% их ВВП, в среднедоходных РС составила 6%, в РГ – 24% ВВП), несомненно, ухудшилось. По расчетам МВФ, несмотря на существенный спад в РГ, в целом *отставание от них по уровню ПБВП по результатам 2020 г. выросло не менее чем в половине РС¹¹*. Число критически бедных в РС увеличилось на 100–120 млн. человек. При этом, однако, в США, в условиях кредитной накачки, роста фондовых рынков и активизации цифровой экономики, *богатство 644 американских миллиардеров выросло почти на треть, а у самой богатой пятерки из них – на 2/3* [UN, 2021, p. 14–15].

Дифференциация внутри и между странами усиливается не только по уровню материального положения, но и доступности и качеству медицинского обслуживания, образования и других услуг. Вакцинация в первом квартале 2021 г. в богатых странах происходила в 25 раз быстрее, чем в беднейших [Лишь более 5% жителей планеты, 2021]. При этом весьма похоже, что во многих странах Юга (Индия, АЮС, ЛА) коронавирусная пандемия, базирующаяся, в т.ч. на ее новых, весьма контагиозных и вирулентных штаммах, весной 2021 г. набирала обороты [Parkin et al., 2021; India's, 2021].

Резюмируя, стоит подчеркнуть, что в течение последних двух веков, преодолевая множество проблем и противоречий, все большая часть человечества (не только РГ, но и несколько десятков РС), сумев многократно увеличить технико-экономический потенциал и человеческий капитал, совершенствуя системы управления, стала развиваться в парадигме современного (относительно интенсивного) экономического роста. Но дифференциация по многим характеристикам развития между странами мира остается весьма значительной.

¹¹ В ближайшие год–два МВФ планирует оказать финансовую помощь наиболее бедным и пострадавшим РС в размере 105 млрд долл. (рассч. по источникам к граф. 1 [Мельянцеv, 2021], а также [Georgieva, 2021]).

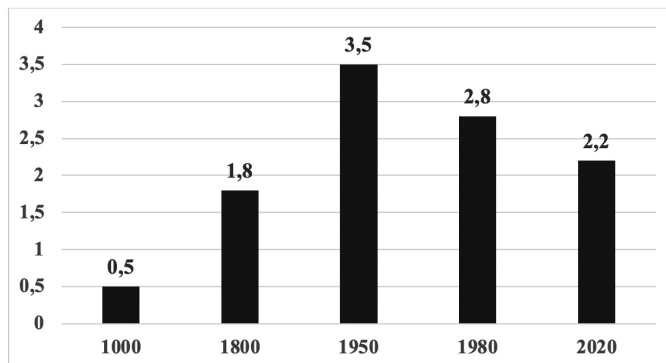

График 5. Соотношение уровня ИЧР ныне развитых государств (РГ) к развивающимся странам (РС), 1000-2020 гг., в размах

Рассчитано по источникам к граф. 3.

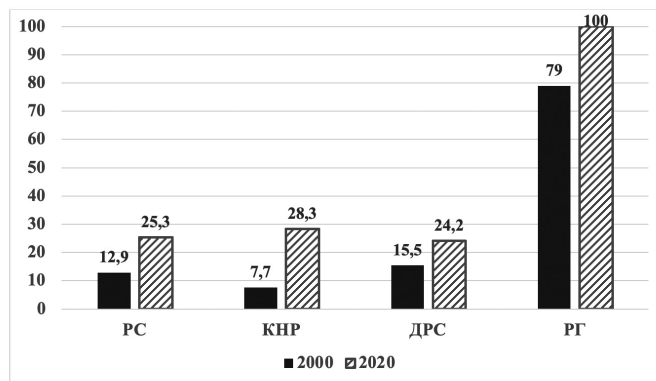

График 6. Динамика относительной производительности труда (ИТ) в РГ, РС, КНР и других РС (ДРС), 2000-2020 гг. (ИТ в РГ в 2020 г. = 100), %

Примечание. Показатели рассчитаны по данным о ВВП в расчете на одного занятого, тыс. долл., в ППС 2011 г. Рассчитано по источникам к граф. 1, а также [Мельянцеv, 2019, с. 6].

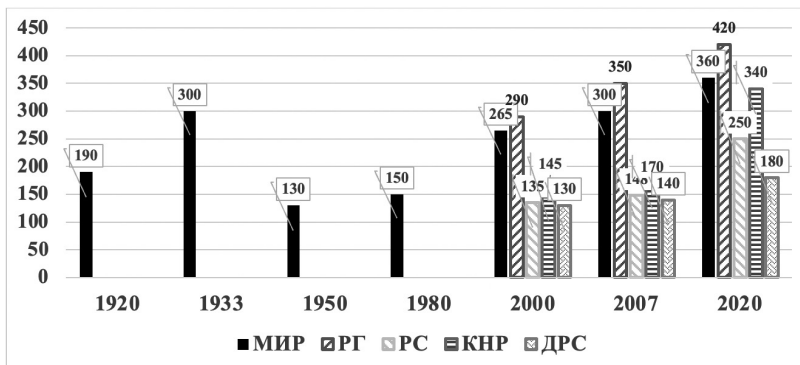

График 7. Динамика объема непогашенного совокупного долга, в % к ВВП, 1920-2020 гг.

Составлено по [Sandbu, 2017; The Finance Industry Ten Years After the Crisis, 2017; China's Top Bank Regulator Warns of 'Bubble Risks' in Foreign Markets, 2021].

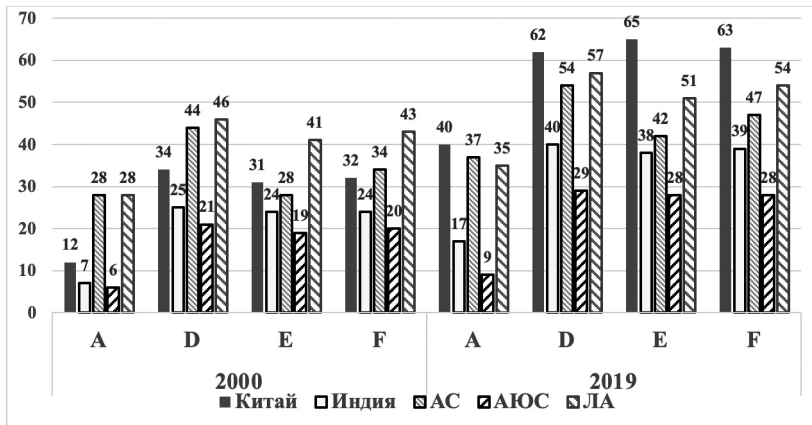

График 8. Динамика расширенного индекса развития (РИР) ведущих регионов и стран

развивающегося мира в 2000-2019 гг. (РГ в 2019 г. = 100%)

Примечания. 1. РИР – композитный показатель. А – подушевой ВВП в ППС 2011 г., Д – индекс человеческого развития (среднее геометрическое невзвешенное показателей подушевого ВВП в ППС 2011 г., среднего числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни (от рождения), отнесенных к уровню РГ в 2019 г.), Е – среднее геометрическое невзвешенное уровней технологического и экологического развития, качества основных институтов, равенства распределения доходов. Ф – среднее геометрическое невзвешенное семи индикаторов, входящих как компоненты в субиндексы Д и Е. 2. РГ – развитые государства, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка.

Рассчитано по источникам к граф. 1, [The World Bank, 2020(3)], а также по данным The Environmental Performance Index (<https://epi.envirocenter.yale.edu> (accessed 25.04.2020)).

	1000	1800	1950	1980	2020
Запад	11.2	27.3	59.3	51.2	36.4
Япония	2.5	2.6	2.7	7.2	4.0
РГ	13.7	29.9	62.0	58.4	40.4
РС	86.3	70.1	38.0	41.6	59.6
РС Азии	62.8	52.3	10.8	12.4	41.8
Африка	14.6	5.6	4.5	4.3	4.9
ЛА²	4.4	2.3	8.6	10.8	7.8

Таблица 2. Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в глобальном ВВП, %

Примечание. 1. Расчет в ППС 2017 г. 2. ЛА – Латинская Америка.

Рассчитано по источникам к граф. 1.

В силу ряда причин, часть из которых рассмотрена выше [Мельянцев, 2021], в РГ, по-прежнему являющихся крупнейшими в мире генераторами инноваций¹², произошло *существенное трендовое замедление в росте подушевого ВВП и производительности*. На этом фоне, а также создав в течение последних десятилетий сравнительно эффективные механизмы роста, ряд развивающихся, прежде всего азиатских, стран *сумели добиться заметной конвергенции по отношению к РГ*.

Если по ЛА, арабским странам (АС) и АЮС их уровни СФП по отношению к РГ в целом имели тенденцию к снижению (в 1980–2019 гг. соответственно с 42 до 27%, с 32 до 25% и с 11 до 10%), то в Индии этот показатель вырос, правда с весьма низкой планки, примерно втрое – с 6 до 19% и в Китае в 2.5 раза – с 14 до 36% (рассч. по источн. к граф. 2 [Мельянцев, 2021]). Судя по рассчитанному нами *расширенному (семикомпонентному) индексу развития* (РИР, см. граф. 8), Китай, сумевший *существенно повысить эффективность госуправления*¹³, *стал заметно подтягиваться к РГ*. Значение его РИР (к среднему уровню по РГ) выросло в 2000–2019 гг. почти вдвое с 32 до 63%¹⁴, в Индии почти на 2/3 – с 24 до 39%, в группе АС и АЮС – на 2/5 (соответственно с 34 до 47% и с 20 до 28%) и в ЛА ~ на 1/4 (с 43 до 54%).

Однако за последние два десятилетия, вследствие заметного усиления во многих РГ и РС *финансово-экономической неустойчивости и социальной поляризации*, особенно возросших во время пандемии, *политическая нестабильность в мире усилилась весьма существенно* – не менее чем на 1/10 (рассч. по [The World Bank, Worldwide Governance, 2020]). Как подчеркивал известный американский социобиолог Э. Уилсон, мир, в котором мы живем, характеризуется взрывоопасным сочетанием «эмоций каменного века, средневековых институтов и божественных технологий» [Sachs, 2020, p. 170].

Прогресс в нем, за последние 5 тыс. лет движимый, как представляется, не только, а возможно, не столько конкуренцией, сколько масштабированием кооперации и сотрудничества внутри и между разными группами инноваторов, предпринимателей, торговцев и потребителей, ныне, в условиях частичной деглобализации мира и нарастающей геополитической конфронтации внутри него, подвергается серьезной опасности, возможно, сильно недооцененной теми глобальными игроками, которые в последние десятилетия *заметно стали сдавать свои позиции в мировой экономике быстрорастущим странам Востока и Юга*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Лишь более 5% жителей планеты полностью вакцинировались от COVID-19. 12.04.2021 [Only More Than 5% of the World's Population Has Been Fully Vaccinated Against COVID-19 (in Russian)]. <https://www.ng.ru/news/706835.html> (accessed 12.04.2021).

Мельянцев В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5–14 [Meliantsev V.A. The PRC and the USA, Who is Winning: a Comparison of the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa today*. 2019. No. 8. Pp. 5–14 (in Russian)].

¹² По состоянию на второй квартал 2021 г. на страны Запада приходилось 17 из 20 лучших университетов мира (по версии QS), 15 из 20 крупнейших технологических компаний мира и свыше 2/3 венчурных инвестиций мира в 2018–2020 гг. [Wolf (2), 2021].

¹³ По данным Всемирного банка, с середины 1990-х по конец 2010-х гг. качество госуправления выросло на 2/3 (в целом по другим развивающимся странам оно снизилось на 1/5), почти вдвое превысив его средний уровень по последним и достигнув 4/5 (!) от планки РГ (рассч. по [The World Bank, 2020]).

¹⁴ Однако, в КНР в 2010-е гг. произошло торможение роста ВВП и СФП, увеличился, как отмечалось, показатель задолженности к ВВП, и к концу десятилетия почти прекратился рост численности населения [The World Bank, Global Productivity, 2020, p. 226; *Is China's Population Shrinking*, 2021].

Мельянцев В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 98–119 [Meliantsev V.A. Contemporary Globalization and Its Impact on Economically Advanced and Developing Countries. *Moscow University Bulletin*. Ser. 13. Oriental Studies. 2018. No. 1. Pp. 98–119 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215 [Meliantsev V.A. Main Trends, Determinants and Problems of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 203–215 (in Russian)].

China Makes Inroads in Its Battle Against Inequality. *The Financial Times*. 23.11.2017.

China's Top Bank Regulator Warns of 'Bubble Risks' in Foreign Markets. *The Financial Times*. 02.03.2021.

Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2010, 2019. Zurich.

Forbes World's Billionaires List. The Richest in 2021. <https://www.forbes.com/billionaires> (accessed 25.02.2021).

Georgieva K. *The Great Divergence: A Fork on the Road for the Global Economy*. 24.02.2021. <https://blogs.imf.org/2021/02/24/the-great-divergence-a-fork-in-the-road-for-the-global-economy/> (accessed 24.02.2021).

India's Devastating Second Wave. *The Financial Times*. 21.04.2021.

Is China's Population Shrinking? *The Economist*. 01.05.2021. <https://www.economist.com/china/2021/04/29/is-chinas-population-shrinking> (accessed 01.05.2021).

Parkin B., Singh J., Findlay St., Burn-Murdoch J. 'It Is Much Worse This Time'; India's Devastating Second Wave. *The Financial Times*. 21.04.2021.

Sachs J. *The Ages of Globalization. Geography, Technology and Institutions*. New York: Columbia University Press, 2020.

Sandhu M. The Credit Crisis Did Not Lead to Deleveraging. *The Financial Times*. 11.08.2017. <https://www.ft.com/content/8bdb3458-7dff-11e7-9108-eda0bcb928>. (accessed: 11.08.2017).

The Environmental Performance Index. (accessed 25.04.2020).

The Finance Industry Ten Years After the Crisis. *The Economist*. 14.10. 2017. <https://www.economist.com/news/finance-and-economics/21730157-buddy-can-you-spare-daimler-finance-industry-ten-years-after-crisis> (accessed 2017.10.14)

The UNDP. Human Development Report, 2019, 2020. New York.

The World Bank. *Global Productivity: Trends, Drivers, and Policies*. Washington, D.C., 2020.

The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 25.04.2020).

UN. World Economic Situation and Prospects, 2021. New York, 2021.

UN. World Social Report, 2020. Inequality in a Rapidly Changing World. New York, 2020.

Wolf M. (1). Action Must Replace Talk on Climate Change. *The Financial Times*. 04.05.2021.

Wolf M. (2). China Is Wrong to Think the US Faces Inevitable Decline. *The Financial Times*. 28.04.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vitalii A. MELIANTSEV, DSc (Economics), Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DOI:

ПАДЕНИЕ КНЯЖЕСКОГО ДОМА БХОСЛЕ:
ТРЕХЧАСТНАЯ ДРАМА В ПИСЬМАХ

© 2021

С.Е. СИДОРОВА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8528-6236; veta.sidorova@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается политика выморочных владений, применявшаяся в 1840–1850-е гг. британскими властями для увеличения своих владений в Индии. После смерти правителей формально независимых княжеств в случае отсутствия наследников их земли отходили к Ост-Индской компании. В 1854 г. такая участь постигла Нагпурское княжество, одно из крупнейших политических образований на территории южноазиатского субконтинента. Процесс ликвидации двора и княжеских привилегий занял несколько лет и сопровождался демонстративным выносом из дворца казны, драгоценностей, мебели, публичной распродажей утвари, расформированием оружейной палаты, урезанием финансового содержания семьи и ответными актами саботажа, неповиновения или, наоборот, манифестациями лояльности и преданности. Параллельно происходил обмен между семьей раджи и чиновниками британской администрации меморандумами, записками и письмами, послужившими источниками для исследования, в которых в подробностях раскрывается «кухня» – практики и теоретические обоснования – подобного рода территориальных аннексий. В этих документах содержатся юридические доводы применения «доктрины выморочных владений», приводившиеся британцами, контраргументы княжеской стороны, излагаются взаимные обвинения и увещевания, раскрываются способы обоюдного давления. Методологически предлагаемый анализ локализуется в поле исследований эмоций и конкретно посвящен имперским чувствам, складывавшимся в зоне взаимодействия между различными уровнями властной иерархии, сформированной колониальной ситуацией. Сипайское восстание 1857–1858 гг., ставшее одним из следствий политики выморочных владений и поставившее под угрозу само существование Британского Раджа, заставило британские власти отказаться от дальнейшего приращения территорий и внимательнее относиться к настроениям индийских князей, многие из которых выступили на стороне восставших. В дальнейшем налаживание связей с местными традиционными элитами, выстраивание с ними эмоционально доверительных отношений стало важным направлением деятельности колониальной администрации, в которое вкладывалось немало средств и усилий.

Ключевые слова: политика выморочных владений, Нагпурское княжество, колониализм, Британская Индия, (не)справедливость, Рагхуджи III Бхосле, Бака-баи.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Падение княжеского дома Бхосле: трехчастная драма в письмах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. DOI:

THE FALL OF THE PRINCELY HOUSE OF BHOSLE: A THREE-PART DRAMA IN LETTERS

© 2021

Svetlana E. SIDOROVA ^a

^a – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8528-6236; veta.sidorova@mail.ru

Abstract: *The article examines the doctrine of lapse, which was actively used in the 1840–1850s by the British authorities in India to increase their possessions. The status of princely state could be abolished and the land was transferred to the East India Company if the ruler was either manifestly incompetent or died without a male heir. In 1854, this was the fate of the Nagpur princely state, one of the largest political formations in the South Asian subcontinent. The liquidation of the court and princely privileges took several years and was accompanied by an exchange between its representatives and officials of the British administration of memoranda, notes and letters that served as sources for the study, which reveal in detail practices and theoretical justifications of territorial annexations of this kind. Methodologically, the proposed analysis is localized in the field of emotions' studies and is specifically devoted to imperial feelings that developed in the zone of interaction between different levels of the power hierarchy formed by the colonial situation. The Sepoy uprising of 1857–1858, which became one of the consequences of the “doctrine of lapse” policy and endangered the very existence of the British Raj, forced the British authorities to abandon the further expansion of territories and pay more attention to the sentiments of local princes, many of whom sided with the rebels. In the future, establishing ties with local traditional elites, building emotionally trusting relationships with them became an important area of activity of the colonial administration, in which a lot of funds and efforts were invested.*

Keywords: doctrine of lapse, Nagpur princely state, colonialism, British India, (in)justice, Raghui III Bhosle, Baka-bai.

For citation: Sidorova S.E. The Fall of the Princely House of Bhosle: a Three-part Drama in Letters. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI:

Отношения между Ост-Индской компанией и Нагпурским княжеством – одним из крупнейших политических образований на индийском субконтиненте в XVIII–XIX вв., завязавшиеся в середине XVIII в., попеременно проходили стадии мира и войны и закреплялись обоюдно принимаемыми и признаваемыми официальными договорами и неписанными договоренностями. Внешне эта сбалансированная система задрапировывалась определенными правилами поведения и этикетом, включая набор эмоций, предназначавшихся не только для установления и поддержания контактов, но и призванных символизировать скрытые за ними достигнутые конвенции и фундаментальные основания, формировавшие каркас взаимоотношений между колониальной и местной властными элитами. Американский философ М. Нуссбаум, фокусируя внимание на аффективной составляющей политических процессов, полагает, что «все политические принципы – как хорошие, так и плохие – нуждаются в эмоциональной поддержке, чтобы обеспечить их стабильность с течением времени...» [Nussbaum, 2015, p. 2–3]. Изучаемый ею механизм «воздействия на сердца сограждан для пробуждения сильных эмоций, направленных на общее дело» [Nussbaum, 2015, p. 2], носит универсальный характер и может быть применим для разных политических режимов, в том числе и для имперских.

В статье на примере Нагпурского княжества рассматривается политика выморочных владений, активно использовавшаяся британцами в 1840–1850-е годы для увеличения своих владений в Индостане, когда после смерти правителей княжеств в случае отсутствия у них наследников земли отходили Ост-Индской компании. Предлагаемый анализ локализуется в поле исследований эмоций и конкретно посвящен чувствам, складывавшимся в зоне взаимодействия между различными уровнями властной иерархии в условиях колониальной ситуации. В процессе лишения Нагпура статуса формально независимого княжества представители двора и чиновники британской администрации интенсивно обменивались меморандумами и письмами, послужившими источниками для исследования, в которых раскрывается в подробностях «кухня» – эмоциональные практики и теоретические обоснования – подобного рода территориальных аннексий.

1853–1855. КРИЗИС

Рагхуджи III оказался на нагпурском троне случайно, когда во время Третьей англо-маратхской войны (1817–1818) тогдашний раджа Аппа-сахиб, связанный с англичанами союзническим договором, выступил против них и после поражения был низложен. Несмотря на победу, Ост-Индская компания решила сохранить в Нагпуре княжеский престол и возвести на него в июне 1818 г. внука одного из предыдущих правителей под именем Рагхуджи III. Позднее по местным обычаям мальчик был усыновлен вдовой Парсоджи, занимавшим престол перед Аппа-сахибом, и до совершеннолетия находился под опекой бабушки Бака-баи, а делами княжества в это время ведал британский резидент Ричард Дженкинс (1807–1826).

В 1826 г. Рагхуджи III принял управление страной, по случаю чего с Ост-Индской компанией был заключен договор о вечной дружбе и союзничестве, дополненный в 1829 г. Пункт 3 договора 1829 г. гласил: «Если, Боже сохрани, будут иметь место серьезные и систематические притеснения, анархия, беспорядок, многократное игнорирование советов и замечаний, существенная угроза общественному спокойствию и благосостоянию в результате пренебрежения Его Высочеством своими обязанностями перед достопочтимой Компанией, британское правительство оставляет за собой право назначить своих собственных чиновников для управления таким районом или районами Нагпурских территорий на срок, который сочтет необходимым» [Aitchison, 1909, p. 436]. Это и другие условия, прописанные в двух документах, и лежали в основе взаимоотношений княжества и Компании до тех пор, пока 11 декабря 1853 г. Рагхуджи III не умер, не оставив наследника мужского пола.

По обычаям Нагпурского княжества помимо родного сына раджи преемником на троне мог стать прямой потомок по мужской линии основателя династии Рагхуджи I (1730–1755), или человек, усыновленный самим правящим раджей, или, в случае смерти правителя, кто-то из его родственников, усыновленный старшей вдовой. После смерти раджи княжеская семья была представлена четырьмя вдовами – Анапурна-баи, Дурья-баи, Ананда-баи и Камалза-баи и 75-летней бабушкой почившего князя Бака-баи.

Всем им 13 марта 1854 г. английский резидент Чарлз Мэнсел (1850–1854) зачитал указ генерал-губернатора Индии лорда Далхузи (1848–1856) о лишении княжества суверенитета и присоединении его к территориям Британской Индии. Объясняя это решение, Далхузи в меморандуме от 28 января 1854 г. несколько раз повторил, что ни сам Рагхуджи, ни старшая вдова никого не усыновили и не делали заявлений о подобных намерениях, что соответствовало бы индусским и маратхским традициям. Кроме того, он неоднократно подчеркнул, что еще в 1818 г. «вся страна¹ была наша по праву завоевания» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 30, 32, 33]. Это было зафиксировано в преамбуле договора 1826 г., где говорилось, что

¹ Нагпурское княжество.

действия Аппа-сахиба «отдали Нагпурское государство на волю британского правительства, а трон махараджи в его полное распоряжение» [Aitchison, 1909, p. 426]. Пожалование трона и суверенитета Рагхуджи III было «подарком» со стороны британцев и диктовалось политической конъюнктурой [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 28]. Но это не означало, что прецедент 1818 г. мог быть использован в 1854 г. [1853–1854. *The Escheat*, p. 34]. Далхузи подводил итог: «Со смертью махараджи Нагпура, не оставившего наследника, земли, находившиеся в его владении, возвращаются британскому правительству, которое даровало их ему; обретенные таким образом вновь они не будут отданы опять, так как их вторичное отчуждение не обосновано никакими обязательствами справедливости или равенства и не отвечает благоразумной политике» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 24].

СЧАСТЬЕ НАРОДА

Раскрывая то, что означала благоразумная политика, Далхузи упомянул интересы жителей княжества и сообщил, что при британском правлении они будут «наслаждаться большим благосостоянием и счастьем», чем при маратхах [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 34]. Он подробно описал неэффективное руководство Рагхуджи и притеснения народа и заключил: «Вряд ли можно говорить о том, что маратхи в Нагпурских землях играют роль национального авторитета. Если поставить народ перед выбором между усыновлением кого угодно или аннексией в пользу британцев, то огромное большинство высказалось бы за возможность избежать правителя, каким был последний раджа, особенно в конце своего властвования» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 37]. А «единственными людьми, кто мог бы сожалеть о переменах, являются несколько фаворитов двора и их последователи» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 37].

Нагпур не был первым княжеством, к которому применялась доктрина выморочных владений, однако обоснованность такого шага была поставлена под сомнение некоторыми участниками и свидетелями событий. В частности, после появления меморандума член Совета при генерал-губернаторе генерал Ло, обращаясь к Далхузи, писал, что индийские князья давно «искренне привязаны» к британскому правительству, испытывают к нему «дружеские чувства» и «доверие». Эта вера «местных союзников в честность наших намерений» уже пошатнулась после оккупации некоторых территорий. Пересказывая свои беседы с раджпутской знатью, Ло отмечал: «Слов было немного, но то, что они говорили... и в какой манере, ясно показало мне, что они считали это применением силы против права, и выражали искреннюю надежду, перемешанную со страхом, что Провидение спасет раджпутские семьи от такого унижения и катастрофы». По мнению Ло, необходимо устранить у князей посеянные этими событиями «чувства неопределенности и недоверия, избежать их обострения и превращения в глубоко укоренившееся недовольство... и ненависть к британскому правлению». Как только весть о Нагпуре достигнет других мест, «там распространится страх и недовольство, на устранение которых понадобятся десятилетия». Поэтому он ратовал за сохранение престола [Memorandum, 1859, p. 8–11].

Еще одно мнение было высказано резидентом Мэнселом, который находился в непосредственном и постоянном контакте с нагпурским двором. В письме генерал-губернатору он выдвигал идею титулярного княжества в качестве среднего варианта между властью двора и прямым британским правлением: «В период резидентства господина Дженкинса семья настолько привыкла, что вся реальная власть осуществлялась этим чиновником, а в годы правления последнего раджи его правительство имело так мало независимости, что, если ей позволять наслаждаться внешними (титульными) привилегиями княжеского статуса и иметь сообразный этому доход, она будет считать, что утратила то, что и так ей

было неподвластно, и сохранила в полном объеме то, что обеспечивает ей комфортное существование» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 76–77].

Настаивая на своем варианте, Мэнсел высказывал иное по сравнению с генерал-губернаторским понимание счастья нагпурского народа и давал примечательную оценку эмоционального восприятия населением местной и иностранной систем администрирования: «Индийцы смотрят на монархическую и аристократическую форму жизни с чувством уважения. Сопровождающие ее церемонии и великолепие являются развлечением, как для молодых, так и для пожилых, ублажают их чувства и приносят в их жизнь счастье, огромная часть которого определяется существованием двора, его роскоши, трат, связей с народом... без этого жизнь местного общества станет унылой и тягостной. Британское правительство не может быть ничем иным, как умеренным деспотом, и чтобы нивелировать деспотизм иностранной власти, я не вижу более эффективного способа, чем даровать внешние княжеские атрибуты и статус титулярного княжества» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 87–88]. Усиливая аргументацию, Мэнсел упоминал, что раджа всегда был благожелателен по отношению к британскому правительству и с его княжеством нельзя обращаться так же, как с другими, уличенными в предательстве [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 90].

Это была полемика, в которой придерживавшиеся разных мнений британцы в поисках аргументов апеллировали к прогнозируемым чувствам абстрактного нагпурского народа и предполагаемым чувствам местной правящей элиты. Дилемму между всеобщим народным счастьем и дискомфортом узкого круга дворцовой знати генерал-губернатор решил в пользу первого: «Мне хорошо известно, что сохранение Нагпурского княжества во главе с маратхским правителем в качестве акта милосердия и благорасположения со стороны британского правительства было бы высоко оценено местными суверенами и знатью Индии; без сомнения есть чиновники высокого ранга, которые защищают такую политику именно на этом основании. Я понимаю эти настроения и уважаю их, но помня о возложенной на меня ответственности, я не могу позволить в момент принятия решения, чтобы чувства доброты и великодушия перевесили справедливую и благоразумную политику» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 43].

По сути, в одностороннем порядке британцы не столько меняли условия некогда заключенного договора, сколько договаривающуюся сторону. Теперь это был не нагпурский суверен, а весь нагпурский народ, которому обещались счастье и блага английского правления. Новый «договор», оформленный меморандумом генерал-губернатора, был скреплен подписью только британской стороны. В текстах, описывающих этот сюжет, постоянно фигурирует слово «справедливость», которое используется для оправдания действий или решений участников отношений. Так, генерал-губернатор в меморандуме пять раз употребил формулу об отсутствии у британцев «обязательств справедливости или равенства», фиксируя тем самым, что Ост-Индская компания не считала себя нарушителем договора, а производимые манипуляции с территорией и суверенитетом княжества были не изменением условий, а возвращением к изначальной конфигурации взаимоотношений.

В июне 1854 г. Далхузи постановил определить пенсии в размере 120 тыс. рупий в год для Бака-баи, 50 тыс. – для старшей вдовы Анапурны, по 25 тыс. – для других рани, 10 тыс. для вдовы Аппа-сахиба, 20 тыс. – для остальных. Всего 3 лакха рупий год или 25 тысяч в месяц. Кроме того, он распорядился оставить рани личные драгоценности, мебель и другую собственность, соответствующую их рангу, а остальное содержимое княжеской казны и имущество распродать [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 106–107]. Низведя Бхосле до уровня «знатных членов общества» [1853–1854. *The Escheat*, 1920, p. 91], Далхузи посчитал предложенную компенсацию справедливой и эквивалентной их новому положению.

НЕСЧАСТЬЕ СЕМЬИ

В июле на смену Мэнселу прибыл капитан Э.К. Эллиот. И тогда же, наконец, послышался голос двора, то есть, строго говоря, второй стороны договорных отношений. 17 июля Бака-баи от имени всех рани отправила генерал-губернатору письмо, где она, следуя установленному этикету и демонстрируя положенные эмоции – дружелюбие, преданность, покорность и послушание, как и ожидалось от проигравшей некогда в войне стороны, сигнализировала о готовности соблюдать конвенции и ждала того же от противоположной стороны: «Хвала Богу, что дружба и мирные отношения, существующие между британским правительством и Нагпурским государством... основываются на твердом как стена Александра основании, скрепленном договорами между упомянутыми двумя правительствами, что известно всему миру... Благодаря такой дружбе происходивший до сих пор обмен корреспонденцией не приносил ничего, кроме исполнения обоюдных желаний». Далее она упоминала, что Рагхуджи III «всегда был настроен идти навстречу доброй воле английских джентльменов и оставался непоколебимым в своей привязанности и преданности британскому правительству». Поэтому решение генерал-губернатора стало «поводом для огромного удивления и сожаления, потому как меня никогда не обвиняли в действиях, противоречащих духу истинной дружбы, а (британское. – С.С.) правительство в качестве друга вместо того, чтобы отнестись с состраданием ко мне в момент, когда мои чувства жестоко отвержены (смертью сына), продемонстрировало доброту и необыкновенную щедрость такого рода, которые не могут исходить от мудрых и искренних друзей». Она писала, что «мелкая обида, если таковая и была, могла быть основанием для расследования и устранения, а не для выхода из договоров» и приводила примеры своей многолетней преданности, а в конце просила сохранить в ее государстве трон [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 1–2].

Это письмо показывает, что семья не осознала необратимости произошедшего. В августе 1854 г. представитель княжеского Совета в одном из посланий оценивал перспективу утраты суверенитета как «недостойную/унизительную» и подытоживал: «Никогда раньше не было случаев ни такого нарушения контракта, ни такого притеснения вдов» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 31]. Дальнейшее развитие событий, представленное в серии писем и меморандумов, демонстрирует, как в условиях кризиса и нарушенного баланса отношений натягивается, а затем и лопается оболочка эмоционального этикета, как на место символических эмоций, подкреплявших ранее царившее согласие, приходят другие, малоприспособленные для успешного социального контакта, но репрезентирующие дисгармонию, чувства.

Пока Бака-баи ожидала ответа, новый нагпурский уполномоченный² приступил к воплощению плана по ликвидации престола. 2 сентября на весь Нагпур «с помощью боя барабанов» было объявлено о предстоящем аукционе по распродаже дворцовых животных. 4 сентября аукцион начался под охраной подразделения пехоты и четырех пушек. 17 сентября Эллиот отправил во дворец вооруженный отряд для изъятия драгоценностей за исключением тех, что должны были остаться в личном пользовании рани. 10 октября он приступил к освобождению арсенала, встретив вооруженное сопротивление сторонников двора. 11 октября ему удалось вынести 13 ящиков оружия, 12 октября – еще 29. В самом конце октября из внутренних покоев дворца он вызволил 136 сумок серебра. Наконец, 12 декабря Эллиот завершил миссию, вынудив рани отдать 10 сумок золотых монет [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 6, 37, 40]. В начале 1855 г. имущество дворца было распродано.

² После аннексии должность резидента была заменена на уполномоченного.

В понимании рани эти действия были недопустимыми, так как они считали, что находятся в состоянии переговоров с британской стороной. Они трактовали их как наказание за неизвестный им проступок. 16 сентября 1854 г. их *вакил*³ направил генерал-губернатору письмо от имени всех нагпурских вдов. В нем он делал упор на упомянутый выше пункт договора о возможности передачи власти британскому правительству в Нагпуре в случае плохого управления княжеством раджой и отмечал, что до сих пор такой нужды не было, так как «правление полностью удовлетворяло правительство». Он писал о том, что тщетно махарани через обращения к резиденту пытались изменить ситуацию, «полную вопиющей несправедливости, притеснения и оскорбления по отношению к ним» и передавал их «жесткий протест» и просьбу вернуть их права, приостановить распродажу имущества и прекратить «несправедливое, жестокое, унижительное обращение уполномоченного с ними». «Жизнь семьи отравлена и испорчена жестоким обращением и оскорблениями, которым они вынуждены подчиняться» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 4–5]. Вдобавок *вакил* приложил меморандум от 6 сентября, в котором Бака-баи жаловалась на оставленные без ответа ранее направленные Далхузи три петиции с просьбой об усыновлении на согласованных с ним условиях, на проведение аукциона под «давлением, принуждением» и под ружейными дулами и называла эти торги «самой большой обидой, бесчестьем, позором, неуважением по отношению к ее положению и репутации». Она настаивала на том, что до сих пор «подчинялась всем распоряжениям британских властей, ни разу не позволив себе проступков, пренебрежения или непослушания» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 6]. Тексты, которые исходили от княжеского двора, в переводе на английский язык едва ли не в большей мере, чем британские, изобиловали отсылками к понятию «(не)справедливость», которое превратилось в одно из самых употребляемых в рассматриваемых документах.

События в Нагпуре освещаются в документах с точек зрения обеих сторон, каждая из которых по-своему истолковывала условия договоров. Но британские чиновники, принимавшие решение о судьбе княжества, были лишь представителями Ост-Индской компании, людьми, чье существование никак реально не затрагивалось производимыми изменениями. Для них справедливость была умозрительной этической категорией, а построенная на ее основе картина мира выводилась из формальной трактовки договоров, наличия многих бенефициаров помимо родственников и приближенных почившего суверена в одном, хотя и очень крупном, из индийских княжеств и рассудочных соображений относительно эффективности управления. В отличие от британцев для Бхосле исполнение достигнутых еще в 1818 г. соглашений означало демонстрацию личной преданности, послушания, исходивших от конкретных людей, а изменения после смерти раджи касались их непосредственно, условия и качество их каждодневной жизни менялись радикально. Поэтому решение британцев, при котором, по мнению княжеской семьи, ее личный вклад не получил равноценного возмещения, вызвал у ее представителей острое чувство несправедливости, на эмоционально-интуитивном уровне распознающее нарушение равновесия. По мнению анонимного автора появившегося в 1859 г. «Меморандума о положении дел в Нагпуре», носившего откровенно антибританский характер, несправедливость «была ясно осознана» и народом Нагпура, и другими княжествами Индии, которые взирали на события с «предельно ревнивым и тревожным интересом» [Memorandum, 1859, p. 19]. В переписке члены семьи наряду с чувством несправедливости упоминали типологически схожие переживания этического порядка – оскорбленные, задетые или попранные чувства чести, достоинства, уважения.

Вольно или невольно выстроенная княжеской стороной диспозиция была не на пользу их оппонентам, так как именно себя британцы подавали как нацию с высокими нрав-

³ *Вакил* – доверенное лицо, посланник.

ственными принципами, и это было то, чему они ставили себе задачей научить местное население и, в частности, местные элиты. Манифестация морального возмущения или страдания и одновременно честности в части исполнения конвенций могла использоваться семьей Бхосле в качестве стратегии воздействия на британцев, известной с античных времен как «обращение к эмоциям» [Brinton, 1988], в данном случае – к моральным чувствам совести и стыда. Не поддаваясь на давление, британцы, тем не менее, пытались сохранить благопристойность в отношениях. Несмотря на жалобы вдов на неподобающее обращение с ними уполномоченного Эллиота, сам он в докладе генерал-губернатору от 11 сентября 1854 г. сообщал, что преодолевает «постоянное сопротивление» дворца против сокращения расходов, «терпеливо» и «мирно» объясняя бесполезность таких действий. Он отчитывался, как «старался избегать и не допускать того, что могло быть воспринято как грубость с учетом затруднительного положения вдов и их пола» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 15]. В ответном письме Далхузи наставлял Эллиота продолжать реализовывать намеченный план, невзирая на «раздражение» и «недовольство» двора, и при любых обстоятельствах демонстрировать «любезность» и «терпимость». Латая прохудившуюся оболочку эмоционального этикета, британцы прибегали к эмоциональному «шантажу» и не забывали напомнить о новых условиях для демонстрации ими любезных чувств. Далхузи в продолжении письма Эллиоту писал: «Эта терпимость не может быть проявлена, если леди станут вмешиваться в общественные дела или интриговать с другими княжествами... Правительство Индии исполнено желания выказывать по отношению к семье чувства снисходительности, участия и уважения, однако (неподобающее поведение) может стать причиной проигнорировать притязания рани на милости и уважение и послужить серьезным поводом продемонстрировать им недовольство правительства» [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 18].

Только 25 сентября 1854 г. вдовам был зачитан ответ Далхузи на их июльское письмо, где сообщилось, что решение по Нагпуру, согласованное Советом директоров, не подлежит ни пересмотру, ни обсуждению. В нем же Далхузи обратил внимание на то, что в запросе Бака-баи по-прежнему нет ни слова о наследнике [1854–1860. *Settlement of the Affairs*, 1920, p. 3].

1856–1858. ЗАТИШЬЕ

Годы с 1856 по 1858 были временем относительного затишья в отношениях между британцами и нагпурским двором, на которые, казалось, вновь было наброшено покрывало привычных этикетных эмоций. Однако в их основании лежал неразрешенный конфликт и несогласованные условия, поэтому манифестация снисхождения, уважения и участия с английской стороны и послушания и преданности с индийской на этом этапе, в ситуации кризиса, была скорее эмоциональной стратегией, используемой для достижения равновесия.

После крушения надежд на восстановление суверенитета основной задачей рани стало добиться от британских властей официального признания названного наследником еще в день смерти раджи его внучатого племянника Яшвантрао Ахиррао. Такое признание предполагало назначение ему пенсии, как и другим членам семьи, и обретение права наследования семейной собственности. Решать этот вопрос рани должны были через нового уполномоченного в Нагпуре Джорджа Плоудена. Из «Меморандума о положении дел в Нагпуре» следует, что именно Яшвантрао Ахиррао поджигал погребальный огонь усопшего раджи, что по обычаю делает наследник, и в таком качестве он жил во дворце. Для завершения процедуры усыновления оставалось организовать публичное шествие и церемонию нареkania его княжеским именем Бхосле. Судя по свидетельствам, приведенным в

«Меморандуме», рани ясно и неоднократно излагали еще Мэнселу свое желание провести процедуру после согласования с калькуттскими властями. Последние или оставались в неведении по поводу этой информации, или игнорировали ее. Однако на региональном уровне создавалась видимость переговорного процесса и положительной динамики в этом вопросе.

Британские чиновники проявляли к семье почтение: «Господин Плоуден поначалу обращался с рани с участием и добротой; он смягчал их нетерпеливость» обещаниями официально подать прошение генерал-губернатору⁴ о даровании Джаноджи Бхосле титула и пенсии [*Memorandum*, 1859, р. 24]. Пока вдовы ждали ответа из Калькутты, в ноябре 1855 г. умерла старшая из них, Анапурна-баи, и, как пишет автор «Меморандума», сразу после этого «господин Плоуден принял от рани заявление о том, что Джаноджи Бхосла являлся их сыном и наследником» [*Memorandum*, 1859, р. 37]. Именно такое княжеское имя получил Яшвантрао Аххиррао. Неизвестно, когда именно была проведена церемония, но в ноябре 1856 г. Плоуден официально докладывал о ней как о свершившемся факте в Калькутту, хотя, судя по всему, специального запроса о статусе Джаноджи не сделал. Кроме того, «с учетом местных настроений и обычаев местных дворов рани получили разрешение на то, чтобы по случаю этой церемонии, а также во время визитов к уполномоченному, различных религиозных и других процессов их сын мог появляться при древних регалиях их семьи» [*Memorandum*, 1859, р. 37–38]. В том же месяце осуществлявший в тот момент связь между двором и уполномоченным капитан Эванс Белл обратился с пространственным меморандумом к генерал-губернатору, в котором просил о «справедливом» решении вопроса, напоминал о заслугах Нагпурского княжества и лично Бака-баи перед британцами, предлагал наделить Джаноджи титулом раджи и бахадура, назначить ему пенсию в размере 25 тыс. рупий в год и обеспечить земельной собственностью [*1854–1860. Settlement of the Affairs*, 1920, р. 63–67]. Тогда же в ноябре прекратились выплаты семье доли умершей Анапурны, и их совокупный доход уменьшился на 50 тыс. рупий.

Обнадеженные обещаниями и зависимые от решений Ост-Индской компании, рани также вернулись к демонстрации покорности, терпеливости, дружбы. Особенный для этого случай представился в 1857 г., когда в Северной Индии вспыхнуло сипайское восстание. Автор «Меморандума» доказывал, что присоединение Нагпура к восставшим мгновенно вызвало бы цепную реакцию в Хайдарабаде, Пуне, Сатаре и других княжествах, и в результате весь Декан и Карнатик превратился бы в «кровавое поле боя». Ссылаясь на колоссальный авторитет и влияние Бака-баи среди индийских князей, он настаивал, что именно благодаря ей, остановившей своих приближенных от враждебных по отношению к англичанам действий, раскрывшей несколько заговоров и пригрозившей их участникам немилостью, восстание не сползло в южные регионы Индии. По его мнению, империя находилась в неоплатном долгу перед Бхосле за эти выдающиеся услуги [*Memorandum*, 1859, р. 22–23].

9 августа 1858 г. спустя полтора года после данного Плоуденом обещания донести просьбу о признании Джаноджи наследником в Калькутту Бака-баи написала ему письмо, начинавшееся с благодарности британскому правительству за щедрость и защиту. Затем она кратко пересказала, как с 1854 г. пыталась добиться «справедливости» в решении своего вопроса от правительства и исправно выполняя все его приказы. И, наконец, пользуясь преимуществами возраста, позволила себе сказать: «Это для меня источник печали и тревоги, мне уже восемьдесят лет, и я вряд ли проживу дольше ... Но я все же сильно надеюсь на Ваше благородство и великодушные правительства, которое узаконит статус моего сына. Засим, полагаясь на древнюю дружбу уважаемой Компании и волю Бога, остаюсь терпе-

⁴ Чарлз Каннинг – генерал-губернатор, вице-король Индии (1856–1861).

ливой и спокойной» [Memorandum, 1859, р. 27–28]. 14 августа Бака-баи еще раз просила Плоудена о справедливости в отношении ее сына, рассказывала, как поверив его обещаниям, «утешала свое разбитое сердце надеждой» и, наконец, напоминала о своей роли в восстании [Memorandum, 1859, р. 30]. 7 сентября она умерла.

1859. АГОНИЯ

К этому моменту восстание в основном было подавлено, Ост-Индская компания прекратила существование, а британская корона стала непрерываемым правителем и верховной властью во всей Индии. В письме от 16 сентября 1858 г. Плоуден докладывал в Калькутту о смерти Бака-баи, называл Джаноджи Бхосле приемным сыном трех оставшихся рани и среди прочего уведомлял, что с кончиной Бака-баи прекратилась выплата ее доли, что сократило доход семьи до 85 тысяч рупий в год (по 7 тысяч в месяц) [1854–1860. Settlement of the Affairs, 1920, р. 69]. Одновременно Плоуден отстранил сочувствующего семье Бхосле Эванса Белла от контактов с двором, поставив на его место капитана Шекспира. Эта замена была болезненно воспринята оставшимися вдовами, так как поведение последнего «заставило их считать, что с прежними проявлениями уважения и любезности было покончено» [Memorandum, 1859, р. 30].

В письмах на имя Плоудена 12 и 13 февраля 1859 г. вдовы жаловались на то, что капитан Шекспир в ответ на просьбу посетить их «вернул им их записку, лишь слегка надорванной в верхней части», а сам Плоуден вовсе не ответил на их запрос и не удостоил визитом. Кроме того, они сообщали, что еще раньше Шекспир «отправил послание, написанное рукой низкого писца-каятхи, с информацией о семи тысячах рупий в месяц, выделяемых для их содержания, и этот писец зачитал его в совершенно недопустимой манере и вдобавок осмелился задавать вопросы» [Memorandum, 1859, р. 30–31]. Будто поставив перед уполномоченным воображаемые весы, они демонстрировали неравноценность обмена, на свою чашу они складывали традиционные заслуги: «послушание», «добрые намерения», «преданность», «дружбу», подкрепленные соответствующим эмоциональным поведением, а также реальными действиями, в частности, помощью Бака-баи во время восстания. А на другой находились полученные от британцев в качестве вознаграждения «страдания» и «тревоги». В письме были представлены материальные эквиваленты этих переживаний: «впереди нас ждет только голодная смерть, мы не можем купить даже масло для ламп, дворец погрузился во тьму, слуги работают голодными», «мы с трудом достаем еду и одежду». А дальше «несчастные вдовы», как они сами себя называли, опять задействовали регистр моральных чувств, поделившись, что восприняли резко изменившееся отношение и унижительные жесты по отношению к ним как «атаку на их честь и достоинство», но на этот раз уже открыто транслировали чувство опасности: «мы настаиваем, чтобы без просьб с нашей стороны вы не вторгались в дела зенаны⁵, так как наша честь, а также честь и память последнего раджи находятся под угрозой... посягательства» [Memorandum, 1859, р. 30–31].

Не ограничившись перечислением чувств, они тоже решили перейти к тактике жестов, передав капитану Эвансу Беллу устное сообщение, в котором извещали о намерении «с целью довести ситуацию до крайней точки разбить в садах уполномоченного и самого Белла шатры, то есть, коротко говоря, прибегнуть к местному обычаю “дхарна”⁶ – сидению у ворот до тех пор, пока не будет восстановлена справедливость» [Memorandum, 1859, р. 32]. Автор «Меморандума» прокомментировал этот демарш так: «Любому, кто

⁵ Зенана – женская половина дворца или дома.

⁶ Дхарна (dharnā) – способ ненасильственного протеста путем сидения у двери «ответчика» с целью удовлетворения им претензий, уплаты долга, восстановления справедливости.

знаком с восточными обычаями нет необходимости объяснять серьезность такой угрозы, хотя для европейского уха она, возможно, прозвучит достаточно безобидно. Однако трудно представить больший скандал и позор для британского правительства» [*Memorandum*, 1859]. Такая демонстрация вдовьего негодования заставила Белла броситься во дворец с умиротворяющими словами и новыми обещаниями, а самого Плоудена, напротив, изъясняться с Белом и представителями семьи в «жесткой и угрожающей манере» [*Memorandum*, 1859, p. 32].

Наконец, уполномоченный решил внести окончательную ясность в ситуацию. 5 мая Нагпур вновь огласил бой барабанов. На этот раз английские власти оповещали нагпурский народ о том, что «если кто-то считает себя наследником частной собственности Анапурна-баи и Бака-баи, он должен представить соответствующую петицию в определенный срок, по истечении которого никакие запросы рассматриваться не будут». Одновременно Плоуден издал указ, запрещавший Джаноджи Бхосле появляться с символами княжеской власти [*Memorandum*, 1859, p. 38, 41]. Это было однозначно воспринято двором как отказ властей признавать Джаноджи Бхосле приемным сыном, что вызвало у рани чувства, которые они описали как «изумление, нагроможденное на изумление» [*Memorandum*, 1859, p. 41], особенно после того, как Плоуден неоднократно сам принимал его при всех царских регалиях.

Автор «Меморандума» писал: «Распространенное мнение среди местных жителей состоит в том, что Плоуден... хочет получить от старшей рани расписку в том, что они все удовлетворены, не имеют запросов и пожеланий что-либо изменить в условиях жизни, и тогда уполномоченный сможет заявить, что “все было улажено”» [*Memorandum*, 1859, p. 38]. В ответном письме вдовы опять раскладывали свои эмоции на разные стороны весов, где содержимое одной чаши оставалось мертвенно неизменным (повторяющийся из раза в раз уже знакомый перечень положенных чувств – послушание, повиновение, дружба с упоминанием восстания 1857 г.), а в другой на это раз появились «публичное унижение», «удивление», «печаль», «обида, сознательно нанесенная уполномоченным» из-за его «небрежения» и «забывчивости» [*Memorandum*, 1859, p. 40–41]. Дальнейшего развития события не получили, а Нагпурское княжество прекратило свое существование.

Представленный сюжет показывает, как этикетные эмоции, не только делавшие отношения княжеского двора с британскими властями комфортными, но и отражавшие согласованные конвенции, лежавшие в их основаниях, в момент кризиса, начинали менять функциональную нагрузку. Они утратили символически-репрезентационное значение и стали использоваться в качестве стратегических маневров, во время которых каждая из сторон задействовала свой эмоциональный репертуар или как реанимационные средства для возвращения к исходному состоянию (применительно к княжеской семье), или поддерживающую терапию, отдаляющую агонию (в случае с британскими чиновниками). В конечном итоге лишённые смысла и нутряной поддержки этикетные эмоции превратились в застывшую декорацию, на фоне которой «жили» другие чувства, вспыхнувшие как реакции на нарушенное равновесие и потому густо замешанные на понимании и ощущении (не)справедливости. Это был пример неэффективных эмоциональных стратегий и реакций в условиях, продиктованных соображениями политической целесообразности. Прикрывая аннексии территорий заботой о всеобщем счастье населявших их народов, колониальные власти упустили из виду необходимость думать о счастье отдельных страт и групп. Решение по Нагпурскому княжеству было необратимыми, но Сипайское восстание 1857–1858 гг., поставившее под угрозу само существование Британского Раджа, заставило колониаль-

ные власти отказаться от политики выморочных владений и внимательнее отнестись к настроениям местных князей, многие из которых выступили на стороне восставших. В дальнейшем налаживание связей с местными традиционными элитами, выстраивание с ними эмоционально доверительных отношений стало важным направлением деятельности колониальной администрации, в которое вкладывалось немало средств и усилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

1853–1854. *The Escheat of the Nagpore State, the Arrangements for the Administration of the New Province and the Settlement of the Affairs of the Bhonsla Family*. Nagpur, 1920.

1854–1860. *Settlement of the Affairs of the Ranees of Nagpore and the Course of Events after the Escheat of the State*. Nagpur, 1920.

Aitchison C.U. (compiled by). *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Counties*. Vol. I. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1909.

Brinton A. Pathos and the “Appeal to Emotion”: An Aristotelian Analysis. *History of Philosophy Quarterly*. 1988. Vol. 5, no. 3. Pp. 207–219.

Memorandum Relating to Nagpore. London: Spottiswoode and Co., 1859.

Nussbaum M.C. *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Cambridge, Massachusetts: An Imprint of Harvard University Press, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИДОРОВА Светлана Евгеньевна —
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. SIDOROVA, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014264-7

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР В ЭПОХУ ДЭН СЯОПИНА (1977–1992 гг.)

© 2021

А.В. АФОНАСЬЕВА ^а

^а – Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3573-287X; alina-afonasyeva@yandex.ru

Резюме: Политика современного Китая в отношении китайской диаспоры с теоретической и практической точки зрения во многом опирается на опыт времен фактического правления Дэн Сяопина (1977–1992 гг.), которому удалось после окончания «культурной революции (1966–1976 гг.)» в кратчайшие сроки провести восстановительную работу по взаимодействию с диаспорой и вписать ее в план стратегического развития КНР на десятилетия вперед. Говоря о диаспоральной политике, автор имеет в виду как политику внешнюю – в отношении зарубежных китайцев (эмигрантов (хуацяо) и этнических китайцев с иностранным гражданством (хуажэнь)), так и политику внутреннюю – в отношении непосредственно связанных с зарубежными китайцами (далее – хуацяо-хуажэнь) резмигрантов (гуйцяо) и родственников эмигрантов (цяоцзюань) в КНР (далее – гуйцяо-цяоцзюань).

В статье проанализированы первые шаги команды Дэн Сяопина по восстановлению работы с китайской диаспорой до официального объявления о политике реформ и открытости: воссоздание аппарата по работе с диаспорой, выработка контуров внешней и внутренней работы с ней, включение диаспоры в план стратегического развития КНР. Автор объясняет юридические тонкости и рассматривает основные теоретические подходы к работе с диаспорой в первые годы реформ и открытости, опираясь на конституцию КНР 1978 и 1982 гг. со всеми поправками, и иные юридические документы. В работе раскрыты процессы создания фундамента долгосрочного сотрудничества КНР с китайской диаспорой: исправление ошибок «культурной революции», усиление юридической защиты денежных переводов хуацяо родственникам в КНР, разработка политики привлечения интеллектуальных ресурсов, защита прав и интересов гуйцяо-цяоцзюань, преференции инвесторам-хуацяо. В заключении сделан вывод, что Дэн Сяопину удалось полностью восстановить внешнюю и внутреннюю работу с диаспорой и создать условия для дальнейшего всестороннего сотрудничества с ней в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: КНР, Дэн Сяопин, китайская диаспора, зарубежные китайцы, резмигранты, родственники эмигрантов.

Для цитирования: Афонасьева А.В. Диаспоральная политика КНР в эпоху Дэн Сяопина (1977–1992). Восток (Oriens). 2021. № 6. С. . DOI: 10.31857/S086919080014264-7

OVERSEAS CHINESE POLICY OF THE PRC IN THE ERA OF DENG XIAOPING (1977–1992)

© 2021

Alina V. AFONASEVA ^a

^a – Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3573-287X; alina-afonasyeva@yandex.ru

Abstract: *From both theoretical and practical points of view, the contemporary overseas Chinese policy of the PRC is largely based on the experience gained during the de facto reign of Deng Xiaoping (1977–1992). In the shortest possible time after the end of the “cultural revolution (1966–1976)” Deng succeeded to carry out restoration work on interaction with the diaspora and include it in the strategic development plan of the PRC for decades ahead. Talking about the PRC’s overseas Chinese policy, the author mean both the foreign policy – towards overseas Chinese (huaqiao-huaren: emigrants and ethnic Chinese with foreign citizenship, and the internal policy – towards re-emigrants and relatives of emigrants in the PRC (guiqiao-qiaojuan), who are directly connected with overseas Chinese.*

The article analyzes the first steps of Deng Xiaoping’s team to restore work with the Chinese diaspora before the official announcement of the policy of reform and opening-up: reconstruction of the administrative structure for Overseas Chinese Affairs, planning the main directions of work with diaspora, including it in the strategic development plan of the PRC. The author explains the legal details and examines the main theoretical approaches to the work with the diaspora in the first years of reform and opening-up. The paper deals with the processes of creating the basis for long-term cooperation between the PRC and the Chinese diaspora. It concludes that Deng Xiaoping completely restored external and internal work with the diaspora and created conditions for further comprehensive cooperation with it in the short, medium, and long term.

Keywords: The PRC, Deng Xiaoping, Chinese Diaspora, Overseas Chinese, Re-emigrants, Relatives of Overseas Chinese.

For citation: Afonaseva A. V. Overseas Chinese Policy of the PRC in the Era of Deng Xiaoping (1977–1992). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. . DOI: 10.31857/S086919080014264-7

Политика КНР в отношении зарубежных китайцев – это оригинальный и масштабный в мировой практике пример формирования государством взаимовыгодных отношений с соотечественниками за рубежом и их потомками. Опыт, актуальный для многих стран, желающих привлечь ресурсы своей диаспоры для социально-экономического развития, включая Россию. Период Дэн Сяопина в данном контексте интересен как комплекс решений по восстановлению разрушенных связей с диаспорой, ставший частью внешней и внутренней политики страны.

В годы фактического правления Дэн Сяопина (1977–1992), работа с делами китайских эмигрантов¹ основывалась на выдвинутой им теории о зарубежных китайцах (хуацяо-хуажэнь) и о «зарубежных связях» реэмигрантов и родственников эмигрантов (гуйцяо-цяоцзюань) как об уникальном шансе для масштабного развития Китая [Дэн Сяопин лунь цяоу, 2000, с. 12]. Она велась как внутри КНР с реэмигрантами и родственниками эмигрантов,

¹ Работа КНР с делами китайских эмигрантов / политика по делам китайских эмигрантов (цяоу гуцзо / цяоу чжэньцэ) фактически означает работу не только с эмигрантами, но и с этническими китайцами-иностранцами, а также с реэмигрантами и родственниками зарубежных китайцев.

так и с китайцами за рубежом, где в ряде стран ещё сохранялось влияние гоминьдановцев (тайваньцев) на зарубежную китайскую буржуазию, хотя и в меньшей степени по сравнению с началом 1970-х гг.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ РАБОТЫ С КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ ДО ОФИЦИАЛЬНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

После окончания в 1976 г. «культурной революции» и до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 гг.), на котором было объявлено о начале политики реформ и открытости в КНР, Дэн Сяопином и его соратниками была проведена работа по восстановлению аппарата по работе с китайской диаспорой.

В конце сентября 1977 г. на встрече в Пекине с руководством туристической группы китайских эмигрантов, их потомков и соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня, в рамках праздника образования КНР, Дэн Сяопин заявил о необходимости восстановить правительственный аппарат по работе с зарубежными китайцами [*Дэн Сяопин сысян няньпу*, 1977]. В январе 1978 г. во время встречи в Мьянме с китайскими эмигрантами, он заявил о возвращении КНР к внутреннему и внешнему политическому курсу (в том числе в деле работы с китайскими эмигрантами), принятому Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем и разрушенному «бандой четырёх» [*Дэн Сяопин сысян няньпу*, 1978]. В январе 1978 г. была создана Канцелярия по делам китайских эмигрантов при Госсовете КНР², которая взяла на себя полномочия ликвидированного в годы «культурной революции» Комитета по делам китайских эмигрантов, хотя по статусу была ниже этого Комитета. Руководителем Канцелярии стал широко известный и авторитетный в кругах зарубежных китайцев Ляо Чэнчжи – руководитель упраздненного в 1970 г. Комитета.

К моменту объявления о старте реформ и открытости, китайские власти провели ряд важных совещаний и выработали контуры взаимодействия с зарубежными китайцами, реэмигрантами, родственниками эмигрантов в КНР и за ее пределами.

В октябре 1977 г. на встрече с делегацией соотечественников из Гонконга и Макао и с видным гонконгским предпринимателем Ли Минцзэ, прибывшими на празднование дня образования КНР, Дэн Сяопин выступил с критикой политики «банды четырёх», преследовавшей реэмигрантов и родственников эмигрантов в годы «культурной революции» за «связи с заграницей». Он отметил важность этих связей и необходимость возврата к положительному опыту работы с зарубежными китайцами, накопленному до 1966 г. [*Дэн Сяопин сысян няньпу*, 1977].

В ноябре 1977 г. МИД КНР с разрешения Госсовета открыл предварительное заседание Всекитайского конгресса по делам китайских эмигрантов, на котором был впервые официально сформулирован ставший ключевым во внутренней работе с *гуйцяо-цяоцзяоань* принцип «равного отношения и недопущения дискриминации, надлежащей заботы в соответствии со спецификой (*шиси тунжэнь будэ цииши, гэнъцзюй тэдянь шидаи чжаогу*)» или «принцип 16 иероглифов». 22 декабря 1978 г., в последний день 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, в Пекине открылся Всекитайский конгресс по делам китайских эмигрантов, где был заслушан и одобрен рабочий доклад Ляо Чэнчжи «Добросовестно осуществлять политику партии по работе с делами китайских эмигрантов – значит бороться за сильное социалистическое государство, осуществляющее модернизацию». Доклад дал три ключевые установки в работе с зарубежными китайцами на период реформ и открытости: а) твёрдо следовать социалистической ориентации – базовый принцип внутренней работы с

² Канцелярия по делам китайских эмигрантов при Госсовете КНР (*Гоулюань Цяоу баньгунши*) занимается не только делами *хуацяо*, но и делами *хуажэнь*, а также *гуйцяо-цяоцзяоань*.

реэмигрантами и родственниками эмигрантов; б) твердо придерживаться внешнеполитической линии ЦК КПК – базовый принцип внешней работы с китайцами за рубежом; в) добросовестно осуществлять политику партии по работе с диаспорой. Говоря о внутренней работе Ляо Чэнчжи называет *гуйцяо-цяоцзюань* важной силой революции и строительства социализма в КНР. Во внешней работе Ляо Чэнчжи полностью подтвердил возвращение к курсу до времён «культурной революции»: не признания двойного гражданства, не признания зарубежных китайцев без гражданства гражданами КНР, чёткое разграничение понятий «*хуацяо*» – гражданин КНР и «*хуажэнь*» – иностранный гражданин китайского происхождения. Работа с зарубежными китайцами официально была названа частью внешней политики КНР [Ляо Чэнчжи *вэньцзи*, 1990, с. 546–557].

Восстановление работы с китайской диаспорой нашло отражение в новой конституции КНР от 1978 г. За китайскими эмигрантами, находящимися за рубежом, официально был закреплён статус составной части единого революционного фронта, наряду с интеллигенцией, трудящимися, патриотическими демократическими партиями, патриотами, и соотечественниками из Тайваня, Гонконга и Макао. КНР впервые в истории гарантировала защиту законных прав и интересов, не только находящихся за рубежом *хуацяо*, а всех *хуацяо* в независимости от местонахождения, а также их родственников в КНР [Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа, 1978].

Вместе с тем была упрощена процедура получения документов на пересечение границы КНР для *хуацяо-хуажэнь* и *гуйцяо-цяоцзюань*. Многим реэмигрантам и родственникам эмигрантов фактически было позволено беспрепятственно покидать КНР для встречи с родными, переезда на постоянное место жительства за рубеж, в целях обучения или трудоустройства. Зарубежным китайцам создали условия, удобные для поездок на родину в личных и бизнес-целях.

Ведущий российский эксперт А.Г. Ларин видит во включении зарубежных китайцев в стратегический план возрождения Китая принципиальную новизну подхода Дэн Сяопина в работе с китайским зарубежьем [Ларин, 2008, с. 15–16]. Не отрицая этой позиции, отметим, что и во времена Мао Цзэдуна до «культурной революции» зарубежных китайцев рассматривали как важный ресурс и включали в программы развития на территории страны. Защита интересов *хуацяо* за рубежом также была частью внешней политики КНР того времени. Родственники и реэмигранты при этом фактически были инструментом давления на *хуацяо-хуажэнь*. Новизну диаспоральной политики Дэн Сяопина автор видит в сбалансированности подходов к интересам государства и диаспоры, вписывании в стратегический план возрождения и развития страны не только зарубежных китайцев, но и их родственников и реэмигрантов в КНР.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТОНКОСТИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАБОТЕ С ДИАСПОРОЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

В 1982 г. в КНР появились новые установки, затрагивающие интересы китайской диаспоры. В отличие от конституции 1978 г., конституция 1982 г. не содержит упоминания о статусе находящихся за рубежом китайских эмигрантов как составной части единого революционного фронта. Если конституция 1978 г. гарантировала защиту законных прав и интересов *хуацяо* и *цяоцзюань* в КНР, то конституция 1982 г. гарантирует защиту законных прав и интересов *хуацяо*, *гуйцяо* и *цяоцзюань*. В 1978 г. китайские эмигранты и их родственники рассматривались в конституции как единая группа. В 1982 г. китайские эмигранты уже рассматривались как отдельная группа, а их родственники отнесены к другой группе, в которую дополнительно включили реэмигрантов. В конституции 1982 г. прописано, что

Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) учреждает ряд комитетов, в том числе Комитет китайских эмигрантов (*хуацяо вэйюаньхуэй*), в основном законе 1978 г. этого положения не было. С 1982 г. защита законных прав и интересов китайских эмигрантов и законных прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов относится к компетенции Госсовета КНР, в конституции 1978 г. этой функции у Госсовета нет [*Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа*, 1978; 1982]. В таком виде положения, касающиеся китайских эмигрантов, реэмигрантов и родственников эмигрантов, сохранились в основном законе КНР до настоящего времени.

Выдвинутая ещё при Мао Цзэдуне задача воссоединения Родины и активное привлечение *хуацяо-хуажэнь* к её решению, в эпоху Дэн Сяопина приняли конкретные теоретические очертания. Зарубежных китайцев стали рассматривать как одну из сил, способных продвинуть и воплотить концепцию «одна страна – две системы».

В 1984 г. и 1989 г. руководство страны провело два совещания по вопросам работы с диаспорой, подтвердив следование принципу открытости и законности во внешней работе, официально разграничив задачи в работе с *хуацяо* и *хуажэнь* (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные задачи в работе руководства КНР с *хуацяо* и *хуажэнь* в 1984 и 1989 гг.

	1984	1989
хуацяо	– сохранять и развивать у хуацяо любовь к Родине, в том числе к малой родине (<i>цяосян</i>); – вовлекать хуацяо в осуществление великого дела воссоединения родины; содействовать сплочению хуацяо и их стремлению к взаимопомощи; – настоятельно рекомендовать китайским эмигрантам уважать законы и жить в мире с народами принимающих стран.	– защищать законные права и интересы хуацяо; – содействовать сплочению хуацяо и их стремлению к взаимопомощи; – вовлекать хуацяо в осуществление великого дела воссоединения родины; – настоятельно рекомендовать китайским эмигрантам уважать законы, уважать местное население и национальные обычаи принимающих стран; – приветствовать добровольное принятие хуацяо иностранного гражданства; – приветствовать дружбу хуацяо с местным населением; – приветствовать долгосрочное проживание и развитие хуацяо в принимающих странах; – приветствовать содействие хуацяо экономическому процветанию принимающих стран; – приветствовать участие хуацяо в развитии сотрудничества и обменов между КНР и принимающими странами.
хуажэнь	– не уравнивать хуажэнь с хуацяо; – не уравнивать хуажэнь с обычными иностранцами; – приветствовать вклад хуажэнь в развитие экономики, науки и техники, культуры принимающих стран; – поощрять развитие этническими китайцами китайской культуры и традиций в принимающих странах; – стимулировать вклад хуажэнь в развитие экономического сотрудничества, культурных обменов и дружбы принимающих стран с КНР.	– чётко понимать, что хуажэнь – это иностранные граждане; – укреплять дружеские отношения, сотрудничество и обмен хуажэнь с КНР; – приветствовать участие хуажэнь в развитии принимающих стран; – приветствовать участие хуажэнь в развитии дружбы и сотрудничества принимающих стран с КНР.

По сути, практически все задачи руководства КНР 1984 и 1989 гг. в работе с *хуацяо* повторяют задачи эпохи Мао Цзэдуна до «культурной революции». Однако тональность в постановке этих задач сменилась с требовательной на рекомендательную, в крайнем случае настоятельно рекомендательную. При этом особое внимание стали уделять стимулированию, содействию и приветствию благоприятных для КНР действий *хуацяо* за рубежом.

Что касается *хуажэнь*, что уже при Мао Цзэдуна было ясно, что страна полностью не откажется от своих бывших граждан, ставших иностранцами, однако конкретные задачи в работе с *хуажэнь* были поставлены только в 1984 и 1989 гг., что стало новым для КНР. Власти страны, подчеркивая, что *хуажэнь* – это иностранцы, тем не менее считали их родными Китаю по крови, активно сотрудничали с ними за рубежом в различных сферах. Фактически разница в отношении руководства КНР к *хуацяо* и *хуажэнь* лежала только в юридической плоскости. *Хуацяо* как гражданам КНР гарантировалась защита законных прав и интересов, а *хуажэнь* как иностранцам такая защита не могла быть предоставлена.

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНДАМЕНТА ДОЛГОСРОЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ

Выполнение внешних задач в работе с диаспорой требовало полноценного восстановления внутренней работы с ней, родственниками и близким окружением *хуацяо-хуажэнь* в КНР. Эта работа началась с исправления ошибок «культурной революции». На неё ушло около 10 лет: восстановление прав собственности на жильё (1978–1987); восстановление прав собственности на денежные переводы из-за рубежа (1978–1986); пересмотр ошибочных и подложных судебных дел (1980–1987); восстановление на работе или повторное трудоустройство (1982–1985).

Параллельно с исправлением ошибок «культурной революции» руководство КНР создавало юридическую и практическую базу сотрудничества с китайской диаспорой на долгосрочную перспективу.

В 1982 г. для обеспечения юридической защиты пожертвований зарубежных китайцев было принято «Уведомление об усилении регулирования импорта пожертвований китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао» (далее – «Уведомление-1982»). Документ имел приоритет над всеми ранее выпущенными и противоречащими ему документами. Он стал реакцией на проблемы махинаций с пожертвованиями со стороны отдельных представителей органов власти на местах, закрепил принцип абсолютной добровольности пожертвований, ввел ряд запретов на прием пожертвований правительственными учреждениями и ряд льгот для тех, кто жертвует на благотворительность [Гоюань гуаньюй цзяцянь хуацяо хэ ганьао тунбао цзяюаньцзэн цзинькоу уцзы гуаньли дэ тунчжи (чжайяо), 1982]³. Дополнительные правила для пожертвований *хуацяо-хуажэнь*, могли устанавливаться на региональном уровне.

В 1983 г. ЦК КПК разрабатывая политику привлечения иностранных интеллектуальных ресурсов для проведения «четырёх модернизаций», отдавал приоритет *хуацяо-хуажэнь*, что нашло отражение в принятом в 1983 г. «Временном положении Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов» [Гоюань гуаньюй иньцзинь говай жэньцай гуницзо дэ цзаньсин гуйдин, 1983]. Курс на возвращение в Китай высокообразованных китайских специалистов просматривался во «Временном положении Госсовета КНР о выезде за рубеж на учёбу за свой счёт (1984)». Документ вменял в обязанность правительствам всех уровней поощрять обучающихся за рубежом как можно раньше возвращаться на родину по

³ Срок действия документа [Гоюань гуаньюй цзяцянь хуацяо хэ ганьао тунбао цзяюаньцзэн цзинькоу уцзы гуаньли дэ тунчжи (чжайяо), 1982]: 17.08.1982 – 07.12.2001 гг.

завершении учёбы, чтобы служить делу социалистической модернизации [*Гоуяоань гуаньюй цзыфэй чуго люсюе дэ цзаньсин гуйдин*, 1984]⁴.

Осознавая, что благополучие *гуйцяо-цяоцзюань* является ключевым условием участия китайской диаспоры в модернизации КНР, китайское руководство занялось защитой этой категории граждан в целом и усилением поддержки её малообеспеченной части.

В 1990 г. впервые в истории КНР был принят «Закон о защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов» [*Чжунхуа жэньминь гунхэго гуйцяо цяоцзюань цюань баохуфа*, 1990] в целях оказания *гуйцяо-цяоцзюань* надлежащей заботы в соответствии с их спецификой и реальными обстоятельствами. В законе были отражены права этой категории граждан и гарантии государства по отношению к ним. В 1991–1992 гг. дополнительные нормативно-правовые акты по вопросу защиты законных прав и интересов *гуацяо-цяоцзюань* приняли провинции Шаньдун, Цзилинь, Хэйлунцзян, Цзянсу, Фуцзянь, Хэнань, Хунань и город Шанхай.

Рассчитывая, что *хуацяо-хуажэнь* станут первыми ключевыми инвесторами и посредниками в продвижении китайской продукции за рубежом, власти КНР на раннем этапе реформ (1979–1989 гг.) в районах, относящихся к малым родинам эмигрантов (*цяосян*), создали четыре специальные экономические зоны (СЭЗ) – Шэньчжэньскую (1980), Чжухайскую (1980), Шаньтоускую (1981) и Сямыньскую (1980). В 1984 г. дополнительно было открыто четырнадцать приморских городов. В 1985 г. появились СЭЗ в дельте р. Янцзы, дельте р. Чжуцзян, а также на юге пров. Фуцзянь в так называемом «золотом треугольнике» – г. Сямэнь – г. Цюаньчжоу – г. Чжанчжоу (*миньнань цзинь саныцзяо*). В 1987 г. статус СЭЗ получила вся пров. Хайнань [Афонасьева, 2013, с. 42].

Ставка подоходного налога в СЭЗ и ЗТЭР (зонах технико-экономического развития) в размере 15%, а в некоторых случаях 10%, была более чем привлекательной на фоне общих ставок подоходного налога для китайских и иностранных предпринимателей в КНР на данном этапе (см. табл. 2).

Таблица 2

Ставки подоходного налога для предпринимателей и инвесторов в КНР, %

Годы	предприятия/инвесторы	ставка
с 1980	резиденты СЭЗ	15
1984–1987	резиденты ЗТЭР	15
1987–2010		10–15
до 1984	Национальный бизнес в целом (в основном государственные предприятия)	50–75
1984–1993	Крупные и средние государственные предприятия	55
	Малые государственные компании	10–55
1985–1993	Коллективные предприятия (национальные)	10–55
1988–1993	Частные предприятия (национальные)	35
1980–1991	Китайско-иностранное совместные предприятия (с учётом обязательного 10%-го регионального налога)	40
1982–1991	Иностранные предприятия (без учёта 10%-го регионального налога, который мог быть отменён или снижен)	20–40
1982–2008	Иностранные инвесторы, не участвующие в управлении предприятиями в КНР	20

⁴ Документ [*Гоуяоань гуаньюй цзыфэй чуго люсюе дэ цзаньсин гуйдин*, 1984] отменен 15.01.2008 г.

1991–2008	Иностранные предприятия (с учётом обязательного 3%-го регионального налога). В приоритетных для привлечения иностранных инвестиций отраслях и проектах региональный налог мог быть снижен или отменён.	33
-----------	--	----

Составлено по: [Гуандун шэн цзинцзи тэцой тяоли, 1980; Гуандун шэн цзинцзи тэцой шэвай гунсы тяоли, 1987; Дзянь цзинцзи цзишу кайфацой жогань юхуэй дайой дэ гуйдин, 1984; Дзянь цзинцзи цзишу кайфацой тяоли, 1987; Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунвай хэцзы цзинин цие содэшуи фа, 1980; Чжунхуа жэньминь гунхэго вайго цие содэшуи фа, 1981; Чжунхуа жэньминь гунхэго гоин цие содэшуи тяоли, 1984; Чжунхуа жэньминь гунхэго вайшан тоуцзы цие хэ вайго цие содэшуи фа, 1991].

СЭЗ и ЗТЭР были рассчитаны на привлечение иностранных, прежде всего зарубежных китайских капиталов и инвестиций соотечественников из Гонконга и Макао. Национальные компании могли быть резидентами СЭЗ и ЗТЭР, но на более скромных условиях, чем у иностранных и зарубежных китайских инвесторов (в том числе из Гонконга, Макао и Тайваня).

За пределами СЭЗ и ЗТЭР бизнес *хуацяо-хуажэнь* по сравнению с иностранным и частным китайским бизнесом имел больше преференций. В 1979–1984 гг. он пользовался налоговыми каникулами в течение трёх лет, правом возврата части налога на реинвестированную прибыль, сниженной ставкой торгово-промышленного налога или освобождением от него в ряде случаев [Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунвай хэцзы цзинин цие фа, 1979]. Однако ряд ограничений, предусмотренных для совместных китайско-иностранных предприятий, фактически не касался зарубежных китайцев. *Хуацяо-хуажэнь* совместно с *гуйцяо-цяоцзюань* открывали семейные трудоёмкие предприятия типа «*сань лай и бу* (берём три – возмещаем одно)», которые перерабатывали давальческое сырьё и материалы, осуществляли сборочные работы и вели компенсационную торговлю⁵. Также зарубежные китайцы вкладывали капитал в китайские государственные инвестиционные компании, получая от них дивиденды, и создавали СП, где 51% акций принадлежал государству. При этом бизнес *хуацяо-хуажэнь* был вполне законным.

Принятое Госсоветом КНР в 1985 г. «Временное положение о льготах для инвестиций *хуацяо* (далее – «Временное положение – 1985»)» предоставило зарубежным китайцам условия для ведения бизнеса, сопоставимые с СЭЗ и ЗТЭР. За предприятиями *хуацяо-хуажэнь* сохранялись налоговые каникулы на 3 года с первого года, в котором была получена прибыль. По истечении этого периода подоходный налог взимался по сокращённой наполовину ставке в течение 4 лет. В последующие годы ставка была на 20% ниже, чем для других иностранных предприятий и китайско-иностранных СП в КНР [Гоюянь гуаньюй *хуацяо тоуцзы юхуэй дэ цзаньсин гуйдин*, 1985].

Например, если в 1985 г. предприятие *хуацяо-хуажэнь* впервые получило прибыль, то в 1985–1987 гг. с него не взимался подоходный налог, в 1988–1991 гг. подоходный налог начислялся по ставке 15–25% (с учётом регионального налога) в зависимости от налогооблагаемой суммы, а с 1992 г. – по ставке 13%. Что касается СП *хуацяо-хуажэнь* и *гуйцяо-цяоцзюань*, то после трёхлетних налоговых каникул подоходный налог рассчитывался по ставке 20%. Для инвестиций зарубежных китайцев в остро необходимые государству краткосрочные проекты (научноёмкая, техноёмкая промышленность, геологоразведка) и в открытие предприятий в удалённых районах по завершении льготного периода ставка подоходного налога могла составлять 15%.

⁵ Компенсационная торговля – вид торговли, при которой продавец получает в счет платежа за поставленный товар продукцию покупателя, произведенную из этого товара.

19 августа 1990 г. вступило в силу «Положение Госсовета КНР о поощрении инвестиций китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао (далее – «Положение – 1990»)» [Гоюань гуаньюй гули хуацяо хэ сянган аомэнь тунбао тоуцзы дэ гуйдин, 1990], аннулировавшее «Временное положение – 1985». Однако представленные выше расчётные данные по ставке подоходного налога для хуацяо-хуажэнь остались справедливыми в отношении предприятий, имевших действующие контракты или проекты, оформленные до этой даты. Так как у зарубежных китайцев была возможность планировать инвестиционные проекты на срок 5–30 лет, то теоретически предприятия хуацяо-хуажэнь могли сохранить за собой вышерассмотренные льготы 1985–1990 гг. вплоть до августа 2020 г. «Положение – 1990» сохранило за хуацяо-хуажэнь налоговые ставки, льготы и преференции, доступные для иностранного бизнеса (СП, кооперативов и индивидуальных предприятий). Ставки подоходного налога для новых контрактов предприятий зарубежных китайцев, заключённых после 19 августа 1990 г. были идентичными ставкам, указанным в табл. 2.

В дополнение к льготам для иностранцев, предприятия зарубежных китайцев и соотечественников из Гонконга и Макао были освобождены от таможенных пошлин и единого торгово-промышленного налога. «Положение – 1990» закрепило за ними право инвестировать во все регионы КНР, включая СЭЗ и ЗТЭР. Для иностранцев такой возможности не было.

Если иностранным инвесторам разрешалось инвестировать только в создание СП, кооперативов или индивидуальных предприятий, то хуацяо-хуажэнь и соотечественники из Гонконга и Макао в дополнение к этому могли вкладывать средства в развитие компенсационной торговли, переработку и сборку давальческого сырья/материалов, кооперативное производство, покупку недвижимости, законное получение права пользования землёй, её застройку и эксплуатацию, покупку акций и облигаций предприятий.

Создание предприятий по производству экспортной продукции и передовых технологичных предприятий для иностранных инвесторов было обязательным условием, а для хуацяо-хуажэнь (в том числе предпринимателей из Гонконга и Макао) носило рекомендательный характер. Зарубежные китайцы и соотечественники из Гонконга и Макао имели право инвестировать во все отрасли, соответствующие направлениям социально-экономического развития КНР. Для иностранных инвесторов существовали ограничения и запреты на капиталовложения в некоторые отрасли экономики. Зарубежные китайцы и соотечественники из Гонконга и Макао получили право создавать собственные ассоциации инвесторов в регионах с высокой концентрацией созданных ими предприятий и ряд других преференций, которые были недоступны иностранцам.

Дополнительные льготы и преференции были предоставлены зарубежным китайцам и соотечественникам из Гонконга, Макао (в некоторых случаях с Тайваня), на уровне отдельных провинций.

В целом в эпоху Дэн Сяопина руководству КНР удалось полностью восстановить работу с китайской диаспорой на внешнем и внутреннем направлениях, «загладить вину» перед зарубежными китайцами, их родственниками и реэмигрантами за несправедливые притеснения в годы «культурной революции». Регулярные рабочие встречи Дэн Сяопина с хуацяо-хуажэнь за рубежом и в КНР, а также с их родственниками и реэмигрантами, помогли выработать эффективные механизмы обратной связи с китайской диаспорой и создать оптимальные условия для дальнейшего сотрудничества с ней в рамках политики реформ и открытости. Перед чиновниками Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР была поставлена задача оказывать качественные услуги зарубежным китайским инвесторам и предпринимателям, высококвалифицированным специалистам и учёным, способным принять участие в модернизации и содействовать Китаю в освоении международных рынков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Афонасьева А.В. *Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.)*. М.: ИДВ РАН, 2013 [Afonasyeva A.V. *Overseas Chinese – Business in the PRC: Overseas Chinese and Re-emigrants economic activity in the PRC since reform period (1979–2010)*. Moscow: IFES RAS, 2013 (in Russian)].

Ларин А.Г. *Китай и зарубежные китайцы*. М.: ИДВ РАН, 2008 [Larin A.G. *China and Overseas Chinese*. Moscow: IFES RAS, 2008 (in Russian)].

Ван Сяопин, Тянь Ли (王晓萍, 田莉). *Гайгэ кайфан 30 няньлай цяоу чжэньцэ хуэйгу (Перспектива политики по делам эмигрантов за 30 лет реформ и открытости; 改革开放30年来侨务政策回顾). Синь Чжунго цяоу чжэньцэ ди люши нянь хуэйгу юй таньси (Обзор и анализ политики Нового Китая по делам эмигрантов за 60 лет; 新中国侨务政策六十年回顾与探析)*. Гоуянь цяоу баньгунши чжэньцэ фагуй сы бянь (Под ред. Политико-правового управления Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР; 国务院侨务办公室政策法规司编). Пекин, 2010. С. 40–63 [Wang Xiaopin, Tian Li. *Gaige kaifang 30 nianlai qiaowu zhengce huigu (The Review of Overseas Chinese Affairs Policy in 30 years of Reform and Opening Up). Xin Zhongguo qiaowu zhengce di liushi nian huigu yu tanxi (The Review and Analysis of Overseas Chinese Affairs Policy of New China in 60 years)*. Guowuyuan qiaowu bangongshi zhengce fagui si bian (Ed. by Policy and Law Department of the Overseas Chinese Affairs Office of the State Council). Beijing, 2010. Pp. 40–63 (in Chinese)].

Гоуянь гуаньюй гули хуацяо хэ сянган аомэнь тунбао тоуцзы дэ гуйдин, 1990 (Положение Госсовета КНР о поощрении инвестиций китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао, 1990; 国务院关于鼓励华侨和香港澳门同胞投资的规定, 1990) [Guowuyuan guanyu guli huaqiao he xianggang aomen tongbao touzi de guiding, 1990 (Provisions of the State Council on Encouraging Investment by Overseas Chinese and Hong Kong and Macao Compatriots, 1990) (in Chinese)] <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node102/userobject7ai1540.html> (accessed: 18.11.2020).

Гоуянь гуаньюй иньцзинь говай жэньцай гунцзо дэ цзаньсин гуйдин, 1983 (Временное положение Госсовета КНР о работе по привлечению зарубежных талантов, 1983; 国务院关于引进国外人才工作的暂行规定. 1983) [Guowuyuan guanyu yinjin guowai rencai gongzuo de zanxing guiding, 1983 (Temporary Regulation of the State Council on the Work to Attract Foreign Talents), 1983 (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=DE381B01F06D7CAA12833306727C879E&truetag=809&titles=国务院关于引进国外人才工作的暂行规定&dbt=chl> (accessed: 11.11.2020).

Гоуянь гуаньюй хуацяо тоуцзы юхуэй дэ цзаньсин гуйдин, 1985 (Временное положение о льготах для инвестиций китайских эмигрантов, 1985; 国务院关于华侨投资优惠的暂行规定. 1985) [Guowuyuan guanyu Huaqiao touzi youhui de zanxing guiding, 1985 (Interim Provisions of the State Council on Investment Preferences for Overseas Chinese, 1985) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=chl519s689.txt&truetag=809&titles=%E5%8D%8E%E4%BE%A8%E6%8A%95%E8%B5%84&contents=&dbt=chl> (accessed: 18.11.2020).

Гоуянь гуаньюй цыфэй чуго люсюе дэ цзаньсин гуйдин, 1984 (Временное положение Госсовета КНР о выезде за рубеж на учёбу за свой счёт, 1984; 国务院关于自费出国留学的暂行规定, 1984) [Guowuyuan guanyu zifei chuguo liuxue de zanxing guiding, 1984 (Interim Provisions of the State Council on Studying Abroad at its Own Expenses, 1984) (in Chinese)] <http://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node106/userobject7ai1352.html> (accessed: 11.11.2020).

Гоуянь гуаньюй цзянь хуацяо хэ ганьао тунбао цзяньцзэн цзинькоу цыцзы гуаньли дэ тунчжи (чжайяо), 1982 (Уведомление Госсовета КНР об усилении регулирования импорта пожертвованных китайских эмигрантов и соотечественников из Гонконга и Макао (резюме), 1982; 国务院关于加强华侨和港澳同胞捐赠进口物资管理的通知 (摘要), 1982) [Guowuyuan guanyu jiaqiang huaqiao he gangao tongbao juanzeng jinkou wuzi guanli de tongzhi (zhaiyao), 1982 (Notice of the State Council on Strengthening the Administration of Imported Materials Donated by Overseas Chinese and Compatriots from Hong Kong

and Macao (Abstract), 1982) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=C9C3B9B461567AF4 C73 E26BB0054C754&truetag=2674&titles=国务院关于加强华侨和港澳同胞捐赠进口物资管理的通知&contents=&dbt=chl> (accessed: 30.10.2020).

Гуандун шэн цзинцзи тэцуй тьяоли, 1980 (*Правила СЭЗ пров. Гуандун*, 1980; 广东省经济特区条例, 1980) [*Guangdong sheng jingji tequ tiaoli*, 1980 (*Regulations of Guangdong Province on Special Economic Zones*, 1980) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn= DE36E2C0BBECE4C53208F278EB9EEE12 &truetag=809&titles=广东省经济特区条例&contents=&dbt=lar> (accessed: 19.11.2020).

Гуандун шэн цзинцзи тэцуй шэвай гунсы тьяоли, 1987 (*Положение о имеющих внешние связи компаниях в СЭЗ пров. Гуандун*, 1987; 广东省经济特区涉外公司条例, 1987) [*Guangdong sheng jingji tequ shewai gongsi tiaoli*, 1987 (*Regulations on Foreign-related Companies in Special Economic Zones of Guangdong Province*, 1987)] <http://law1.law-star.com/law?fn=812BBF6A1CBE535867CE1DF8E0B8FFD 7&truetag=1&titles=广东省经济特区涉外公司条例&contents=&dbt=lar> (accessed: 18.11.2020).

Далянь цзинцзи цзису кайфацуй жогаң юхуэй дайюу дэ гуйдин, 1984 (*Положения о некоторых преференциях Даляньской ЗТЭР;大连经济技术开发区若干优惠待遇的规定*, 1984) [*Dalian jingji jishu kaifaqu ruogan youhui daiyu de guiding*, 1984 (*Provisions on Certain Preferential Treatment in Dalian Economic and Technological Development Zone*, 1984) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=1B3E7FF534F3269 DFA7B833ECFFAF4E2&truetag=1823&titles=大连经济技术开发区若干优惠待遇的规定&contents=&dbt=lar> (accessed: 19.11.2020).

Далянь цзинцзи цзису кайфацуй тьяоли, 1987 (*Правила Даляньской ЗТЭР*, 1987; 大连经济技术开发区条例, 1987) [*Dalian jingji jishu kaifaqu tiaoli*, 1987 (*Regulations of Dalian Economic and Technological Development Zone*, 1987) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=lar005s034.txt> (accessed: 19.11.2020).

Дэн Сяопин лунь цяоу (Дэн Сяопин о работе с эмигрантами; 邓小平论侨务). Гоюань цяоу бань-гунши, Чжунъян вэньсянь яньцзюши бянь (Под ред. Канцелярии по делам эмигрантов и Кабинета по изучению документов ЦК КПК; 国务院侨务办公室, 中央文献研究室编). Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ (Издательство Чжунъян вэньсянь; 中央文献出版社), 2000 [*Deng Xiaoping lun qiaowu* (*Deng Xiaoping about Overseas Chinese Affairs*). Guowuyuan qiaowu bangongshi, Zhongyang wenxian yanjiushi bian (Ed. by the Overseas Chinese Affairs Office of the State Council, the Cabinet for the Study of Documents of the CPC Central Committee). Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2000 (in Chinese)].

Дэн Сяопин сысян няньпу, 1977 нянь (*Хроника идей Дэн Сяопина*, 1977 г.; 邓小平思想年谱·1977年) [*Deng Xiaoping sixiang nianpu*, 1977 nian (*Chronicle of Deng Xiaoping's Ideas*, 1977) (in Chinese)] <http://news.sina.com.cn/c/2004-07-29/16433863500.shtml> (accessed: 23.10.2020).

Дэн Сяопин сысян няньпу, 1978 нянь (*Хроника идей Дэн Сяопина*, 1978 г.; 邓小平思想年谱·1977年) [*Deng Xiaoping sixiang nianpu*, 1978 nian (*Chronicle of Deng Xiaoping's Ideas*, 1978) (in Chinese)] <http://news.sina.com.cn/c/2004-07-29/16433863512.shtml> (accessed: 23.10.2020).

Ляо Чэнчжи вэньцзи (*Собрание сочинений Ляо Чэнчжи; 廖承志文集*). Ся цзюань (Том 2; 下卷). Пекин: Жэньминь чубаньшэ (Издательство Жэньминь; 人民出版社), 1990. С. 433–835 [*Liao Chengzhi wenji* (*Selected Papers of Liao Chengzhi*). Xiajuan (Vol. 2). Beijing: Renmin chubanshe, 1990. Pp. 433–835 (in Chinese)].

Чжунхуа жэньминь гунхэо вайго цие содзуй фа, 1981 (*Закон КНР о подоходном налоге для иностранных предприятий; 中华人民共和国外国企业所得税法*, 1981) [*Zhonghua renmin gongheguo waiguo qiye suodeshui fa*, 1981 (*The PRC's Income Tax Law for Foreign Enterprises*, 1981) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=784A665089014 A02618AFC311ED97803&truetag=2674&titles=中华人民共和国外国企业所得税法&contents=&dbt=chl> (accessed: 18.11.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэо вайшан тоуцзы цие хэ вайго цие содзуй фа, 1991 (*Закон КНР о подоходном налоге для предприятий с иностранным капиталом и иностранных предприятий*, 1991; 中华人民共和国外商投资企业和外国企业所得税法, 1991) [*Zhonghua renmin gongheguo waishang touzi qiye suodeshui fa*, 1991 (*Income Tax Law of the PRC on Foreign Investment Enterprises and Foreign Enterprises*, 1991) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=chl024s120.txt> (accessed: 19.11.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго гоин цие содэцуй тьяоли, 1984 (Положения КНР о налоге на прибыль государственных предприятий; 中华人民共和国国营企业所得税条例, 1984) [Zhonghua renmin gongheguo guoying qiye suodeshui tiaoli, 1984 (Regulations of the PRC on Income Tax for State-owned Enterprises, 1984) (in Chinese)] <http://law168.com.cn/doc/view?id=159243> (accessed: 20.11.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго гуйцяо цяоцзянь цюань баохуфа, 1990 (Закон о защите прав и интересов резидентов и родственников эмигрантов, 1990; 中华人民共和国归侨侨眷权益保护法) [Zhonghua renmin gongheguo guiqiao qiaojuan quan yi baohu fa, 1990 (Law of the PRC on the Protection of the Rights and Interests of Re-emigrants and Relatives of Emigrants) (in Chinese)] http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1990-09/07/content_1479234.htm (accessed: 11.11.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа, 1978 (Конституция Китайской Народной Республики, 1978; 中华人民共和国宪法, 1978) [Zhonghua renmin gongheguo xianfa, 1978 (Constitution of the People's Republic of China, 1978) (in Chinese)] http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=343217 (accessed: 30.10.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа, 1982 (Конституция Китайской Народной Республики, 1982; 中华人民共和国宪法, 1982) [Zhonghua renmin gongheguo xianfa, 1982 (Constitution of the People's Republic of China, 1982) (in Chinese)] http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=2530 (accessed: 30.10.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунвай хэцзы цзинин цие содэцуй фа, 1980 (Закон КНР о подоходном налоге для китайско-иностранных СП, 1980; 中华人民共和国中外合资经营企业所得税法, 1980) [Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezi jingying qiye suodeshui fa, 1980 (The PRC's Income Tax Law for Sino-foreign Joint Ventures, 1980) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=chl520s494.txt&dbt=chl> (accessed: 20.11.2020).

Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунвай хэцзы цзиньин цие фа, 1979 (Закон КНР о совместных китайско-иностранных предприятиях; 中华人民共和国中外合资经营企业法, 1979) [Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezi jingying qiye fa, 1979 (Law of the PRC on Chinese-Foreign Joint Ventures, 1979) (in Chinese)] <http://law1.law-star.com/law?fn=B276798DFD20CB48C874B589DC2C8124&truetag=1746&titles=中华人民共和国中外合资经营企业法&contents=&dbt=chl> (accessed: 19.11.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АФОНАСЬЕВА Алина Владиславовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия.

Alina V. AFONASEVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017676-0

ЭВОЛЮЦИЯ ДВИЖЕНИЯ «БОЙКОТ, ИЗОЛЯЦИЯ, САНКЦИИ» (ДБИС)

© 2021

А.В. КРЫЛОВ ^{a, b}, Н.М. СОРОКИНА ^b

^{a, b} – Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия

^a – ORCID: 0000-0002-3132-8995; a.krylov@inno.mgimo.ru

^b – ORCID: 0000-0003-2732-3080; sorokina.n.m@my.mgimo.ru

Резюме: В статье раскрываются предпосылки и условия формирования международного движения бойкота Израиля, его цели, ключевые субъекты активности и наиболее результативные его направления. Авторы убеждены, что Израиль во многом сам своими крайне жестокими и явно ассиметричными мерами подавления палестинского сопротивления оккупации во время второй интифады способствовал росту популярности антиизраильских тенденций в странах западной демократии. Другая, не менее важная, причина формирования ДБИС – провал мирного процесса урегулирования палестино-израильского конфликта в соответствии с договоренностями, достигнутыми в Осло. В этих непростых условиях гражданское общество палестинских арабов обратилось к международному сообществу с призывом положить конец израильской оккупации. ДБИС всегда использовала только ненасильственные меры убеждения населения всего мира отказаться от приобретения израильских товаров, а также любых форм сотрудничества с израильскими компаниями, вузами, культурными и научными учреждениями. Исследование дает развернутое представление об основных источниках финансовых ресурсов движения. В частности, констатируется использование средств из коммунистического бюджета ЕС, национальных бюджетов ряда западных государств, крупнейших благотворительных фондов и т. п. Авторы анализируют причины популярности движения в начале XXI в., в том числе в некоторых структурных подразделениях ООН и Европейского Союза. Израильские политики, и произраильские объединения на Западе изначально отнеслись к ДБИС как к очередной антисемитской кампании, которую следует рассматривать в контексте всех предшествующих кампаний такого рода. Особое внимание в статье сфокусировано на мерах противодействия движению со стороны Израиля, США и некоторых европейских государств. В заключении к статье дана оценка современного состояния движения, неуклонно теряющего своих адептов на всех уровнях, в том числе в академической и профессиональной сферах.

Эта статья написана на основе документальных материалов основных НПО, входящих в состав ДБИС, или противостоящих этому движению, а также публикаций западных исследователей.

Ключевые слова: Израиль, палестинская проблема, палестинское движение сопротивления, ДБИС, бойкот израильских товаров, антиизраильские санкции, борьба против ДБИС.

Для цитирования: Крылов А.В., Сорокина Н.М. Эволюция движения «Бойкот, изоляция, санкции» (ДБИС). *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. Рр. DOI: 10.31857/S086919080017676-0

EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL MOVEMENT BOYCOTT,
DIVESTMENT AND SANCTIONS – BDS

© 2021

Alexander V. KRYLOV ^a, Nadezda M. SOROKINA ^b^{a, b} – Moscow State Institute of International Relations MFA of the
Russian Federation, Moscow, Russia.^a – ORCID: 0000-0002-3132-8995; a.krylov@inno.mgimo.ru^b – ORCID: 0000-0003-2732-3080; sorokina.n.m@my.mgimo.ru

Abstract: *The article describes insight into the factors and conditions influencing the formation of the international movement BDS including its key subjects and its most effective strategies for achieving all the goals identified. From the authors' point of view Israel itself, by its extremely cruel and asymmetric measures against the Palestinian resistance to occupation during the second intifada stimulated the rise of the BDS movement popularity and as well as anti-Israeli tendencies in Western democracies. Another, no less important reason for the formation of the BDS is the failure of the peace process for the solution of the Palestinian-Israeli conflict in accordance with the agreements reached in Oslo. Under these complicated circumstances, Palestinian Arab civil society has called on the international community to end the Israeli occupation. The study provided a thorough overview of the main financial sources of the movement. The use of funds from the EU community budget, national budgets of a number of Western states, the largest charitable foundations, etc. is stated. The authors analyze the reasons for the popularity of the movement at the beginning of the 21st century, including in some structural divisions of the UN and the European Union. Special attention is focusing on measures to counter the movement by Israel, the US and some European states. In the conclusion, the study identifies and characterizes the current status of the movement, which is steadily losing its adherents at all levels, including academic and confessional spheres.*

Keywords: Israel, the Palestinian problem, the Palestinian resistance movement, the boycott of Israeli goods, anti-Israeli sanctions, anti-BDS movement.

For citation: Krylov A.V., Sorokina N.M. Evolution of the International Movement Boycott, Divestment and Sanctions – BDS. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017676-0

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ BDS

Многие эксперты появление движения «Бойкот, изоляция, санкции» (далее – ДБИС) связывают с решениями Всемирной конференции по борьбе против расизма, состоявшейся в 2001 г. в Дурбане (ЮАР). В 63-м пункте Декларации этой конференции отмечалось: «Мы озабочены бедственным положением палестинского народа под иностранной оккупацией. Мы признаем неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение и создание независимого государства и признаем право на безопасность всех государств региона, включая Израиль, и призываем все государства поддержать мирный процесс и как можно скорее довести его до конца» [*Report of the World Conference*, 2001, p. 21].

В рамках Международной конференции в Дурбане состоялся форум неправительственных организаций, на котором произошла встреча лидеров палестинских НПО с ветеранами

движения борьбы против апартеида в ЮАР. На этой встрече были проведены параллели между политикой Израиля на оккупированных палестинских территориях и политикой расовой сегрегации, проводившейся правившей в Южно-Африканском Союзе и Южно-Африканской Республике Национальной партией с 1948 по 1994 г. Тогда же борцы против апартеида порекомендовали палестинским НПО взять на вооружение их методы ненасильственного нанесения ущерба своим притеснителям [Hickey, Marfleet, 2010, p. 39].

В августе 2003 г. все палестинские НПО и политические организации на оккупированных территориях призвали к всеобщему бойкоту Израиля, а в октябре того же года группа палестинских интеллектуалов выступила с воззванием, требовавшим от всех палестинцев бойкотировать израильские учебные учреждения. Чтобы придать движению организованный характер, в апреле 2004 г. была сформирована Палестинская кампания за академический и культурный бойкот Израиля (PACBI). В учредительном документе этой организации, в частности, говорилось: военная оккупация и колонизация Западного берега, включая Восточный Иерусалим и Газу в 1967 г., является вопиющим нарушением международного права и резолюций ООН; укоренившаяся система расовой дискриминации и сегрегации палестинских граждан Израиля сродни прекратившей свое существование системе апартеида в ЮАР [*Call for Academic*, 2004]. Палестинские комитеты в британских вузах и Ассоциация преподавателей британских университетов (AUT) поддержали кампанию академического бойкота израильских университетов. Палестинским комитетам в университетах США также удалось привлечь к участию в кампании бойкота несколько американских вузов.

Основателем и бессменным лидером PACBI является Омар Баргути – выходец из одного из наиболее авторитетных палестинских кланов. Широкую известность получило следующее его высказывание: «Израилю как еврейскому государству нет места на нашей земле. Есть только одно решение проблемы. Надо применить эвтаназию в отношении Израиля» [Nelson, 2019, p. 19]. Во многом благодаря политическим взглядам О. Баргути ДБИС откажется от поддержки создания двух государств для решения палестино-израильского конфликта, считая, что Израиль не имеет законного права на существование на территории исторической Палестины. В марте 2017 г. О. Баргути был арестован в Израиле по подозрению в уклонении от уплаты налогов на сумму около 700 000 долларов, но до сих пор ему не было предъявлено никаких обвинений в связи с задержанием. Отметим, что О. Баргути является лауреатом престижной Премии мира им. М. Ганди.

По мнению ряда экспертов, движение «Бойкот, изоляция, санкции» было в определенной степени востребованным продуктом, поскольку приход к власти в Израиле в 2001 г. генерала А. Шарона, его резкий отказ от участия в политическом диалоге с палестинцами и крайне жесткие меры подавления палестинского протеста создавали среди либерально-демократических кругов Европы и Америки отрицательный имидж Израиля как поселенческого агрессивного государства, стремящегося колонизовать земли коренного палестинского народа [Shindler, 2017, p. 15; Ziadah, 2015, p. 91].

СТРУКТУРА ДБИС

Официально движение «Бойкот, изоляция, санкции» было основано 9 июля 2005 г. 170 палестинских неправительственных организаций стали подписантами Призыва к бойкотированию, изоляции и введению санкций в отношении Израиля. В Призыве подчеркивалось, что «ненасильственные вынужденные меры противостояния Израилю будут продолжаться до тех пор, пока он не выполнит свое обязательство признать неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение и не начнет полностью соблюдать предписания международного права [*The Palestinian BDS*, 2005].

В ноябре 2007 г. на первой учредительной конференции BDS в Рамалле был создан Палестинский национальный комитет (ПНК), ставший координирующим органом Движения. Был избран также Секретариат, выполняющий функции постоянно действующего исполкома ПНК. Общее собрание проводится раз в три месяца, а текущую работу ведет Секретариат ДБИС, он является координационным органом по мобилизации своих сторонников в целях проведения конкретных акций, спланированных и одобренных ПНК. Тот, в свою очередь, может через свои СМИ озвучить программу действий, но не имеет возможности руководить ее исполнением, поскольку нет институционального присутствия во всех странах, где располагаются сочувствующие НПО. Поэтому многие зарубежные организации, симпатизирующие ДБИС, обладают самостоятельностью и фокусируют внимание на широком спектре проблем, касающихся не только вопроса о Палестине, но других глобальных сюжетов – это социальная справедливость, противостояние войнам и конфликтам, изменение климата, гендерное неравенство и т. п.

Основанная ранее О. Баргути Палестинская кампания за академический и культурный бойкот Израиля (PACBI) вошла в состав ДБИС и ПНК, но сохранила внутри движения организационную автономию.

ДБИС имеет офисы в различных частях Палестины и пять офисов за рубежом. В России отделений этого движения нет. В Израиле Движение поддерживают ряд левых правозащитных групп, таких как «Бойкот изнутри», «Женщины в черном», «Новый профиль», Израильский комитет против разрушения домов палестинцев (ICAND), Ассоциация за равные права в Израиле (ACRI) [Fleischmann, 2019, p. 40].

В кампусах США, Канады, Новой Зеландии, Австралии, Великобритании действует от имени ДБИС организация «Студенты за справедливость в Палестине». По состоянию на 2018 г. в кампусах университетов США насчитывалось около 200 отделений этой организации. Ассоциация «Еврейский голос за мир» (JVP) пропагандирует среди американского еврейства программные установки ДБИС. Движение имеет свою издательскую структуру *After Zionism*, которая публикует материалы на девяти языках.

Символ ДБИС – хандала (*Citrullus colocynthis*). Это многолетнее растение имеет очень горькие, но съедобные семена; его фактически нельзя уничтожить, поскольку оно имеет необычайно длинные корни. В 1973 г. известный палестинский карикатурист Наджи аль-Али создал персонаж, которого назвал хандала. Это обычный палестинский подросток. Зритель не видит его лица – только спину с заломленными руками, в которых он сжимает весы правосудия. Прообразом изображенной Наджи аль-Али фигуры стал мальчишка из лагеря палестинских беженцев. Он быстро превратился в символ палестинской идентичности, непокорности всем превратностям судьбы и неповиновения израильской оккупации. В последние годы своей жизни Наджи аль-Али работал в Лондоне в издательстве газеты «аль-Кабас». 22 июля 1987 г. он был смертельно ранен по дороге на работу. Судя по тому, что тогдашний премьер-министр Великобритании М. Тэтчер распорядилась сразу после расследования обстоятельств убийства закрыть представительство Моссад в Палас-Грин в графстве Кенсингтон и выслать из страны трех израильских дипломатов, есть основания предполагать, что Наджи аль-Али, скорее всего, был устранен агентами спецслужб Израиля. Однако есть версия, согласно которой палестинский карикатурист, часто критиковавший верхушку палестинского руководства, был устранен по приказу тогдашних лидеров ФАТХ или ХАМАС.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДБИС

Антиизраильские кампании, проводимые ДБИС, широко финансируются и поддерживаются правительствами некоторых стран, общественными фондами и религиозными

благотворительными организациями, а также частными жертвователями. Большая часть этих денег поступает из некоторых стран Европы и США, в основном от организаций, действующих под лозунгами защиты прав человека, гуманитарной помощи, демократии и мира, которые освобождаются от налоговых сборов. Ячейки активистов ДБИС также получают взносы через частные фонды, и транзакции определяются как благотворительные средства, что позволяет физическим лицам, поддерживающим санкции против Израиля, скрыть за завесой анонимности свои пожертвования и освободить их от налогов.

Среди спонсоров различных НПО, присоединившихся к ДБИС, выделяются такие страны ЕС, как Испания, Ирландия, Франция, Германия, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Дания, а также Великобритания. К примеру, Евросоюз перечислил Профсоюзу сельскохозяйственных рабочих комитетов в период с 2016 по 2019 г. 10 млн евро, а профсоюзам сферы здравоохранения – за этот же период 3 млн евро [*At the Fore Front*, 2020, p. 10]. Оба профсоюза являются ассоциированными членами ДБИС. Частные фонды жертвуют миллионы долларов и евро НПО со всего мира на антиизраильские кампании. Так, только одна из сотен антивоенных НПО War on Want («Война против нужды»), позиционирующая себя как движение против глобального неравенства, беззакония и нищеты и активно участвующая в акциях, инициированных ДБИС, получила от спонсоров в 2018–2019 ф. г. 1,6 млн долл. [*War on Want*, 2020]. Некоторые религиозные благотворительные организации участвуют в финансировании антиизраильских политических и пропагандистских кампаний. Известно, что такие католические организации, как ирландская Christian Aid, голландская Cordaid, шведская Diakonia, испанская Ecumenical Accompaniment Programme in Palestine and Israel (EAPPI) получают от Евросоюза сотни миллионов евро ежегодно, но эти же организации входят в число спонсоров ДБИС.

Частный фонд Rockefeller Brothers Fund (RBF) ежегодно с 2013 г. направляет 1 млн долл. группам, выступающим в поддержку бойкота Израиля. Этот же фонд передал более 3,7 млн долл. американо-еврейской организации J Street, активисты которой были замечены в совместных манифестациях со сторонниками ДБИС [*May*, 2020, p. 18]. Донором ряда антиизраильских НПО в США является фонд Вестчестерского комитета мирных действий (WESPAC), базирующийся в Уайт-Плейнс, штат Нью-Йорк.

ФОРМЫ ПРОТЕСТА

ДБИС фокусирует на свою работу на трех основных направлениях. Первое – это организация мирных демонстраций, маршей, митингов, пикетов, флешмобов с призывами к общественности избегать покупки товаров, произведенных израильскими компаниями или компаниями, которые сотрудничают с Израилем. Второе направление деятельности – распространение петиций, обращенных к руководству банков, международных фондов, крупных корпораций и бизнес-структур, с призывами не инвестировать средства в экономику Израиля. Третье – это распространение через все общедоступные СМИ обращений к мировым правительствам, ведущим международным организациям, объединениям и форумам с требованием ввести санкции против Израиля, прекратить поставки вооружений, аннулировать соглашения о свободной торговле и приостановить членство Израиля в ведущих международных организациях.

В рамках деятельности движения как на палестинских территориях, так и за рубежом, можно выделить несколько координационных и вполне самостоятельных центров. Так, Кампания солидарности с Палестиной (PSC), насчитывающая более 3 тыс. членов и около 40 отделений, является центральной сетевой организацией со штаб-квартирой в Лондоне. По некоторым оценкам, PSC играет значительную роль в продвижении призывов к бойко-

ту Израиля и иных инициатив по делегитимизации этого государства в университетских кампусах, академических сообществах, парламенте, религиозных объединениях и тред-юнионах Великобритании [Murciano, 2020, p. 16]. Форум веб-сайта «Электронная интифада», имеющий несколько десятков тысяч подписчиков, формирует интерактивное сообщество единомышленников. С 2002 г. проводится ежегодная конференция «Международная кампания против США и сионистской оккупации», которая собирает сотни активистов радикального антиглобалистского движения, антивоенных и правозащитных организаций, антиссионистских и антиизраильских объединений.

Кроме того, с 2005 г. проводится «Неделя борьбы против израильского апартеида» – серия ежегодных международных мероприятий, которые организуются одновременно в университетских городках и других общественных местах по всей Северной Америке и Европе.

Целевая аудитория сторонников делегитимизации Израиля достаточно пестра, помимо мусульман – сторонников радикального ислама, цели ДБИС разделяют многие студенты в университетских кампусах, представители академического сообщества, прихожане некоторых католических и протестантских церквей, тред-юнионы Европы и Северной Америки [Stiller, 2017, p. 5].

НАИБОЛЕЕ РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ АКЦИИ ДБИС

В 2009 г. кампанию бойкота, развернутую ДБИС против израильских компаний и предприятий, сотрудничающих с израильскими бизнес-структурами, поддержала старейшая феминистская антивоенная организация Code Pink Stolen Beauty: Women for Peace («Код розовый: женщины за мир», сокращенно – CODEPINK). Через свою мощную медиасистему она стала призывать своих единомышленников не покупать косметику израильского бренда Ahava и продукцию крупнейшего производителя товаров пищевой промышленности Израиля Strauss Group.

С ноября 2008 г. ДБИС повело наступление на французские транснациональные корпорации Veolia и Alstom, выигравшие тендер на строительство в Иерусалиме наземного метро, значительная часть маршрута которого пролегает на оккупированной Израилем в июне 1967 г. территории. В результате бойкота акции Veolia в Европе и США резко упали в цене и убытки составили к 2015 г. около 20 млрд долл. Руководство компании приняло решение полностью свернуть бизнес в Израиле [Boycott Movement Claims, 2015]. В 2012 г. Ассоциация пенсионных фондов работников американских академических, научно-исследовательских, медицинских и культурных учреждений (TIAA-CREF) с ежегодным оборотом 32 млрд долл. исключила за сотрудничество с Израилем из рядов своих институциональных инвесторов компанию Caterpillar, в результате чего та потеряла 72 млн долл. и обанкротилась [Caterpillar Bulldozed off, 2012].

С 2012 г. мишенью многих групп поддержки ДБИС стала датско-британская охранный компания G4S. В апреле 2012 г. Европейский парламент отказался продлить контракт с G4S, сославшись на причастность компании к нарушениям международного права. В 2014 г. Фонд Б. Гейтса вывел из G4S свои активы на сумму 170 млн долл., а вскоре директорат компании принял решение свернуть деятельность своего израильского филиала [G4S Sells, 2016].

В 2014 г. отделение ДБИС в Южной Африке развернуло по всей стране кампанию бойкота розничной торговой сети Woolworths, являвшейся ретейлером товаров израильской пищевой промышленности. Кампания завершилась в середине 2016 г., когда руководство Woolworths проинформировало своих акционеров о том, что больше не будет приобретать

для перепродажи товары, произведенные еврейскими поселенцами на оккупированных территориях [Burton, 2018, p. 137].

В 2016 г. ДБИС инициировало новую акцию, которая проходит под лозунгом «Израилью – красная карточка». Цель акции – исключить Израиль из ФИФА за дискриминационную политику в отношении палестинского футбола. Исключить Израиль из международной футбольной федерации не удалось, но многие известные спортивные бренды понесли в результате этой акции серьезные убытки. В сентябре 2018 г. 140 европейских артистов (в том числе шесть израильтян) подписали открытое письмо в поддержку бойкота музыкального конкурса Евровидения, проводившегося в Тель-Авиве.

ПОДДЕРЖКА ДБИС ПРОФСОЮЗАМИ И МУНИЦИПАЛИТЕТАМИ

В сентябре 2009 г. Конгресс тред-юнионов Великобритании и Конгресс тред-юнионов Северной Ирландии в ответ на вторжение израильских войск в Газу призвали население бойкотировать израильские товары, произведенные на оккупированных территориях [Trade unionists, 2009]. По этой же причине шведские и норвежские докеры отказались разгружать израильские суда. В результате кампании бойкота, организованной в 2012 г. Ассоциацией британских потребительских кооперативов, израильские компании, работающие в сфере экспортных поставок, понесли убытки в размере 350 тыс. фунтов стерлингов [MacWeigh, Sherwood, 2012]. Из-за бойкота в Англии и скандинавских странах товаров, произведенных в поселениях, только израильским компаниям в поселениях Иорданской долины был нанесен ущерб в размере 15% от общего объема экспорта.

В апреле 2014 г. Национальный союз учителей Великобритании, крупнейший профсоюз учителей в ЕС, принял резолюцию, поддерживающую бойкот против Израиля. В июле того же года британский профсоюз Unite the Union проголосовал за присоединение к BDS. В апреле 2017 г. профсоюзы всех влиятельных стран Евросоюза решительно отвергли новую ближневосточную инициативу Трампа. Конфедерация национальных синдикатов (Квебек, Канада), представляющая 325 000 членов и почти 2 000 профсоюзов, поддержала введение эмбарго на поставку военной техники в Израиль.

Попытки ДБИС привлечь тред-юнионы США к кампании бойкота Израиля не увенчались успехом, поскольку в американской профсоюзной среде очень сильны позиции Гистадрута (Всеобщая федерация рабочих Израиля) и Еврейского комитета труда (JLC) [May, 2020 p. 33]. Более того, подавляющее большинство американских профсоюзов осудили изоляционистскую политику в отношении Израиля.

УЧАСТИЕ НЕКОТОРЫХ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В КАМПАНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ИЗОЛЯЦИИ ИЗРАИЛЯ

Кампания с призывами к христианским церквям и другим организациям, обладающим крупными финансовыми активами, не вкладывать средства в экономику Израиля и компании, сотрудничающие с израильским бизнесом, была запущена первым чернокожим епископом в ЮАР и активным борцом с апартеидом Десмондом Туту [Tutu, Urbina, 2002].

В июле 2004 г. пресвитерианская церковь в США, насчитывающая 2,4 млн прихожан и управляющая инвестиционными фондами на общую сумму около 7 млрд долл., начала процесс поэтапного изъятия капиталовложений из многонациональных корпораций, имеющих свои представительства в Израиле [Coorertman, 2004]. Позже пресвитерианская церковь несколько смягчила свою инвестиционную позицию в отношении Израиля, но по-прежнему бойкотирует компании, которые поставляют в эту страну оборудование и

технику, прямо или косвенно связанные с военным производством. В феврале 2005 г. Центральный комитет Всемирного совета церквей в Женеве (представляет интересы около 400 млн христиан из 100 стран) поддержал инвестиционную политику пресвитерианской церкви США в отношении Израиля и его торгово-экономических партнеров. В июне 2005 г. Конференция Объединенной методистской церкви Новой Англии (около 12 млн прихожан) проголосовала за принятие резолюции, в которой содержался призыв к компаниям, которые поддерживают израильскую оккупацию палестинских территорий, отказаться от деятельности на этом направлении.

На территории самой Палестины священник англиканской пресвитерианской церкви Наим Атик основал в 2004 г. Вселенский Центр теологии Сабиль (Источник) за освобождение Западного берега, который призывает христианских паломников оказывать поддержку ДБИС [*The Jerusalem Sabeel Document*, 2004]. Сейчас отделения Друзей Центра Сабиль имеются в США, Канаде, Австралии и восьми странах Евросоюза. Они получают дотации от сотен христианских церквей.

Отметим, что ущерб, нанесенный Израилю в результате изоляционистской инвестиционной кампании, запущенной с благословения некоторых западных христианских церквей и церковных экуменических объединений, носит спорадический и малоэффективный характер. Дэвид Мэй, американский экономист, исследователь-аналитик Вашингтонского Фонда защиты демократий пришел к выводу, что большинство христианских церквей делают громкие заявления, которые не подкрепляются никакими конкретными действиями [May, 2020 p. 33].

АКАДЕМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ БОЙКОТ ИЗРАИЛЯ

Лидеры ДБИС подчеркивали, что академический бойкот оправдан, поскольку современные системы вооружений и военные доктрины, используемые израильскими ВС против палестинцев, разрабатываются в израильских университетах, которые также используют экономические преференции и льготные стипендии для студентов, служивших в армии [Morrison, 2015, p. 255]. Как и культурный бойкот, академический бойкот, с их точки зрения, нацелен только на израильские учреждения, а не на отдельных представителей творческой интеллигенции [Isaac et al., 2015, p. 155].

К кампании академического бойкота присоединились такие известные научные центры США, как Ассоциация американских исследований (ASA), Американская антропологическая ассоциация (AAA), Ассоциация азиатско-американских исследований (AAAS), Ассоциация гуманистической социологии (AHS), Национальная ассоциация исследований чикана и чикано (NACCS), Ассоциация исследований коренных американцев и коренных народов (NAIS), Ассоциация изучения Ближнего Востока (MESA), Национальная ассоциация женских исследований (NWSA), а также десятки других научных и студенческих сообществ.

В апреле 2013 г. Ассоциация азиатско-американских исследований (AAAS) проголосовала за бойкот израильских университетов и академических институтов. В декабре к нему присоединилась Ассоциация американских исследований (ASA). Израиль – единственная страна, которую бойкотировала ASA за более полувека существования организации. Решение ASA привело к расколу организации, и ее покинули почти все авторитетные вузы США. Вместе с тем многие университеты США, в том числе те, которые входят в Лигу плюща, проголосовали за изъятие принадлежащих вузам акций компаний, сотрудничающих с Израилем [*The Case for Sanctions*, 2012, p. 66].

Кампания академического бойкота Израиля в США пошла на убыль после принятия двух федеральных законов. Закон о запрете бойкотов в отношении Израиля от 2017 г. пред-

ставлял собой поправку к Федеральному Закону об урегулировании экспорта от 1979 г. Эта поправка запрещала партнерам США при осуществлении *экспортных операций* предпринимать какие-либо меры экономического или санкционного давления на Израиль. Другой Закон о борьбе с BDS, тоже от 2017 г., позволяет правительству штата или органам местного самоуправления применять меры по отчуждению активов, запрещению инвестировать активы или отказу от заключения договоров с: (1) организацией, которая участвует в бойкоте, изоляционистских кампаниях или санкционной деятельности против Израиля или (2) с группой организаций, в которой одна из организаций принимает участие в движении BDS [Zanotti et al., 2017, p. 10]. По состоянию на 2020 г. в 32 штатах действуют законы, запрещающие бойкот против Израиля и компаний, сотрудничающих с ним.

Помимо США, ДБИС удалось привлечь к кампании академического бойкота все университеты ЮАР и ряд вузов Канады, Австралии, Италии и Ирландии.

Самым серьезным проявлением недовольства Брюсселя поселенческой политикой Израиля стала директива, устанавливающая, что все соглашения между Израилем и Евросоюзом, касающиеся грантов, стипендий, премий, льготных кредитов и программ, финансируемых ЕС, должны содержать недвусмысленное и конкретное указание на их неприменимость к территориям, оккупированным Израилем в 1967 г. Эта директива Евросоюза вызвала жесткую реакцию со стороны израильских властей. Правительство Б. Нетаньяху приняло решение резко ограничить передвижение представителей ЕС, ООН и западных правозащитных организаций по палестинским территориям.

Бойкот Израиля поддерживали многие прославленные по всему миру деятели культуры. В одной только Великобритании более тысячи артистов и художников отказались от гастролей в Израиле. Но, как и прочие формы давления на Израиль, используемые ДБИС, они, если и нанесли какой-либо ущерб Израилю, то этот ущерб был минимальным и незначительным. Многие знаковые фигуры в западной культурной элите не только не поддерживали призывы бойкотировать Израиль, но и обвинили активистов ДБИС в предвзятости и антисемитизме.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИЗРАИЛЯ ДБИС

Израильское политическое руководство, понятно, отнеслось к ДБИС с момента его организационного оформления как к «враждебному образованию». В своих выступлениях премьер-министр Б. Нетаньяху, перефразируя три буквы аббревиатуры BDS, называет это движение не иначе как «мракобесие» (bigotry), «лживость» (dishonesty), «стыд» (shame) [Boycotts, 2018, p. 2]. Президент Израиля Р. Ривлин сравнил антиизраильские кампании ДБИС с насилием и подстрекательством [Rivlin, 2016].

Сразу после окончания конференции в Дурбане была создана в 2002 г. в Иерусалиме независимая организация NGO Monitor. Ее основная цель – сбор информации и подготовка критических докладов о международных правозащитных и антивоенных движениях, которые выступают с призывами к бойкоту и изоляции Израиля. Доклады NGO Monitor были вынесены на обсуждение в Кнессете, Конгрессе США, а также в парламентах Великобритании, Ирландии и Евросоюза. В январе 2010 г. эта израильская неправительственная организация подала в Европейский суд жалобу с требованием обеспечить прозрачность финансирования 116 европейских НПО.

Также по инициативе Израиля и сионистских организаций, поддерживающих его за рубежом, в учебных и научных заведениях, профсоюзах, ассоциациях, объединениях и клубах бизнесменов, артистов и других деятелей культуры, журналистов были созданы сотни альтернативных ДБИС движений под общим названием «Международные организации

друзей Израиля», проводящие собственные кампании против делегитимизации государства Израиль. Наиболее серьезный удар по ДБИС Израиль и ВСО нанесли в 2010 г., когда был создан представительный международный альянс «Инициатива друзей Израиля» (Friends of Israel Initiative). Это движение под лозунгом «Поддержи Израиль, защити Запад!» возглавляет бывший премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар. Среди учредителей произраильской инициативы значились имена бывшего президента Чехии В. Гавела, посла США в ООН Дж. Болтона, лауреата Нобелевской премии мира Д. Тримбла, бывшего министра иностранных дел Нидерландов У. Розенталя, бывшего премьер-министра Австралии Дж. Ховарда, бывшего премьер-министра Канады С. Харпера, бывшего министра иностранных дел Италии Дж. Терзи и многих других известных политиков. Во многом в результате деятельности именно этой организации парламенты Австрии, Канады, Австралии, Чехии, Германии, Испании, Франции, а также Палата представителей Конгресса США, приняли резолюции, осуждающие действия сторонников изоляции Израиля. В декабре 2019 г. правительство британских консерваторов во главе с премьер-министром Б. Джонсоном объявило, что будет продвигать закон, запрещающий местным советам поддерживать ДБИС.

В самом Израиле еще в июле 2011 г. Кнессет большинством голосов принял Закон о предотвращении нанесения ущерба государству Израиль посредством бойкота. Закон гласит, что отдельным лицам или организациям, которые публично призывают к экономическому, культурному или академическому бойкоту против физического или юридического лица только из-за их принадлежности к Государству Израиль и/или израильскому институту и/или к определенному району, находящемуся под израильским контролем, им может быть предъявлен гражданский иск стороной, утверждающей, что такой бойкот может причинить ей ущерб [Хок ли-мниат а-пгиа, 2011].

В 2017 г. Израиль принял поправку № 28 к Закону о въезде в Израиль от 1952 г. В нынешней его редакции закон запрещает иностранцам, поддерживающим кампании бойкота Израиля, въезд в страну или на территорию, где расположены израильские поселения [Хок а-книса ле-Израэль, 2017].

В середине 2015 г., когда все европейские кампании отказались сотрудничать с поселенческим сектором на Западном берегу, израильские политики стали относиться к ненасильственному движению бойкота как к «стратегической угрозе». Министру стратегического планирования Г. Эрдану было поручено развернуть ответную кампанию противодействия под лозунгом «Уничтожить BDS» с привлечением спецслужб, военной и внешней разведки. На реализацию программы было выделено из бюджета 100 млн шекелей (28 млн долл.) [Shrinking Space, 2018, p. 7]. Большая часть этих средств была потрачена на размещение в израильской и зарубежной прессе статей, дискредитирующих сторонников делегитимизации и изоляции Израиля [Oren, 2016]. 1 марта 2017 г. Г. Эрдан объявил о плане создания базы данных лиц, поддерживающих ДБИС. Вскоре министерство стратегического планирования распространило список из 20 организаций, аффилированных с ДБИС, членам которых запрещен въезд в Израиль [Landau 2018]. На основании этого документа было отказано во въезде членам Американского комитета Друзей на службе обществу, квакерской организации, удостоенной Нобелевской премии мира за спасение евреев в годы Второй мировой войны, а также двум конгрессменам США с дипломатическими паспортами и шестнадцати французским политикам и членам Европарламента.

В 2018 г. израильские университеты приняли новый этический кодекс, согласно которому преподавателям запрещается призывать к бойкоту Израиля или участвовать в акциях под лозунгами BDS [Bachner, 2018].

В феврале 2019 г. министерство стратегического планирования Израиля опубликовало доклад, в котором 42 палестинские и международные НПО из почти 300 организаций,

поддерживающих ДБИС, обвинялись в сотрудничестве с террористическими формированиями, в том числе ХАМАС, Народным фронтом освобождения Палестины, «Хизбаллой» и иранским Корпусом стражей исламской революции («Аль-Кудс») [*Terrorists in Suits*, p. 5–6].

Специальный докладчик Генерального секретаря ООН по вопросу о положении в области прав человека на палестинских территориях М. Линк в своем ежегодном выступлении на сессии ГА ООН подчеркнул, что израильские законодательные инициативы о борьбе с бойкотом «серьезно ограничили возможности правозащитников выполнять свою законную работу, обеспечивать защиту и призывать к прекращению нарушений прав человека на оккупированной палестинской территории» [*Report of the Special Rapporteur*, 2019, p. 7–8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На волне разразившейся в самом начале миллениума интифады Аль-Акса гражданское общество палестинских арабов обратилось к международному сообществу с призывом положить конец израильской оккупации. При этом сторонники ДБИС сравнивали режим, навязанный Израилем палестинскому населению Западного берега и сектора Газа, с политической расовой сегрегацией, проводившейся в ЮАР с 1948 по 1994 г. Главная цель движения – ненасильственные акции убеждения населения всего мира отказаться от приобретения израильских товаров, а также любых форм сотрудничества с израильскими компаниями, вузами, культурными и научными учреждениями. Пик активности ДБИС – период с 2005 по 2015 г. Как только кампания по делигитимизации Израиля стала отрицательно влиять на его международный имидж и наносить ущерб экономике, все силы израильской политической системы, международного сионистского движения и групп лоббирования израильских интересов были мобилизованы на борьбу с ДБИС.

Раскрученной израильским истеблишментом в начале второй декады XXI в. мощной кампании по дискредитации ДБИС удалось сформировать через влиятельные в западном мире СМИ представление о том, что эта организация по своей сути вовсе не является антивоенным и правозащитным движением, а на деле служит идеалам антисемитизма с его основным императивом – «уничтожить евреев» и «сбросить Израиль в море». В результате активного противодействия Израиля, ВСО и политической элиты в США, Канаде, Австралии, странах Евросоюза, т.е. там, где были сосредоточены основные ресурсы сторонников идей бойкота, изоляции и применения санкций в отношении Израиля, ДБИС так и не смогла выйти за рамки маргинального статуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

At the Fore Front. Jerusalem: NGO Monitor Annual Report 2019, 2020.

Bachner M. Universities Urged to Enforce Code Banning Politics in Lectures. *The Times of Israel*, March 25, 2018. <https://www.timesofisrael.com/israel-approves-code-banning-partisan-politics-from-academic-classrooms/> (accessed: 04.05.2021).

Boycott Movement Claims Victory as Veolia Ends All Investment in Israel. *Newsweek*, 09.01.2015. <https://www.newsweek.com/boycott-movement-claims-victory-veolia-ends-all-investment-israel-332337> (accessed: 04.05.2021).

Boycotts Past and Present: From the American Revolution to the Campaign to Boycott Israel. Ed. D. Feldman. Berlin: Springer, 2018.

Burton G. *Rising Powers and the Arab–Israeli Conflict since 1947*. Lanham, Maryland, USA: Lexington Books, 2018.

Call for Academic and Cultural Boycott of Israel. Ramallah, Palestine: Palestinian Campaign for the Academic and Cultural Boycott of Israel (PACBI), April 24, 2004. <https://bdsmovement.net/pacbi/pacbi-call> (accessed: 04.05.2021).

Caterpillar Bulldozed off Investment List because of Sales to Israeli Army. *Times of Israel*, 27.06.2012. <https://www.timesofisrael.com/caterpillar-inc-bulldozed-off-investment-list-because-of-idf/> (accessed: 04.05.2021).

Cooperman A. Israel Divestiture Spurs Clash. Jewish Leaders Condemn Move by Presbyterian Church. *Washington Post*, 29.09.2004. <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A58039-2004Sep28.html> (accessed: 04.05.2021).

Fleischmann L. *The Israeli Peace Movement: Anti-Occupation Activism and Human Rights since the Al-Aqsa Intifada*. London: Bloomsbury Publishing, 2019.

G4S Sells Israel Operation for \$110 Million, Denies BDS Pressure. *Haaretz*, 02.12.2016. <https://www.haaretz.com/israel-news/business/g4s-sells-israel-operation-for-110-million-denies-bds-pressure-1.5469060> (accessed: 04.05.2021).

Hickey T., Marfleet P. The South Africa Moment: Palestine, Israel and the Boycott. *International Socialism – A Quarterly Journal of Socialist Theory*. Vol. 128, October 2010. Pp. 31–55.

Isaac R.K., Hall C.M., Higgins-Desbiolles F. *The Politics and Power of Tourism in Palestine*. London: Routledge, 2015.

Landau N. Israel Publishes BDS Blacklist: These Are the 20 Groups Whose Members Will Be Denied Entry. *Haaretz*, 16.01.2018. <https://www.haaretz.com/israel-news/israel-publishes-bds-blacklist-these-20-groups-will-be-denied-entry-1.5729880> (accessed: 04.05.2021).

MacWeigh T., Sherwood H. Co-op Boycotts Exports from Israel's West Bank Settlements, *The Guardian*, 29.04.2012. <https://www.theguardian.com/world/2012/apr/29/co-op-israel-west-bank-boycott> (accessed: 04.05.2021).

May D. *War by Other Means. A History of Anti-Israel Boycotts, From the Arab League to BDS*. Washington: The Foundation for Defence of Democracies, 2020.

Morrison S. *The Boycott, Divestment, and Sanctions Movement: Activism across Borders for Palestinian Justice*. London: A Thesis Submitted to the Department of Government of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy, 2015.

Murciano G. *Unpacking the Global Campaign to Delegitimize Israel. Drawing the Line between Criticism of Israel and Denying its Legitimacy*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs. Stiftung Wissenschaft und Politik Research Paper No7, June 2020.

Nelson C. *Israel Denial: Anti-Zionism, Anti-Semitism, & the Faculty Campaign Against the Jewish State*. Bloomington, Indiana, USA: Indiana University Press, 2019.

Oren A. Israel Setting Up 'Dirty Tricks' Unit to Find, Spread Dirt on BDS Groups *Haaretz*, 20.07.2016. <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-israel-setting-up-dirty-tricks-unit-to-spread-dirt-on-bds-groups-1.5397740> (accessed: 04.05.2021).

Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967. The UN Human Rights Council. Fortieth session 25 February – 22 March 2019. Document of UNISPAL A/HRC/40/73, March 15, 2019, 40 p.

Report of the World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance. Durban, South Africa, 31 August – 8 September 2001. Official Document – United Nations A/CONF.189/12.

Rivlin R. Taking down BDS. *Ediot Ahronot*, 28.03.2016. <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4784050,00.html> (accessed: 04.05.2021).

Shindler C. *The Hebrew Republic: Israel's Return to History*. Lanham, Maryland, USA: Rowman & Littlefield Publishers, 2017.

Shrinking Space and the BDS Movement. Eds. B. Ahmad, B. White, B. Phyllis, F. Barat. Washington: Transnational Institute and the Institute for Policy Studies, 2018.

Stiller K. *The Global Boycott, Divestment and Sanctions (BDS) Movement*. San Francisco, USA: Jewish Community Relations Council, 2016.

Terrorists in Suits. The Ties between NGOs Promoting BDS and Terrorist Organizations. Jerusalem: State of Israel, Ministry of Strategic Affairs, February 2019.

The Case for Sanctions against Israel. Ed. A. Lim, N. Elia (Contributer). New York: Verso pub., 2012.

The Jerusalem Sabeel Document. Principles for Just Peace in Palestine-Israel. Jerusalem: Sabeel Ecumenical Liberation Theology Center, 2004.

The Palestinian BDS National Committee's mandate and role. July 9, 2005. <https://bdsmovement.net/call> (accessed: 04.05.2021).

Trade Unionists Launch Boycott of Israeli Goods. *Belfast Telegraph*, 10.02.2009. <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/politics/trade-unionists-launch-boycott-of-israeli-goods-28469393.html> (accessed: 04.05.2021).

Tutu D., Urbina I. Israeli Apartheid. *The Nation, New-York*. No 275, July 15, 2002. <https://www.thenation.com/article/archive/against-israeli-apartheid/> (accessed: 04.05.2021).

War on Want. *Jerusalem: NGO Monitor*. October 17, 2020. https://www.ngo-monitor.org/ngos/war_on_want_uk/ (accessed: 04.05.2021).

Zanotti J. (Coordinator), Weiss M.A., Ruane R.A., Elsea J.K. *Israel and the Boycott, Divestment, and Sanctions (BDS) Movement*. Washington: Congressional Research Service Report Prepared for the Members and Committees of the US Congress, 2017.

Ziadah R. Palestine Calling: Notes on the Boycott, Divestment, and Sanctions Movement. *Apartheid in Palestine: Hard Laws and Harder Experiences*. Ed. G. Ageel. Edmonton, Canada: University of Alberta, 2015. Pp. 91–107.

Хок ли-мниат а-пгия би-Мдинат Исраэль, ушар ба-Кнессет бэ-йом 13 бэ-июли 2011. *Сэфэр а-хукум шел-Мединат Исраэль*. Иерушалаим, 2017. Карак 2304. Амуд 972–973 [Law for Prevention of Damage to State of Israel through Boycott, Approved by the Knesset on July 12, 2011. *Code of Laws of the State of Israel*. Jerusalem, 2011. Vol. 2304. Pp. 972–973 (in Hebrew)].

Хок а-книса ле-Исраэль колень тикун 28 ми-6 бе-мерц 2017. *Сэфэр а-хукум шел-Мединат Исраэль*. Иерушалаим, 2017. Карак 2610. Амуд 458 [The Entry into Israel Law as Amended on March 6, 2017, approved by the Knesset on March 6, 2017. *Code of Laws of the State of Israel*. Jerusalem, 2017, Vol. 2610. P. 458 (in Hebrew)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КРЫЛОВ Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Московского государственного института международных отношений МИД России, Москва, Россия.

Alexander V. KRYLOV, DSc (History), Professor, Leading Research Fellow, Center for Middle East Studies at Moscow State Institute of International Relations, MFA of the Russian Federation, Moscow, Russia.

СОРОКИНА Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия.

Nadezhda M. SOROKINA, PhD (History), Moscow State Institute of International Relations, MFA of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080017700-7

ОБЗОР АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА КАРА-КИТАЕВ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ¹

2021

Д.М. ТИМОХИН ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Резюме: Данное исследование посвящено анализу арабо-персидских источников домонгольского периода, содержащих информацию по истории государства кара-китаев (кара-киданей). Эта держава, образованная в 1125 г. в пределах Восточного Туркестана, не только достаточно быстро становится региональным лидером, окончательно подорвав могущество караханидских правителей, но и вмешивается в политические процессы, происходившие внутри соседних регионов. В частности, попытка кара-китаев утвердить свою власть в землях Мавераннахра приводит к их столкновению с сельджукским правителем, султаном Санджаром, чей разгром в битве на Катаванской равнине в 1141 г. послужил причиной разрушения его державы после 1153 г., роста могущества региональных лидеров, а также – усиления самого кара-китайского государства. Вплоть до начала XIII в. это политическое образование будет важнейшим соперником Хорезма и гуридского султана в борьбе за доминирование не только в Мавераннахре, но и в землях Хорасана. Лишь сокрушительные удары хорезмийцев и монголов, на фоне захвата власти в государстве кара-китаев найманами под предводительством Кушлу-хана (Кучлука), положат конец истории кара-китайской державы. Среди арабо-персидских источников при описании этого государства и его правителей исследователи преимущественно опираются на памятники монгольской эпохи, однако в этой статье мы хотели бы обратить внимание на то, каким информационным потенциалом по данной проблематике обладают более ранние сочинения. В статье представлен обзор арабо-персидских источников домонгольского периода, содержащих сведения по истории государства кара-китаев, выделены особенности их структуры и содержания, возможная историографическая преемственность в отношении описания истории кара-китаев, а также выделены аспекты истории этого государства, которые нашли свое отражение в трудах домонгольских авторов и те, что остались вне поля зрения этих средневековых историков.

Ключевые слова: кара-китай, гур-хан, Санджар, Хорезм, арабо-персидские источники, Сельджукиды, локальные династии, средневековая историография.

Для цитирования: Тимохин Д.М. Обзор арабо-персидских источников домонгольского периода по истории государства кара-китаев: особенности структуры и содержания. *Восток (Orient)*. 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017700-7

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50077.

REVIEW OF THE PRE-MONGOL ARAB-PERSIAN SOURCES ON THE HISTORY OF THE QARA KHITAI STATE: FEATURES OF THE STRUCTURE AND CONTENT

2021

DMITRY M. TIMOKHIN ^a

^a— Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9093-5269; horezm83@mail.ru

Abstract: *This study is devoted to the analysis of pre-Mongol Arab-Persian sources containing information on the history of the Qara Khitai state. This power, formed in 1125 within the borders of East Turkestan, not only quickly becomes a regional leader, finally undermining the power of the Qarakhanid rulers, but also interferes in the political processes that took place within neighboring regions. In particular, the attempt of the Qara Khitais to establish their power in the lands of Maverannahr leads to their clash with the Seljuk ruler, Sultan Sanjar, whose defeat in the battle on the Katavan plain in 1141 caused the destruction of his state after 1153, the growth of the power of regional leaders, and also the strengthening of the Qara Khitai state itself. Up to the beginning of the 13th century this political entity was the most important rival of Khorezm and the Ghurid Sultan in the struggle for dominance not only in Maverannahr, but also in the lands of Khorasan. Among the Arab-Persian sources, when describing this state and its rulers, researchers rely on the monuments of the Mongol era, but in this article we would like to draw attention to the earlier works on this issue. We make an overview of the Arab-Persian sources of the pre-Mongol period, containing information on the history of the Qara Khitai state, and highlight both the features of their structure and content, and the possible historiographical continuity in relation to the description of the history of the Qara Khitai.*

Keywords: *Qara Khitai, Gur-khan, Sanjar, Khorezm, Arab-Persian sources, Seljukids, local dynasties, medieval historiography.*

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50077.

For citation: Timokhin D.M. Review of the Pre-Mongol Arab-Persian Sources on the History of the Qara Khitai State: Features of the Structure and Content. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017700-7

Государства кара-китаев (кара-киданей), или Западное Ляо образовалось в результате гибели под натиском чжурчжэней империи Ляо, существовавшей в северо-восточном Китае с 907 г. до начала XII в. Один из представителей правящей элиты киданей, Елюй Даши, сумел спастись и создать собственное государство с центром в городе Баласагун [Бартольд, 1943, с. 33]. Эта новая держава подчинила себе огромные территории в Восточном Туркестане, а также активно вмешивалась в дела Хорасана и Мавераннахра, чьи правители вынуждены были платить дань владыке кара-китаев (гур-хану), зависимость от которого признают отдельные кочевые тюркские племена восточного Дешт-и Кыпчака [Ибн ал-Асир, 2006, с. 267–268]. В начале XIII в. власть в государстве кара-китаев захватили найманы во главе с Кушлу-ханом (Кучлуком): проводимая им непродуманная внешняя и внутренняя политика привела к разгрому этого государства монголами в 1218 г.

История державы кара-китаев обладает сравнительно богатой историографией [Агаджанов, 1969; Бартольд, 1963; Biran, 2001, p. 44–91; The Cambridge History of Inner

Asia, 2009; The Cambridge History of Iran, 1968; Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949; Howorth, 1876, p. 262–290; Klapproth, 1828, p. 294–305; Sinor, 1998, p. 227–242]. Однако даже в классических работах М. Биран [Birán, 2005] и Г.Г. Пикова [Пиков, 1989] авторское внимание в обзоре источников приковано, преимущественно, к арабо-персидским памятникам XIII в. и более поздним сочинениям. При этом специальных исследований, где бы рассматривался корпус арабо-персидских памятников домонгольского периода, содержащих информацию по истории кара-китаев, не существует. Эта статья должна структурировать все подобные тексты, и предоставить ответ на вопрос – насколько подробно историки XII в. описывали историю этой державы, на что больше всего обращали внимание и какие оценочные характеристики кара-китаев и их правителей они предлагали. Это позволит исследователям понять, насколько полно история кара-китаев излагается в домонгольских источниках по сравнению с более поздними памятниками, а также проследить связь между сведениями из двух этих групп текстов.

Среди памятников «сельджукской историографии» [*A History of Persian Literature*, 2012; Cahen, 1962, p. 59–78; 1977, p. 37–63; Peacock, 2014(1), p. 2–19; 2014(2), p. 78–91] выделим «Нусрат ал-фатра ва ‘усрат ал-фитра» ‘Имад ад-Дина Исфাহани (1125–1201) [Агаджанов, 1969, с. 19; Peacock, 2014(2), p. 78], включающий в себя сведения из более раннего «Футур заман ас-судур ва судур заман ал-футур» Ануширвана ибн Халида Кашани [ал-Хусайни, 1980, с. 10–11; *Histoire des seldjoudes*, 1889, p. XVII–XXVI; Peacock, 2014(1), p. 9]. Нами был использован текст труда Исфাহани в более позднем продолжении 1226 г. ал-Фатха ибн Али ал-Бундари «Зубдат ан-Нусра ва нухбат ал-Усра» [*Histoire des seldjoudes*, 1889, p. XXXVII]. В этом источнике нет никакой информации о формировании государства кара-китаев, однако есть сведения о сражении между войсками султана Санджара и армией кара-китаев на Катаванской равнине 1141 г. [*Histoire des seldjoudes*, 1889, p. 276–280]. У ал-Бундари, по всей видимости, были взяты исследователями сведения о тридцати тысячах павших в этом сражении мусульман [Пиков, 1989, с. 81–82]. Надо отметить, что текст Исфাহани в этой части был существенно дополнен ал-Бундари за счет сведений о поздней истории кара-китайского государства и его противостоянии с Хорезмом в годы правления ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220), а также упоминанием событий монгольского нашествия [*Histoire des seldjoudes*, 1889, p. 278–279]. У ал-Бундари «кара-китай» именуются «ал-хитай», а имена их правителей не указаны [*Histoire des seldjoudes*, 1889, p. 277–280].

В «Сельджук-намэ» Захир ад-Дина Нишапури подробно описано правление Санджара [Nishaburi, 1953, s. 44–45], а о «кара-китае» говорится при описании поражения в Катаванском сражении [Nishaburi, 1953, s. 45–46]. «Также распространился повсюду слух о неверных хитае, которые намеревались [отбить] исламские города и земли Мавераннахра у войск Хорасана, и множество верных тюркских и таджикских слуг [султана Санджара] были бы опечалены этим событием. Однако вся военная сила Ирака была разгромлена и обращена ими [кара-китае] в бегство: когда окраины того региона [Мавераннахра] взбунтовались и с мольбой обратились к неверным, армия [Санджара] проявила некоторое высокомерие и вообразила себе, что никакая сила не способна оказать им сопротивление. Сто тысяч великолепных всадников были отправлены [Санджаром] на войну, и от них исходило хвастовство и самонадеянность. Хан неверных хитаев против них отправил бесчисленное войско и тридцать четыре тысячи всадников Ирака были убиты и ранены, а из их числа – две тысячи прославленных амиров и должностных лиц, так что ни до, ни после никто не писал ни о чем подобном» [Nishaburi, 1953, s. 46]. В этом тексте потери сельджукской армии даже больше, чем отмечает Исфাহани, а сам Санджар после этого поражения вынужден был спасаться бегством [Nishaburi, 1953, s. 46]. Нишапури также

использует для обозначения «кара-китаев» выражение «хитаи», постоянно добавляя к нему эпитет «неверные», а иногда употребляя только его [Nishaburi, 1953, s. 45–46].

В «Рахат ас-судур ва аят ас-сурур» Мухаммада ибн Али Раванди [*A History of Persian Literature*, 2012, p. 152–153; Cahen, 1977, p. 59; Peacock, 2014(1), p. 10] можно найти сведения о кара-китаях, касающиеся их военных действий против Санджара. В качестве причины столкновения между ними указывается желание правителя кара-китаев овладеть землями Мавераннахра [Ravandi, 1921, s. 172]. Само же сражение на Катаванской равнине описано этим персидским историком с большими подробностями: как и Нишапури, Раванди указывает численность сельджукского войска – сто тысяч воинов [Ravandi, 1921, s. 172]. «Эль-хан неверных хитаи выступил против них с бесчисленной, как песок армией и за ним двинулась кавалерия карлуков, [численностью] тридцать четыре тысячи воинов, и войско Хорасана оказалось бессильным. Лишь три тысячи человек [спаслись] из числа тридцати четырех тысяч прославленных эмиров и высокопоставленных чиновников и столпов государства, которые были убиты. И в эту эпоху не было описано ничего подобного. [Во время сражения] Султан не решался двинуться ни вперед, ни назад. [Тогда] Тадж ад-Дин Абу ал-Фазл сказал, что если султан останется на месте и не попытается покинуть поле боя, то такое [его] упорство не будет похвальным. Султан Санджар с тремя сотнями воинов начал прорываться через войско неверных и, когда ему это удалось, с ним из того числа воинов спаслось лишь пятнадцать человек. Оттуда [он] бежал в пустыню, где нашел тюркских проводников, и сумел добраться до Балха и засел в укрепленном Термезе» [Ravandi, 1921, s. 173].

Любопытно упоминание «Эль-хана» («الخان»), поскольку в «сельджукской историографии» вообще не упоминаются имена собственные кара-китайских правителей. Издатель «Рахат ас-судур», Мухаммад Икбал, посвятил этой проблеме обширный комментарий, в котором указал иное чтение – «Ата-хан» («اتخان»), к чему склонялся и Г. Раверти в комментарии к описанию этой же битвы в «Табакат-и Насири» Джужджани [*Tabakāt-i-Nāsirī*, 1881, vol. I, p. 154, comm. 2]. Исходя из приводимых доказательств чтение «Ата-хан» все же вызывает сомнение, но стоит согласиться с мнением Мухаммада Икбала о том, что «Эль-хан» («Ата-хан») – лишь лакаб, а не имя собственное, который мог быть соотнесен как с самим гур-ханом, так и с одним из его военачальников [Ravandi, 1921, s. 172, comm. 6]. В современных исследованиях истории государства кара-китаев, как и в классических работах В.В. Бартольда [Бартольд, 1943, с. 33–34; 1963, с. 389–390], эти сведения из «Рахат ас-судур» не рассматривались, и этот вопрос остается открытым [Пиков, 1989, с. 81–82; Biran, 2005, p. 41–47]. Возвращаясь к сочинению Раванди, отметим второе упоминание сражение на Катаванской равнине при описании борьбы Санджара с правителями Гура [Ravandi, 1921, s. 176]. В тексте Раванди упоминается гуридский правитель, с которым вел войну Санджар, под именем «Хусейн ибн Хусейн», которого Мухаммад Икбал соотносит с 'Ала' ад-Дином Хусейном Джахансузом (1148–1161) [Ravandi, 1921, s. 176]. Вероятно, Раванди вновь упоминает это сражение с целью еще раз подчеркнуть его значимость или чтобы последовательно показать все неудачи Санджара, поскольку после упоминания о победе над Гуридами рассказывается пленении султана гуззами [Ravandi, 1921, s. 177].

Раванди также называет кара-китаев «хитаи», но в отличие от Нишапури в их отношении редко употребляет понятие «неверные». В «Рахат ас-судур» упоминается область «Хитай» при описании правления Малик-шаха ибн Алп-Арслана (1072–1092): речь идет о его походе против караханидского правителя Самарканда, Шамс ал-Мулка (1068–1080), и о поражении последнего [Ravandi, 1921, s. 130]. Поскольку «Рахат ас-судур» стал основой для «ал-Урада фи-л-хикайат ас-Селджукийя» Ибн ал-Низама ал-Хусайни, хотелось бы дать краткую характеристику сведений о кара-китаях в этом позднем источнике. В «ал-Урада фи-л-хикайат» также упоминается в качестве причины войны с Санджаром

претензии гур-хана на земли Мавераннахра, а также смуту в этом регионе [*Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte*, 1909, s. 97]. Ибн ал-Низам ал-Хусайни подробно описывает сбор войск султаном Санджаром, упоминая вслед за Нишапури о ста тысячах воинов в сельджукском войске [*Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte*, 1909, s. 98]. Здесь отмечается, что спастись бегством удалось лишь четырем тысячам всадников, а кара-китаи захватили затем весь Мавераннахр [*Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte*, 1909, s. 98].

Для сочинения Садр ад-Дина ал-Хусайни «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя» («Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя») основным источником информации станет упомянутый труд Исфакхани [ал-Хусайни, 1980, с. 13–14]. Сам текст «Зубдат ат-таварих» давно и хорошо известен исследователям, что не отменяет наличие дискуссионных моментов в современной историографии [ал-Хусайни, 1980, с. 13–15; Cahen, 1962, p. 70; 1977, p. 37–63]. Важным отличием сочинения ал-Хусайни от приведенных выше памятников – наличие в нем краткой характеристики державы кара-китаев, без указания имен правителей, а лишь с упоминанием титула «гур-хан» – «владыки хитаи, Хотана и На’мы» [ал-Хусайни, 1980, с. 91], чьим «веле́ниям подчинялись вплоть до границ Китая» [ал-Хусайни, 1980, с. 91]. О происхождении титула правителя кара-китаев можно найти сведения уже в классической работе В.В. Бартольда [Бартольд, 1943, с. 34], на которую ссылается и составитель перевода «Зубдат ат-таварих» [ал-Хусайни, 1980, с. 215, прим. 20]. Ал-Хусайни также описывает сражение на Катаванской равнине, указывая, что его причиной стал конфликт между султаном Санджаром и карлуками, которые кочевали в окрестностях Самарканда, в результате чего последние обратились за помощью к кара-китаям [ал-Хусайни, 1980, с. 91–92]. Схожее описание можно найти в более позднем тексте ал-Бундари [*Histoire des seldjoudes*, 1889, p. 276–277], что можно объяснить их общей опорой на сочинение Исфакхани.

У более позднего Ибн ал-Асира, также представлена эта же версия: причиной войны стали карлуки и политика Санджара в их отношении [Ибн ал-Асир, 2006, с. 245–246]. Однако в той же главе этот историк указывает, что причиной войны с кара-китаями явилось убийство по приказу Санджара сына хорезмшаха Атсыза. Последний в своих письмах станет подстрекать кара-китаев к войне с сельджукским султаном и добьется своего [Ибн ал-Асир, 2006, с. 241–242]. Наличие одновременно двух причин одного конфликта у Ибн ал-Асира свидетельствует о том, что среди памятников XII в., к которым он мог обращаться, существовала версия о подстрекательстве к войне со стороны Атсыза. Однако в приведенных памятниках «сельджукской историографии» такие сведения отсутствуют. Можно осторожно предположить, что источником второй версии мог стать не дошедший до нас «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» Ибн Фундука, к тексту которого обращался Ибн ал-Асир [Бартольд, 1973, с. 586], о чем еще скажем ниже. Возвращаясь к тексту ал-Хусайни, отметим фантастические данные о численности войска кара-китаев – 700 тысяч человек против 70 тысяч воинов Санджара [ал-Хусайни, 1980, с. 91]. Он сообщает также, что «неверный Гюр-хан овладел Мавераннахром, и здесь возникло государство хитаи» [ал-Хусайни, 1980, с. 91], но эти земли были подчинены уже существовавшей державой кара-китаев. При этом ал-Хусайни приводит эпизод, отсутствующий в других текстах «сельджукской историографии», в котором гур-хан позволяет Санджару беспрепятственно спастись с поля боя [ал-Хусайни, 1980, с. 92–93].

К «сельджукской историографии» можно отнести «Тарих ал-Вузара» («Зайл-и Нафзат ал-Масдур») Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми [Тимохин, 2020, с. 98–108], где кара-китаи упоминаются лишь однажды [al-Qummi, 1985/1363, s. 233–235]. Здесь при описании противостояния Санджара и гуззов [al-Qummi, 1985/1363, s. 233–234] сказано о том, что последние были покорены кара-китаями [al-Qummi, 1985/1363, s. 235]. Об этом же пишет

Ибн ал-Асир, подчеркивая, что действия кара-китаев спровоцировали миграцию гуззов в пределы Хорасана, которая закончилась их победой над армией Санджара [Ибн ал-Асир, 2006, с. 250–252]. Следует добавить, что, отмеченный нами [Тимохин, 2020, с. 98–108] рассказ ал-Кумми о поддержке хорезмшаха Текиша со стороны «тюрок» может быть связан с кара-китаями, с учетом того, что отдельные авторы называют их именно так [al-Qummi, 1985/1363, s. 235].

Вне традиции «сельджукской историографии» отметим «ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам» Абу-л-Фараджа Ибн ал-Джаузи, доведенный автором до 1179 г. [Бунятов, 1978, с. 7; ал-Хусайни, 1980, с. 9]. Здесь важным является рассказ о битве на Катаванской равнине, которую Ибн ал-Джаузи относит к событиям 536 г.х. (1141–1142 г.) [Ibn al-Jawzi, 1992, j. 18, s. 19]. Ибн ал-Джаузи не использует термин «кара-китай», заменив его «неверными тюрками», [Ibn al-Jawzi, 1992, j. 18, s. 19], а само сражение им не локализовано, даже не привязано к Самарканду, как у других авторов [Ibn al-Jawzi, 1992, j. 18, s. 19]. Упоминаются потери сельджукского войска: одиннадцать тысяч человек, а также четыре тысячи женщин [Ibn al-Jawzi, 1992, j. 18, s. 19], что соотносится с данными «сельджукской историографии», за исключением убитых в этом сражении женщин. После перечисления потерь арабский историк отмечает причины сражения: «И рассказывают, что насчитали одиннадцать тысяч убитых [в этом сражении], носящих тюрбан, и четыре тысячи женщин, а [произошло] это потому, что Санджар убил брата хорезмшаха, поэтому Хорезм перешел в подданство к неверному Тюрку. Между ними был заключен союз, скрепленный браком, и он [гур-хан] пошел к хорезмшаху на помощь с тремястами тысячами воинов, а Санджар выступил против него со ста тысячами всадников, и в итоге они разбили Санджара» [Ibn al-Jawzi, 1992, j. 18, s. 19]. Это сообщение во многом совпадает с приведенной цитатой Ибн ал-Асира, что позволяет осторожно предположить об историографической связи между этими источниками. При этом, по мнению Ибн ал-Джаузи, союз между Хорезмом и кара-китаями был скреплен династийным браком, о чем не сообщает Ибн ал-Асир [Ибн ал-Асир, 2006, с. 241–242].

Из «локальных хроник» отметим «Зайл тарих-и Димашк» Абу Йалы Хамзы ибн Асада или Ибн ал-Каланиси [Cahen, 1962, p. 59–79], в состав которого частично включен более ранний труд Хилала ибн Мухассина ас-Саби, «Тарих» (1056 г.) [ал-Хусайни, 1980, с. 8]. Текст ал-Каланиси является его своеобразным продолжением, несмотря на то, что «Зайл тарих-и Димашк», в отличие от текста ас-Саби, представляет собой именно «локальную хронику» [Ibn al-Qalanisi, 1908, p. 3–4; ал-Хусайни, 1980, с. 8]. В ней содержится массив информации о Сельджукидах вплоть до 1160 г., но о кара-китаях сведений здесь немного: ал-Каланиси упоминает в главе, посвященной событиям 536 г.х. (1141–1142 г.), сражение на Катаванской равнине между Санджаром «и между неверными тюрками, пришедшими со стороны Китая (ас-Син. – Д.Т.) в Мавераннахр с многочисленной армией» [Ibn al-Qalanisi, 1908, p. 275]. Здесь любопытны два момента: автор не употребляет термина «кара-китай», используя выражение «неверные тюрки», но при этом подчеркивает, что они пришли из Китая и захватили Мавераннахр. Перед нами редкое свидетельство о связи между «кара-китаями» и собственно Китаем на фоне упомянутых сочинений. Далее ал-Каланиси указывает, что в сражении погибли все воины султана, кроме его личной охраны, а сам он покинул поле боя и бежал в Балх [Ibn al-Qalanisi, 1908, p. 275].

Из других «локальных историй» надо отметить поздний текст Мухаммада ибн Ибрахима, в основе которого лежит сочинение XII в. Афзал ад-Дина Кермани, также являвшееся «локальной историей» [Cahen, 1977, p. 60; *A History of Persian Literature*, 2012, p. 153–154]. У Мухаммада ибн Ибрахима нет подробного рассказа об истории государства кара-китаев, однако любопытно, что он отделяет область «Хата» (خطا) от собственно «Китая» (چين), когда

пишет о формировании Сельджукской державы [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 83]. Важно отметить труд Абу Бакра Мухаммада ибн Джафара ан-Наршахи (X в.) – «Тарих-и Бухара», который за счет поздних дополнений содержит информацию о кара-китах [Nerchakhy, 1892; Наршахи, 1897; Смирнова, 1965, с. 155–180]. Здесь рассказ о сражении на Катаванской равнине включен продолжателями ан-Наршахи в раздел «Самарканд» [Nerchakhy, 1892, s. 245–252]. «После того мы наблюдаем другое гибельное время, и в благословенные списки мучеников были записаны [многие], поскольку в землях города Самарканда было осуществлено насилие. Для этого необходимо рассказать о [битве] на равнине Катавана, после которой в день Страшного суда из этих мест восстанут восемьдесят тысяч шахидов, и каждый из этих восьмидесяти тысяч шахидов будет являться заступником. И в то место (т.е. Мавераннахр. – Д.Т.) постоянно пребывали неверные, и истина этого хадиса для людей сведущих являлась неясной. Однако султан Санджар в этом месте сражался с неверными кара-китами, и множество простых людей и воинов в этом месте стали шахидами. И во времена татар множество мусульман из этих мест также стали шахидами» [Nerchakhy, 1892, s. 246]. Важно не только количество убитых, указанное продолжателем ан-Наршахи, но и сравнение последствий Катаванской битвы и монгольского нашествия.

Из более поздних текстов отметим «Тарих-и Табаристан» Ибн Исфандийара (1216/1217 г.) [*An Abridged Translation*, 1905; Ibn Isfandiyar, 1941, j. 1–4], который хорошо известен исследователям истории кара-китаев [Бунятов, 1978, с. 8; Biran, 2008, p. 69]. В этот памятник включен большой объем информации, не связанный с Табаристаном: например о военной и политической деятельности хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша в Хорасане и Мавераннахре [*An Abridged Translation*, 1905, p. 67, 204, 255–258; Ibn Isfandiyar, 1941, j. 1, s. 275; j. 2, s. 109]. Также здесь рассказывается о борьбе Хорезма за «сельджукское наследство» с гуридскими султанами, в которую вмешивались кара-китайцы [Ibn Isfandiyar, 1941, j. 2, s. 170]. Так, Ибн Исфандийар в своем труде упоминает поражение гуридских войск под Андхудом в 1204 г., когда кара-китайское войско пришло на помощь хорезмшаху ‘Ала’ ад-Дину Мухаммаду и на голову разбило Шихаб ад-Дина ал-Гури [Ibn Isfandiyar, 1941, j. 2, s. 168, 170–171]. Это редкий пример описания отношений между Хорезмом и державой кара-китаев в XIII в. в домонгольских источниках [Biran, 2008, p. 69].

Исследователи истории кара-китаев часто обращаются к «Чахар магалэ» Низами Арузи Самарканди [Biran, 2008, p. 44], представляющий собой сборник рассказов, законченный в 1156–1157 гг. [Самарканди, 1963]. Впрочем, и в нем описание кара-китаев связано с битвой на Катаванской равнине: при этом автор указывает не только на захват Самарканда армией гур-хана, но и Бухары, где кара-китами был оставлен в качестве наместника племянник хорезмшаха Атсыза – это подтверждает их связь с Хорезмом в это время [Самарканди, 1963, с. 50; *The Chahār maqāla*, 1900, p. 38–39]. Краткие сведения об этом можно найти в энциклопедии «Джами ал-улум» Фахр ад-Дина Рази [Агаджанов, 1969, с. 21], где в разделе «Тарих» приведены сведения о Сельджукидах, в том числе о сражении Санджара с кара-китами и его последствиях [al-Rāzi, 1888, s. 127]. О Катаванской битве сообщает в историко-географическом сочинении «Китаб ал-ансаб» Абу Са‘д ас-Сам‘ани (1113–1167), который уделяет этому раздел «Катаван» [al-Sam‘ani, 1962, j. 10, s. 196–197]. Исследователи отмечают, что «...ас-Сам‘ани упоминает массовое убийство мусульман в селении Катаван в пяти фарсах от Самарканда» [Камалидинов, 1993, с. 138]. Также Ш.С. Камалидинов указывает, что такие сведения можно найти в еще одной «локальной истории» XII в. – «ал-Канд фи-тарих улама Самарканд» Наджм ад-Дина ан-Насафи [Камалидинов, 1993, с. 138]. Однако у ан-Насафи говорится лишь о захоронении погибших в Катаванском сражении на кладбище Джакардиз в Самарканде [ан-Насафи, 1906, с. 265].

В «Таба'и' ал-хайаван» Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази (1056/1057–1124/1125) есть данные о влиянии киданей на Восточный Туркестан до крушения империи Ляо [Marvazi, 1942, p. 14, 15, 17, 29], а также о дипломатических контактах между ее правителями и Махмудом Газневи [Marvazi, 1942, p. 19–20]. Если ал-Марвази неоднократно подчеркивает существование двух регионов «Хитайи» и «Шини» [Marvazi, 1942, p. 14–15], то анонимный автор «Муджал ат-таварих ва-л-кысас» употребляет лишь один политоним, «Чин» («Шин»), приводя при этом любопытную легенду об образовании этой державы [Mujmal at-tavarih, 1318, s. 99]. Поскольку текст «Муджал ат-таварих» был закончен к 520/1126 г., в нем отсутствует описание борьбы Санджара и кара-китаев [Mujmal at-tavarih, 1318, s. 411–415], но «рукопись оканчивается рассказом о разрушении огузами Нишапура после взятия в плен султана Синджара (1153 г.); очевидно, рассказ прибавлен впоследствии или самим автором, или другим лицом» [Бартольд, 1963, с. 72–73].

В «Джахан-наме» (нач. XIII в.) Мухаммада ибн Наджиба Бекрана [Бакран, 1960, с. 5–22; *Материалы*, 1973, с. 46–47; Борщевский, 1974, с. 52–66] в разделе «О переселении некоторых народов со своих мест» есть сведения о кара-китаях, где автор указывает, что «последний эмир (киданей. – Д.Т.) был падишахом Чина, оттуда выступил по причине...², двигался и вел по дороге войны и таким образом дошел до пределов Баласагуна; там им (хитаем. – Д.Т.) никто не оказал сопротивления, и они там поселились. И затем им изменили слово Кита и назвали себя здесь Куту, а простой народ называл себя Хита, произнося это по ошибке» [*Материалы*, 1973, с. 50]. Перед нами важный рассказ о формировании государства кара-китаев, но автор «Джахан-наме» не сообщает в данном случае своих источников, а в приведенных выше сочинениях XII в. подобных сведений нет. При этом самый ранний из историков монгольского периода, Ибн ал-Асир, сообщающий о формировании данной державы, приводит гораздо более подробный рассказ в отличие от «Джахан-наме» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 244–245].

В сборниках документов и писем XII в. можно найти ценные сведения о дипломатических и военных контактах кара-китаев. Отметим «Инша» или «Маджму' а-йи муншаат-и 'ахд-и салджукийан ва хоразмшайхиян ва аваил-и 'ахд-и могол» [Бартольд, 1898, с. 23–47; *Материалы*, 1939, с. 314–320], сборники писем и документов Рашид ад-Дина Ватвата [Vatvat, 1960; Агаджанов, 1969, с. 21–22; См.: Бартольд, 1898], Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади [al-Bagdadi, 1937] и Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни [ал-Джувайни, 1985]. Сведения из этих источников важны, прежде всего, для понимания той катастрофы, которая постигла сельджукское государство после поражения на Катаванской равнине. В этих памятниках можно также найти сведения о борьбе хорезмшаха Текиша с кара-китаями и победе над ними [al-Bagdadi, 1937, с. 156–189]. При этом развернутого рассказа об истории кара-китайского государства, как, впрочем, и его соперников, в таких памятниках по понятным причинам нет, хотя публикацию Рашид ад-Дина Ватвата издатели снабдили биографиями, упомянутых автором исторических деятелей, среди них – рассказ о Санджаре и его борьбе с кара-китаями [Vatvat, 1960, s. 197–200].

Несмотря на то, что государство кара-китаев было сформировано в землях Восточного Туркестана к 1125 г., арабо-персидские авторы домонгольского периода за редким исключением ничего не сообщают об этом. Анализ приведенных памятников свидетельствует – обстоятельства создания этой державы, завоевательные походы в пределах Восточного Туркестана не находят в этих текстах почти никакого отражения, если не считать краткий рассказ в «Джахан-наме». Как только влияние кара-китаев начинает распространяться на земли Мавераннахра и это приводит к столкновению с султаном Санджаром в 1141 г., ара-

² Здесь в комментарии к переводу З.Н. Ворожейкина приводит تدارتسا, в издании «Джахан-наме» оно может быть прочитано и как يتداتسل [Бакран, 1960, л. 17а]. – Д.Т.

бо-персидские авторы начинают уделять внимание этой державе и ее правителям. В связи с этим исследователи при описании ранней истории кара-китайского государства обращаются либо к китайским источникам, либо к арабо-персидским памятникам монгольской эпохи. Впрочем, остается открытым вопрос, откуда черпали сведения по истории кара-китаев такие авторы, как Ибн ал-Асир: последний весьма красочно описал историю «гур-хана ас-Сини», под которым следует понимать основателя этого государства Елюй Даши [Ибн ал-Асир, 2006, с. 244–245], а также дает объяснение значения этого титула [Ибн ал-Асир, 2006, с. 244]. Предположение о том, что Ибн ал-Асир мог опираться в данном случае на недошедший до нас «Машариб ат-таджариб» Ибн Фундука сомнительно по двум причинам: частично его сведения о борьбе кара-китаев с Санджаром схожи с текстом Ибн ал-Джаузи. Также на это сочинение Ибн Фундука опирался другой поздний историк, Джувейни [Джувейни, 2004, с. 191], однако его описание формирования державы кара-китаев не соответствует сообщениям Ибн ал-Асира [Джувейни, 2004, с. 249]. Вопрос о связи между текстом последнего и данными, которые приводит в «Джахан-наме» Бекран, также на данный момент остается открытым.

Наибольший массив информации о кара-китаях в домонгольских сочинениях касается сражения на Катаванской равнине: согласно данным источников, это была настоящая катастрофа, масштабы которой многократно освещались ее современниками и потомками. Земли Мавераннахра становятся фактически зависимыми от кара-китаев, а региональные лидеры, в частности, правители Хорезма, поспешили воспользоваться слабостью Санджара: ими были присоединены новые территории и даже разграблена столица султана, город Мерв [Ибн ал-Асир, 2006, с. 248–249]. При этом подстрекательство кара-китаев к войне с Санджаром со стороны хорезмшаха Атсыза вовсе не является общим местом в домонгольских сочинениях: данные об этом есть лишь у Ибн ал-Джаузи и более позднего Ибн ал-Асира. За редким исключением, авторы домонгольского периода не сообщают практически ничего о взаимоотношениях между Хорезмом и кара-китаями, несмотря на то что именно хорезмшахи положат конец их господству в Мавераннахре и станут одним из главных участников разрушения их государства. В результате, исследователи реконструируют эти события, преимущественно на основании более поздних памятников Джувейни и Ибн ал-Асира. Домонгольские источники даже в отношении понятия «кара-китай» не единодушны: одни авторы называют их «хитаи», другие используют понятие «неверные» и даже «неверные тюрки». Тем не менее, анализ домонгольских арабо-персидских источников по истории государства кара-китаев позволяет настаивать на том, что объем приводимых ими сведений значим для исторической реконструкции. Последующие исследования в данном направлении позволят еще лучше выделить связи между памятниками, а также ответить на вопрос, на каком источниковом основании базировались описания истории кара-китаев в сочинениях монгольского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад: Ылым, 1969 [Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia in the 9th–13th Centuries.* Ashkhabad: Ylym, 1969 (in Russian)].

Бакран, Мухаммад ибн Наджиб. *Джахан-наме («Книга о мире»)*. Изд. текста, введ. и указ. Ю.Е. Борщевского. М.: ГРВЛ, 1960 [Muhammad ibn Najib Bakran. *Jahan-nameh* ("The Book of the World"). Edition of the Text, Introduction and Indexes of Yu.E. Borshchevsky. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1960 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты.* СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898 [Bartol'd V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion. Part 1. Texts.* Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1898 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Очерк истории Семиречья*. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. [Barthold V. V. *Essay on the History of Semirechye*. Frunze: Kirghizgosizdat, 1943 (in Russian)].

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963. С. 45–597 [Bartol'd V.V. *Turkestan during the Mongol Invasion*. Works. Moscow: Nauka, 1963. T. I. *Turkestan during the Mongol invasion*. Pp. 45–597 (in Russian)].

Бартольд В.В. Бейхаки, Абу-л-Хасан. *Сочинения*. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 586–587 [Bartol'd V.V. Bejhaki, Abu-l-Hasan. Works. Vol. VIII. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 586–587 (in Russian)].

Борщевский Ю.Е. «Мусульманский географ Мухаммад б. Йахия из Индии», «География» Хафиз-и Аbru, «Джахан-наме» и Мухаммад б. Бахр ар-Рухни. *Письменные памятники Востока. Ежегодник*. 1970. М.: ГРВЛ, 1974. С. 52–66 [Borshchevsky Yu.E. “Muslim geographer Muhammad b. Yahiya from India”, “Geography” by Hafiz-i Abru, “Jahan-nameh” and Muhammad b. Bahr ar-Rukhni. *Written Monuments of the East. Yearbook*. 1970. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1974. Pp. 52–66 (in Russian)].

Буниятов З.М. *Государство атабеков Азербайджана: 1136–1225 годы*. Баку: Элм, 1978 [Bunijatov Z.M. *State of the Atabeks of Azerbaijan: 1136–1225*. Baku: Elm, 1978 (in Russian)]

ал-Джувайни, Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек. *Ступени совершенствования катибов (атабат ал-катаба)*. Пер.: Г.М. Курпалидис. М.: Наука, 1985 [al-Dzhuvajni, Muntadzhab ad-Din Badi Atabek. *Levels of Improvement of Katib (atabat al-kataba)*. Transl.: G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. Пер.: Е.Е. Харитонов. М.: Магистр-Пресс, 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz Khan. The History of the Conqueror of the World*. Transl.: E.E. Haritonova. Moscow: Magistr-Press, 2004 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. *Ал-Камил фи-т-тарих*. «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камалиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006 [Ibn al-Asir. *Al-Kamil fi-t-Tarikh*. “Full Arch of the History”. Selected Passages. Transl.: P.G. Bulgakova, Sh.S. Kamoliddina. Tashkent: Uzbekistan, 2006 (in Russian)]

Камалиддинов Ш. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993 [Kamaliddinov Sh. “*Kitab al-ansab*” by Abu Sa'da 'Abd al-Karim ibn Muhammad as-Sam'ani as a Source on the History and History of the Culture of Central Asia. Tashkent: Fan, 1993 (in Russian)].

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Отв. ред. В.А. Ромодин. Вып. 1. М.: ГРВЛ, 1973. С. 46–47 [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Ed. by V.A. Romodin. Issue 1. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1973. Pp. 46–47 (in Russian)].

Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. Т. I. [Materials on the History of Turkmenistan and Turkmenistan. Vol. I. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1939 (in Russian)].

Наршахи, Мухаммад. *История Бухары*. Пер. Н. Лыкошин. Ташкент: Типо-литография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1897 [Narshakhi, Muhammad. *History of Bukhara*. Transl. N. Lykoshin. Tashkent: Tipo-litografiia torg. doma “F. and G. Br. Kamenskii”, 1897 (in Russian)].

ан-Насафи, Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад. Кандия Малая. Пер. В.Л. Вяткин. *Справочная книжка Самаркандской области*. Вып. 8. Самарканд, 1906. С. 236–290 [al-Nasafi, Abu Hafs 'Umar ibn Muhammad. The Small Kandiya Malaya. Per. V. L. Vyatkin. *Reference Book of the Samarkand Region*. Issue 8. Samarkand, 1906. Pp. 236–290 (in Russian)]

Пиков Г.Г. *Западные кидани*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989 [Pikov G.G. *Zapadnye khidani*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House, 1989 (in Russian)].

Самарканди Низами Арузи. *Собрание редкостей, или четыре беседы*. Пер.: С.И. Баевский, З.Н. Ворожейкина. М.: ГРВЛ, 1963 [Samarkand Nizami Aruzi. *A Collection of Rarities, or Four*

Conversations. Transl.: S.I. Baevsky, Z.N. Vorozheikina. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1963 (in Russian)].

Смирнова О.И. «История Бухары» Наршахи. *Краткие сообщения Института народов Азии*. № 69. *Исследование рукописей и киографов Института народов Азии*. Ред. В.Н. Никифоров. М.: ГРБЛ, 1965. С. 155–180. [Smirnova O.I. “The History of Bukhara” by Narshakhi. *Brief Reports of the Institute of Asian Peoples*. № 69. *Research of Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Asian Peoples*. Ed. V.N. Nikiforov. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1965. Pp. 155–180 (in Russian)].

Тимохин Д.М. «Тарих ал-Вузара» как источник по истории Хорезма. *Восток. Oriens*. 2020. №. 3. С. 98–108 [Timokhin D.M. «Tarikh al-Wuzara» as a Source on the History of Khorezm. *Vostok. Oriens*. 2020. No. 3. Pp. 98–108 (in Russian)].

ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа)* («Сообщения о Сельджукском государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях»). Пер. З.М. Буниятов. М.: Восточная литература, 1980 [al-Husajni, Sadr ad-Din ‘Ali. *Ahbar ad-Daulat as-Seldzhukijja (Zubdat at-tavarikh fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja)* (“Reports on the Seljuk state”. “The Cream of Chronicles about the Seljuk Emirs, and the Lords”). Transl. Z.M. Buniyatov. Moscow: Vostochnaia literatura, 1980 (in Russian)].

An Abridged Translation of the History of Tabaristan Compiled about A.H. 613 (A.D. 1216) by Muhammad b. Al-Hasan b. Isfandiyyar. Ed. by E.G. Browne. Leiden: E.J. Brill, 1905.

Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadī. *at-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 [Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadī. *Seeking Access to Business Correspondence*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 (in Persian)].

Biran M. Like a Mighty Wall: The Armies of the Qara Khitai. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. № 25 (2001). Pp. 44–91.

Biran M. *The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid Period. *Historians of the Middle East*. Ed. B. Lewis, P.M. Holt. London: Oxford University Press, 1962. Pp. 59–78.

Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid Period. Cahen Cl. *Les peuples musulmans dans l'histoire medieval*. Damas: Presses de l’Ifpo, 1977. Pp. 37–63.

The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Ed. by N. di Cosmo, A.J. Frank, P.B. Golden. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

The Cambridge History of Iran. Ed. J.A. Boyle. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

The Chahār maqāla (“Four discourses”) of Nidhāmī-i-‘Arūdī-i-Samarqandī. Transl. by E.G. Browne. London: Luzac & Co., 1900.

A History of Persian Literature. Vol. X. Persian Historiography, ed. by Ch. Mellville. London, New York: I. B. Tauris, 2012.

Das Geschenk aus des Saldschukengeschichte von dem Wesir Muhammad b. Muhammad b. Muhammad b. Abdallah b. al-Ni‘am al-Husaini al-Jazdi. Hrsg. Karl Sussheim. Leiden: E.J. Brill, 1909.

Histoire des seldjoucides de l’Iraq par al-Bondari d’après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. Recueil de textes relatifs à l’histoire des seldjoucides. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1889.

Howorth H.H. The Northern Frontagers of China. Part III. The Kara Khitai. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. Vol. 8, No. 2. 1876. Pp. 262–290.

Ibn Isfandiyyar. *Tarih-i Tabaristan*. Ed.: Abbas Iqbal. J. 1–4. Tehran: Kalaleh Khavar Press, 1941 [Ibn Isfandiyyar. *The History of Tabaristan*. Ed.: Abbas Iqbal. Vols. 1–4. Tehran: Kalaleh Khavar Press, 1941 (in Persian)].

Ibn al-Jawzi. *Al-Muntazim fi Tarikh al-maluk wa al-umam*. J. 1–19. Beyrouth: Dār al-Kutub al-‘Ilmiyah, 1992. [Ibn al-Jawzi. *Ordered [summary] on the history of the Lords and Peoples*. Vol. 1–19. Beyrouth: Dār al-Kutub al-‘Ilmiyah, 1992 (in Arabic)].

- Ibn al-Qalanisi. *History of Damascus 363–555 a.h.* Ed. with Extracts from other Histories and Summary of Contents by H.F. Amedroz. Leyden: Brill, 1908.
- Klaproth M. Sur le titre de Gour-khan. *Nouveau Journal Asiatique*. Paris, 1828. No. 11. Pp. 294–305.
- Marvazi, Sharaf al-Zaman Tahir. *On China, the Turks and India*. Arabic Text with an English Translation Commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
- Mohammad ibn Ibrahim. Tavvarih-e al-e saljouk. *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjucides*. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. I. Leiden: E.J. Brill, 1886.
- Mujmal at-tavarih va-l-kisas*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1318 [*Summary of Stories and Narratives*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1318 (in Persian)].
- Nerchakhy, Mohammed. *Description topographique et historique de Boukhara*, publ. par Ch. Schefer. Paris: Leroux, 1892.
- Nishaburi, Zahir al-Din. *Salguk-name*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1953 [Nishaburi, Zahir al-Din. *The History of Seldjuks*. Tehran: Chaphaney-e Havar Tehran, 1953 (in Persian)].
- Peacock A.C.S. Court Historiography of the Seljuk Empire in Iran and Iraq: Reflection on Content, Authorship and Language. *Iranian Studies*. 2014(1). Pp. 2–19.
- Peacock A.C.S. 'Imad al-Din Isfahani's Nusrat al-Fatra, Seljuk Politics and Ayyubid Origins. *Ferdowsi, The Mongols and the History of Iran. Art, literature and Culture from Early Islam to Qajar Persia*. London, New York: I.B. Tauris, 2014(2). Pp. 78–91.
- al-Qummi, Najm al-Din Abu l-Riza'. *Tarih al-Wuzara*. Ed.: Muhammed Taki Dânish-Pazûh. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985/1363 [al-Qummi, Najm al-Din Abu l-Riza'. *The History of Wazirs*. Ed.: Muhammed Taki Dânish-Pazûh. Tehran: Muassase-i Mutalaat va Tahkikat-i Farhangi, 1985/1363 (in Persian)].
- Ravandi, Mohammad. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. Ed: Mohammad Iqbal. Leiden – London: Luzac & Co., 1921 [Ravandi Mohammad. *Calming Hearts and a Sign of Joy*. Ed.: Mohammad Iqbal. Leiden – London: Luzac & Co., 1921 (in Persian)].
- al-Razi, Fakhr al-Din. *Jami' al-'ulum*. Ed.: Mohammad Alkarayi. Lahor: Faridbek Sial, 1988 [al-Razi Fakhr al-Din. *Collection of Sciences*. Ed.: Mohammad Alkarayi. Lahore: Faridbek Sial, 1988 (in Persian)].
- Sinor D. The Kitan and the Kara Kitay. *History of the Civilizations of Central Asia, Vol. IV: The Age of Achievement: AD 750 to the End of the Fifteenth Century*, ed. by M.S. Asimov, C.E. Bosworth. Paris: Unesco Publishing, 1998. Pp. 227–242.
- Tabakât-i-Nāṣirī*: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; Transl. from Original Persian Manuscripts by H.G. Raverty. Vol. I–II. London: Gilbert & Rivington, 1881.
- Vatvat, Rashid ad-Din. *Namehaye Rashid ad-Din Vatvat*. Ed.: Sa'īd Nafīs. Tehran: Kitabkhana-yi Barani, 1960 [Vatvat, Rashid ad-Din. *Correspondence of Rashid ad-Din Vatvat*. Ed.: Sa'īd Nafīs. Tehran: Kitabkhana-yi Barani, 1960 (in Persian)].
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. *History of Chinese Society: Liao (907–1125)*. Philadelphia: The American Philosophical Association, 1949.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior
Research Fellow, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080017591-7

ОТРЫВОК ИЗ «ДИВАНА» АЛЬ-МАКЗУНА АС-СИНДЖАРИ (НАЧ. XIII в.)¹

© 2021

А.В. САРАБЬЕВ ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru

Резюме: Обращение к поэтическому наследию средневекового поэта-мистика, эмира, шейха аль-Макзуна ас-Синджари предпринято впервые в отечественном востоковедении. Предлагаемый перевод с арабского фрагмента его поэтического произведения «Диван» снабжен вводной статьей, дающей представление о степени изученности в мировой науке литературного и богословского творчества этого нусайритского деятеля. На основании анализа употребляемых им терминов делается вывод о глубоких суфийских корнях поэзии Макзуна. В произведении центральным понятием выступает любовная близость к Богу – связь или соединение (васл, висал) с явным эротическим оттенком, употребляемая автором сознательно для выражения полноты человеческой любви к Всевышнему. С первых бейтов «Дивана» женский род божественного начала маркирован явными грамматическими формами. Таким образом, Бог предстает в этих отношениях как «труднодоступное» женское начало, исключительно по своему усмотрению оказывающее милость обожателю, то есть верующему. В этом можно усматривать переключку с библейской книгой «Песнь песней», где глубокие любовные отношения человеческой души и Бога также облечены в богатую метафорами эротическую форму. Макзун опирался в своей поэзии на образцы арабской любовной лирики: он бесстрашно использует обороты, применявшиеся доисламскими поэтами для описания страстной любви к женщине, но использует символически, перенося их в сферу богоискания. Как представитель суфизма Макзун применяет понятия, не имеющие точной аналогии в европейской традиции, например, обозначения «частей» сердца или души – калб, фуад. Некоторые понятия, встречающиеся в приводимом отрывке (сабр, хизн, ваджд, кабд, баст), помимо основных обыденных значений, могут обозначать этапы, стоянки (макамат) на духовном пути суфия. Религиозный смысл любовной касыды раскрывается посвященному в мистическую практику мусульманского богообщения, приобретающая особое религиозное наполнение. Фрагменты могли исполняться на суфийских музыкальных праздничных собраниях сама‘ или же быть частью нусайритской религиозной практики.

Ключевые слова: «Диван», аль-Макзун ас-Синджари, арабская суфийская поэзия, ближневосточная исламская мистика, суфизм, нусайризм.

Для цитирования: Сарабьев А.В. Отрывок из «Дивана» аль-Макзуна ас-Синджари (нач. XIII в.). Восток (Oriens). 2021. № 6. С. DOI: 10.31857/S086919080017591-7

¹ Статья написана в рамках проекта РФФИ 21-011-44130 «Религиозно-мистические традиции суфиев, алавитов и исмаилитов (на примере работ Абу ал-Маджда Санан, Макзуна ас-Синджари и Насира Хусрава)».

EXTRACT FROM THE “DIWAN” OF AL-MAKZOUN AL-SINJARI (BEGINNING OF THE 13TH CENTURY)

© 2021

Aleksei V. SARABIEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-9796-2411; alsaraby@ivran.ru.

Abstract: *An appeal to the poetic heritage of the medieval mystic poet, emir, sheikh al-Makzoun al-Sinjari was undertaken for the first time in Russian oriental studies. The proposed translation from the Arabic fragment of his poetic work “Divan” is supplied with an introductory article giving an idea of the degree of study in world science of the literary and theological work of this Nusayri figure. Based on the analysis of the specific terms, a conclusion is made about the deep Sufi roots of the poetry of Makzoun. In the poem, the central concept is loving intimacy to God - a connection or coupling (wasl, wisal) with a clear erotic connotation. This meaning approach it to the biblical book “Song of Songs”, where the deep love relationship of the human soul and God is also clothed in an erotic form rich in metaphors. Makzoun relied in his poetry on samples of Arabic love lyrics transferring them to the realm of God-seeking. As a representative of Sufism, Makzoun uses words in special meanings, for example, the designation of the “parts” of the heart or soul – qalb, fu’ad. Some concepts (sabr, hizn, wajd, qabd, bast), in addition to the basic meanings, can denote “stations” (makamat) on the spiritual path of a Sufi. The religious meaning of the love qasida is revealed for one practicing in a mystical Muslim way, acquiring a special religious content. Fragments may have been performed at Sufi musical festive gatherings or may have been part of a Nusayri religious practice.*

Keywords: “Diwan”, al-Makzoun as-Sinjari, Arabic Sufi poetry, Middle Eastern Islamic mysticism, Sufism, Nusayrism.

For citation: Sarabiev A.V. Extract from the “Diwan” of Al-Makzoun Al-Sinjari (Beginning of the 13th Century). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. . DOI: 10.31857/S086919080017591-7

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44130.

Обратиться к творчеству арабоязычного средневекового поэта и полководца аль-Макзуна ас-Синджари заставил научный интерес к периоду расцвета арабской мистической лирики. Религиозная поэзия арабов развивалась наравне с богатейшей поэтической традицией персоязычных и тюркоязычных народов. При этом многие ключевые понятия на арабском языке оставались практически неизменными и в языке мистиков иных традиций. Эта общность формировавшейся средневековой понятийной системы мусульманской практики богопознания особенно хорошо выявляется при сопоставлении персоязычной и арабоязычной традиций.

Религиозные движения Средних веков, ставшие основой для некоторых нынешних своеобразных мусульманских конфессий (исмаилизма, нусайризма и др.), относили в свое время к разряду *гулат*, что буквально переводится как «чрезмерные». Срединный путь ислама, *васатийя*, действительно, зачастую предполагал отвержение сложных (и пестрых) представлений о предписанном религией поведении (*сулук*) и мистических практиках богообщения (*тасаввуф*). Тем не менее, мистики-суфии имели огромное влияние в народной среде, и именно под влиянием разнообразных суфийских традиций вызревали особенности

религиозных представлений ряда локальных мусульманских общин, в том числе нусайритской [Azzi, 2002, p. 20]. Вот почему анализ литературного источника, происходящего из общины нусайритов гор Синджара, предполагается вести с опорой на хорошо разработанные научные подходы к изучению суфизма.

Предлагаемый поэтический отрывок принадлежит перу выдающейся личности – эмиру и поэту аль-Макзуну ас-Синджари (ок. 1188–1240). Об этом деятеле писали яркие европейские востоковеды прошлого Сэмюэль Лайд [Lyde, 1860], Клеман Юар [Huart, 1879], Рене Дюссо [Dussaud, 1900]. Талантливый французский исследователь иракского происхождения, Пол Нвийя, написал о нем развернутую статью [Nwyia, 1974]. Личность и работы аль-Макзуна упоминаются в книгах о нусайритах Бар-Ашера и Кофски [Bar-Asher, Kofsky, 2002] и Ярона Фридмана [Friedman, 2010].

Высоко оценен вклад в литературу и богословие шейха аль-Макзуна арабскими исследователями. Почитаемый в Сирии мусульманский шейх Сулейман аль-Ахмад (1869–1942) написал объемную книгу толкований «Дивана» аль-Макзуна ас-Синджари (эта 860-страничная книга была издана в 2009 г.). Толкователь был очень авторитетным богословом из алавитской деревни Джабалийе² области Латакии. О нем сообщается, что еще до достижения 40-летнего возраста он был первым из алавитов удостоен сана *марджаа ат-таклид* – высшей степени шиитского духовного наставничества [Хаддад, 2006, с. 5; *Диван*, 2009, с. 5]. Отдельно текст «Дивана» был издан в Бейруте в 2008 г. Хашимом Усманом [*Диван*, 2008].

Нусайритский шейх Юнус Хасан Рамадан из Джабалы написал в 1913 г. жизнеописание аль-Макзуна ас-Синджари. Он использовал для этого якобы рукописи, полученные из частных собраний других нусайритских шейхов: большинство XVIII в., одну XVII в. и еще три древних списка – вплоть до XV в. [Friedman, 2010, p. 51, n. 198]. На основе этой работы и разного рода источников опубликовал свое исследование в 1972 г. Асаад Али [‘Али, 1972]. Несколько в ином ключе о шейхе Макзуне писал в своей «Истории нусайритов» Мухаммад ат-Тавиль [Ат-Тавиль, 1966]. Историю переселенцев-нусайритов из Синджара затрагивали и такие авторы, как Махмуд ас-Салих [Ас-Салих, 1961], Али аль-Ибрагим [Аль-Ибрагим, 1995] и Али аль-Ани [Аль-Ани, 2019], а также канадский историк-османист Стефан Винтер [Winter, 2016, p. 37–42]. Специально о шейхе Макзуне написали свои книги Хамид Хасан [Хасан, 1988–1994] и Ахмад Али аль-Хасан [Аль-Хасан, 2005].

При таком внимании к перу этого средневекового эмира-мистика как со стороны его единоверцев, так и исследователей, при несомненных поэтических и богословских достоинствах его произведений, в российском востоковедении аль-Макзун ас-Синджари пока остается обойденным вниманием. На русский язык до сих пор не переведено ни одного отрывка из его работ, да и упоминаний об этой личности у отечественных ученых встретить пока не удалось. С надеждой начать восполнять эту лакуну и предпринято нынешнее обращение к источнику. Вначале – несколько слов о личности Макзуна.

Эмир Изз-ад-Дин Абу Мухаммад аль-Хасан б. Йусуф б. Макзун б. Хидр б. Абдалла б. Мухаммад (аль-Азади) ас-Синджари был сыном шейха и эмира гор Синджара (совр. Ирак и часть Сирии). Относительно его племенного происхождения нет единого мнения: большинство возводит его *нисбу* к арабскому эпониму аль-Мухаллабу б. Аби Суфра аль-Азади, но некоторые считают, что он происходил из персидского рода. Опираясь на сведения Асаада Али, Ярон Фридман, автор глубокой книги о нусайризме, сообщает, что среди предков эмира был шейх Раик б. Хидр, современник столпа нусайритского богословия Хусейна б. Хамдана аль-Хасиб, возводивший свое происхождение от йеменских племен *бану тархан* и *бану фадль* [Friedman, 2010, p. 52].

² Аль-Ахмад возводил свое происхождение к аль-Макзуну ас-Синджари.

Относительно даты рождения шейха Макзуна нет единого мнения: называют 1164, 1168, 1187, 1188 и даже 1193 годы. Его отец, шейх Йусуф, был эмиром синджарских арабов, как считается, исповедовавших нусайризм. Он являлся свидетелем волн переселения нусайритов в труднодоступные горы близ средиземноморского побережья в районе Латакии, имевших место в XII в., в частности, из Синджара³, Багдада, Алеппо. Отец шейха Макзуна скончался в 1205 г., и сын стал его преемником – эмиром Синджара. В 1218 г. в своем послании нусайриты Латакии и Баниаса просили его о помощи в противостоянии местным переселенцам-курдам и исмаилитам-назаритам. После тяжелого поражения нусайритов в крепости Сахйон шейх Макзун прибыл, как сообщали нусайритские источники [Али, 1972, с. 343], с 25-тысячным войском. Вскоре он вернулся в Синджар, скопил силы, и в 1222 г. смог выдвинуть уже вдвое больше воинов. Ему удалось занять такие важные форпосты в горных районах современных Сирии и Северного Ливана, как Хамат (Абу Кубайс), Маргат (Маркаб) и Улайка.

Яркий миссионер и исследователь Сэмюэль Лайд, много времени проведенный среди нусайритов, писал в 50-е гг. XIX в. следующее: «Уже было отмечено, что в Багдаде живет много ансариев [нусайритов], и дорога оттуда, естественно, должна вести через Джебель Синджар и город Саламе, в 4,5 часах пути на юго-восток от Хамы, в то место, которое с запада ограничено Джебель Ансарие. Проповедники секты по пути в Сирию могли естественным образом распространять свое учение среди арабских племен Месопотамии. Багдадский шейх Хадж Мухаммад, который посетил меня в горах, утверждал, что семья шейха Хабиба, религиозного вождя [нусайритской] ветви *камария*, была из Синджара, как и *кальбия*, и привел в качестве доказательства, что там все еще есть гора, называемая Синн-аль-Кулюб (так он это называл), или Собачий зуб. Сам он был членом ветви *камария*, и только что прибыл из Багдада с подарком шейху Хабибу в виде ценной кобылы; он выступил против шейхов ветви *шамсия*, один из глав которой, шейх Мааруф Антиохийский настроил правительство против него и вынудил его к визиту в Сирию. Шейх Хабиб сам однажды сказал мне, что его родственники и народ старше османов в Сирии (которые захватили ее при султানে Селиме в 1518 г.), и что, изгнанные из Джебель Синджара (в настоящее время населенного езидями, или дьяволопоклонниками), они пришли с разрешения правительства на равнины Хамы в 603 г.х. (1205 г.) и по приглашению некоторых из их секты, которые, будучи слабыми, пригласили их прийти и помочь им овладеть страной. Правительство разрешило им атаковать горцев, что они и сделали, изгнав жителей, которые были курдами, из деревень, как он сказал, названия которых оканчивались на о. Он также утверждал, что их предки владели замками Кадмус, Наасйяд и др.» [Lyde, 1860, p. 51]. Так что предания о переселении нусайритов с гор Синджара и противоборстве с другими племенами, переселившимися в эти горы веками сохранялись среди нусайритов. Несомненно, помнят и о важной роли, которую сыграл в защите их общины эмир Макзун и его родственники.

Помимо военной помощи местной общине в заслугу Макзуну его единоверцы ставят и его выдающиеся качества как религиозного деятеля. Сообщают о его глубоком личном интересе к богословию и модернизаторских усилиях в области нусайритского вероучения. Отстаивая свое видение, он яростно полемизировал с последователями Абу Духайбы, представителями нусайритской ветви исхакитов, не принимавших учения ат-Табарани [Friedman, 2010, p. 53]. Сообщают даже, что он «предал огню писания исхакитов и практически свел на нет присутствие их в регионе» [Bar-Asher, Kofsky 2002, p. 17].

Собственные взгляды он излагал как в традиционной для нусайритов гимнографической форме («Молитвы семи дней» [Ад'уия, 2013]), так и сугубо поэтической (например, «Диван» [Диван, 2008]).

³ Первое переселение возглавил один из нусайритских лидеров, шейх Ахмад б. Джабер б. Аби аль-Арид.

Авторы «Арабской энциклопедии» (Аль-мавсу‘ аль-араби) считают, что «его стиль не отличался от стиля поэтов его времени, в котором он сочетал поэтическое красноречие и четкость, мастерство и богатую образность, двусмысленность мистицизма и ясность монотеизма, и использовал символизм по образцу суфийской поэзии», и склоняются к мнению, что к мистицизму шейха Макзуна подталкивало тяжелое хроническое заболевание, от которого он и скончался в 1240 г. в Тель-Афар близ Хамата и похоронен в усыпальнице Кфар-Суса близ Дамаска [Аль-мавсу‘...]⁴.

Полное погружение Макзуна в суфийскую поэтическую традицию не вызывает сомнений у исследователей. Анализ его творчества также подводит к этому выводу. В частности, в приводимом отрывке встречаются многие понятия, свойственные мистической практике и поэзии суфиев.

Центральным понятием выступает любовная близость к Богу, то есть связь или соединение (*васл*, *висал*) с явным эротическим оттенком, употребляемая здесь для выражения силы и полноты человеческой любви к Всевышнему. Важно, что Бог выступает в этих отношениях как «труднодоступное» женское начало, и женский род явно маркирован грамматическими формами. В этом можно усматривать перекличку с библейской «Песни песней», где глубокие любовные отношения человеческой души и Бога также облечены в богатую метафорами эротическую форму. Традиция библейской экзегезы этой древней книги трактует женский род, появляющийся периодически в объекте обожания, как Софию, Премудрость Божию. И традиция эта жива по сей день, порождая все новые реминисценции и вдохновляя религиозных мыслителей на богословское творчество⁵. Безусловно, Макзун опирался в своей поэзии на образцы арабской любовной лирики. Он бесстрашно использует обороты, применявшиеся доисламскими поэтами (то есть периода *джахилии*, неведения) для описания страстной любви к женщине, но использует их символически, перенося их в сферу богоискания. Тем самым он описывает жажду верующего живого общения со Всевышним – полных и охватывающих все планы человеческого существа отношений любви. Как явствует из касыды, мимолетный успех служит для верующего в этом случае ободрением на пути к Богу, благодатью, в состоянии которой у человека нет возможности задержаться надолго.

Как и вообще в суфийской традиции, у Макзуна применяются понятия, не имеющие точной аналогии в европейской традиции. Прежде всего это обозначения «частей» сердца или души – *калб*, *фуад*. В арабской традиции *фуад* имеет также значение ума, но, вероятно, его тонкой чувственной, иррациональной составляющей, в чем это значение понятия может смыкаться с душой или сердцем.

Некоторые понятия, встречающиеся в приводимом отрывке – *сабр*, *хизн*, *ваджед*, *кабд*, *баст*, помимо основных обыденных значений (соответственно, терпение, печаль, удержание, развертывание), могут обозначать этапы, стоянки (*макамат*) на духовном пути суфия. Тем самым скрытый, религиозный смысл любовной касыды раскрывается посвященному в мистическую практику мусульманского богопознания и богообщения, приобретая совсем иное наполнение. Эти понятия приводятся в примечаниях в своих арабских вариантах, призывая заинтересованного читателя попытаться самому проникнуть сквозь завесу таинственного значения этой прекрасной и загадочной средневековой поэзии.

Не исключено, что фрагменты из «Дивана» Макзуна могли исполняться на суфийских музыкальных праздничных собраниях *сама*⁶, которые «не всегда имели характер строго отрегулированной торжественной церемонии» [Дроздов, 1999, с. 99]. На них допускались

⁴ Есть также памятные места в Джебель Ансарие, связанные, возможно, с его кончиной, в Химмине, Маамале, Абу Кубейсе, Айн аль-Круме.

⁵ См., например, «Вариации на тему Песни Песней (эссе о любви)» популярного православного богослова Х. Яннараса.

исполнения песнопений даже доисламских поэтов, и уж тем более стихотворные произведения поэтов-мистиков. По своему содержанию «Диван» аль-Макзуна ас-Синджари вполне можно представить исполняемым на таких *сама*⁶, которые были своего рода дозволенным послаблением в суфийской практике – *рухса* («позволением») [Дроздов, 1999, с. 99].

Предлагаемый перевод сделан с текста, приведенного в издании: [Диван, 2009]⁶; выбран отрывок, начиная со с. 53, после указания в скобках «И [было] ему также, что узрел Аллах лик его», до с. 58.

[ТЕКСТ]

Она перенеслась ко мне глубокой ночью и сделала радость мою бесконечной,
Она оживила, восстановила меня в добром здравии.

И оказала милость в пристанище моем, и пожаловала в заповедное.
Душа⁷ моя теперь связана накрепко⁸ и больше не разъята.

Я пребывал в ней, а сердце⁹ – в принятии¹⁰ ее щедрот¹¹
<пропуск строки>

Как же удручает меня дальность расстояния между нами
И нерадение в продвижении по мере близости моего возвращения.

Она вызвала во мне жажду соединения с нею¹² после ее полуденного зноя¹³,
Благосклонности, сокрытой¹⁴ от источника моего желания.

А если повезет меня моя верблюдница к дому ее,
Я прибуду, ведь иначе сгину в своем удаленном жилище.

Труднодоступная¹⁵, возвеличилось терпение¹⁶ во мне после нее,
От нее принял я величие терпения¹⁷ в унижении своем.

Я сохранял страсть к ней под сенью, а она связывала напрямую
Спокойствие мое от своего уклонения [от меня] с моей смертной участью.

⁶ Начальная часть «Дивана» предлагается с огласовками на сайте <https://www.aldiwan.net/poem15861.html>.

⁷ فؤاد. Ср.: «Где сердце, там моя возлюбленная» [Аль-Худжвири, 2004, с. 139].

⁸ بوصل الوصل

⁹ قلب

¹⁰ قبض

¹¹ بسط

¹² عزيزة وصل

¹³ Ср.: Песнь песней, 5: 5–6: «Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне».

¹⁴ Определение «сокрытый» (*махджуб*) отсылает к типичной, как пишет Н.И. Пригарина, суфийской практике: «Срывать один покров за другим, то есть, иными словами, производить то, что называется кашф аль-махджуб – открывать сокрытое под покровом» [Prigarina, 2012, р. 316]. Добавим, что сочинение Али аль-Худжвири аль-Джулаби так и называется – «*Кашиф ал-махджуб*». См.: [Аль-Худжвири, 2004].

¹⁵ وصل

¹⁶ صبر

¹⁷ صبر

И в этой своей зависимости судеб от смертей
Она устроила наилучшим образом судьбу мою в моем убежище.

Ведь она отклонялась от меня и от своего права на любовную связь¹⁸
Только разве в преступных [порывах] моей любви и моем грехе.

А если она не усматривала нарушения мною ее прав,
То не запрещала мне соединиться¹⁹, [ведь] она – возлюбленная моя.

Я пребывал в ней, а сердце²⁰ – в принятии ее щедрот²¹:
Предстала вся вселенная в изобилии передо мной²².

Но находило на меня охлаждение в ночь отчуждения – после соединения,
И вот я вновь пребываю в огне страсти после моего райского [состояния].

Тогда она вывела меня из пламени моих вожделений,
И я возвращаюсь в свое отчаяние с подступающим огнем моих страхов.

Сколько плоти [моей] запеклось на огне зноя ее полуденного!
Верни же меня в бедственное мое положение.

Сколько раз обращалась она на меня в свой временной период²³!
Повтори это для меня и в последующий круг времён²⁴.

Тоска²⁵ моя по тому, что было со мной в те времена,
Увлажняет веки от возносящихся воздыханий моих.

Она поразила скорбью, собрав всю ее воедино.
Тогда вернуло обновление скорби усердие моим стараниям.

Она исцелила тем, что обнаружила свойства тела через изнеможение.
А порицающий меня за страсть²⁶ мою – тот вовсе не исцелил недуга моего.

Она даровала взору моему в сновидениях мечты о ней,
И недовольно веко мое дремотой после короткого сна.

Она сказала: утешь эту любовь. Я сказал: удержи меня разум²⁷.

¹⁸ وصال

¹⁹ وصل

²⁰ قلب

²¹ قبض بسطها

²² قبض تسطتي

²³ См. о понятиях *каур* и *даур* мою статью: [Сарабьев, 2018].

²⁴ دورة

²⁵ حزن

²⁶ وجد

²⁷ Необычная формальная конструкция заставляет задуматься, нет ли здесь умышленного пропуска харфов, допущенного переписчиком-мусульманином.

Страстная любовь – это утешение, но не для моего успокоения.

Закручинилась душа²⁸ моя в час расставания,
Но вновь возликовало, [услышав] милые обещания.

Ведь когда бы моя любовь не зависела от ее обещаний,
То она не избавила бы мою душу от мук разлуки.

سرْتُ مؤهناً نحوي فأبدت مسرّتي وحيث فأحييتني بحسن التحية
ومنت فمنتت في مأبى إلى الحمى فؤادي بوصل الوصل بعد القطيعة
وكنث بها والقلب في قبض بسطها
فأيسني بعد المسافة بيننا وتقصير نضو السعي من قرب أوبتي
وأطمعني في وصلها بعد هجرها تقضّلها المحجوب عن عين منيتي
وإن حملبني ناقتي نحو دارها وصلّت وإلا متّ في دار غريتي
عزيزة وصل عزّي الصبر بعدها فقابلت عزّ الصبر منها بذلتي
علقت هواها في الظلال فعلفت أمانتي في إرضائها بمنيتي
ولتعلقها المنى بالمنابا صرت أهوى منيتي لمنائ
وما أعرضت عني وحقّ وصلها لغير اجترامي في الهوى وخطيئتي
ولو لم ترّ الإخلال مني بحقّها لما منعتني الوصال وهي خليلتي
وكنث بها والقلب في قبض بسطها أرى سائر الأكوان في قبض بسطتي
فأمسيت في ليل الجفا بعد وصلها أرددّ في نار الجوى بعد جنّتي
إذا أخرجتني من لظها مطامعي أعاد بيّاسي وارداً نار خيفتي
فكم جسد انضجت في نار هجرها وتبدلني منه جديداً لشوتي
وكم كزّة كرّث عليّ بكورها ترددني في دورة بعد دورة
وخزني على ما فات من زماني بها يُقطر أجفاني بتصعيد زفرتي
ألمت فلمتّ بلاسي شعث الأسي فأخلق تجديداً الأسي ثوب جدّي
وأشفّت بما شفتّ به الجسم من ضنّي عدولي على وجدي ولم تشف عليّ
وأهدت لعيني في المنام خيالها يعاتب جفني بالكرى بعد هجعتي
وقالت: سلوت الحبّ، قلت: أعوذ بال غرام من السلوان إلا لسلوتي
فساء فؤادي بالتودّع ساعة وردّ سروري بالوعود الجميلة
ولولا اعتلاقي في الهوى بوعودها لما سلّمت من لوعة البين مهجتي

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ад'ийя ас-саб'а аль-айям ли-ль-Макзун ас-Синджари (Молитвы семи дней). 2013 (Масадир аль-акыда ан-нусаирийя, 10) [*Ad'iyya al-sab'a al-ayam li al-Makzoun al-Sinjari (Prayers of the Seven Days)*. 2013 (in Arabic)].

‘Али, Ас‘ад Ахмад. Ма‘рифат Аллаха ва-ль-Макзун ас-Синджари. Аль-муджалляд II (Богопознание и аль-Макзун ас-Синджари. Т. II). Бейрут: Дар Ар-раид аль-‘араби, 1972 [‘Ali, As‘ad Ahmad. *Ma‘rifat Allah wa al-Makzoun al-Sinjari (Knowledge of God and al-Makzoun al-Sinjari)*. Vol. II. Beirut: Dar Al-Raid al-Arabi, 1972 (in Arabic)].

Аль-‘Ани, ‘Али Джабер. Тарих ат-таифа аль-‘алавийя ан-нусаирийя фи-ль-‘Ирак (История алавитской общины Ирака). Дар Аль-Мадина аль-мудавава, 2019 [Al-‘Ani, ‘Ali Jaber. *Tarikh al-ta'ifa al-'alawiyya al-nusayriyya fi al-Iraq (History of the Alawite Community in Iraq)*. Dar al-Madina al-Mudawara, 2019 (in Arabic)].

Диван аль-Макзун ас-Синджари. И‘адат Хашим Усман. Бейрут: Муассасат ли-ль-и‘алам аль-матбу‘ат, 2008 [*Diwan al-Makzoun al-Sinjari (The “Diwan” of al-Makzoun al-Sinjari*, ed. by Hashim ‘Uthman. Beirut: Muassasa li al-i‘alam al-matbou‘at, 2008 (in Arabic)].

Диван аль-Макзун ас-Синджари: шарх аль-‘аллама аш-шейх Сулейман аль-Ахмад (*Диван аль-Макзун ас-Синджари: толкование шейха Сулеймана аль-Ахмада*). Бейрут: Муассасат аль-балаг, 2009 [*Diwan al-Makzoun al-Sinjari: Sharh al-‘allama al-sheikh Suleiman al-Ahmad (The “Diwan” of al-Makzoun al-Sinjari: Interpretation of Sheikh Suleiman al-Ahmad)*. Beirut: Mu‘assa al-balag, 2009 (in Arabic)].

Дроздов В.А. К проблеме изучения суфийской терминологии. *Неизменность и новизна художественного мира: Памяти Е.Э. Бертельса: (Сборник статей)*. Отв. ред. Н.И. Пригарина. М.: ИВ РАН, 1999. С. 86–107 [Drozdov V.A. On the Problem of the Sufi Terminology Studies. *The Immutability and Novelty of the Artistic World: in Memory of E.E. Bertels: (Collection of Articles)*. Moscow, IOS RAS, 1999. Pp. 86–107 (in Russian)].

Аль-Ибрагим, ‘Али ‘Азиз. *Аль-‘алавийин байна аль-гулуw ва-ль-фальсафа ва-т-масаввуф ва-ль-ташайю* (Алавиты между чрезмерностью, философией, суфизмом и шиитизацией). Бейрут: Муассасат Аль-‘алами, 1995 [Al-Ibrahim, ‘Ali ‘Aziz. *Al-‘alawiyin bayna al-guluw wa al-falsafa wa al-tasawwuf wa al-tashayyu* (Alawites between Excessiveness, Philosophy, Sufism and Shiitization). Beirut: Muassasa Al-‘Alami, 1995 (in Arabic)].

Аль-мавсу‘ аль-араби (*Арабская энциклопедия*) [*Arab Encyclopedia* (in Arabic)]. <http://arab-ency.com.sy/detail/8273> (accessed: 12.06.2021).

Ас-Салих, Махмуд. *Ан-наба аль-йякин ‘ан аль-‘алавийин* (Достоверные сведения об алавитах). Бейрут: Муассасат Аль-балаг, 1961 [Al-Salih, Mahmoud. *An-naba al-yakin ‘an al-‘alawiyin* (Reliable Information about the Alawites). Beirut: Muassasa Al-Balag, 1961 (in Arabic)].

Сарабьев А.В. К вопросу о временных циклах в представлениях нусайритов. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2018. № 4. С. 384–397 [Sarabiev A.V. To the Issue of Time Cycles in the Notions of Nusayris. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities*. 2018. No. 4. Pp. 384–397 (in Russian)].

Ат-Тавиль, Мухаммад Амин Галиб. *Тарих аль-‘алавийин* (История алавитов). Латакия: Дар Аль-андалус, 1966 [Al-Tawil, Muhammad Amin Ghalib. *Tarikh al-‘alawiyin* (History of the Alawites). Latakia: Dar Al-Andalous, 1966 (in Arabic)].

Хаддад Ш. *И‘лам аль-адибба ва-ш-шуйух фи Джабаль Бахра ва-Танух* (О писателях и шейхах гор Бахра и Танух). Латакия, 2006 [Haddad, Shawki. *I‘lam al-adibba’ wa al-shuyukh fi Jabal Bahra wa Tanoukh* (About Writers and Sheikhs of the Bahra and Tanukh Mountains). Latakia, 2006 (in Arabic)].

Аль-Хасан, Ахмад Али. *Аль-Макзун ас-Синджари фи Химмин* (Аль-Макзун ас-Синджари в Химмине). Хомс: Ад-дар ас-сурийя ли-д-дирасат, 2005 [Al-Hasan, Ahmad Ali. *Al-Makzoun al-Sinjari fi Himmin* (Al-Makzoun al-Sinjari in Himmin). Homs: Ad-Dar al-suriyya li-d-dirasat, 2005 (in Arabic)].

Хасан, Хамид. *Аль-Макзун ас-Синджари байна аль-имара ва-ш-ша‘р ва-т-масаввуф ва-ль-фальсафа* (Аль-Макзун ас-Синджари между эмирством, поэзией, суфизмом и философией). Изд. 2-е. В 4-х тт. Дамаск: Дар Маджаллат ас-сакафа, 1988–1994 [Hasan, Hamid. *Al-Makzoun al-Sinjari bayna al-‘imara wa al-sha‘r wa al-tasawwuf wa al-falsafa* (Al-Makzoun as-Sinjari between Emirship, Poetry, Sufism and Philosophy). 2nd ed. In 4 vols. Damascus: Dar Majallat al-sakafa, 1988–1994 (in Arabic)].

Аль-Худжвири, Али Ибн Усман. *Раскрытие скрытого за завесой: Старейший персидский трактат по суфизму*. Пер. с араб. А. Орлов, науч. ред. Н. Пригарина. М.: Единство, 2004 [Al-Hujwiri, ‘Ali Ibn ‘Usman. *Revealing the Veil: The Oldest Persian Treatise on Sufism*. Transl. by A. Orlov, ed. by N. Prigarina. Moscow: Yedinstvo, 2004 (in Russian)].

Azzi, Joseph. *Les nousairites-alaouites (histoire, doctrine et coutumes)*. Paris: Publisud, 2002.

Bar-Asher M.M., Kofsky A. *The Nusayri-Alawi Religion: An Enquiry into Its Theology and Liturgy*. Leiden – Boston – Koeln: Brill, 2002 (Jerusalem Studies in Religion and Culture, 1).

Dussaud R. *Histoire et religion des Nosairis*. Paris: Librairie Emille Bouillon, 1900. (Bibliothèque de l'Ecole des Hautes études, fasc. 129).

Friedman Y. *The Nuṣayrī-ʿAlawīs: An Introduction to the Religion, History and Identity of the Leading Minority in Syria*. Leiden, Boston: Brill, 2010 (Islamic history and civilization, 77).

Huart C. La poésie religieuse des Nosairis. *Journal Asiatique*, 7-e série, t. XIV, 1879. Pp. 190–261.

Lyde S. *The Asian Mystery: Illustrated in the History, Religion and Present State of Ansaireeh or Nusairis of Syria*. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1860.

Nwyia P. Makzūn al-Sinjārī, poète mystique alaouite. *Studia Islamica*. 1974. No. 40. Pp. 87–113.

Prigarina N. Sarmad: Life and Death of a Sufi. *Ишрак: ежегодник исламской философии = Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook*. No. 3. 2012. Pp. 314–330.

Winter S. *A History of the Alawis: From Medieval Aleppo to the Turkish Republic*. Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САРАБЬЕВ Алексей Викторович –
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Aleksei V. SARABIEV, PhD (History), Leading
Research Fellow of the Centre of Arabic and
Islamic Studies, Institute of Oriental Studies
RAS, Moscow, Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080017702-9

Для цитирования: Яковлев А.И. [Рец. на:] *Ближний Восток: политика и идентичность*. Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект-Пресс, 2020. 336 с. ISBN 978-5-7567-1120-2. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. . DOI: 10.31857/S086919080017702-9

For citation: Yakovlev A.I. [Review of:] *The Middle East: Politics and Identity*. Ed. by I.D. Zvyagelskaya. Moscow: "Aspect-Press", 2020. 336 p. ISBN 978-5-7567-1120-2. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. DOI: 10.31857/S086919080017702-9

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ.

Колл. монография. Под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. 336 с. ISBN: 978-5-7567-1120-2.

© 2021

А.И. ЯКОВЛЕВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Среди многообразия проблем современной политической и международной жизни все чаще обращает на себя внимание фактор нематериальный, однако приводящий в движение большие социальные массы – фактор идентичности. Работа большого коллектива отечественных ученых Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН стала логичным продолжением и развитием предыдущих трудов ИМЭМО [*Политическая идентичность и политика идентичности*, 2012; *Идентичность*, 2017]. Главной задачей рецензируемой коллективной монографии стало исследование и объяснение особенностей общественной и международной жизни государств Ближнего и Среднего Востока в XXI в. с использованием концепта Идентичности.

К концу XX в. в регионе был завершен исторический рывок догоняющей модернизации, страны региона достигли нового уровня в социально-экономическом развитии, что привело к усилению дифференциации в арабском мире, а также выявлению различий в политической жизни и политической культуре стран Магриба и Mashriq. Результаты модернизации поставили на особое место Турцию и Иран, обретших внушительный потенциал региональных держав, и в то же время очевидным стало умаление значения в этом качестве Египта и Саудовской Аравии, сохранявших обоснованные амбиции на лидерство в регионе.

И вот тогда, после решения неотложных задач преодоления отсталости, с рубежа более высокого уровня и качества жизни, в общественном сознании начинается переосмысление себя и своего положения в региональной и мировой системах – резко возрастает важность самоопределения, поисков новой идентичности, основа которой сохранялась в Традиции и религии как неотъемлемой части ближневосточного социума, где «цивилизационные ориентиры глубоко укоренены и в политическом дискурсе и в обыденном сознании».

Тем самым *фактор идентичности*, по словам И.С. Семененко, в глубоко разделенных, мозаичных обществах «может служить общим знаменателем, позволяющим выявить причинно-следственные связи и осмыслить особенности развития “иных”, скорее чуждых традиционному западному менталитету сообществ» (с. 6). «Стержневое положение феномена идентичности в структуре социальных институтов», справедливо отмеченное И.Д. Звягельской (с. 10), как раз выражает его роль, как своеобразного «оселка», на котором проверяются приобретенные плоды модернизации и имеющиеся ценности, идеи и структуры на предмет их перспективности и соответствия условиям восточного модернизированного общества в XXI в.

Первая глава «Идентичность, культурные символы и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке» посвящена комплексному рассмотрению фактора идентичности. В.В. Наумкин рассматривает наличные теоретические подходы и внутривосточные процессы в различных странах БСВ, в ходе которых фактор идентичности проявлялся в различных аспектах. Культурная и национальная идентичность осмысляются автором в контексте широкого понятия этничности, реализуемой в общественно-политической жизни через комплекс «*миф-символ*». В условиях глобализации, казалось бы, происходит размывание такой идентичности, однако комплекс «миф-символ» дополняется иным содержанием – религиозным, и «мобилизующая сила символов» действует в современной жизни БСВ. В разделе «Салафитско-джихадистский исламизм и этничность» автор как раз исследует события, порожденные таким комплексом идей на примерах Алжира, Ирака, Ирана и «Аль-Каиды» (с. 31–36).

Продолжением и дополнением первой стала вторая глава «Проблемы формирования и развития национальной идентичности в арабском мире», в которой В.А. Кузнецов прослеживает этапные процессы формирования арабской идентичности от ее исламских истоков до современного образования трех основных кластеров: исламского, арабского и антиколониального (с. 41). Вызывает интерес постановка автором проблем нациегенеза, нациестроительства и национального государства в пространстве арабо-мусульманской цивилизации (в категориях нация – *умма* и государство – *даула*) и условиях глобального мира, когда происходит, по мнению автора, «“национализация” исламской идентичности», появление «нового арабского национализма», «гибридных идеологий» и формирование «идеи гражданской нации повсюду в регионе» (с. 45, 48, 49).

Проблематика «национальное государство и национальная идентичность» исследуется далее в отдельных главах на примерах Саудовской Аравии, Израиля, Палестины, Ирана, Турции, Сирии, Ливана и курдов. Так, Н.Ю. Сурков особо выделяет наряду с исламом важную роль государства в незавершенном до наших дней процессе формирования национальной идентичности в Саудовской Аравии (с. 71), в состав которой входят как традиционные элементы – ислам и трайбализм (включая верность правящей династии), так и современные – народ, граждане и государство, родина. В главах, посвященных опыту Турецкой Республики, И.А. Свистунова обращает внимание на давность проблематики идентичности в истории Османской империи и сменившей ее республики (с. 79), на сочетание религиозных и национальных критериев, которые стремилась уравновесить власть в интересах самосохранения. Близость методологических подходов авторов монографии, в частности, проявляется в исследовании истоков турецкого национализма, к которым можно отнести тюркизм, исламизм и модернизацию общества, и его нынешнего состояния в период правления Р. Эрдогана, когда важным дополнением идеологической конструкции стал неоосманизм (с. 88–90).

В главе «Израиль: новое государство – новая нация» Л.М. Самарская наряду с истоками израильской национальной идентичности – вековой религиозной традиции, «определяв-

шей принадлежность иудеев к единому сообществу», обращает внимание на инструменты развития и укрепления идентичности, среди которых справедливо выделяет идеологию сионизма и воссозданный из архаичного прошлого язык иврит (с. 111).

Главы об Иране и Ливане выделяются обращением авторов к давнему и недавнему историческому наследию стран, которое оказывается вполне актуальным. А.С. Богачева вспоминает иранского государственного деятеля Амир-Кабира (Амир Низама), который начал в стране процесс модернизации и еще в середине XIX в. использовал понятия «нация» (*меллат*) и «родина» (*ватан*), тем самым способствуя формированию иранского национализма (с. 98). В современной ИРИ, по ее мнению, «баланс идентичностей различных уровней является важнейшим фактором», поскольку общеиранская национальная идентичность «представляет собой конструкт из множества племенных, этнических культурных, языковых, религиозных и прочих идентичностей» (с. 102). Последний вывод можно распространить и на Ливан, причем в большей степени, поскольку, указывает И.Э. Ибрагимов, «там реализуются такие редкие для арабского мира принципы как мультикультурализм, поликонфессиональность и специфическое демократическое устройство...» (с. 188). Важный вывод автора о том, что «ливанская нация находится в процессе становления, и не сформировалась окончательно» (с. 188) можно с оговорками отнести ко всем странам арабского мира.

Специальный раздел книги посвящен рассмотрению политической идентичности в нескольких государствах БСВ. В частности, выделяются различия между различными моделями: «патриотическая идентичность» в Сирии (с. 171), «надломленный конфессионализм» в Ливане (с. 188), «симбиоз светской идеологии и религиозного дискурса» в Израиле (с. 177) и «идеология versus традиционные идентичности» в Турции (с. 159). Особый случай являет собою курдская проблема. «Поиск национальной идентификации и борьба за обретение собственной государственности сделали курдов важным игроком в системе ближневосточной политики», – констатирует В.А. Надеин-Раевский. – Однако в настоящее время наблюдаются два противоположных процесса: «... консолидации курдского этноса и одновременно его внутренней фрагментации с учетом культурно-религиозных различий между отдельными группами и сообществами» (с. 143).

Естественной и необходимой частью монографии стали разделы о проявлении фактора идентичности в региональных международных отношениях. Сочетание национальных интересов и идеологии неосманизма привели к «ренессансу имперского мышления в турецком обществе», инструментом которого стал религиозный фактор, позволяющий Турции «активизировать связи не только с мусульманами Балкан, Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки, но и в пределах более широкой географии», – заключает И.С. Свистунова (с. 225). Для понимания внешней политики Саудовской Аравии «большое значение имеет основанное на национальной идентичности самопозиционирование, которое сочетает элементы современности и архаики» – делает вывод Н.Ю. Сурков (с. 228). Иной вариант проецирования идентичности на внешнюю политику предлагает Израиль, пишет Л.М. Самарская, поскольку его внешняя политика базируется на «не подвергающихся сомнению догмах: историческое право на землю Палестины; экзистенциальность существующих угроз и право использования любых средств для их парирования; особый модернизаторский статус на Ближнем Востоке (“вилла в джунглях”))» (с. 244).

В главе «Динамика ближневосточных конфликтов» И.Д. Звягельская предлагает многоаспектный анализ политизированной идентичности, которая выступает как «драйвером конфликта (в противопоставлении «мы» и «они»); так и важнейшим инструментом в руках оппонентов»; в свою очередь, групповая идентичность «придает конфликту цен-

ностный характер, создает мотивацию для участников», поскольку «битвы за выживание, за защиту сакральных и цивилизационных символов обеспечивают готовность людей к подвигу, самопожертвованию и ожесточенному сопротивлению» (с. 250,253). С другой стороны, рассматривая «идентичность в прагматическом контексте», автор констатирует: «Инструментальное использование в конфликтах религиозного и конфессионального факторов отражает прагматические задачи» (с. 257) – как различных внутривнутриполитических сил, так и международных игроков.

«Международные отношения в регионе в значительной степени отражают идущие процессы самоидентификации и формируются под их влиянием, – пишет в Закключении И.Д. Звягельская. – Роль символов во взаимоотношениях, представления об иерархичности обществ и государств в системе межгосударственного взаимодействия, воздействие современных и традиционных политических идентичностей – все это в комплексе делает развитие ситуации в регионе малопредсказуемым и не всегда понятным для внешних сил. Это связано с особенностями региона, где доминируют конфликты ценностей и где проблемы идентичности выступают важнейшим маркером двусторонних или многосторонних отношений» (с. 310).

Интересные выводы, новое осмысление разных общественно-политических и международных проблем часто встречаются на страницах монографии. В книге заново ставятся многие проблемы, немало новых плодотворных идей: исламская светскость, глубоко разделенные общества, актуализация идеи всемирной уммы, транснациональный ислаимизм, природа архаизации общества в условиях глобализации, самобытная эволюция политических институтов и гражданского общества, фрагментация общества и роль сетевых структур. Все это заслуживает дальнейшего изучения и обсуждения.

При безусловно положительной оценке монографии, нельзя не обратить внимания на некоторые ее слабые места, с точки зрения рецензента. Можно усомниться в справедливости решения ответственного редактора разделить содержание книги по проблемному принципу, что привело к дробности изложения: содержание отдельных кейсов – турецкого или саудовского – разделено между тремя разделами. Не все главы монографии равнозначны по глубине анализа, некоторые авторы ограничиваются исследованием текущих политических процессов или изложением сюжетов, прямо не относящихся к главной теме книги. Однако в целом, рецензируемый труд удачно сочетает теоретический и конкретно-страновой подходы, охватывает как внутривнутриполитическую, так и внешнеполитическую повестку дня в регионе, предлагает анализ сложных явлений на конкретных кейсах стран БСВ, – и тем самым восполняет определенный пробел в отечественных и зарубежных исследованиях региона.

Важным достижением авторского коллектива стало решение методологического вопроса об использовании привычного понятийного аппарата и дополнении его новыми категориями в исследовании социально-политических процессов в пространстве незападной цивилизации. Это такие понятия как «глубоко разделенное общество», «символическая политика», «государство-нация», «гибридная идентичность», «миф и мифологичность» в современной политической жизни. Авторы подчеркивают важность языка как элемента идентичности и переосмысления понятия «национальное государство». Общим итогом работы стало создание новых рамок для дальнейшего изучения идущих в регионе БСВ процессов. Использование большого и разнообразного количества источников наряду с привлечением практически всех значимых публикаций западных и восточных исследователей данной проблематики (с. 12–14, 19–23 и далее во всех главах книги) существенно повышает уровень предложенного авторами монографии анализа и выводов.

Авторы монографии представили читателям хороший образец академического исследования актуальных проблем общественного развития глубоко фрагментированных стран Ближнего и Среднего Востока. Думаю, этой книге суждена долгая жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2017 [Identity: the Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. Ed. by I. Semenenko. Moscow: Ves Mir, 2017. (in Russian)].

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Отв. ред. И.С.Семененко. М.: РОССПЭН, 2012 [The Political Identity and Identity Politics. 2 vols. Ed. by I. Semenenko. Moscow: ROSSPEN, 2012 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander I. YAKOVLEV, DSc (History), Professor, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 14.12.2021
Тираж 250 экз.

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 5/6а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук
Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).